

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

Издание основано в 2007 г.
Учредитель: ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, д-р ист. наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, д-р ист. наук, акад. АН
Азербайджана (Азербайджан, Баку)
А. Х. Атаходжаев, канд. ист. наук
(Республика Узбекистан, Самарканд)
М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)
И. Ёсиро, д-р. гуманитар. наук (Япония, Токио)
А. С. Жанбосинова, д-р ист. наук
(Казахстан, Астана)
Э. А. Мурадова, д-р ист. наук
(Туркменистан, Ашхабад)
Х. Омархали д-р филос. наук
(Германия, Берлин)
Н. И. Осмонова, д-р филос. наук
(Кыргызстан, Бишкек)
З. С. Самашев, д-р ист. наук
(Казахстан, Астана)
Е. Смоларц, Ph. D. (Германия, Бонн)
Ц. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
Н. Д. Ходжаева, д-р ист. наук (Республика
Таджикистан, Душанбе)

Редакционная коллегия:

М. Д. Бухарин, д-р ист. наук, акад. РАН
(Россия, Москва)
П. Г. Гайдуков, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН
(Россия, Москва)
А. В. Головнев, д-р ист. наук, акад. РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
М. В. Добровольская, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Москва)
А. И. Иванчик, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН
(Россия, Москва)
Н. Н. Крадин, д-р ист. наук, акад. РАН
(Россия, Владивосток)
В. И. Молодин, д-р ист. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск)
И. Н. Побережников, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Екатеринбург)

И. Ф. Попова, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
А. В. Черных, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН
(Россия, Пермь)
А. Г. Ситдииков, д-р ист. наук, акад. АН
Республики Татарстан (Россия, Казань)
С. А. Васютин, д-р ист. наук (Россия, Кемерово)
Н. Л. Жуковская, д-р ист. наук (Россия, Москва)
А. П. Забияко, д-р филос. наук (Россия,
Благовещенск)
К. А. Колобова, д-р ист. наук, проф. РАН
(Россия, Новосибирск)
Т. Д. Скрынникова, д-р ист. наук (Россия,
Санкт-Петербург)
М. М. Содномпилова, д-р ист. наук,
(Россия, Улан-Удэ)
А. А. Тишкин, д-р ист. наук (Россия, Барнаул)
Н. А. Томилов, д-р ист. наук (Россия, Омск)
О. М. Хомушку, д-р филос. наук (Россия,
Кызыл)
Л. И. Шерстова, д-р ист. наук (Россия, Томск)
Е. А. Шершнева (отв. секретарь), д-р ист. наук
(Россия, Барнаул)
Е. С. Элбакян, д-р филос. наук, (Россия, Москва)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, д-р ист. наук (Россия, Новосибирск)
Е. Э. Войтишек, д-р ист. наук (Россия,
Новосибирск)
А. В. Горбатов, д-р ист. наук (Россия,
Кемерово)
Л. Н. Ермоленко, д-р ист. наук (Россия,
Кемерово)
С. В. Любичанковский, д-р ист. наук (Россия
Оренбург)
Л. С. Марсадалов, д-р культурологии (Россия,
Санкт-Петербург)
Д. В. Папин, канд. ист. наук (Россия,
Новосибирск)
А. К. Погасий, д-р филос. наук (Россия, Казань)
А. В. Поляков, д-р ист. наук, проф. РАН (Россия,
Санкт-Петербург)
К. А. Руденко, д-р ист. наук (Россия, Казань)
А. Д. Таиров, д-р ист. наук (Россия, Челябинск)
И. И. Юганова, д-р ист. наук (Россия, Москва)
С. А. Яценко, д-р ист. наук (Россия, Москва)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

The journal was founded in 2007
by the Altay State University

Executive Editor:

P.K. Dashkovskiy, d-r of his. sci. (Russia, Barnaul)

International Council:

Sh. Mustafaev, d-r of hist. sci., Acad. of the
Azerbaijan National Academy of Sciences,
(Azerbaijan, Baku)

A. Kh. Atakhodjaev, cand. of hist. sci. (Republic
of Uzbekistan, Samarkand)

M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, d-r of humanities (Japan, Tokyo)

A. S. Zhanbosynova, d-r of hist. sci.
(Kazakhstan, Astana)

E. A. Muradova, d-r of hist. sci. (Turkmenistan,
Ashgabat)

Kh. Omarkhali, d-r of philos. (Germany, Berlin)

N. I. Osmonova, cand. of philos. sci.
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Z. S. Samashev, d-r of hist. sci.
(Kazakhstan, Astana)

E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)

Ts. Stepanov, d-r of hist. sci. (Bulgaria, Sofia)

N. D. Khodjaeva, d-r of hist. sci. (Republic
of Tajikistan, Dushanbe)

Editorial Team:

M. D. Bukharin, d-r of hist. sci., Acad. of the RAS
(Russia, Moscow)

P. G. Gaidukov, d-r of hist. sci., Corr. Member
of the RAS (Russia, Moscow)

A. V. Golovnev, d-r of hist. sci., Acad. of the RAS
(Russia, Saint Petersburg)

M. V. Dobrovolskaya, d-r of hist. sci., Corr. Member
of the RAS (Russia, Moscow)

A. I. Ivanchik, d-r of hist. sci., Corr. Member of the
RAS (Russia, Moscow)

N. N. Kradin, d-r of hist. sci., Acad. of the RAS
(Russia, Vladivostok)

V. I. Molodin, d-r of hist. sci., d-r of hist. sci.,
Acad. of the RAS (Russia, Novosibirsk)

I. V. Poberezhnikov, d-r of hist. sci., Acad. of the
RAS (Russia, Ekaterinburg)

I. F. Popova, d-r of hist. sci., Corr. Member of the
RAS (Russia, St. Petersburg)

A. V. Chernykh, d-r of hist. sci., Corr. Member
of the RAS (Russia, Perm)

A. G. Sitdikov, d-r of hist. sci., Acad. of the
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
(Russia, Kazan)

S. A. Vasutin, d-r of hist. sci. (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, d-r of hist. sci. (Russia, Moscow)

A. P. Zabiako, d-r of philos. sci. (Russia,
Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, d-r of hist. sci. (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, d-r of hist. sci. (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, d-r of hist. sci. (Russia,
Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, d-r of philos. sci. (Russia, Kyzyl)

E. S. Elbakyan, d-r of philos. sci. (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, d-r of hist. sci. (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (managing editor), d-r of hist. sci.
(Russia, Barnaul)

M. M. Sodnompilova, d-r of hist. sci. (Russia,
Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, d-r of hist. sci., prof. of the RAS
(Russia, Novosibirsk)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, d-r of hist. sci. (Russia,
Kemerovo)

L. S. Marsadolov, d-r of culturology (Russia,
St. Petersburg)

A. V. Gorbatov, d-r of hist. sci. (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, d-r of hist. sci. (Russia, Kazan)

D. V. Papin, cand. of hist. sci. (Russia, Novosibirsk)

E. E. Voitishkek, d-r of hist. sci. (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogasiy, d-r of philos. sci. (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, d-r of hist. sci. (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, d-r of hist. sci. (Russia,
Orenburg)

A. D. Tairov, d-r of hist. sci. (Russia, Chelyabinsk)

A. V. Baulo, d-r of hist. sci. (Russia, Novosibirsk)

A. V. Polyakov, d-r of hist. sci., prof. of the RAS
(Russia, St. Petersburg)

I. I. Yurganova, d-r of hist. sci. (Russia, Moscow)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

*All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission
of the authors or the publisher. The magazine is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technologies and Mass Communications.*

Registration number PI № ФС 77-78911. Registration date 07.08.2020 r.

Editorial Office Address: 656049, Altai Region, Barnaul, Dimitrova St, 66, Office 312,
Altai State University, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional
Relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026. Т. 31. № 3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шульга П. И.</i> Женский головной убор-парик пазырыкской культуры из могильника Чесноково-2 (Алтай)	7
<i>Ши Ханьда, Курбанала Ж.</i> Зооморфные мотивы могильника Мацзяюань и отраженное в них культурное многообразие	22
<i>Илюшин А. М.</i> Средневековый комплекс вооружения на курганном могильнике Ваганово-1	46

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кайряк А. А.</i> Особенности демографического развития российских немцев в конце XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии и Степного края)	60
<i>Лиджиева И. В.</i> От традиционных целителей к дипломированным врачам: медицинская помощь в кочевом обществе последней трети XIX — первой трети XX в.	76
<i>Кобец О. В.</i> Перепись населения 1926 г. и несостоятельность тезиса о местах компактного проживания белорусов в регионах российско-белорусского приграничья в 1920–1930-е годы	91
<i>Кондратюк Г. Н.</i> Советская этнополитика в отношении национальных меньшинств в Крымской АССР в 1920–1930-х годах	108
<i>Шайдуров В. Н., Осипов Н. А.</i> Национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг.	119
<i>Альховик Н. К.</i> Особенности национальной политики в отношении этнических меньшинств БССР в 1920–1941 гг.	142
<i>Чернышева Н. В., Ажигулова А. И.</i> Этническое большинство и этнические меньшинства северо-западной части РСФСР: общие тенденции и специфика воспроизводства в 1939–1959 гг.	165

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васильев Д. В.</i> Православная церковь в туркменском оазисе: храм во имя Святителя Алексия Митрополита Московского в Мургабском государственном имении	189
<i>Шершинева Е. А.</i> Положение ссыльных мусульман Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской Империи	210
<i>Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Положение буддийских общин в Туве в условиях ужесточения государственно-конфессиональной политики в СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.	229

ДЛЯ АВТОРОВ	252
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026, vol. 31, no. 3

Section I. **ARCHEOLOGY AND ETNO-KULTURAL HISTORY**

<i>Shulga P.I.</i> The Female-headdress wig of Pazyryk culture from Chesnokovo-2 (Altai)	7
<i>Shi Handa, Kurbanali Zh.</i> Zoomorphic decoration and cultural diversity at the Majiayuan cemetery	22
<i>Ilyushin A.M.</i> The medieval armament complex at the Vaganovo-1 burial mound.....	46

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Kairiak. A.A.</i> Features of the demographic development of Russian Germans in the late 19th and early 20th centuries (on the example of St. Petersburg province and Steppe Region).....	60
<i>Lidzhieva I.V.</i> From traditional healers to qualified physicians: medical care in nomadic society in the last third of the 19th — first third of the 20th century.....	76
<i>Kobets O.V.</i> Population census of 1926 and the inconsistency of the thesis about the places of compact residence of Belarusians in the regions of the Russian-Belarusian border in the 1920s-1930s.	91
<i>Kondratyuk G.N.</i> Soviet ethnopolitics towards national minorities in the Crimean ASSR in the 1920s-1930s.....	108
<i>Shaidurov V.N., Osipov N.A.</i> National policy in the Leningrad Region in the 1920s and 1930s.	119
<i>Alkhovik M.K.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	142
<i>Chernysheva N.V., Azhigulova A.I.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	165

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Vasilyev D.V.</i> An Orthodox Church in a Turkmen Oasis: The Church of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, in the Murghab Sovereign's Estate.....	189
<i>Shershneva E.A.</i> The Status of Exiled Muslims in Siberia in the Context of the Russian Empire's State Policy toward Religious Communities.....	210
<i>Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V.</i> The situation of buddhist communities in Tuva in the context of the tightening of state-confessional policy in the USSR in the late 1950s — first half of the 1960s.....	229

FOR AUTHORS	252
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902 (571.151)

DOI 10.14258/nneur(2026)3-01

П. И. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР-ПАРИК ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧЕСНОКОВО-2 (АЛТАЙ)

В статье рассматриваются материалы из пазырыкского кургана № 1 IV — начала III в. до н. э. могильника Чесноково-2, исследованного в 1998 г. на правом берегу р. Чарыш (Северо-Западный Алтай). Данный могильник оставлен группой населения, обитавшей на западной окраине ареала пазырыкской культуры в значительном удалении (примерно в 100–200 км) от районов обитания пазырыкцев в Центральном Алтае и по реке Бухтарма в Восточном Казахстане. Обнаруженные в женском погребении кургана № 1 аппликации из золотой фольги позволили реконструировать головной убор-парик, в основных чертах похожий на головной убор женщины из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3, исследованного Н. В. Полосьмак в 1993 г. на Укоке (Юго-Восточный Алтай).

В кургане № 1 под черепом женщины и в радиусе 15–20 см прослежено чёрное сажистое пятно мощностью от двух до пяти сантиметров. В этом слое, помимо двух бронзовых восьмерковидных сережек, располагались изготовленные из золотой фольги остатки головного убора, в том числе пять однотипных обкладок, покрывавших не сохранившиеся деревянные желобчатые наконечники. Судя по их расположению, на парике женщины имелось три наконечника, как в Ак-Алахе-3 и в других подобных полных наборах из Уландрыка, Ташанты-2 и Барбургазы-1. В таких наборах два наконечника находились на голове по сторонам у висков и один сзади — в районе темени и затылка. В рассматриваемом погребении из Чесноково-2 достаточно точно обозначены места нахождения правого и заднего наконечников. В 10–15 см к В от черепа на границе чёрного пятна находились рога из золотой фольги, украшавшие голову оленя с разделённым туловищем (эгрет), занимавшим центральное место в женских головных уборах-париках

Юго-Восточного Алтая. Помимо этого, найдены схематичные изображения рыб завершившей убора, части зубчатой полоски и вырезанная из фольги центральная бляха «диадемы». На настоящее время данная находка с остатками наконечников и эгрета является единственной за пределами Кош-Агачского района Республики Алтай, удалённого от Чесноково-2 примерно на 450 км.

Ключевые слова: Горный Алтай, пазырыкская культура, женский головной убор, наконечники, погребальный обряд, реконструкция.

Для цитирования:

Шульга П. И. Женский головной убор-парик пазырыкской культуры из могильника Чесноково-2 (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 7–21.
[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–01](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–01)

Шульга Петр Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия).

Адрес для контактов: shulgapi55@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4684-8456>

P. I. Shulga

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

THE FEMALE HEADDRESS-WIG OF THE PAZYRYK CULTURE FROM THE CHESNOKOVO-2 BURIAL (ALTAI)

The article examines materials from Pazyryk burial mound No. 1 (4th — early 3rd century BCE) at the Chesnokovo-2 cemetery, excavated in 1998 on the right bank of the Charysh River (Northwestern Altai). This cemetery was left by a population group that lived along the Charysh River on the western periphery of the Pazyryk culture area, on the border with the steppe (the Pre-Altai Plain) and at a considerable distance (approximately 100–200 km) from the areas inhabited by the Pazyryk people in the Central Altai and along the Bukhtarma River in Eastern Kazakhstan.

The appliqués made of gold foil discovered in the female burial of mound No. 1 allowed for the reconstruction of a headdress-wig, generally similar in its main features to the headdress of the woman from mound No. 1 at the Ak-Alakha-3 cemetery, excavated by N. V. Polosmak in 1993 in the Ukok Plateau (Southeastern Altai).

At Chesnokovo-2, beneath the woman's skull and within a radius of 15–20 cm, a black, sooty layer, 2 to 5 cm thick, was traced. Within this layer, alongside two bronze figure-eight-shaped earrings, were the remains of a headdress made of gold foil. Around and under the

skull, five identical overlays were found, which had covered the non-preserved wooden grooved plates of the “nakosniki” (hairplates/hair tresses). Judging by their arrangement, the woman's wig had three “nakosniki”, as in Ak-Alakha-3 and other similar complete sets from Ulandryk, Tashanta-2, and Barburgazy-1. As reliably recorded at Ak-Alakha-3, in such sets two “nakosniki” were located on the head at the sides near the temples, and one at the back. In the burial under consideration, the locations of the right and rear “nakosniki” are quite clearly defined. 10–15 cm to the east of the skull, at the boundary of the black layer, were parts of an aigrette — deer antlers made of gold foil. A similar placement of aigrettes (at the boundary of the black layer) was noted at Yustyd-12 and Ak-Alakha-3.

The main elements of the headdress from Chesnokovo-2 were the gold foil overlays of the three “nakosniki” and the antlers decorating the head of a deer with a divided body, which occupied a central place in the female headdress-wigs of the Southeastern Altai. In addition, schematic representations of fish from the headdress's finial, parts of a serrated strip, and a central “diadem” plaque cut from foil were found. To date, this is the only headdress of this type discovered outside the Kosh-Agach District of the Altai Republic, located approximately 450 km from Chesnokovo-2.

Keywords: Altai Mountains, Pazyryk culture, female headdress, hairplates / false hair tresses, burial rite, reconstruction.

For citation:

Shulga P.I. The Female-headdress wig of Pazyryk culture from Chesnokovo-2 (Altai).

Nations and Religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 7–21

[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–01](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–01)

Shulga Peter Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia).

Contact address: shulgapi55@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4684-8456>

Введение

Женские головные уборы и причёски пазырыкской культуры привлекли внимание после раскопок могильника Пазырык, где, в частности, был найден головной убор, аналогичный изображённому на золотой бляхе из Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1953, табл. XXVI.-2; Грязнов, 1961, рис. 10, 11; Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.50; Яценко, 2006: 93]. В ходе последующих масштабных раскопок рядовых захоронений выявилась большая группа головных уборов, отличительной чертой которых является наличие чёрного сажистого пятна у черепа женщины. Первоначально почти все они происходили из захоронений пазырыкской культуры в высокогорной Чуйской долине [Кубарев, 1987, 1991, 1992]. В.Д. Кубареву удалось установить основные детали уборов (накосники, эгреты и пр.) и места их расположения относительно черепов женщин, в частности, эгрета — центральной фигурки копытного животного с рогами оле-

ня или козерога. Однако понять устройство головных уборов-париков и состав чёрных пятен удалось только после тщательного исследования уникальной находки в мерзлотном погребении долины Укок [Полосьмак, 2001: 143–155; Полосьмак, Баркова, 2005: 72–76]. Все упомянутые захоронения происходят из Кош-Агачского района, расположенного на юго-востоке Республики Алтай, тогда как в остальных районах на территории республики чёрные пятна в захоронениях женщин единичны. Исключение представляет небольшой участок на Нижней Катунь, где у с. Манжерок на могильниках Челтуков Лог-1, Барангол-2 и Тавдушка подобных случаев зафиксировано не менее 10 [Бородовский, Бородовская, 2013, рис. 106, 107; Шульга, 2016, рис. 129.–4]. Однако в этих захоронениях, относимых к северному варианту пазырыкской культуры, нет конских подхоронений и срубов, а головные уборы не украшались золотой фольгой. За пределами Республики Алтай значительное число женских захоронений с тёмными пятнами (не менее 14) выявлено только по реке Чарыш и его левому притоку Иня на отрезке длиной около 80 км между сёлами Сентелек и Краснощёково (Алтайский край), расположенном примерно в 450 км к северо-западу от плато Укок (рис. 1.–1). Головные уборы рассматриваемого типа из могильников Ханхаринский дол и Чинета-2 уже стали предметом исследования [Дашковский, Усова, 2011; Дашковский, 2022, 2024, 2025а, 2025б]. В предлагаемой публикации представлены материалы из могильника Чесноково-2, в котором впервые за пределами Юго-Восточного Алтая обнаружен головной убор типа найденного в Ак-Алахе-3, с обкладками из золотой фольги от наконечников и эгрета с рогами оленя.

Обсуждение материалов

Могильник Чесноково-2 находится в 6,5 км к ЮЗ от с. Куйбышево (Краснощёковский район Алтайского края) на пологом склоне правобережной террасы реки Чарыш, где расположен разрушаемый карьером могильник Чесноково-1 (рис. 1) [Шульга, Гельмель, Шульга, 1999]. В 1960–70-е годы склон распахивался, а потому в месте раскопок на поверхности фиксировалось лишь небольшое возвышение и несколько перемещённых камней, не связанных с насыпью. Раскопом выявлено звено из двух курганов (рис. 1.–3), содержавших захоронения трёх женщин, в головах которых имелись чёрные сажистые пятна и фрагменты золотой фольги. Головной набор с наконечниками и эгретом зафиксирован у черепа женщины в северном кургане № 1.

Курган № 1. Благодаря наличию мощного слоя гумуса сложенная из рваного камня насыпь при распахивании почти не пострадала. Насыпь кургана диаметром 6,5 м высотой 30–40 см состояла из трёх основных частей: 1) внешнего кольца шириной около 1 м из камней, уложенных на уровень древней поверхности, и оконтуренного по периметру крепидой; 2) внутренней части вокруг могилы, включавшей земляную насыпь, перекрытую кладкой сравнительно небольших камней; 3) верхней части заполнения могилы, образованной слоем крупных камней, просевших вниз на 15–20 см (рис. 2.–2). Размеры могилы на уровне материка составили 3,4×2,2 м и почти не отличались от фиксируемых по дну (3,45×2,1 м). Отклонение длинной оси могилы от широтного направления составляло около 14°, что близко к отклонению оси звена курганов к востоку (17–20°).

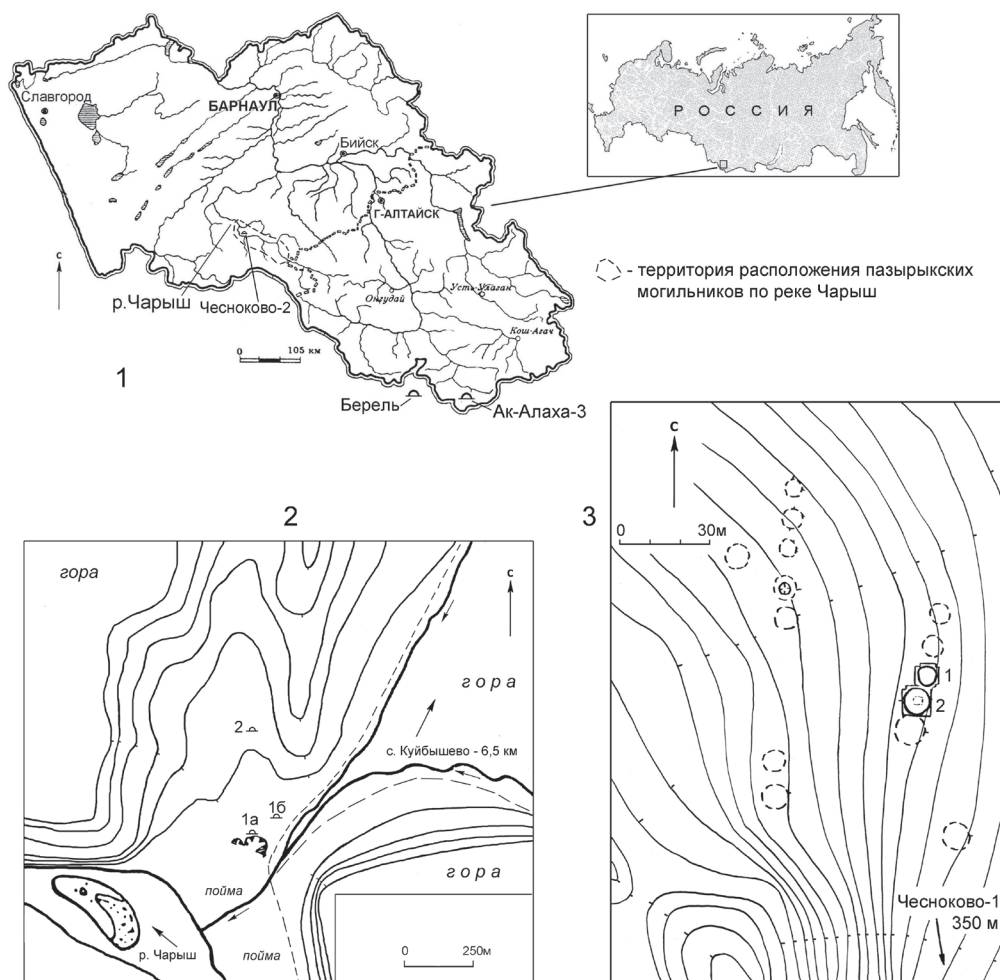

Рис. 1. Карта и планы: 1 — карта расположения могильника Чесноково-2 и территории расположения пазырыкских могильников по р. Чарыш; 2 — общий план расположения могильников Чесноково-1, 2; 3 — план могильника Чесноково-2

Fig. 1. Map and plans: 1 — Location map of the Chesnokovo-2 burial ground and the area of Pazyryk burial grounds along the Charysh River; 2 — General plan of the Chesnokovo-1 and 2 burial grounds; 3 — Plan of the Chesnokovo-2 burial ground

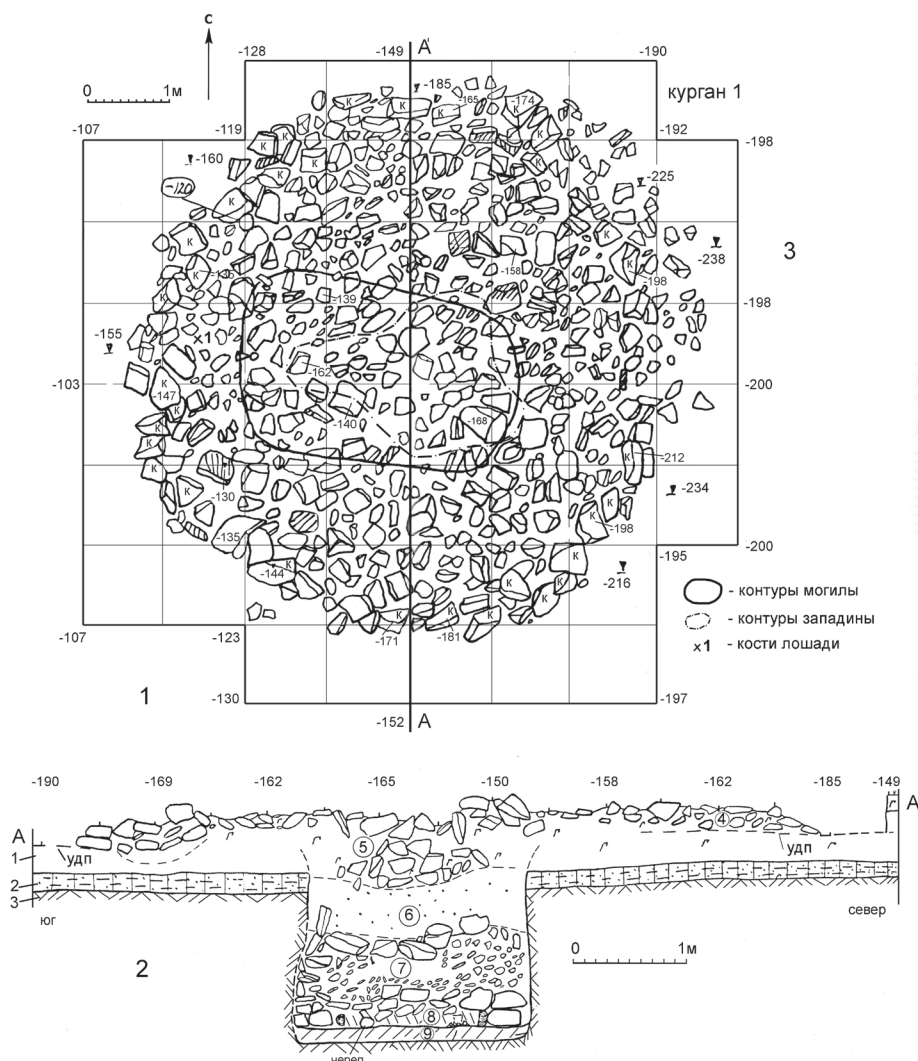

Рис. 2. Могильник Чесноково-2. Курган № 1: 1 — план насыпи кургана № 1, 2 — профиль (1 — погребённая почва; 2 — гумусированный суглинок; 3 — материковый суглинок; 4 — насыпь кургана из камней и земли; 5 — просевшие камни заклада; 6 — слой суглинка с углями; 7 — заполнение из мелких плиток с суглинком, сверху и снизу оконтуренных крупными камнями; 8 — заполнение у дна могилы из суглинка, обломков плитняка, угольков и перегнившего древесного перекрытия; 9 — слой перекопанного материкового суглинка)

Fig. 2. Chesnokovo-2 Burial Ground. Kurgan 1: 1 — Plan of the mound of Kurgan No. 1; 2 — Profile (1 — buried soil; 2 — humus-rich loam; 3 — parent loam; 4 — kurgan mound of stone and earth; 5 — subsided stones of the blocking; 6 — layer of loam with charcoal; 7 — fill of small stone slabs with loam, framed top and bottom with large stones; 8 — fill at the bottom of the grave pit of loam, fragmented slab stones, small pieces of charcoal, and decayed wooden covering; 9 — layer of disturbed parent loam)

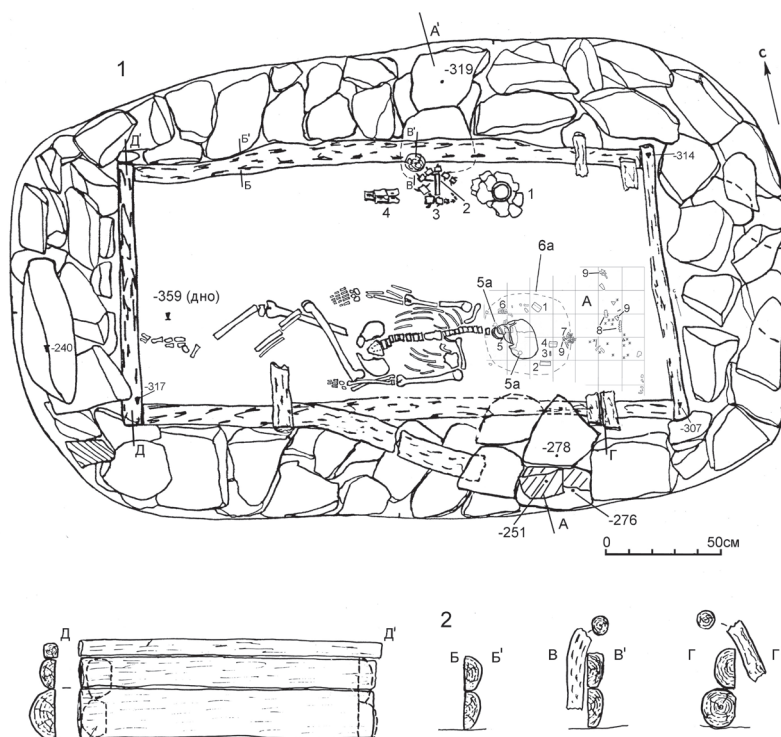

Рис. 3. Могильник Чесноково-2. Курган № 1: 1 — план погребения (1 — керамический сосуд; 2 — железный нож; 3 — выложенные кольцом хвостовые позвонки мрс; 4 — позвонки крс; 5а — две бронзовые серьги; 6а — границы тёмного сажистого слоя; А — аппликации головного убора из золотой фольги); 2 — профили «сруба», том числе Д-Д' (западная стенка, вид изнутри с В)

Fig. 3. Chesnokovo-2 Burial Ground. Kurgan 1: 1 — Burial plan (1 — ceramic vessel; 2 — iron knife; 3 — tail vertebrae of a small ruminant laid out in a ring; 4 — vertebrae of a large ruminant; 5a — two bronze earrings; 6a — boundaries of a dark, sooty layer; A — appliques of a headdress made of gold foil); 2 — Profiles of the "log-frame", including D-D' (western wall, interior view from the east)

На дне могилы (–1,9 м от уровня древней поверхности) находилась погребальная камера, представлявшая собой беззамковую конструкцию внешними размерами 2,45×1,2 м из полубревен (плах) диаметром 15–17 см в два венца, обращенных стесанной стороной вовнутрь (рис. 3.-2).¹ Прослежены и остатки поперечного перекрытия из жердей диаметром 7–9 см. Пространство между плахами погребальной камеры и стенками могилы со всех сторон было заложено на высоту 0,4–1,2 м уплощенными рваными камнями размерами до 60×40×20 см.

¹ Достоверно установлено, что полубревна длинных стенок лишь соприкасались с торцовыми. Следовательно, эта беззамковая конструкция срубом не является.

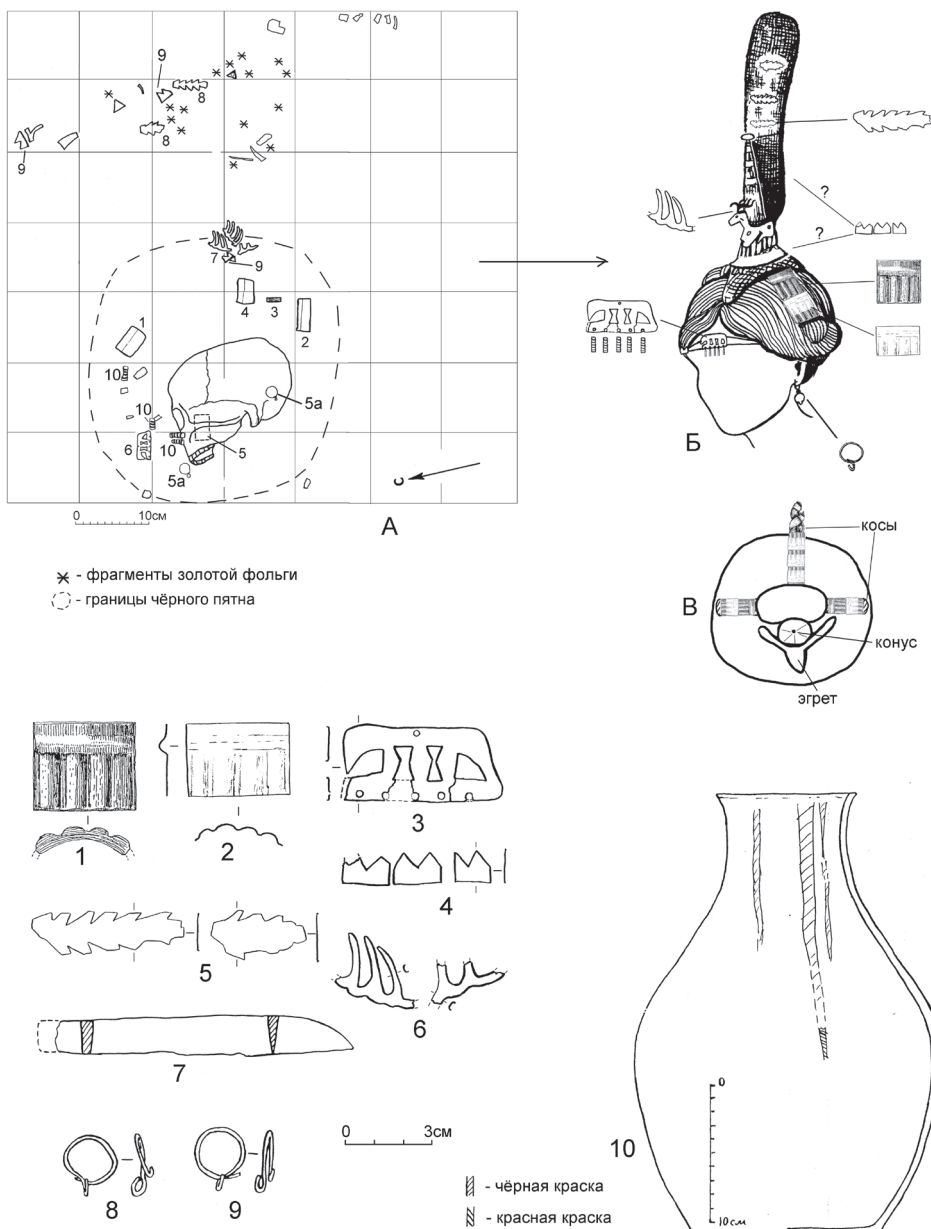

Рис. 4. Могильник Чесноково-2. Курган 1. А — план расположения аппликаций из золотой фольги головного убора (1–5 — обкладки наконечников, 6 — обкладка «диадемы»; 7 — рога оленя; 8 — схематичные изображения рыб; 9 — части зубчатой полоски; 10 — подвески), Б — схема расположения аппликаций на головном уборе-парике (выполнена на основе реконструкции убора из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3, по: Полосьмак, 2001, рис. 98), В — схема расположения наконечников (вид сверху).

Детали головного убора: 1 — реконструируемая секция наконсника из дерева; 2 — обкладка наконсника; 3 — обкладка центрального изображения «диадемы»; 4, 5 — схематические изображения рыб; 6 — рога оленя. Инвентарь и украшения: 7 — железный нож; 8, 9 — бронзовые серьги; 10 — керамический сосуд

Fig. 4. Chesnokovo-2 Burial Ground. Kurgan 1. A — Plan of the arrangement of gold foil appliques of the headdress (1–5 — decorative plates for hair tresses; 6 — decorative plate for the “diadem”; 7 — deer antlers; 8 — schematic depictions of fish; 9 — parts of a serrated strip, 10 — pendants); B — Schematic arrangement of the appliques on the headdress-wig (based on the reconstruction of the headdress from Kurgan 1 of the Ak-Alakha-3 burial ground, after: Polosmak, 2001, Fig. 98); C — Schematic arrangement of the hair tresses (top view). Headdress details: 1 — reconstructed wooden hair tress section; 2 — hair tress decorative plate; 3 — decorative plate of the central “diadem” depiction; 4, 5 — schematic depictions of fish; 6 — deer antlers. Inventory and ornaments: 7 — iron knife; 8, 9 — bronze earrings; 10 — ceramic vessel

На дне бревенчатого сооружения у южной стенки расчищен костяк взрослой женщины, погребённой на правом боку (впоследствии тело завалилось на спину) с подогнутыми ногами, головой на ВЮВ (рис. 3.-1). Напротив черепа у северной стенки камеры располагался раздавленный кувшин с росписью черной и красной краской (рис. 4.-10). К западу от сосуда находились выложенные кругом позвонки одной особи мелкого рогатого скота с железным ножом посередине (рис. 4.-7), а также несколько позвонков крупного рогатого скота.

Под черепом женщины и в радиусе 15–20 см прослежено чёрное сажистое пятно мощностью от двух до пяти сантиметров.² В сажистом слое у черепа помимо двух восьмерковидных сережек из четырехгранной бронзовой проволоки (рис. 4.-8, 9) располагались изготовленные из золотой фольги остатки головного убора: четыре находившиеся вокруг черепа однотипные обкладки размерами 35×24 мм (№ 1), 45×18 мм (№ 2), 40×25 мм (№ 3), 35×21 мм (№ 4) и (№ 5) под черепом, размерами 38×25 мм (рис. 4.-A1–5, 1, 2). Все обкладки были обращены поперечными валиками в северном направлении. Из них четыре лежали лицевыми сторонами вниз и одна (№ 3) зафиксирована в вертикальном положении. Обкладки не были скомканы, а лежали развернуто, из чего следует, что деревянная основа наконсников длительное время сохраняла целостность. Благодаря этому покрывавшие их прямоугольнички из золотой фольги сохранили первоначальную форму и после обрушения перекрытия (рис. 4.-2). Обкладки покрывали деревянные резные накладки-наконсники, представлявшие собой желобчатые пластины шириной около 3 см (рис. 4.-1). В верхней части каждой накладки имелся поперечный валик, от которого отходило четыре продольных валика. Четыре обкладки из фольги располагались неравномерно, но на одинаковом расстоянии от черепа (5–6 см), и одна под черепом (рис. 4.-A).

² Чёрные пятна у черепов женщин иногда называют остатками краски волос, но исследования парика из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3 показали, что это не собственно краска волос женщины, а остатки слоя наполнителя парика из карбонизированных зёрен («сажи») с жиром, глиной и, возможно, клеящим веществом (рис. 5.-2) [Полосьмак, 2001: 145–147, рис. 97].

Судя по расположению обкладок, на парике женщины имелось три наконсника (рис. 4.-В), как в Ак-Алахе-3 (рис. 5.-1) [Полосьмак, 2001: 153, рис. 98, реконструкция на с. 143] и в других полных наборах из Уландрыка, Ташанты-2 и Барбургазы-1. Как достоверно зафиксировано в Ак-Алахе-3, в таких полных наборах два наконсника находились на голове по сторонам у висков и один сзади (рис. 5.-1). В рассматриваемом погребении достаточно точно обозначены места нахождения правого и заднего наконсников. Поскольку череп умершей почти не смещался,³ то и обкладка правого наконсника лежала лицевой стороной вниз у своего изначального места нахождения — в районе правого виска или несколько выше уха, как на реконструкции расположения наконсников из Ак-Алахи-3 [Полосьмак, 2001, рис. 98]. Три обкладки, расположенные компактно в линию у затылка на отрезке в 11–12 см, также остались у изначального места нахождения заднего наконсника. В ходе разложения парика значительно сместился только находившийся сверху на черепе левый наконсник, сползший к северо-востоку.

Реконструкция устройства собственно наконсников и количества секций не столь очевидна, поскольку дерево не сохранилось. Тем не менее, она вполне возможна благодаря взаиморасположению золотых обкладок №№ 2–4. По всем данным, они наклеивались на три соседние секции, расположенные с одинаковыми интервалами на отрезке в 11–12 см. Из этого можно заключить, что на заднем наконснике было не менее трёх секций общей длиной около 12 см. Каждая из этих секций была длиной около 4 см и апплицировалась золотыми обкладками шириной 2–2,5 см, покрывавшими их чуть более чем наполовину (рис. 4.-В). Боковые наконсники в Юго-Восточном Алтае, как правило, разделялись на секции поперечными валиками, промежутки между которыми в большинстве случаев украшались одинаковым резным орнаментом и полностью покрывались фольгой (рис. 5.-1а) [Кубарев, 1987, рис. 36, он же, 1991, табл. XXXIII, 12; Полосьмак, 2001: 143, рис. 101]. В Чесноково-2 на правом и левом наконсниках было только по одной обкладке из фольги от одной секции. Однако все известные боковые наконсники имели по несколько секций и длина их составляла около 8 см (рис. 5.-1а). По всей видимости, боковые наконсники из Чесноково-2, как и в Ак-Алахе-3, имели длину примерно по 8 см и состояли из двух секций каждая (рис. 4.-Б, В). Однако, в отличие от них, золотой фольгой украшалась лишь одна секция. Задний наконсник, вероятно, также имел средние размеры (около 20 см) и, соответственно, насчитывал около 5 секций. Судя по расположению золотых обкладок, начинающихся с обкладки № 4, расположенной между теменной частью черепа и золотыми рогами оленя (маркирующих место эгрета), эти обкладки последовательно украшали три секции верхней части наконсника.

Сохранила форму и прорезная обкладка из сравнительно толстой золотой фольги размерами 55×26 мм. Она лежала лицевой стороной вверх (рис. 4.-Аб, 3). Представляла собой схематичное изображение идущего (?) хищника с опущенной головой. По нижнему краю через равные промежутки изнутри пробито пять отверстий диаметром 1,5–2 мм, вероятно, служивших для крепления подвесок. Ещё одно аналогичное отвер-

³ Череп женщины, несомненно, находился на прежнем месте, но в ходе постепенного разрушения находившейся под ним части парика, он несколько просел вниз и сдвинулся на несколько сантиметров к юго-востоку. При этом располагавшиеся внизу правый наконсник и серьга оставались на месте.

стие располагалось по центру у верхнего края. Сама же обкладка, видимо, наклеивалась на деревянную основу «диадемы-обруча».

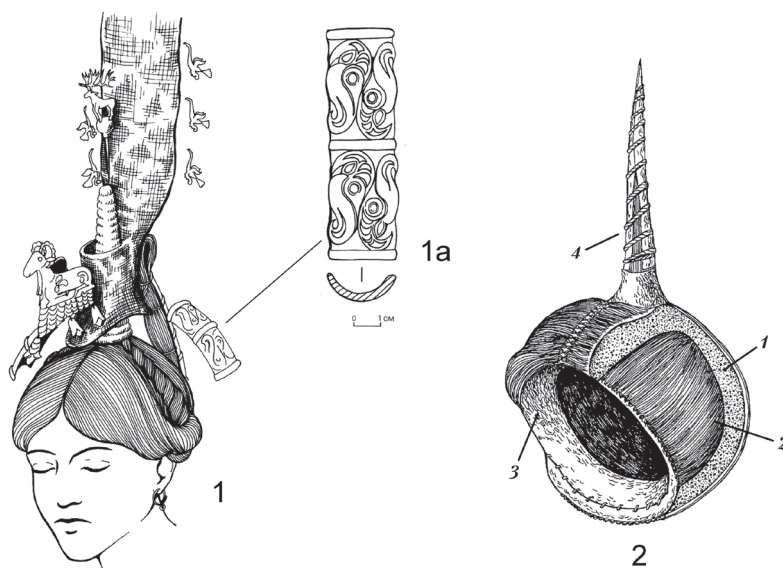

Рис. 5. Головной убор-парик из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3: 1 — реконструкция, 2 — устройство парика (1 — формообразующее вещество, 2 — волосы, 3 — войлок, 4 — шерстяные верёвочки) (1, 2 — по: Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.45, 2.46; 1a — по: Полосьмак, 2000, рис. 78)

Fig. 5. Headdress-wig from Kurgan 1 of the Ak-Alakha-3 burial ground: 1 — Reconstruction; 2 — Structure of the wig (1 — molding substance; 2 — hair; 3 — felt; 4 — woolen cords) (1, 2 — after: Polosmak, Barkova, 2005, Fig. 2.45, 2.46; 1a — after: Polosmak, 2000, Fig. 78)

В 10–15 см к В от черепа на границе чёрного пятна находились части двух рогов оленя из золотой фольги (рис. 4.-A7, 6). Таким же образом, у границы чёрного пятна лежал эгрет в Юстыде-12 [Кубарев, 1991, табл. XXXVIII.-12] и в Ак-Алахе-3 (рис. 5.-1). Сверху располагались две нераспавшиеся части объёмно выполненного правого рога с тремя ответвлениями. Под ними находились не столь хорошо сохранившиеся части аналогичного левого рога. В данном случае мы имеем дело с остатками эгрета в виде рогов фигурки оленя с раздвоенным туловищем, закрепляемой в пазырыкской культуре на передней части головного убора. В 30 см к В от черепа на том же уровне находились три вырезанные из фольги наклеиваемые изображения двух рыб, по-видимому, украшавших центральную часть листовидного навершия головного убора (рис. 4.-A8, 5). Неподалеку от них и рогов оленя располагались изделия из фольги с двумя зубчиками на каждом из них (рис. 4.-A9, 4). Подобные зубчатые с одного края полоски часто использовались для украшения головных уборов [Яценко, 2006: 91], крупными зубцами украшен головной убор богини на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана (Руденко, 1953, табл. XCV). На могильнике Локоть-4а подобные гори-

зонтальные полосы из сравнительно толстой золотой фольги достоверно прослежены на двух уровнях головного убора мужчины. Нижний проходил по околышу, а второй — в 9 см выше [Шульга, 2003: 72–73, рис. 36]. Подобным образом расположены зубчатые полосы в реконструкции убора из кургана Иссык [Акишев, 1978, рис. 62, 63]. В головных уборах женщин пазырыкской культуры с чёрными париками зубчатые полосы располагались не столь однозначно. По материалам В.Д. Кубарева, они обнаружены в женских погребениях Юстыда-12 [Кубарев, 1991: 113, табл. XXI.-11; XXVII.-9; L.-19; LIX.-14] и Барбургазы-1 [Кубарев, 1992, табл. XIV.-9; XXXI.-7]. Чаще всего полосы располагались в верхней части головных уборов [Кубарев, 1991, табл. XXVI; 1992, табл. XIV, XXXI], и в одном случае они находились у челюсти человека [Кубарев, 1991, табл. LVIII]. В ходе исследования головных уборов В.Д. Кубарев предположил, что зубчатые полосы могли нашиваться «на мягкие матерчатые футляры для кос» [1991: 113]. Однако в последующей монографии исследователь ограничился указанием, что полосы «нашивались на головной убор рядами или окаймляли его нижний край ...» [1992: 105]. Судя по опубликованным планам погребений из Юстыда и Барбургазы, полосы располагались за головой горизонтальными рядами зубцами как верх, так и вниз. Внятно объяснить имеющиеся вариации пока не представляется возможным. Что же касается отдельных пластинок с парными зубцами из Чесноково-2, возможно, изначально составлявших полосу, то все они располагались в верхней части головного убора, начиная с эгрета (рис. 4.-А, Б).

Заключение

Начатые в 1990-х гг. и продолжающиеся до настоящего времени исследования погребальных объектов в горных долинах по реке Чарыш и впадающей в него реке Иня (Алтайский край) [Дашковский, 2025а] выявили ещё один, несколько обособленный район обитания скотоводов пазырыкской культуры на западной окраине её ареала. Несмотря на определённое влияние проживавшего по соседству степного населения (отсутствие срубов, погребение на спине вытянуто и др.) большинство скотоводов по Чарышу сохранили основные особенности пазырыкской культуры: 1) устройство курганов цепочками с одной могилой по центру каменной насыпи; 2) захоронение умерших в глубоких обширных могилах на правом боку с подогнутыми ногами головой в восточный сектор; 3) подхоронение лошадей в северной части могилы с ориентацией в восточный сектор;⁴ 4) частое использование аппликаций из золотой фольги, в том числе для украшения головных уборов; 5) расположение аналогичных кувшиновидных сосудов вместе с жертвенной пищей и ножами к северу от умершего и др. Несомненное сходство наблюдается и в традиции погребать женщин в головных уборах-париках с сажистым наполнителем. Тем не менее, среди четырёх головных уборов из Чинетинского микрорайона, реконструированных по изделиям из золотой фольги в местах нахо-

⁴ По результатам исследования автором в 1992–2006 гг. сравнительно небольшого числа пазырыкских погребений по Чарышу сложилось впечатление об ограниченном распространении этого обряда. Однако масштабные раскопки могильника Ханхаринский дол в нижнем течении р. Иня, расположенного между Сентелекской долиной (Чарышский район Алтайского края) и могильником Маяк-1 у с. Харлово (Краснощёковский район Алтайского края), выявили конские подхоронения в половине курганов [Дашковский, 2025а: 31].

ждения чёрных пятен от париков, не было подобных убору-парику из Ак-Алахи-3. Находка в Чесноково-2 демонстрирует близость культуры населения по Чарышу и Юго-Восточного Алтая и в этом отношении.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках НИР: № НИОКТР 125021001869–3 «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до средневековья.»

Acknowledgments and funding

The study was carried out within the framework of the research project: No. 125021001869–3 “The General and the Specific in the Development Trajectories of Ancient Cultures of the East and Southeast Eurasia from the Stone Age to the Middle Ages.”

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.А. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. 220 с.
- Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 3. С. 7–31.
- Дашковский П.К. Реконструкция женского головного убора из кургана пазырыкской культуры могильника Чинета II (Алтай) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2022. № 17. С. 96–102. <https://doi.org/10.37386/2687-0584-2022-17-96-102>.
- Дашковский П.К. Реконструкция головного убора и датировка артефактов из кургана № 4 могильника пазырыкской культуры Ханхаринский дол (Алтай) // Археология евразийских степей. 2024. № 5. С. 8–20.
- Дашковский П.К. Вторичные захоронения в погребальной обрядности пазырыкской культуры Алтая: результаты исследования и интерпретация // Народы и религии Евразии. 2025а. Т. 30. № 2. С. 7–39.
- Дашковский П.К. Новая находка женского головного убора в кургане скифской эпохи могильника Ханхаринской дол на Алтае: предварительное сообщение // Ancient cultures of Mongolia, Baikal, Southern Siberia and Northern China. Tomus II. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology MAS, 2025б. Р. 258–261.
- Дашковский П.К. Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханхаринский Дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2011. № 3 (47). С. 78–84.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука СО, 1987. 299 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука СО, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука СО, 1992. 220 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.А. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

Шульга П. И. Раскопки могильника Тавдушка на Катунь. // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 253–272.

Шульга П. И., Гельмелъ Ю. И., Шульга Н. Ф. Курганы скифского времени у с. Куйбышево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Матер. Всерос. научн.-практ. конф. Вып. X. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. С. 105–109.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Вост. лит., 2006. 664 с.

References

Akishev K. A. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana* [The Issyk Kurgan. The Art of the Saka of Kazakhstan]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1978, 132 p. (in Russian).

Borodovskii A. P., Borodovskaya E. L. *Arkheologicheskie pamyatniki gornoj doliny nizhnei Katuni v epokhu paleometalla* [Archaeological Sites of the Mountain Valley of the Lower Katun River in the Paleometal Epoch]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS Publ., 2013, 220 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K. Rekonstruktsiya zhenskogo golovnogo ubora iz kurgana pazyrykskoi kul'tury mogil'nika Chineta II (Altai) [Reconstruction of a Female Headdress from a Pazyryk Culture Kurgan at the Chineta II Burial Ground (Altai)]. *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzeevedenie)* [Field Research in the Upper Ob Region, the Irtysh Region and Altai (Archaeology, Ethnography, Oral History and Museology)]. Barnaul: AGPU, 2022, iss. 17, pp. 96–102 (in Russian) <https://doi.org/10.37386/2687-0584-2022-17-96-102>.

Dashkovskiy P. K. Rekonstruktsiya golovnogo ubora i datirovka artefaktov iz kurgana № 4 mogil'nika pazyrykskoi kul'tury Khankharinskii dol (Altai) [Reconstruction of the Headdress and Dating of Artifacts from Kurgan No. 4 of the Khankharinsky Dol Pazyryk Culture Burial Ground (Altai)]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei* [Archaeology of Eurasian Steppes]. 2024, no. 5, pp. 8–20 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. Vtorichnye zakhoroneniya v pogrebal'noi obryadnosti pazyrykskoi kul'tury Altaya: rezul'taty issledovaniya i interpretatsiya [Secondary Burials in the Funeral Rite of the Pazyryk Culture of Altai: Research Results and Interpretation]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2025a, vol. 30, no. 2, pp. 7–39 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. Novaya nakhodka zhenskogo golovnogo ubora v kurgane skifskoi epokhi mogil'nika Khankharinskoi dol na Altae: predvaritel'noe soobshchenie [A New Find of a Female Headdress in a Scythian Period Kurgan at the Khankharinsky Dol Burial Ground in Altai: A Preliminary Report]. *Ancient cultures of Mongolia, Baikal, Southern Siberia and Northern China*. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology MAS, 2025b, vol. II, pp. 258–261 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Usova I. A. Pogrebenie pazyrykskoi kul'tury na mogil'nike Khankharinskii Dol (Severo-Zapadnyi Altai) [A Pazyryk Culture Burial at the Khankharinsky Dol Burial

Ground (Northwestern Altai)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2011, no. 3 (47), pp. 78–84 (in Russian).

Gryaznov M. P. *Drevneishie pamyatniki geroicheskogo epasa narodov Yuzhnoi Sibiri* [The Most Ancient Monuments of the Heroic Epos of the Peoples of Southern Siberia]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage]. Leningrad, 1961, iss. 3, pp. 7–31 (in Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Ulandryka* [The Kurgans of Ulandryk]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, 299 p. (in Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Yustyda* [The Kurgans of Yustyd]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991, 190 p. (in Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Sailyugema* [The Kurgans of Sailyugem]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992, 220 p. (in Russian).

Polos'mak N. V. *Vsadniki Ukoka* [The Horsemen of Ukoka]. Novosibirsk: INFOLIO-press Publ., 2001, 336 p. (in Russian).

Polos'mak N. V., Barkova L. L. *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n. e.)* [Costume and Textiles of the Pazyryk People of Altai (4th–3rd Centuries BC)]. Novosibirsk: INFOLIO Publ., 2005, 232 p. (in Russian).

Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [The Culture of the Population of the Altai Mountains in the Scythian Period]. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1953, 402 p. (in Russian).

Shul'ga P. I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot' — 4a* [The Lokot-4a Burial Ground of the Scythian Period]. Barnaul: Altai State University Publ., 2003, 204 p. (in Russian).

Shul'ga P. I. *Raskopki mogil'nika Tavdushka na Katuni* [Excavations of the Tavdushka Burial Ground on the Katun River]. *Altai v krugu evraziiskikh drevnostei* [Altai in the Circle of Eurasian Antiquities]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS Publ., 2016, pt. 4, pp. 253–272 (in Russian).

Shul'ga P. I., Gel'mel' Yu. I., Shul'ga N. F. *Kurgany skifskogo vremeni u s. Kuibyshevo* [Kurgans of the Scythian Period near the Village of Kuibyshevo]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Region]. Barnaul: Altai State University Publ., 1999, pp. 105–109 (in Russian).

Yatsenko S. A. *Kostyum drevnei Evrazii: iranoyazychnye narody* [The Costume of Ancient Eurasia: Iranian-Speaking Peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006, 664 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 15.10.2025

Принята к публикации: 10.08.2026

Дата публикации: 30.09.2026

УДК 903.2

DOI 10.14258/nreur(2026)3–02

*Ши Ханьда**Центр исследований и сотрудничества в археологии Шелкового пути Северо-Западного университета, Сиань (КНР)**Ж. Курбанала**Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы
(Республика Казахстан)*

ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ МОГИЛЬНИКА МАЦЗЯЮАНЬ И ОТРАЖЕННОЕ В НИХ КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

В настоящей статье систематизирован и проанализирован комплекс предметов с зооморфным декором, происходящих из могильника Мацзяюань (马家塬), провинция Ганьсу, КНР), относящегося к западным жунам (西戎) эпохи Чжаньго (战国, 5–3 вв. до н.э.). Сравнительный анализ показывает, что зооморфные мотивы Мацзяюаня включают в себя элементы скифо-сакского звериного стиля, в том числе, типичные для Северного Китая I тыс. до н.э. изображения тигра, а также птицы-феникса, характерные для Центральной равнины и ареала культуры Цинь. Культурное многообразие, воплощенное в стилистике зооморфного декора могильника Мацзяюань, свидетельствует о том, что во второй половине I тыс. до н.э., на фоне активизации кочевых племен Евразийской степи Северный Китай, будучи буферной зоной между кочевым и земледельческим мирами, стал ареной интенсивного культурного и популяционного обмена. Наряду с этим данные материалы подтверждают, что в рассматриваемый период уже активно функционировал транзитный коммуникационный коридор, пролежавший вдоль Тянь-Шаня и связывавший центральные районы Евразийской степи с территориями Северного Китая.

Ключевые слова: могильник Мацзяюань, эпоха Чжаньго, зооморфный орнамент, культурное многообразие, скифо-сакский звериный стиль, Северный Китай, археология Евразийской степи.

Для цитирования:

Ши Ханьда, Курбанала Ж. Зооморфные мотивы могильника Мацзяюань и отраженное в них культурное многообразие // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 22–45. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–02](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–02)

Ши Ханьда, докторант, Центр исследований и сотрудничества в археологии Шелкового пути Северо-Западного университета, Сиань (КНР).

Адрес для контактов: shihanda@edu.hse.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3066-349X>
Курбанала Жазира, докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы (Республика Казахстан). **Адрес для контактов:** zhazi1981@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0007-6151-3423>

Shi Handa

Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads, Northwest University, Xi'an (China)

Zh. Kurbanali

The Kazakh National University named after Al-Farabi, Almaty (Republic of Kazakhstan)

ZOOMORPHIC DECORATION AND CULTURAL DIVERSITY AT THE MAJIAYUAN CEMETERY

This article systematizes and analyzes a corpus of objects with zoomorphic decoration originating from the Majiayuan cemetery (马家塬, Gansu Province, PRC), associated with the Western Rong (西戎) of the Warring States period (战国, 5th-3rd centuries BCE). Comparative analysis reveals that the zoomorphic motifs at Majiayuan incorporate the Scytho-Sakan animal style, tiger motifs typical of first-millennium BC northern China, and phoenix designs characteristic of the Central Plains and the Qin cultural sphere. The cultural diversity embodied in these stylistic choices indicates that, during the second half of the first millennium BC, against the backdrop of the rise of nomadic pastoralism across the Eurasian Steppe, northern China functioned as a buffer zone between pastoral and agrarian worlds, experiencing intense cultural and demographic exchange. Furthermore, these findings demonstrate that an interaction corridor along the Tian Shan mountains, linking the central Eurasian Steppe with northern China, had already been established by this period.

Keywords: Majiayuan cemetery; Warring States period; zoomorphic motifs; cultural diversity; Scytho-Sakan animal style; northern China; Eurasian Steppe archaeology

For citation:

Shi Handa, Kurbanali Zh. Zoomorphic decoration and cultural diversity at the Majiayuan cemetery. Nations and Religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 22–45.
[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-02](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-02)

Shi Handa, PhD student, Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads, Northwest University, Xi'an (China). **Contact address:** shihanda@edu.hse.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3066-349X>

Kurbanali Zhazira, PhD student at the Kazakh National University named after Al-Farabi, Almaty (*Republic of Kazakhstan*). **Contact address:** zhazi1981@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0007-6151-3423>

Введение

Могильник Мацзяюань расположен в уезде Чжанцзячуань (张家川) городского округа Тяньшуй (天水) провинции Ганьсу. Площадь памятника составляет около 30 тыс. кв. м (рис. 1). За период раскопок, начавшихся в 2006 г., и по состоянию на 2018 г. на могильнике было выявлено 69 погребений и 3 жертвенные ямы. К настоящему времени опубликованы материалы 26 погребальных комплексов¹ [Чжоу, Фан, Се и др., 2008: 4–28; Чжоу, Чжао, Чжао и др., 2009: 25–51; Ван, Чжао, Чжао и др., 2010: 4–26; Се, Лю, 2012: 4–26; Лю, Се, Ван, 2018: 4–25; Се, Фэн, Лю и др., 2024: 22–42; Се, Ян, Лю и др., 2026: 4–21; Xie, Chen, Xie, Zhang, Gu, 2024: 104375]. Типология погребальных сооружений включает крупное погребение с деревянной погребальной камерой и дромосом (представлено только в погр. М6), погребения со ступенчатым дромосом, малые грунтовые ямы и подбойные могилы. Погребенные уложены вытянуто на спине либо в скорченном положении, причем последнее встречается лишь в единичных вертикальных грунтовых ямах. Около половины захоронений содержат деревянные внутримогильные конструкции. Входы в камеры подбойных могил закладывались деревянными досками или бревнами.

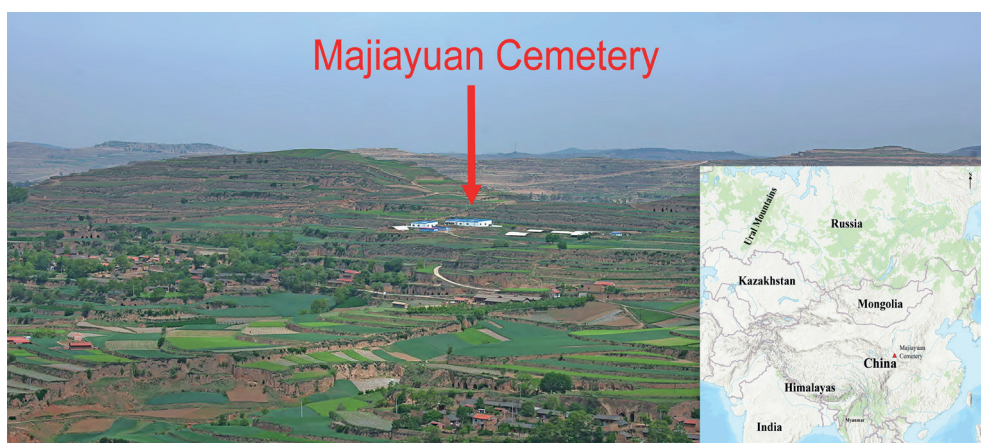

Рис. 1. Схема расположения могильника Мацзяюань

Fig. 1. Site plan showing the location of the Majiayuan cemetery

Практически во всех погребениях зафиксирован остеологический материал — преимущественно черепа, копыта и кости конечностей животных; однако в некоторых

¹ В соответствии с традицией китайской археологии, все погребения в настоящей статье обозначаются латинским индексом «М» (от кит. *mu* / 墓 — могила).

крупных могилах захоронены целые костяки лошадей. В видовом составе жертвенных животных доминируют лошадь и крупный рогатый скот, за ними следуют овцы; также встречаются останки собак. Погребальный инвентарь отличается богатством и типологическим разнообразием. Наиболее выдающимся открытием стало обнаружение на могильнике 68 колесниц. Среди прочих находок представлены керамика со змеиным орнаментом, керамические триподы, бронзовые сосуды в стиле Центральной равнины (Чжунъюань), а также разнообразные украшения из золота, серебра, бронзы, железа, олова, кости, стекла и бирюзы.

В составе погребального инвентаря — будь то детали конской упряжи и колесничной гарнитуры, личные украшения погребенных или нашивные бляшки для одежды — повсеместно распространены зооморфные изображения (рис. 2). Их значительное стилистическое разнообразие, вероятно, является результатом культурного обмена и взаимодействия между различными группами населения. Исходя из этого, избрав могильник Мацзяюань в качестве объекта исследования, через призму зооморфного декоративного искусства мы стремимся проследить стоящее за ним культурное многообразие и процессы взаимодействия различных популяций.

Зооморфные мотивы в скифо-сакском зверином стиле

Проникновение и распространение скифского звериного стиля на территории Китая наиболее ярко проявляется в иконографии грифонов и мотиве животного с вывернутым крупом. А. А. Ковалев [2015: 229–241; 2024: 242–262], Н. В. Полосьмак [1994], П. И. Шульга [2010: 134–136], а также большинство китайских исследователей сходятся во мнении, что бытующие в Китае мотивы грифона и вывернутого крупа тесно связаны с пазырыкской культурой [Ши, 2025: 223–248].

В погребениях М5 и М14 могильника Мацзяюань было найдено в общей сложности 18 золотых бляшек со «сценой терзания» (кошачий или волкообразный хищник, терзающий травоядное животное). Данные изделия выполнены из тонкой золотой фольги в технике тиснения. Голова травоядного на них запрокинута назад, грива и хвост тигра (волка) также загнуты назад, а туловище хищника как бы снабжено крыльями, что явно указывает на иконографию грифона [Ван, Чжао, Чжао и др., 2010: 4–26]. Концы поясных блях, на которых изображены сцены терзания, совершаемого этими животными, нередко имеют волчий облик [Лю, 2021: 24–70]. На золотом поясном крючке из погр. М16 внутри прямоугольной рамки изображены две парные композиции: тигр, терзающий оленя. При этом задние части туловища травоядных животных представлены в перевернутом положении (рис. 2: 32).

Подобный мотив перевернутого туловища, несомненно, берет свое начало в искусстве пазырыкской культуры. Найденные в М15 золотые поясные накладные бляшки в виде головы архара, инкрустированные камнями, также находят прямые аналогии в пазырыкских материалах (рис. 3: 8, 24) [Грязнов, 1950: таб. XXI; Руденко, 1960: 273]. Примечательно, что стилистика многочисленных зооморфных изображений, выполненных в технике тиснения и обнаруженных на могильнике Мацзяюань, обнаруживает поразительное сходство с кожаными аппликациями пазырыкской культуры (рис. 3: 10–12, 23, 26–28) [История Сибири, 2019: 245–257].

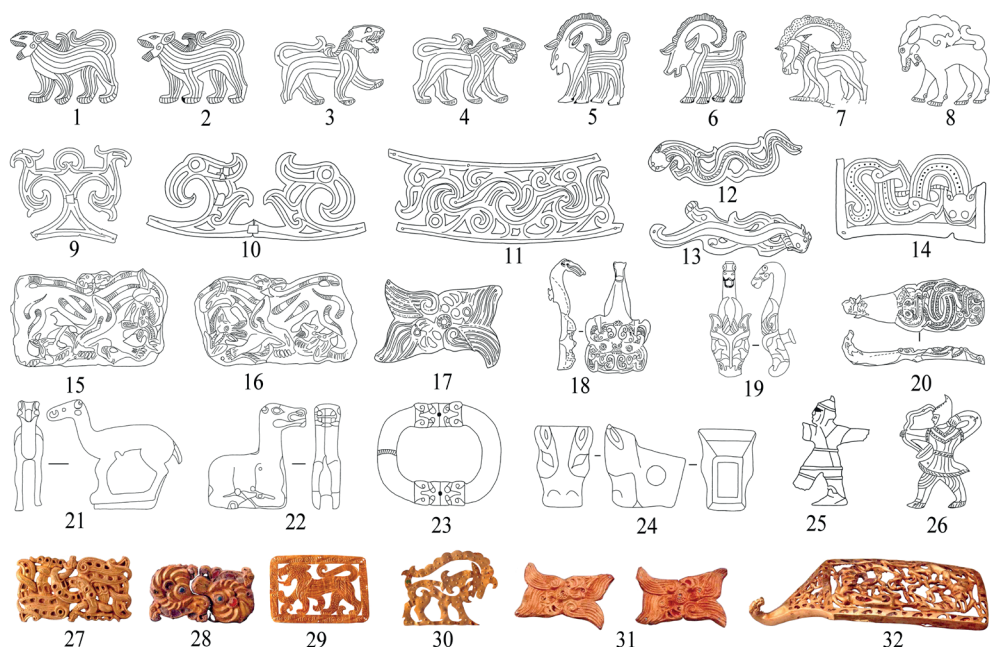

Рис. 2. Зооморфные украшения и изделия из могильника Мацзяюань. 1–4 — изображения тигров из золотой и серебряной фольги; 5–8 — изображения козерогов из серебряной фольги; 9–11 — изделия в виде голов птиц; 12–14 — изображения драконов из золотой и серебряной фольги; 15, 16 — концевые поясные бляхи; 17 — поясная накладная бляшка; 18–20, 32 — поясные крючки, золото, позолоченная бронза; 21-фигурка овцы, бронза; 22-фигурка овцы (лани), олово; 23 — серебряное поясное кольцо; 24 — медная чека от колесницы; 25 — оловянная статуэтка воина (фигурка); 26 — серебряная фигурка воина с луком; 27, 28, 31 — золотые поясные накладные бляшки; 30 — козерог, золотая фольга; 29 — золотая поясная золотая бляха с изображением тигра. (1, 2, 5, 6, 23, 25 происходят из М3; 3, 4, 8–13, 26 — из М50; 7 — из М7; 14 — из М1; 15–19, 31 — из М14; 20 — из М60; 21, 24 — из М62; 22 — из М2; 27, 30, 32 — из М16; 28 — из М15; 29 — из М4)

Fig. 2. Zoomorphic ornaments and artefacts from the Majiayuan cemetery 1, 2, 4: gold foil tigers; 3: silver tiger; 5–8: silver argali figures; 9–11: silver finials in the shape of bird heads; 12, 13: gold dragons; 14: silver dragon; 15, 16–19, 32: gold belt hooks; 20: gilded copper belt hook; 21: copper ram figure; 22: tin ram figure; 23: copper bracelet; 24: copper linchpin (from a chariot); 25: tin warrior figurine; 26: silver warrior figurine with bow; 27, 31: gold belt plaques; 28, 30: argali; 29: gold plaque depicting a tiger. (Provenances: 1, 2, 5, 6, 23, 25 from M3; 3, 4, 8–13, 26 from M50; 7 from M7; 14 from M1; 15–19, 31 from M14; 20 from M60; 21, 24 from M62; 22 from M2; 27, 30, 32 from M16; 28 from M15; 29 from M4)

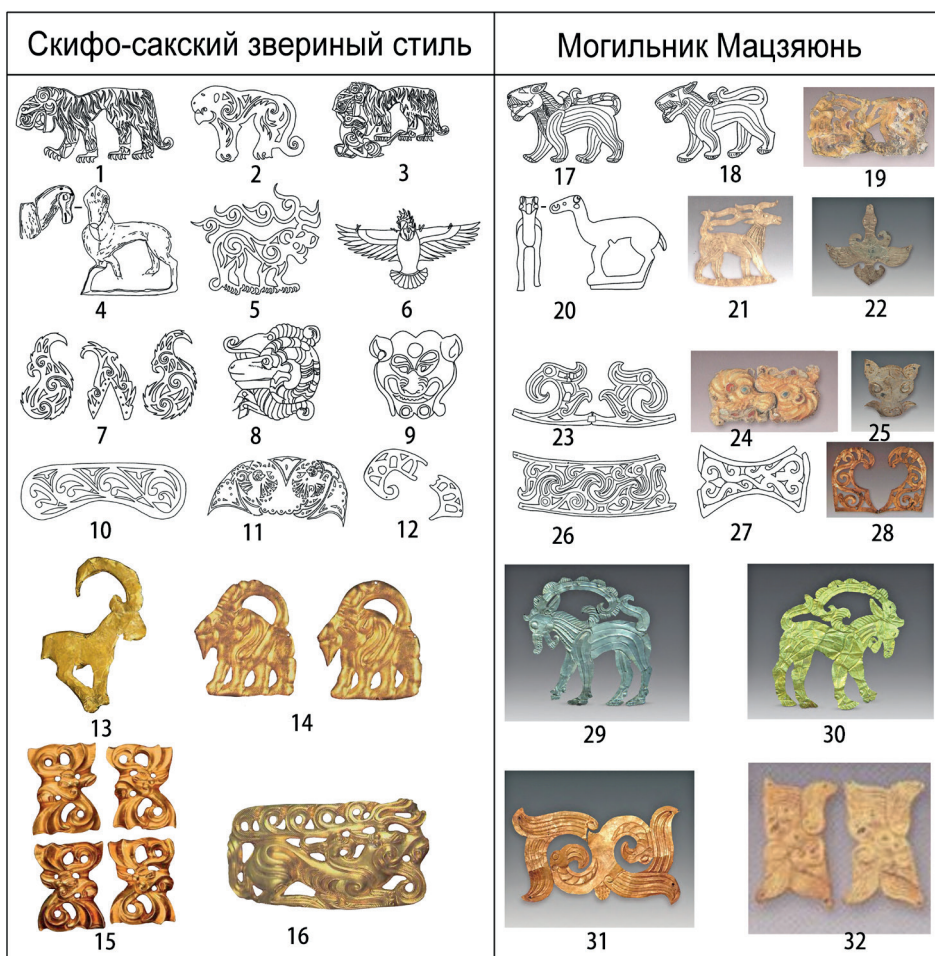

Рис. 3. Сопоставление материалов могильника Мацзяюнь со скифо-сибирским звериным стилем: 1, 3 — изображения тигров на крышке и саркофаге-колоде; 2, 5 — вырезанные из золотой фольги и кожи изображения рогатых тигров; 4 — фигурка оленя; 6 — схематическое изображение грифа; 7 — золотые ажурные украшения; 8 — баран в пасти волка; 9 — голова кошачьего хищника; 10, 12 — украшения луки седла; 11 — деталь орнамента нагрудника; 13, 14 — бляшки в виде козерога; 15 — накладные поясные бляшки; 16 — концевая поясная бляха в виде оленя; 17, 18 — изображения тигров, серебро; 19 — концевая поясная бляха со сценой терзания, золотая фольга; 20 — баран, бронза; 21 — олень, серебро; 22 — серебряная фигурная бляха в виде птицы; 23 — серебряная ажурная накладка в виде стилизованных головок птиц; 24 — золотая поясная накладная бляшка с изображением голов барана и птиц; 25 — серебряное украшение в виде головы тигра; 26 — изделие в виде голов птиц; 27 — золотая поясная бляха с перехватом; 28 — накладка на колесницу из золотой фольги; 29, 30 — изображения козерогов из серебряной и золотой фольги; 31 — золотая поясная накладка с изображением грифона; 32 — поясная накладка X-образной формы, золотая фольга. 1 — Башадар, к. 2; 3, 11 — Пазырык, к. 2;

2 — могильник Карашоки к. 1; 5 — Туэкта, к. 1; 4 — Бураты к. 4; 6, 8 — Пазырык, к. 1; 7 — Шерубай, к. 1; 9 — из коллекции Фролова; 10 — Пазырык, к. 3; 12 — Туэкта, к. 2; 13, 15, 16 — курган Иссык; 14 — случайные находки в урочище Карагалы; 17, 18, 23, 26, 27, 29, 30 — из М 50; 19, 21 — из М15; 20 — из М62; 22, 25, 31 — из М52; 24 — из М15; 28 — из М3; 32 — из М14

Fig. 3. Comparative analysis of materials from the Majiayuan cemetery and the Scytho-Siberian animal style: 1, 3 — tigers on a coffin lid and a log coffin; 2, 5 — cut-leather depiction of a horned tiger; 4 — horse figurine; 6 — schematic depiction of a griffin; 7 — openwork gold ornaments; 8 — scenes of animals within a predator's maw and interlocked in combat; 9 — feline heads; 10, 12 — saddle-bow ornaments; 11 — detail of a breastplate ornament; 13, 14 — ibex plaques; 15 — elements of an articulated belt; 16 — stag plaque; 17, 18 — silver tiger; 19 — gold plaque; 20 — copper ram; 21 — silver stag; 22 — silver zoomorphic bird-shaped plaque; 23 — silver openwork bird-shaped plaque; 24 — gold clasp depicting an argali; 25 — silver ornament in the form of a tiger head; 26 — gold and silver finial in the form of a bird head; 27 — gold belt; 28 — gold foil chariot fitting; 29, 30 — silver argali figures; 31 — gold belt plaque depicting a griffin; 32 — X-shaped belt plaque. (Provenances: 1 — from Bashadar barrow 2; 2 — from Karashoky cemetery barrow 1; 3 — from Pazyryk barrow 2; 5 from Tuekta barrow 1; 4 — from Buraty barrow 4; 6 — from Pazyryk barrow 1; 7 — rom barrow 1, Sherubay cemetery; 8 — from a Pazyryk barrow; 9 — from the Frolov collection; 10 — from Pazyryk barrow 3; 11 — from Pazyryk barrow 2; 12 — from Tuekta barrow 2; 13, 15, 16 — from Issyk barrow; 14 — from chance finds in the Karagaly tract; 17, 18, 23, 26, 27, 29, 30 — from М50; 19, 21 — from М15; 20 — from М62; 22, 25, 31 — from М52; 24 — from М15; 28 — from М3; 32 — from М14)

Для декора колесниц могильника Мацзяюань весьма характерно использование изображений козерогов, изготовленных из золотой или серебряной фольги в технике тиснения (рис. 2: 5–8). Животные показаны в позе стоя, смотрящими вперед; их рога волнообразно изогнуты и касаются спины, хвосты приподняты. В большинстве случаев все четыре конечности изображены раздельно, однако изредка они соединены в нижней части, образуя своеобразное основание, имитирующее поверхность земли. Аналогичные мотивы были зафиксированы также в материалах памятников Чжанцзе-цунь (张街村, Нинся-Хуэйский АР) [Ян, Ци, 1999: 28–37] и Люпин уезда Циншуй (清水刘坪, пров. Ганьсу) [Ганьсуский провинциальный институт..., 2014].

Изображение горного козла (козерога) не является распространенным мотивом в искусстве Северного Китая. Хотя на могильнике Юйхуанмяо (玉皇庙, г. Пекин) [Пекинский институт культурного наследия, 2007] и Наньшаньгэнь (南山根, уезд Нинчэн, пров. Ляонин) [Гробницы с каменными саркофагами..., 1973: 27–39] также были обнаружены зооморфные украшения в виде баранов, их стилистика кардинально отличается от находок из Мацзяюаня. В первых двух случаях животные представлены в лежачей позе; передние и задние конечности сомкнуты, опущенная вниз голова соединяется с ногами, изгиб рогов плавный, а хвост отсутствует. В целом эта иконография отличается схематичностью и уступает реалистичности изображений из Мацзяюаня, что явно свидетельствует о существовании двух различных стилистических традиций. Три золотые бляшки в виде козерогов из могильника Люпин (уезд Циншуй) [Ганьсуский провин-

циальный институт..., 2014; Ли, Нань, 2003: 4–17] по своей форме практически идентичны мацзяюаньским экземплярам, однако животные на них изображены лежащими, что, вероятно, представляет собой синкретизм (слияние) обеих стилистических традиций.

Изображения стоящих козерогов встречаются в материалах шиликтинской культуры Казахстана [Толеубаев, 2018: 220, 258, 493.] и в кургане Иссык (рис. 3: 13, 14). Например, на бляшках в виде козерогов из Иссыкского кургана, выполненных в технике тиснения, рога животного моделированы волнообразным рельефом и изогнуты дугой, а сам стиль отличается высокой степенью реализма. При этом козерогов в иссыкских материалах изображаются либо в прыжке, либо в лежачей позе [Жумабекова, Базарбаева, Онгар, 2011; Акишев, 1978]. Кроме того, единичные находки подобных изображений зафиксированы в памятниках раннего железного века на территории Синьцзяна (КНР): в погребениях уездов Синьюань и Текес (могильник Ешиклерек, 叶什克列克) в Илийском крае, а также на могильнике Байцир (拜其尔, уезд Иу) и Вэйцзыся (苇子峡) в округе Хами [Шао, Хоу, 2020: 182, 196].

Заслуживает внимания тот факт, что в материалах могильника Мацзяюань присутствует еще несколько категорий инвентаря, находящих прямые аналогии в древностях сакского времени на территории Казахстана. В погребении М14 могильника Мацзяюань обнаружено 15 X-образных золотых поясных бляшек, выполненных из тонкой золотой фольги в технике тиснения, с отверстиями для пришивания на всех четырех концах [Чжоу, Чжао, Чжао и др., 2009: 25–51] (рис. 2: 17, 31; 3: 15, 32). Абсолютно идентичные изделия происходят из Иссыкского кургана, причем совпадают не только их морфология, но и технология изготовления [Жумабекова, Базарбаева, Онгар, 2011: 70–77].

Кроме того, в комплексах М3, М5, М7, М50 и М62 были найдены золотые и серебряные накладки с мотивом «Древа жизни», использовавшиеся для декора колесниц. Несмотря на то, что ряд исследователей возводит истоки данного мотива к древнеперсидской традиции [Пань, Ма, 2023: 91–106], наличие аналогичного декоративного стиля в памятниках шиликтинской культуры указывает на то, что в процессе своей трансляции на восток этот мотив первоначально проник на территорию Казахстана. И если вышеприведенные примеры отражают лишь стилистическое сходство в искусстве, то обнаруженные в погр. М3 и М4 антропоморфные фигурки в остроконечных головных уборах, а также найденная в М50 фигурка облаченного в доспехи воина в остроконечном головном уборе, натягивающего лук, представляют собой классический иконографический образ саков (рис. 2: 25, 26).

На основании изложенного можно с большой долей вероятности предположить, что в IV–III вв. до н.э. племена саков, обитавшие к западу от Тянь-Шаня, уже поддерживали контакты с племенами жунов, населявшими территории Ганьсу к востоку от этого горного массива. Наилучшим подтверждением этому служат зафиксированные в материалах Мацзяюаня художественный стиль, ювелирная техника инкрустации золотых изделий драгоценными камнями и ярко выраженная традиция почитания золота. Вполне вероятно, что вектор коммуникации между этими двумя этнокультурными общностями пролегал из долины реки Или вдоль горной системы Тянь-Шаня до территорий Ганьсу, откуда в дальнейшем эти культурные элементы интегрировались в ареал распространения циньской культуры [Ян, 2010: 51–56].

Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что предметы степного облика из могильника Мацзяюань с большей вероятностью происходят из Саяно-Алтая, нежели из сакской культуры Западного Тянь-Шаня [У Сяюнь, 2016; Шульга, Шульга, 2023]. В ответ на это мы считаем необходимым отметить следующее. Прежде всего, наиболее убедительным свидетельством в пользу нашей позиции служат изделия с сакской иконографией, обнаруженные в погребениях М3, М4 и М50 Мацзяюаня. Во-вторых, мы отнюдь не отрицаем, что часть изделий происходит из Саяно-Алтая, — это, кстати, составляет одно из положений настоящей статьи. Однако бесспорным фактом остается и взаимодействие между сакскими и скифскими группами населения; для ряда технологических приемов мы пока не в состоянии с полной определенностью установить, восходят ли они к скифской традиции Саяно-Алтая или к сакской культуре. Как и один из авторов, придерживающихся противоположного мнения, У Сяюнь (吴晓筠), обсуждая различия между Мацзяюанем и сакской культурой, признает наличие технологических сходств. Что касается расхождений в материалах и отдельных деталях, то они отражают именно селекцию и вторичное творчество, осуществлявшиеся воспринимавшей стороной в процессе распространения технологий и художественных стилей. Следовательно, мы ведем речь о возможных контактах между двумя группами населения, а не о колониальном завоевании, при котором одна группа навязывала бы другой свою культурную традицию в полном объеме. Таким образом, в период до Цинь-Хань существовали пути культурного обмена вдоль Тянь-Шаня — от Алтая и Тянь-Шаня до северных территорий Китая в широком смысле. Это положение находит подтверждение и в материалах, свидетельствующих о контактах пазырыкской культуры с Синьцзяном и северными районами Китая [Ши, 2025: 223–248].

Элементы ранней циньской культуры и культуры Центральной равнины

Для зооморфного орнамента ранней циньской культуры наиболее характерны три категории мотивов: хищные птицы, тигры и драконы. В частности, в могильнике Дабаоцзышань (大堡子, уезд Лисянь, пров. Ганьсу) было обнаружено 17 золотых пластинок-аппликаций с изображениями хищных птиц. Изделия выполнены из золотой фольги в технике тиснения и дополнительно украшены геометрическим орнаментом на туловищах птиц. Следует отметить, что подобная орнитоморфная иконография не является эксклюзивной чертой ранней циньской культуры; аналогичные мотивы фиксируются на бронзовых сосудах среднего и позднего периодов эпохи Западное Чжоу. Изображения хищных птиц из Дабаоцзышаня исследователи традиционно связывают с тотемизмом циньского этноса [Ли, 2016: 19–26].

Мотивы тигра и дракона в циньской культуре чаще всего представлены в виде объемной пластики. Так, две пары золотых тигров из Дабаоцзышаня выполнены преимущественно в технике круглой скульптуры. Иконографический тип «оглядывающегося тигра» является уникальным маркером циньских захоронений и не встречается в синхронных погребальных комплексах иных культур. Кроме того, на некоторых бронзовых сосудах ранней циньской культуры присутствуют литые объемные фигурки тигров или драконов [Музей уезда Лисянь, 2004].

В погребении М18 могильника Мацзяюань было найдено композитное украшение, изготовленное из золота и нефрита. Золотая часть изделия представляет собой двух

переплетенных драконов, чешуя которых детализирована с помощью ювелирной техники зерни. Схожая морфология и технология изготовления прослеживаются на золотой поясной пряжке с головой дракона и свернувшимся туловищем циньского времени (эпоха Чуньцю), происходящей из деревни Шангодянь (上郭店村, уезд Фэнсян, пров. Шэньси) [Ян, Шэнь, 2025: 7–15]. Из погр. М14 происходит золотой ажурный поясной крючок, иконография которого представляет собой сцену переплетения дракона и тигра (рис. 2: 20). Золотые украшения с образами тигров и драконов бытовали на Центральной равнине еще в эпохи Шан и Чжоу, однако использование золотой зерни для передачи фактуры драконьей чешуи является типичным технологическим признаком ювелирного дела царства Цинь. В то же время сама композиционная схема «переплетенных животных» характерна для искусства Евразийской степи скифского времени. Обнаруженное в М14 серебряное поясное кольцо с рисунком морд животных МЗЛ; на ее разомкнутых концах смоделированы две обращенные друг к другу головы тигров в позе укуса (рис. 2: 23). Аналогичное изделие было найдено в могильнике Налингаоту (纳林高兔, уезд Шэньму, пров. Шэньси). Кроме того, в М14 у левой руки погребенного зафиксирован золотой поясной крюк, лицевая сторона которого украшена горельефным изображением переплетающихся драконов (рис. 2: 18). Точно такие же пряжки известны по материалам царских гробниц государства Чжуншань (中 山, пров. Хэбэй) эпохи Чжаньго. Единственное отличие заключается в том, что чжуншаньские экземпляры декорированы в технике инкрустации золотом и серебром [Хэбэйский провинциальный институт..., 1996: 153]. Примечательно, что хотя в археологическом отчете декор чжуншаньской пряжки интерпретируется как изображение птицы-феникса, судя по опубликованным иллюстрациям, он практически полностью идентичен орнаменту на пряжке из погр. М14 в Мацзяюане.

На могильнике Мацзяюань также представлена обширная серия абстрактных орнаментальных мотивов, вырезанных из золотой, серебряной и бронзовой фольги в силуэтной технике, визуально напоминающей традиционное китайское вырезание из бумаги. Этот технологический прием являлся одной из самых популярных художественных форм в эпоху Чжаньго. Подобные изделия часто встречаются как на Центральной равнине (царский могильник Чжуншань), так и в погребениях чуской культуры в нижнем течении Янцзы. Исследователи обычно сопоставляют данные мотивы с традиционным китайским образом птицы-феникса, рассматривая их как один из вариантов его иконографического воплощения.

Образы дракона и феникса, будучи мифологическими существами, по всей видимости, изначально зародились в регионе среднего и нижнего течения реки Янцзы. Уже в позднем неолите в материалах культур Шицзяхэ (石家河文化) и Лянчжу (良渚文化) (бассейн Янцзы) фиксируются нефритовые изделия в виде драконов [Ван, 2025: 170–173]. Впоследствии этот мотив стал широко применяться в декоре бронзовых сосудов эпох Шан и Чжоу. Согласно древним преданиям, феникс почитался как предок чусцев, которые обитали в бассейне Янцзы еще во времена династий Ся и Шан. В период от Западного Чжоу до Чжаньго феникс окончательно утвердился в качестве тотема царства Чу, играя важнейшую роль в декоративном искусстве и ритуальных практиках (рис. 4) [Пэн, 2020]. Что касается мотива тигра, то он, вероятно, возник на Цен-

тральной равнине в эпоху среднего Западного Чжоу, затем, в начале периода Чуньцю, проник в Северный Китай, где получил бурное развитие в рамках культуры верхнего слоя Сяцзядянь (夏家店上层文化) [Шао, Хоу, 2020: 268–271].

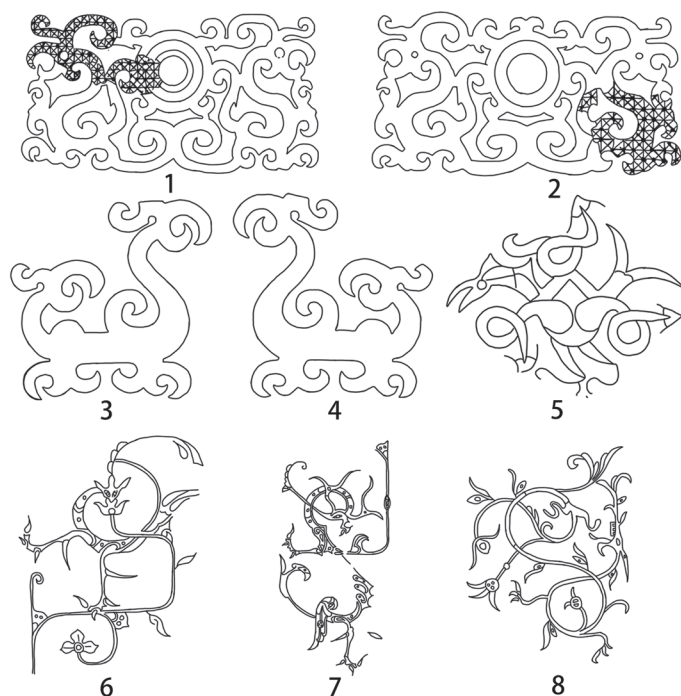

Рис. 4. Изображения дракона и феникса в культуре Чу периода Чжаньго [1–4 — по: Хэнань шэн вэньу каогу яньцзусю, 2003. С. 145, 150; 6–8 — по: Чжан, Фан, 2017. С. 64–69]: 1–5, 8 — феникс; 6, 7 — дракон (1, 2 — оловянные бляшки, могильник Гэлин (Синьцай, 新蔡葛陵楚墓), погр. N107; 3 — оловянная бляшка, там же, погр. N108; 4 — оловянная бляшка, там же, погр. N290; 5, 8 — изображения на шёлке, погребение № 1 могильника Машань (царство Чу, 马山楚墓); 6, 7 — изображения на шёлке, чуские могилы в Чанша, 长沙楚墓)

Fig. 4. Dragon and phoenix motifs in the Chu culture of the Warring States period [1–4 after: Henan sheng wenwu kaogu yanjiusuo, 2003, pp. 145, 150; 6–8 after: Zhang, Fang, 2017, pp. 64–69]: 1–5, 8 — phoenix; 6, 7 — dragon (1, 2 — tin plaques, Geling cemetery (Xincai), tomb N107; 3 — tin plaque, *ibid.*, tomb N108; 4 — tin plaque, *ibid.*, tomb N290; 5, 8 — silk ornaments, tomb no. 1, Mashan cemetery (Chu state); 6, 7 — silk ornaments, Chu tombs at Changsha)

Хотя в научной среде пока не достигнут полный консенсус относительно генезиса и компонентного состава ранней циньской культуры, никто из исследователей не отрицает наличия в ней субстрата традиций Центральной равнины [Лян, 2017: 149–174]. Исходя из этого, мы полагаем, что мотивы дракона и феникса, зафиксированные в сижунской культуре на примере могильника Мацзяюань, вероятно, были привнесены в Северо-Западный Китай в ходе западной экспансии циньцев. Для мотива тигра,

в свою очередь, можно реконструировать два возможных вектора распространения: один — также через ареал циньской культуры, а второй — путем прямой меридиональной трансляции с севера на юг, со стороны Ордоса.

Традиции Северного Китая

Мотив тигра является одной из самых репрезентативных декоративных тем в искусстве Северного Китая [Линь, 2003: 366–429]. Большое количество зооморфного орнамента с изображениями тигров появляется уже в культуре верхнего слоя Сяцзядянь (IX–VIII вв. до н.э.), относящейся к позднему периоду эпохи Западного Чжоу. В основном эти мотивы фиксируются на бронзовых изделиях, происходящих из таких могильников, как Сяохэйшигоу (小黑石沟) [Институт культурного наследия..., 2009] и Наньшаньгэнь (南山根) [Рабочая станция культурного наследия..., 1973, 27–39] (уезд Нинчэн, АР Внутренняя Монголия). К эпохе Чжаньго наблюдается массовое распространение бронзовых бляшек в виде фигур тигров, которые составляют около 80% от общего числа бронзовых предметов с тигриным орнаментом (рис. 5).

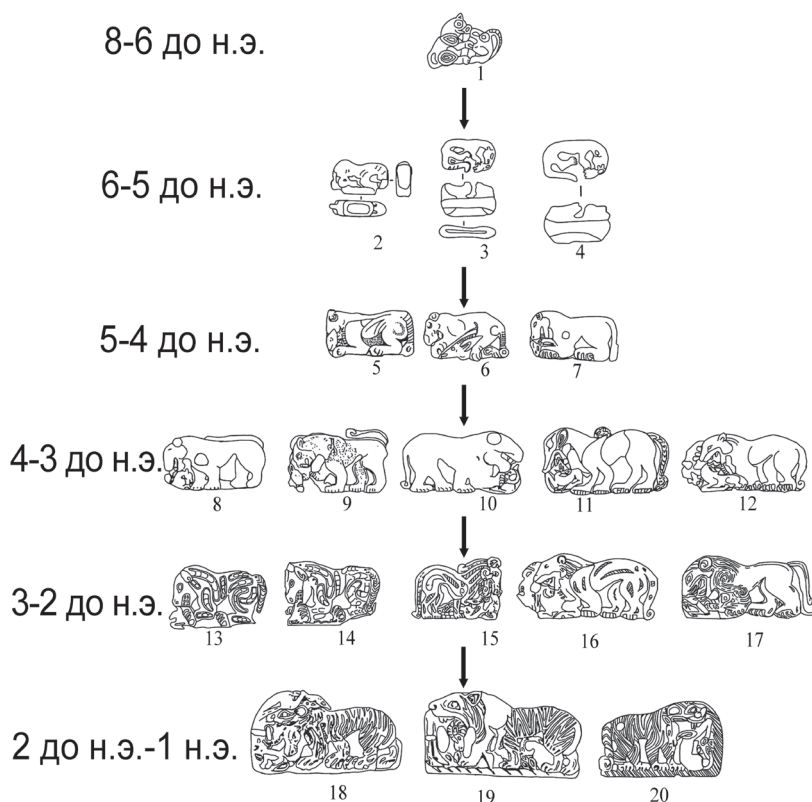

Рис. 5. Схематическая эволюция образа тигра в северных регионах Китая в I тысячелетии до н.э. [По: Шао, 2016, рис. 3] 1 — из могильника Сяохэйшигоу M8501; 2, 3 — из могильника Юйхуанмяо; 4 — из могильника Силянгуан (西梁垆); 5 — из погребения Фаньцзяоцзы (范家窑子); 6 — из могильника Госянь-яоцзы (嵯县窑子) M12; 7 — из могильника Сяошунгучэн

(小双古城) M11; 8 — из могильника Мачжуан; 9 — найдены в уезде Пэнъян, дер. Гучэнцунь (彭阳县古城村); 10 — коллекция Внутреннемонгольского музея; 11 — найдены в уезде Пэнъян, волость Синьцзи (彭阳县新集乡); 12 — найдены в уезде Цинъян, Уцзягоуцянь (庆阳吴家沟圈); 13, 14 — из могильника Люпин (刘坪); 15 — найдены в уезде Пэнъян, дер. Чжанцзецунь (彭阳张街村); 16 — найдены в уезде Сицзи, дер. Чэньянчуань (西吉县陈阳川村); 17 — из могильника Шихуэйгоу (石灰沟); 18 — найдены в уезде Янлан, Цзянхэ (杨郎蒋河); 19 — «Сборник находок из приграничья Великой стены, Внутренняя Монголия» (Neimenggu Changcheng didai shoulu); 20 — случайная находка из могильника Госянь-яоцзы

Fig. 5. Schematic evolution of the tiger motif in northern China during the first millennium BC.
[By: Shao, 2016, fig. 3] 1: Xiaoheishigou (小黑石沟) M8501; 2, 3: Yuhuangmiao (玉皇庙) cemetery; 4: Xiliangguan (西梁堽) cemetery; 5: Fanjia Yaozi (范家窑子) burial; 6: Guoxian Yaozi (崞县窑子) M12; 7: Xiaoshuang Gucheng (小双古城) M11; 8: Mazhuang (马庄) cemetery; 9: Guchengcun (古城村), Pengyang County (彭阳县); 10: Inner Mongolia Museum (内蒙古博物院) collection; 11: Xinji (新集乡), Pengyang County (彭阳县); 12: Wujiagouquan (吴家沟圈), Qingyang County (庆阳县); 13, 14: Liuping (刘坪) cemetery; 15: Zhangjie (张街村), Pengyang County (彭阳县); 16: Chenyangchuan (陈阳川村), Xiji County (西吉县); 17: Shihuigou (石灰沟) cemetery; 18: Jianghe (蒋河), Yanglang (杨郎); 19: Neimenggu Changcheng didai shoulu (内蒙古长城地带收录/Collection of finds from the Great Wall frontier zone, Inner Mongolia); 20: chance find from the Guoxian Yaozi (崞县窑子) cemetery

Основываясь на иконографических и декоративных признаках, тигриный орнамент Северного Китая можно разделить на три основные группы.

Первая группа: Одиночные изображения тигра. Иконографически хищник чаще всего представлен в позе на корточках (припав к земле) или в полуприседе; реже встречаются фигуры стоящего или идущего животного. Такие мотивы наносились на плоскость других бронзовых изделий в технике гравировки или плоского рельефа. Наиболее ранние образцы этой группы зафиксированы в культуре верхнего слоя Сяцзядянь (рис. 5: 1).

Вторая группа: Зооморфные навершия (окончания) в виде головы тигра. Это объемные скульптурные изображения тигриных голов, оформляющие концы пса́лиев, удил, рукоятей кинжалов, ножей и других предметов. Помимо декоративной они выполняли и утилитарную функцию. Данная группа была широко распространена в период от позднего Западного Чжоу до раннего Чжаньго (рис. 5: 2–4).

Третья группа: Бронзовые бляшки в виде фигур тигров (рис. 5: 8–20). Эту группу можно дополнительно подразделить на три типа: 1) одиночные фигуры тигров; 2) композиции тигра в сочетании с другими животными; 3) бляшки, изображающие как одиночных тигров, так и сцены с другими животными, но заключенные в прямоугольную профилированную рамку. В V–III вв. до н.э. композиционные бляшки второго типа получают массовое распространение как в Северном Китае, так и в памятниках скифского времени центральной части Евразийской степи. Что касается третьего типа (бляшки в прямоугольной рамке), то в Северном Китае они появляются несколько позже — лишь в конце эпохи Чжаньго, однако в хуннское время их количество резко возрастает, а видовой состав изображаемых животных дополняется крупным рога́тым скотом и лошадьми.

Одиночные изображения идущего тигра (первая группа) были обнаружены в погребениях М3, М5 и М50 могильника Мацзяюань. Декор в виде тигриных голов (вторая группа) зафиксирован на деталях колесниц из погр. М14 и М62. Намного многочисленнее находки бляшек в виде фигур тигров (третья группа). Так, в М14 найдены две золотые бляшки со сценой терзания оленя тигром. Из М20 и М15 происходит по одной золотой бляшке со сценой терзания барана тигром. В погр. М4 обнаружена бляшка с изображением двух взаимно терзающих друг друга хищников. Аналогичные бляшки были найдены в погребениях эпохи Чжаньго на территории Внутренней Монголии — в могильнике Госяньяоцзы (崞县窑子), Сяошуангучэн (小双古城) и Мацжуан (马庄) [Шао, 2018: 43–56]. В период Чжаньго типичным мотивом бронзовых и золотых поясных блях на территории Северного Китая является изображение хищника (тигра или волка), терзающего травоядное животное. Своеобразие же аналогичных сюжетов в могильнике Мацзяюань заключается в том, что у тигра или волка хвост загнут вверх и завершается птичьей головой. Лю Ян полагает, что истоки этого декоративного стиля, вероятно, находятся на Алтае. [Лю, 2021: 28]. Прямоугольные бляшки из М4 и М52 в Мацзяюане находят прямые аналогии в материалах погребений эпохи Чжаньго в Сигоупань (西沟畔) и Алучайдэне (阿鲁柴登) (Внутренняя Монголия). Примечательно, что регион от Ордо-са до Лессового плато характеризуется высокой концентрацией находок тигриных бляшек. В элитных захоронениях могильника Цзюньдушань погребенные носили подобные бляшки на груди; золотые тигриные бляшки встречаются и в ранних погребениях государства Чжуншань на севере провинции Хэбэй. Все эти археологические комплексы традиционно связываются исследователями с племенами *байди* (白狄), упоминаемыми в древнекитайских письменных источниках [Линь, 2003: 366–429].

В то же время за пределами Нинся, на территории Внутренней Монголии были обнаружены такие же, как в Мацзяюане, изображения козрогов из золотой и серебряной фольги, а также ажурные треугольные бляшки [Ши, 2014: 288–298; Liu, Tan, Yang, Ma, 2021: 741–761]. Этот факт неопровержимо свидетельствует о том, что культурный обмен между двумя регионами не был односторонним.

В середине эпохи Чжаньго (вторая половина IV в. до н.э.) началось масштабное продвижение кочевых племен с Монгольского плато на юг, в то время как государства Центральной равнины (Чжунъюаня), напротив, активно расширяли сферу своего влияния на север, в зону Великой стены. Под давлением этих встречных (северного и южного) векторов экспансии территории вдоль Великой стены вступили в период социальной нестабильности и резкой интенсификации миграционных процессов. Именно на фоне этого активного горизонтального культурного обмена некоторые традиции Северного Китая (в частности, мотив тигра) проникли в Северо-Западный регион.

Заключение

Зооморфный декор, будучи не ограниченным утилитарными функциями своего носителя, отличается исключительным типологическим разнообразием и зачастую гораздо глубже отражает внутренний духовный мир и культурные традиции популяции, нежели предметы быта. По сравнению с сугубо утилитарным инвентарем, зооморфные мотивы выступают ярким выражением мироощущения древнего населения; их художественные формы — это не просто индивидуальное самовыражение мастера-созда-

теля, но и репрезентация образа жизни и миграционной динамики целых этнокультурных групп [Andreeva, 2022: 413–465].

Комплекс зооморфных мотивов могильника Мацзяюань, включающий изображения козерогов, архаров, грифонов, тигров, сцены терзания оленя тигром и стилизованные орнитоморфные мотивы, является конкретным воплощением материальной культуры племен жунов (戎). В то же время сквозь призму тотемических и благопожелательных символов в них прослеживаются общие элементы духовной культуры. Различия же в морфологии и детализации орнамента на однотипных изделиях из разных погребений, по-видимому, отражают индивидуальность и социальный статус самих погребенных. Тот факт, что зооморфные украшения выполнены преимущественно из благородных металлов, позволяет с высокой долей уверенности интерпретировать данный могильник как элитный. Ярко выраженная традиция почитания золота кардинально отличает культуру Мацзяюаня от традиций Центральной равнины, где доминировал культ нефрита. Весьма вероятно, что эта «золотая традиция» сформировалась под влиянием кочевников Саяно-Алтайского нагорья — региона, исключительно богато-го месторождениями этого металла.

Территория, на которой расположен могильник Мацзяюань, в I тыс. до н.э. представляла собой зону интенсивной полиэтнической и кросс-культурной интеграции. В настоящее время большинство исследователей склонны атрибутировать основную массу погребенных здесь индивидов как представителей племен западных жунов (西戎) [Ци, 2025: 70–78; Ван, 2009: 70–77; Го, 2019: 46–53]; однако существует и альтернативная точка зрения, связывающая этот памятник с племенами ицзюй (义渠). Хронологически могильник датируется периодом от середины до начала позднего этапа эпохи Чжаньго (IV — первая половина III в. до н.э.) [Пань, 2025: 71–123]. Начиная с эпохи Чуньцю, данная популяция поддерживала тесные контакты с северными территориями Ордоса, на юге испытывала мощное влияние циньской культуры и традиций Центральной равнины, а на западе — воздействие скифо-сакского мира центральной части Евразийской степи. Кроме того, декор колесниц и бронзовые сосуды обнаруживают возможные связи с чуской культурой в нижнем течении Янцзы. Столь масштабный геокультурный фон превратил популяцию, оставившую могильник Мацзяюань, в своеобразный фокус (узел) пересечения множества культурных традиций.

Подобное культурное многообразие тесно связано со сложным этнодемографическим составом населения зоны Великой стены в эпоху Восточного Чжоу. С другой стороны, эти материалы убедительно свидетельствуют о том, что в период Чжаньго, вследствие политической турбулентности на Центральной равнине и масштабной экспансии кочевников с Монгольского плато на юг, в Северном Китае — выступавшем буферной зоной между кочевым и земледельческим мирами — резко активизировался широтный вектор культурного обмена. Этот транзитный коридор протянулся далеко на запад, достигнув центральных областей Евразийской степи — Саяно-Алтая и степей Казахстана.

Благодарности и финансирование:

Авторы выражают искреннюю благодарность рецензентам за ценные замечания и исправление технических погрешностей, что позволило значительно улучшить ста-

тью. Также авторы признательны докторанту Ма Сяонину (马小宁) из Института культурного наследия Северо-Западного университета (Китай) за дополнительные материалы, предоставленные в ходе доработки рукописи. Работа выполнена при финансовой поддержке специального проекта Министерства образования КНР в области философии и социальных наук 2024 г. «Сравнительное исследование происхождения китайской и зарубежных цивилизаций» (№ 2024JZDZ058), проект Программы «Возрождение археологических кадров Китая» (№ 2024–267) и «Исследование раннего культурного взаимодействия Востока и Запада в евразийских степях: биоархеологический аспект» (№ 23VSL007).

Acknowledgements and funding:

The authors would like to express their sincere gratitude to the reviewers for their valuable suggestions and for correcting technical errors, which have greatly improved the article. Thanks are also extended to PhD. Ma Xiaoning (马小宁) from the School of Cultural Heritage, Northwest University (China) for providing supplementary materials during the revision of the manuscript. This work was supported by the 2024 Major Research Program of Philosophy and Social Sciences of the Ministry of Education of the People's Republic of China: “Comparative Study of the Origins of Chinese and Foreign Civilizations” (No. 2024JZDZ058), Archaeological Talent Promotion Program of China (2024–267) and Project: “Early East-West Cultural Exchange in the Eurasian Steppe: A Bioarchaeological Perspective” (No. 23VSL007).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 131 с.
- Грязнов М. П. Первый пазырыкский курган. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1950. 92 с.
- Жумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Онгар А. Есік. Иссык. Esik. Алматы, 2011. 200 с.
- История Сибири: в 4 т. Т. 2: Железный век и Средневековье / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 642 с.
- Ковалев А. А. Лоуфаньская элита Ордоса и ее связи с царствами Чжао и Цинь // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 2. С. 242–262.
- Ковалев А. А. Синьжунтоу М30 — погребение знатного представителя пазырыкцев-«лоуфаней» на службе вана китайского царства Янь (середина III в. до н.э.) // Краткие сообщения Института Археологии. 2015. Вып. 238. С. 229–241.
- Полосьмак Н. В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: ВО Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. 125 с.
- Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.
- Толеубаев А. Е. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: ИП Садвакасов А. К., 2018. 528 с.
- Ши Ханьда. Влияние пазырыкской культуры на Синьцзян и север Китая в скифосакское время. // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37. № 1. С. 223–248. [https://doi.org/10.14258/tpai \(2025\)37\(1\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai (2025)37(1).-12)

Шульга П. И. Поясные бляшки Староалейской культуры. Происхождение и использование. // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. No 3. С. 99–119. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2023\)3-05](https://doi.org/10.14258/nreur(2023)3-05).

Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

Шульга П. И., Шульга Д. П. Варианты использования накладных поясных бляшек скифского времени в Южной Сибири и Северном Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии, Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 969–976. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2023.29.0969-0976>

Andreeva P. Re-making animal bodies in the arts of early China and North Asia: Perspectives from the steppe // Early China. 2022. Т. 45. Р. 413–465. <https://doi.org/10.1017/eac.2022.6>.

Liu Y., Tan P., Yang J., Ma J. Social agency and prestige technology: serial production of gold appliqués in the early Iron Age north-west China and the Eurasian steppes // World Archaeology. 2021. Т. 53. №. 5. Р. 741–761. <https://doi.org/10.1080/00438243.2022.2055655>.

Xie X., Chen G., Xie Y., Zhang W., Gu W. Technological researches of metal artefacts excavated from Majiayuan, Zhangjiachuan, Gansu Province, China. // Journal of Archaeological Science: Reports. 2024. Т. 53. Р. 104375. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2023.104375>.

王辉 [Ван Хуэй]. 张家川马家塬墓地相关问题初探 [Предварительное исследование вопросов, связанных с могильником Мацзяюань в Чжанцзячуане]. // 文物 [Культурное наследие]. 2009. № 10. С. 70–77 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2009.10.003>.

王玉锋 [Ван Юйфэн]. 龙纹的起源与形成 [Происхождение и формирование орнамента дракона] // 文物鉴定与鉴赏 [Экспертиза и оценка культурного наследия]. 2025. № 6. С. 170–173 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.20005/j.cnki.issn.1674-8697.2025.06.041>.

王辉, 赵昊成, 赵卓, 等 [Ван Хуэй, Чжао Учэн, Чжао Чжо и др.]. 张家川马家塬战国墓地2008~2009年发掘简报 [Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуане в 2008–2009 гг.]. // 文物 [Культурное наследие]. 2010. № 10. С. 4–26 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2010.10.003>.

甘肃省文物考古研究所、清水县博物馆 [Ганьсуский провинциальный институт культурного наследия и археологии, Музей уезда Циншуй]. 清水刘坪 [Могильник Люпин в уезде Циншуй]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство Вэньу]. 2014. (на кит. яз.).

郭物 [Го У]. 马家塬墓地所见秦霸西戎的文化表象及其内因 [Культурные проявления и внутренние причины гегемонии Цинь над западными жунами (сизунами) в свете находок из могильника Мацзяюань]. // 四川文物 [Культурное наследие Сычуани]. 2019. № 4. С. 46–53 (на кит. яз.).

甘肃省文物考古研究所 [Институт археологии и материальной культуры пров. Ганьсу]. 西戎遗珍: 马家塬战国墓地出土文物 [Археологические находки западных жунов периода Чжаньго по материалам могильника Мацзяюань]. 北京 [Пекин]: 文物出版社 [Вэньу чубаньшэ]. 2014. С. 54–57 (на кит. яз.).

内蒙古自治区文物考古研究所, 宁城县辽中京博物馆 [Институт культурного наследия и археологии автономного района Внутренняя Монголия, Музей Средней столицы династии Ляо в уезде Нинчэн]. 小黑石沟: 夏家店上层文化遗址发掘报告 [Сяо-

хэйшигоу: Отчет о раскопках памятника верхнего слоя культуры Сяцзядянь]. 北京 [Пекин]. 科学出版社 [Издательство Кэсюэ]. 2009, 487 с. (на кит. яз.).

李晓青, 南宝生 [Ли Сяоцин, Нань Баошэн]. 甘肃清水县刘坪近年发现的北方系青铜器及金饰片 [Бронзовые изделия северного типа и золотые украшения, недавно обнаруженные в Люпине уезда Циншуй провинции Ганьсу]. // 文物 [Культурное наследие]. 2003. № 7. С. 4–17. (на кит. яз.).

李宇 [Ли Юй]. 秦金银制品的考古发现及相关问题初论 [Предварительное исследование археологических находок золотых и серебряных изделий эпохи Цинь и связанных с ними вопросов] // 文博 [Культура и музеи]. 2016. № 4. С. 19–26. (на кит. яз.).

林沄 [Линь Юнь]. 中国北方长城地带游牧文化带的形成过程 [Процесс формирования пояса кочевых культур в зоне Великой Китайской стены на севере Китая] // 燕京学报 [Яньцзинский вестник]. 2003. № 14. С. 366–429 (на кит. яз.).

刘兵兵, 谢焱, 王辉 [Лю Бинбин, Се Янь, Ван Хуэй]. 甘肃张家川马家塬战国墓地 2012~2014年发掘简报 [Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуане, провинция Ганьсу, в 2012–2014 гг.]. // 文物 [Культурное наследие]. 2018. № 3. С. 4–25. <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2018.03.001> (на кит. яз.).

柳扬 [Лю Ян]. 马家塬出土金银铜饰动物造型的欧亚草原游牧文化因素 [Найденные в Мацзяюане золотые, серебряные и бронзовые украшения в форме животных отражают элементы евразийской степной кочевой культуры]. // 秦與戎: 秦文化與西戎文化十年考古成果展 [Цинь и жуны: презентация археологических достижений культуры Цинь и западных жунов по результатам раскопок за десять лет]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство «Культурное наследие» (Вэньбу).] 2021. С. 24–70 (на кит. яз.).

梁云 [Лян Юнь]. 论早期秦文化的来源与形成 [О происхождении и формировании ранней циньской культуры]. // 考古学报 [Археологический вестник]. 2017. № 2. С. 149–174 (на кит. яз.).

礼县博物馆编 [Музей уезда Лисянь (сост.)]. 秦西陲陵区 [Район гробниц на западных рубежах государства Цинь]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство Вэньбу]. 2004, 157 с. (на кит. яз.).

潘玲, 李祉祺 [Пань Лин, Ли Чжици]. 马家塬墓地的分期、文化因素及族属研究 [Периодизация, культурные элементы и этническая принадлежность могильника Мацзяюань]. // 北方考古 [Северная археология]. 第19辑 [Выпуск 19]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство Вэньбу]. 2025. С. 71–123 (на кит. яз.).

潘玲, 马婷 [Пань Лин, Ма Тин]. 马家塬墓地波斯文化因素分析 [Анализ элементов персидской культуры в могильнике Мацзяюань]. // 草原文物 [Культурное наследие степей]. 2023. № 2. С. 91–106 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.16327/j.cnki.cn15-1361/k.2023.02.001>.

北京市文物研究所 [Пекинский институт культурного наследия]. 军都山墓地 — 玉皇庙 (三) [Могильник Цзюньдушань — Юйхуанмяо (Часть III)]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство Вэньбу]. 2007. (на кит. яз.).

彭杨 [Пэн Ян]. 楚凤鸟图式及其精神研究 [Исследование иконографии и духовного значения чуской птицы феникс] // 博士学位论文 [Диссертация на соискание ученой степени доктора наук]. 湖南师范大学 [Хунаньский педагогический университет]. 2020. (на кит. яз.).

辽宁省昭乌达盟文物工作站, 中国科学院考古研究所东北工作队 [Рабочая станция культурного наследия аймака Чжаоуда провинции Ляонин, Северо-Восточный рабочий отряд Института археологии АН Китая]. 宁城县南山根的石椁墓 [Гробницы с каменными саркофагами в Наньшаньгэне, уезд Нинчэн]. // 考古学报 [Археологический вестник]. 1973. № 2. С. 27–39 (на кит. яз.).

谢焱, 刘兵兵 [Се Янь, Лю Бинбин]. 张家川马家塬战国墓地2010~2011年发掘简报 [Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуане в 2010–2011 гг.] // 文物 [Культурное наследие]. 2012. № 8. С. 4–26 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2012.08.005>.

谢焱, 冯维伟, 刘兵兵, 等 [Се Янь, Фэн Вэйвэй, Лю Бинбин и др.]. 甘肃张家川马家塬墓地2015年发掘简报 [Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань в Чжанцзячуане провинции Ганьсу в 2015 г.] // 考古与文物 [Археология и культурное наследие]. 2024. № 3. С. 22–42 (на кит. яз.).

谢焱, 杨军昌, 刘柳, 等 [Се Янь, Ян Цзюньчан, Лю Лю и др.]. 甘肃张家川马家塬战国墓地M52木棺的实验室考古 [Лабораторные археологические исследования деревянного гроба M52 из могильника Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуане провинции Ганьсу]. // 文物 [Культурное наследие]. 2026. № 1. С. 4–21 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2026.01.006>.

吴晓筠 [У Сяюнь]. 山巅上的雄鹿、猛虎与野山羊: 马家塬马车草原装饰的来源与传播途径 [Олени, тигры и дикие козлы на горных вершинах: истоки и пути распространения степного декора колесниц из Мацзяюань] // 故宫学术季刊 [Научный ежеквартальник Музея Гугун]. 2016. Т. 34. № 1. С. 5–10 (на кит. яз.).

河北省文物研究所编著 [Хэбэйский провинциальный институт культурного наследия (сост.)]. 厝墓: 战国中山国国王之墓 (上) [Гробница Цо: гробница правителя царства Чжуншань периода Сражающихся царств (Том I)]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство Вэньбу]. 1996. 888 с. (на кит. яз.).

河南省文物考古研究所 [Хэнань шэн вэньбу каогу яньцзюсо]. 新蔡葛陵楚墓 [Чуский могильник Гэлин (Синьцай)]. 郑州 [Чжэнчжоу]: 大象出版社 [Издательство Дасян], 2003 (на кит. яз.).

祁翔 [Ци Сян]. 论渭河上游东周西戎文化类型与文化嬗变 [О типах и эволюции культуры западных жунов периода Восточного Чжоу в верховьях реки Вэйхэ]. // 考古与文物 [Археология и культурное наследие]. 2025. № 2. С. 70–78 (на кит. яз.).

张庆, 方敏 [Чжан Цин, Фан Минь]. 楚国丝绸中的龙凤合体造型探析 [Анализ композиционных форм дракона и феникса в чуском шёлке] // 丝绸 [Шёлк]. 2017. Т. 54. № 1. С. 64–69. (на кит. яз.).

周广济, 方志军, 谢言, 等 [Чжоу Гуанцзи, Фан Чжицзюнь, Се Янь и др.]. 2006年度甘肃张家川回族自治县马家塬战国墓地发掘简报 [Краткий отчет о раскопках 2006 года в могильнике Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуань-Хуэйском автономном уезде провинции Ганьсу] // 文物 [Культурное наследие]. 2008. № 9. С. 4–28 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2008.09.001>.

周广济, 赵吴成, 赵卓, 等 [Чжоу Гуанцзи, Чжао Учэн, Чжао Чжо и др.]. 张家川马家塬战国墓地2007~2008年发掘简报 [Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуане в 2007–2008 гг.] // 文物 [Культур-

ное наследие]. 2009. № 10. С. 25–51 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2009.10.001>.

邵会秋 [Шао Хуэйцю]. 欧亚草原中部区早期游牧文化动物纹装饰研究 [Исследование зооморфных орнаментов ранних кочевых культур в центральной зоне Евразийской степи] // 边疆考古研究 [Исследования пограничной археологии]. 2016. № 1. С. 229–256 (на кит. яз.).

邵会秋 [Шао Хуэйцю]. 中国北方、新疆和欧亚草原文化的交往 — 以动物纹装饰为视角 [Культурные контакты между Северным Китаем, Синьцзяном и Евразийской степью: через призму зооморфных орнаментов] // 西域研究 [Исследования Западного края]. 2018. № 2. С. 43–56 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xuyj.2018.02.005>.

邵会秋, 侯知军 [Шао Хуэйцю, Хоу Чжицзюнь]. 百兽率舞: 商周时期中国北方动物纹装饰综合研究 [Танец всех зверей: комплексное исследование зооморфных орнаментов северного Китая периодов Шан и Чжоу]. 上海 [Шанхай]. 古籍出版社 [Издательство Гуцзи]. 331 с. (на кит. яз.).

史党社 [Ши Даншэ]. 从考古新发现谈前丝路的一些问题 [Некоторые вопросы до-Шелкового пути в свете новых археологических открытий] // 秦始皇帝陵博物院论丛 [Сборник статей Музея Мавзолея императора Цинь Шихуана]. 2014. С. 288–298 (на кит. яз.).

杨守国, 祁悦章 [Ян Шоуго, Ци Юэчжан]. 宁夏彭阳县近年出土的北方系青铜器 [Бронзовые изделия северного типа, недавно найденные в уезде Пэнъян Нинся-Хуэйского автономного района] // 考古 [Археология]. 1999. № 12. С. 28–37 (на кит. яз.).

杨静, 沈爱凤 [Ян Цзин, Шэнь Айфэн]. 互鉴 • 共融: 马家塬战国墓地出土服饰的多元文化探析 [Взаимодействие и интеграция: исследование мультикультурализма одежды, найденной в могильнике Мацзяюань периода Сражающихся царств] // 山东工艺美术学院学报 [Вестник Шаньдунского института искусств и ремесел]. 2025. № 1 (на кит. яз.).

杨建华 [Ян Цзяньхуа]. 张家川墓葬草原因素寻踪 — 天山通道的开启 [По следам степных элементов в погребениях Чжанцзячуаня: открытие Тянь-Шаньского коридора] // 西域研究 [Исследования Западного края]. 2010. № 4. С. 51–56 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xuyj.2010.04.011>.

References

Akishev K.A. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana* [Issyk Kurgan. The Art of the Saka of Kazakhstan]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1978, 131 p. (in Russian).

Gryaznov M. P. *Pervyi pazyrykskii kurgan* [The First Pazyryk Kurgan]. Leningrad: Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1950, 92 p. (in Russian).

Istoriya Sibiri: v 4 t. T. 2: Zheleznyi vek i Srednevekov'e [History of Siberia: in 4 vols. Vol. 2: Iron Age and Middle Ages]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2019, 642 p. (in Russian).

Kovalev A.A. Loufan'skaya elita Ordosa i ee svyazi s tsarstvami Chzhao i Tsin' [Loufan elite of Ordos and its connections with the Zhao and Qin states]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. 2024, vol. 24, no. 2, pp. 242–262 (in Russian).

Kovalev A.A. Sin'chzhuantou M30 — pogrebenie znatnogo predstavitelya pazyryktsev-“loufanei” na sluzhbe vana kitaiskogo tsarstva Yan' (seredina III v. do n. e.) [Xinzhuangtou

M30 — a burial of a noble representative of the Pazyrykians—“Loufan” in the service of the Wang of the Chinese Yan state (mid-3rd century BC)]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. 2015, no. 238, pp. 229–241 (in Russian).

Polos'mak N. V. “*Steregushchie zoloto grify*” (*ak-alakhinskie kurgany*) [“Griffins guarding the gold” (Ak-Alakha kurgans)]. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 1994, 125 p. (in Russian).

Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the Population of the Central Altai in the Scythian Time]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1960, 360 p. (in Russian).

Shi Handa. Vliyanie pazyrykskoi kul'tury na Sin'tszyan i sever Kitaya v skifo-sakskoe vremya [Influence of the Pazyryk culture on Xinjiang and northern China in the Scytho-Saka period]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2025, vol. 37, no. 1, pp. 223–248 (in Russian). <https://doi.org/10.14258/tpai> (2025) 37 (1).–12

Shul'ga P. I. *Sin'tszyan v VIII–III vv. do n. e. (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya)* [Xinjiang in the 8th–3rd centuries BC (Burial complexes. Chronology and periodization)]. Barnaul: AltGTU Publ., 2010, 238 p. (in Russian).

Shul'ga P. I. Poyasnye blyashki Staroaleiskoi kul'tury. Proiskhozhdenie i ispol'zovanie [Belt plaques of the Staroaleisk culture: Origin and use]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2023, vol. 28, no. 3, pp. 99–119 (in Russian). <https://doi.org/10.14258/nreuer> (2023) 3–05

Shul'ga P. I., Shul'ga D. P. Varianty ispol'zovaniya nakladnykh poyasnykh blyashek skifskogo vremeni v Yuzhnoi Sibiri i Severnom Kitae [Variants of use of Scythian-period belt plaques in Southern Siberia and Northern China]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2023, vol. 29, pp. 969–976 (in Russian). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2023.29.0969-0976>

Toleubaev A. E. *Rannesakskaya shiliktinskaya kul'tura* [Early Saka Shilikty Culture]. Almaty: IP “Sadvakasov A. K.” Publ., 2018, 528 p. (in Russian).

Zhumabekova G. S., Bazarbaeva G. A., Ongar A. *Esik. Issyk. Esik* [Esik. Issyk. Esik]. Almaty, 2011, 200 p. (In Russian, Kazakh and English).

Andreeva P. Re-making animal bodies in the arts of early China and North Asia: Perspectives from the steppe. *Early China*. 2022, vol. 45, pp. 413–465. <https://doi.org/10.1017/eac.2022.6>.

Liu Y., Tan P., Yang J., Ma J. Social agency and prestige technology: serial production of gold appliqués in the early Iron Age north-west China and the Eurasian steppes. *World Archaeology*. 2021, vol. 53, no. 5, pp. 741–761. <https://doi.org/10.1080/00438243.2022.2055655>.

Xie X., Chen G., Xie Y., Zhang W., Gu W. Technological researches of metal artefacts excavated from Majiayuan, Zhangjiachuan, Gansu Province, China. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2024, vol. 53, p. 104375. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2023.104375>.

Beijing shi wenwu yanjiusuo. Jūndūshān mùdì — Yùhuángmiào (sān) [Jundushan Cemetery: Yuhuangmiao (Part III)]. Beijing: Cultural Relics Press, 2007. (in Chinese).

Gansu sheng wenwu kaogu yanjiusuo, Qingshui xian bowuguan. Qīngshuǐ Liúping [Liuping Cemetery in Qingshui County]. Beijing: Cultural Relics Press, 2014. (in Chinese).

Gansu sheng wenwu kaogu yanjiusuo. *Xīróng yízhēn: Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì chūtǔ wénwù* [Treasures of the Western Rong: Artifacts Unearthed from the Majiayuan Cemetery of the Warring States Period]. Beijing: Cultural Relics Press, 2014, pp. 54–57. (in Chinese).

Guo Wu. Mǎjiāyuán mùdì suǒ jiàn Qín bà Xīróng de wénhuà biǎoxiàng jí qí nèiyīn [Cultural manifestations and internal causes of Qin's hegemony over Western Rong as seen from the Majiayuan Cemetery]. *Sìchuān Wénwù* [Sichuan Cultural Relics]. 2019, no. 4, pp. 46–53 (in Chinese).

Hebei sheng wenwu yanjiusuo. *Cuò mù: Zhànguó Zhōngshānguó guówáng zhī mù (shàng)* [Tomb of Cuo: The Tomb of the King of Zhongshan State in the Warring States Period (Vol. 1)]. Beijing: Cultural Relics Press, 1996, 888 p. (in Chinese).

Henan sheng wenwu kaogu yanjiusuo. *Xīncài Gélíng Chǔ mù* [Geling Chu Tomb in Xincai]. Zhengzhou: Elephant Press, 2003, pp. 145, fig. 83; p. 150, fig. 87. (In Chinese).

Li Xiaoqing, Nan Baosheng. Gānsù Qīngshuǐ xiàn Liúping jìnnián fāxiàn de běifāng xì qīngtóngqì jí jīn shìpiàn [Northern-type bronze wares and gold ornaments recently discovered in Liuping, Qingshui County, Gansu]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2003, no. 7, pp. 4–17 (in Chinese).

Li Yu. Qín jīnyín zhìpǐn de kǎogǔ fāxiàn jí xiāngguān wèntí chūlùn [Preliminary discussion on archaeological discoveries and related issues of Qin gold and silver artifacts]. *Wénbó* [Relics and Museology]. 2016, no. 4, pp. 19–26 (in Chinese).

Liang Yun. Lùn zǎoqī Qín wénhuà de láiyuán yǔ xíngchéng [On the origin and formation of early Qin culture]. *Kǎogǔ Xuébào* [Acta Archaeologica Sinica]. 2017, no. 2, pp. 149–174 (in Chinese).

Liaoning sheng Zhaowuda meng wenwu gongzuozhan, Zhongguo kexueyuan kaogu yanjiusuo dongbei gongzuodui. Níngchéng xiàn Nánshāngēn de shíguǒmù [Stone-chamber tombs at Nanshangen in Ningcheng County]. *Kǎogǔ Xuébào* [Acta Archaeologica Sinica]. 1973, no. 2, pp. 27–39 (in Chinese).

Lin Yun. Zhōngguó běifāng chángchéng dīdài yóumù wénhuà dài de xíngchéng guòchéng [The formation process of the nomadic cultural belt in the Great Wall region of northern China]. *Yānjīng Xuébào* [Yenching Journal of Chinese Studies]. 2003, no. 14, pp. 366–429 (in Chinese).

Liu Bingbing, Xie Yan, Wang Hui. Gānsù Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì 2012–2014 nián fājué jiǎnbào [Brief report on the 2012–2014 excavations of the Majiayuan Cemetery of the Warring States period in Zhangjiachuan, Gansu]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2018, no. 3, pp. 4–25 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2018.03.001>

Liu Yang. Mǎjiāyuán chūtǔ jīnyín tóng shì dòngwù zàoxíng de Ōuyà cǎoyuán yóumù wénhuà yīnsù [Eurasian Steppe Nomadic Cultural Elements in the Animal-shaped Gold, Silver and Bronze Ornaments Excavated from Majiayuan]. Gānsùshěng wénwù kǎogǔ yánjiūsuo (ed.), *Qín yǔ Róng: Qín wénhuà yǔ Xīróng wénhuà shí nián kǎogǔ chéngguǒ zhǎn* [Qin and Rong: Ten Years of Archaeological Achievements of Qin Culture and Xirong Culture]. Beijing: Wenwu Chubanshe [Cultural Relics Press]. 2021, pp. 24–70. (In Chinese).

Lixian bowuguan. *Qín xīchuí língqū* [The Mausoleum Area in the Western Frontier of Qin]. Beijing: Cultural Relics Press, 2004, 157 p. (In Chinese).

Neimenggu zizhiqū wenwu kaogu yanjiusuo, Ningcheng xian Liao zhongjing bowuguan. *Xiǎohēishígōu: Xiàjiādiàn shàngcéng wénhuà yízhǐ fājué bàogào* [Xiaoheishigou:

Excavation report of the Upper Xiajiadian Culture site]. Beijing: Science Press, 2009, 487 p. (In Chinese).

Pan Ling, Li Zhiqi. *Mǎjiāyuán mùdì de fēnqī, wénhuà yīnsù jí zúshǔ yánjiū* [Study on the periodization, cultural elements, and ethnic affiliation of the Majiayuan Cemetery]. *Běifāng Kǎogǔ* [Northern Archaeology]. Beijing: Cultural Relics Press. 2025, no. 19, pp. 71–123 (in Chinese).

Pan Ling, Ma Ting. *Mǎjiāyuán mùdì Bōsī wénhuà yīnsù fēnxī* [Analysis of Persian cultural elements in the Majiayuan Cemetery]. *Cǎoyuán Wénwù* [Steppe Cultural Relics]. 2023, no. 2, pp. 91–106 (in Chinese). <https://doi.org/10.16327/j.cnki.cn15-1361/k.2023.02.001>

Peng Yang. *Chǔ fèngniǎo túshì jí qí jīngshén yánjiū* [Study on the Chu phoenix schema and its spirit]. PhD Dissertation. Changsha: Hunan Normal University, 2020. (In Chinese).

Qi Xiang. *Lùn Wèihé shàngyóu Dōngzhōu Xīróng wénhuà lèixíng yǔ wénhuà shànbiàn* [On the cultural types and cultural evolution of the Western Rong in the upper reaches of the Wei River during the Eastern Zhou period]. *Kǎogǔ Yǔ Wénwù* [Archaeology and Cultural Relics]. 2025, no. 2, pp. 70–78 (in Chinese).

Shao Huiqiu, Hou Zhijun. *Bǎishòu shuàiwǔ: Shāng-Zhōu shíqī Zhōngguó běifāng dòngwù wén zhuāngshì zōnghé yánjiū* [The dance of a hundred beasts: A comprehensive study of animal-pattern ornaments in Northern China during the Shang and Zhou periods]. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House, 331 p. (In Chinese).

Shao Huiqiu. *Ōuyà cǎoyuán zhōngbù qū zǎoqī yóumù wénhuà dòngwù wén zhuāngshì yánjiū* [Study on the animal-pattern ornaments of early nomadic cultures in the central Eurasian steppe]. *Biānjiāng Kǎogǔ Yánjiū* [Frontier Archaeological Research]. 2016, no. 1, pp. 229–256 (in Chinese).

Shao Huiqiu. *Zhōngguó běifāng, Xīnjiāng hé Ōuyà cǎoyuán wénhuà de jiāowǎng — yǐ dòngwù wén zhuāngshì wèi shìjiǎo* [Cultural interactions among Northern China, Xinjiang, and the Eurasian steppe: From the perspective of animal-pattern ornaments]. *Xīyù Yánjiū* [The Western Regions Studies]. 2018, no. 2, pp. 43–56 (in Chinese). <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xyyj.2018.02.005>

Shi Dangshe. *Cóng kǎogǔ xīn fāxiàn tán qián Sīlù de yīxiē wèntí* [Some issues on the Pre-Silk Road in light of new archaeological discoveries]. *Qínshǐhuángdìlǐng Bówùyüàn Lùncóng* [Collection of Essays from the Emperor Qinshihuang's Mausoleum Site Museum]. 2014, pp. 288–298 (in Chinese).

Wang Hui, Zhao Wucheng, Zhao Zhuo, et al. *Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì 2008–2009 nián fājué jiǎnbào* [Brief report on the 2008–2009 excavations of the Majiayuan Warring States cemetery in Zhangjiachuan]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2010, no. 10, pp. 4–26 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2010.10.003>

Wang Hui. *Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán mùdì xiāngguān wèntí chūtān* [Preliminary study on issues related to the Majiayuan Cemetery in Zhangjiachuan]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2009, no. 10, pp. 70–77 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2009.10.003>

Wang Yufeng. *Lóng wén de qǐyuán yǔ xíngchéng* [Origin and formation of the dragon motif]. *Wénwù Jiàndìng yǔ Jiànshǎng* [Identification and Appreciation of Cultural Relics]. 2025, no. 6, pp. 170–173 (in Chinese). <https://doi.org/10.20005/j.cnki.issn.1674-8697.2025.06.041>

Wu Xiaoyun. *Shāndiān shàng de xiónglù, měnghǔ yǔ yěshānyáng: Mǎjiāyuán mǎchē cǎoyuán zhuāngshì de láiyuán yǔ chuánbō tújīng* [Stags, Tigers, and Wild Goats on the

Mountaintop: Origin and Dissemination Routes of the Steppe Decoration on Majiayuan Chariots]. *Gùgōng Xuéshù Jíkān* [National Palace Museum Research Quarterly]. 2016, vol. 34, no. 1, pp. 5–10 (in Chinese).

Xie Yan, Feng Weiwei, Liu Bingbing, et al. Gānsù Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán mùdì 2015 nián fājué jiǎnbào [Brief report on the 2015 excavations of the Majiayuan Cemetery in Zhangjiachuan, Gansu]. *Kǎogǔ Yǔ Wénwù* [Archaeology and Cultural Relics]. 2024, no. 3, pp. 22–42 (in Chinese).

Xie Yan, Liu Bingbing. Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì 2010–2011 nián fājué jiǎnbào [Brief report on the 2010–2011 excavations of the Majiayuan Warring States cemetery in Zhangjiachuan]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2012, no. 8, pp. 4–26 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2012.08.005>

Xie Yan, Yang Junchang, Liu Liu, et al. Gānsù Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì M52 mùguān de shíyànshì kǎogǔ [Laboratory archaeology of the wooden coffin M52 from the Majiayuan Warring States cemetery in Zhangjiachuan, Gansu]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2026, no. 1, pp. 4–21 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2026.01.006>

Yang Jianhua. Zhāngjiāchuān mùzàng cǎoyuán yīnsù xúnzōng — Tiānshān tōngdào de kāiqī [Tracing steppe elements in the Zhangjiachuan burials: The opening of the Tianshan corridor]. *Xīyù Yánjiū* [The Western Regions Studies]. 2010, no. 4, pp. 51–56 (in Chinese). <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xyyj.2010.04.011>

Yang Jing, Shen Aifeng. Hùjiàn · gòngróng: Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì chūtǔ fúshì de duōyuán wénhuà tànxī [Mutual learning and integration: An analysis of the multiculturalism of costumes unearthed from the Majiayuan Warring States cemetery]. *Shāndōng Gōngyì Měishù Xuéyuàn Xuébào* [Journal of Shandong University of Art & Design]. 2025, no. 1 (in Chinese).

Yang Shouguo, Qi Yuezhong. Níngxia Péngyáng xiàn jìnnián chūtǔ de běifāng xì qīngtóngqì [Northern-type bronze wares recently unearthed in Pengyang County, Ningxia]. *Kǎogǔ* [Archaeology]. 1999, no. 12, pp. 28–37 (in Chinese).

Zhang Qing, Fang Min. “Chǔguó sīchóu zhōng de lóng fèng héti zàoxíng tànxī” [An Analysis of the Combined Dragon-Phoenix Forms in Chu Silk]. *Sīchóu* [Silk], 2017, vol. 54, no. 1, pp. 64–69 (in Chinese)

Zhou Guangji, Fang Zhijun, Xie Yan, et al. 2006 niándù Gānsù Zhāngjiāchuān Huízú Zìzhìxiàn Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì fājué jiǎnbào [Brief report on the 2006 excavations of the Majiayuan Warring States cemetery in Zhangjiachuan Hui Autonomous County, Gansu]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2008, no. 9, pp. 4–28 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2008.09.001>

Zhou Guangji, Zhao Wucheng, Zhao Zhuo, et al. Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì 2007–2008 nián fājué jiǎnbào [Brief report on the 2007–2008 excavations of the Majiayuan Warring States cemetery in Zhangjiachuan]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2009, no. 10, pp. 25–51 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2009.10.001>

Статья поступила в редакцию: 12.03.2026

Принята к публикации: 02.08.2026

Дата публикации: 30.09.2026

УДК 903.22

DOI 10.14258/nreur(2026)3–03

*А. М. Илюшин**Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева,
Кемерово (Россия)*

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ НА КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ ВАГАНОВО-1

Целью статьи является исследование комплекса вооружения на курганном могильнике Ваганово-1, сооруженного в конце I тыс. на территории Кузнецкой котловины. В качестве источников используются опубликованные материалы и коллекция из раскопок памятника в фондах музея «Археология, этнография и экология Южной Сибири» Кемеровского государственного университета. Описываются и классифицируются археологические предметы вооружения для ведения таранного и ближнего боя, а также средства защиты. В основе работы лежит системно-исторический подход к изучению археологических источников. В исследовании используются методы описания, типологической классификации, типолого-хронологический и сравнительно-исторический анализ.

Среди предметов вооружения по количеству и типологическому разнообразию выделяется коллекция железных наконечников копий, среди которых преобладают полифункциональные подтреугольной формы с округлым сечением пера. Основная масса аналогий исследуемому комплексу предметов вооружения в Кузнецкой котловине фиксируется на погребальных памятниках саратовской археологической культуры конца I — начала II тыс. Исследование показало своеобразие комплекса вооружения на Ваганово-1, где имеются традиционные предметы вооружения (тёсла, ножи) для населения этого региона Западной Сибири и новые (сабля, копьё, топор, чешуйчатый панцирь), являющиеся результатом заимствований в культуре тюрок Центральной Азии.

Ключевые слова: курганный могильник Ваганово-1, Кузнецкая котловина, комплекс вооружения, конец I тысячелетия, копьё, топор, тесло, доспех.

Для цитирования:

Илюшин А. М. Средневековый комплекс вооружения на курганном могильнике Ваганово-1 // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 46–59.
[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–03](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–03)

Илюшин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, доцент археологии, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева,

Кемерово (Россия). Адрес для контактов: ilushin1963@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>

A. M. Ilyushin

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo (Russia)

MEDIEVAL WEAPONS COMPLEX AT THE VAGANOVO-1 BURIAL MOUND

The purpose of this article is to study the armament complex at the Vaganovo-1 burial mound, which was built in the late 1st millennium AD in the Kuznetsk Basin. The article uses published materials and a collection from the excavations of the monument in the Archaeology, Ethnography, and Ecology of Southern Siberia Museum at Kemerovo State University. The article describes and classifies archaeological weapons for ramming and close combat, as well as protective equipment. The article is based on a systematic and historical approach to the study of archaeological sources. The study uses methods of description, typological classification, typological-chronological and comparative-historical analysis. Among the items of armament, the collection of iron spearheads stands out for its quantity and typological diversity, with a predominance of multifunctional sub-triangular spearheads with a rounded cross-section. The majority of analogies to the studied complex of armament items in the Kuznetsk Basin can be found in the burial monuments of the Saratov archaeological culture from the late 1st to early 2nd millennium. The study revealed the uniqueness of the Vaganovo-1 weaponry complex, which includes traditional weapons (axes and knives) for the population of this region of Western Siberia, as well as new weapons (sabers, spears, axes, and scaly armor) that were borrowed from the Turkic culture of Central Asia.

Keywords: Vaganovo-1 burial mound, Kuznetsk Basin, weapon complex, the end of the first millennium, spears, axe, adze, armor.

For citation:

Ilyushin A. M. The medieval armament complex at the Vaganovo-1 burial mound. Nations and Religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 46–59. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-03](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-03)

Ilyushin Andrey Mikhailovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Archaeology, Professor of the Department of History, Philosophy, and Social Sciences at the Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo (Russia).
Contact address: ilushin1963@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>

Введение

Курганный могильник Ваганово-1 расположен в 3 км к востоку от одноименного села в Кузнецком Присаалаирье на административной территории Промышленновского муниципального округа Кемеровской области — Кузбасса. Памятник был открыт в 1959 году А. И. Мартыновым [Кулемзин, Бородин, 1989: 88], а в 1991–1998 годах полностью раскопан Кузбасской археологической экспедицией Кемеровского госуниверситета под руководством А. С. Васютина [Васютин, Васютин, Ермоленко, 1998: 226–229]. Материалы раскопок были опубликованы в коллективной монографии, где они были датированы IX в. и отнесены к верхнеобской археологической культуре [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010]. Издание материалов раскопок курганного могильника Ваганово-1 является ценным вкладом в копилку археологических источников по истории Кузнецкой котловины в конце I тыс. и для исследования вооружения и военного дела у средневекового населения этого региона. В тоже время можно отметить, что в монографической публикации комплекс вооружения из Ваганово-1 описывался и исследовался выборочно, системный анализ комплекса вооружения не проводился. В описаниях и рисунках предметов в приложении отсутствуют отдельные находки, имеются неточности и повторы. Эти обстоятельства заставляют провести комплексное исследование предметов вооружения с использованием типологической классификации для полноценного пополнения базы данных по средневековому вооружению средневекового населения Кузнецкой котловины материалами раскопок Ваганово-1.

Нами уже проведено исследование предметов дальнего боя (лук, стрелы и крепления колчана) из курганного могильника Ваганово-1. Цель настоящей работы — описать, классифицировать и системно исследовать предметы вооружения, связанные с ведением таранного и ближнего боя, а также средств защиты. Для достижения поставленной цели были определены и решены следующие задачи. Во-первых, сформирован комплекс источников исследуемых предметов вооружения из Ваганово-1 (рис. 1, 1–13; 2, 1–19) по результатам сопоставления и корреляции данных по опубликованным материалам, коллекции археологических предметов раскопок из Ваганово-1 в музее «Археология, этнография и экология Южной Сибири» Кемеровского государственного университета и общероссийского каталога. Во-вторых, проведена типологическая классификация исследуемых предметов вооружения. В-третьих, проделан сравнительный типолого-хронологический анализ исследуемых предметов вооружения с материалами других средневековых погребальных памятников Кузнецкой котловины и с сопредельных территорий.

При описании и классификации археологических предметов были задействованы лишь те находки, сохранность которых на момент исследования позволяла по набору признаков относить их к определенному типу. В работе использовались принципы типологической классификации предметов вооружения, разработанные Ю. С. Худяковым для кочевников Центральной Азии [Худяков, 1980; 1986; 1991; 1997; и др.], с уточнениями и доработками других исследователей и с учетом опыта исследования средневековых предметов вооружения из Кузнецкой котловины.

Исследование и обсуждение материалов

Оружие таранного боя представлено находками железных наконечников копий (рис. 1, 1–6), которые закреплялись на окончании древка. Этим видом оружия могли пользоваться как всадники, так и пешие воины. Считается, что копьё могли использоваться для поражения противника на расстоянии до 4 м [Горбунов, 2006: 8]. Такие археологические предметы на территории Кузнецкой котловины в эпоху средневековья встречаются редко. Найденные в Ваганово-1 наконечники копий относятся к классу железных, отделу втульчатых и подразделяются на группы и типы по сечению и форме боевого пера.

Группа 1. Круглые. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Представлен 4 экземплярами из курганов №№ 2, 6 и 10 (рис. 1, 1–4).

Группа 2. Ромбические. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Ассиметрично-ромбические. Представлен 1 экземпляром из кургана № 12 (рис. 1, 6).

Группа 3. Линзовидные. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Удлиненно-лавровиственные. Представлен 1 экземпляром из кургана № 12 (рис. 1, 5).

На территории Кузнецкой котловины наконечники копий первой группы имеют аналогии в материалах второй половины VIII–XII вв. на курганных могильниках Саатовка, Сапогово, Сапогово-1, второй группы — на кургане-кладбище Сапогово-2 XI–XII вв., а третья группа аналогий не имеет [Илюшин, 2009: 10–15]. На сопредельных территориях наконечники копий первой группы известны у кыргызов Минусинской котловины в IX–X вв. [Худяков, 1980: 55, табл. X, 4, 8; табл. 4], второй группы — у енисейских кыргызов в IX–XII вв., на Алтае в материалах второй половины IX–XII вв., а также в материалах VIII–X вв. верхнеобской культуры Новосибирского Приобья [Худяков, 1980: 52–59, табл. X, 1, 2; XI, 1; Горбунов, 2006: 48–51, рис. 44, 1–4, 6; Демахина, 2017: 17, рис. 4, 9; и др.], а третьей группы — на Алтае и в Новосибирском Приобье, где они бытовали с середины III в. до первой половины IX в. и в VIII–IX вв. [Горбунов, 2006: 47, 49–50, рис. 42, 3–5; 43, 1; 45, 3; Троицкая, Новиков, 1998: 44, табл. 8].

Количественное преобладание наконечников копий первой группы (рис. 1, 1–4) можно объяснить их универсальностью. Они могли использоваться в качестве дротика или пики для нанесения удара, протыкающего легкую броню, а также как таранное оружие или в качестве рогатины. Копья второй и третьей группы с ромбическим и линзовидным сечением пера (рис. 1, 5, 6) имели более узкое функциональное назначение. Острое окончание и заостренные грани узкого проникающего пера позволяли использовать эти изделия как пики для пробивания брони противника и глубокого проникновения. Наконечник копья второй группы в верхней части ромбического пера имеет заточенные заусеницы, что позволяло наносить противнику рваные раны.

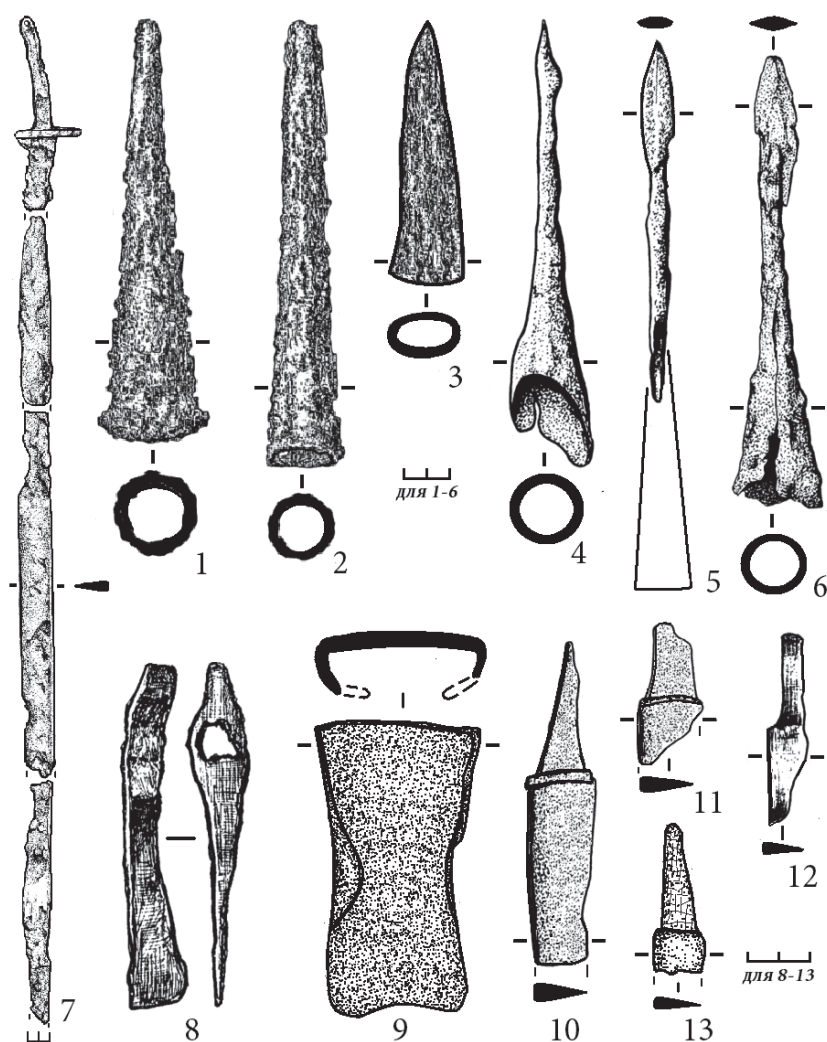

Рис. 1. Курганный могильник Ваганово-1. Предметы вооружения: 1–6 — наконечники копий, 7 — фрагменты сабли, 8 — топор, 9 — тесло, 10–13 — фрагменты ножей; 1–12 — железо, 13 — железо, дерево; 1, 2 — курган №2, 3 — курган №6, 4 — курган №10, 5–7 — курган №12, 8, 9 — курган №7, 10, 11 — курган №5, 12 — курган №8, 13 — курган №13.

Fig. 1. The burial mound Vaganovo-1. Weapons items: 1–6 — spear tips, 7 — saber fragments, 8 — axe, 9 — adze, 10–13 — knife fragments; 1–12 — iron, 13 — iron, wood; 1, 2 — kurgan №2, 3 — kurgan №6, 4 — kurgan №10, 5–7 — kurgan №12, 8, 9 — mound №7, 10, 11 — mound №5, 12 — mound №8, 13 — mound №13.

Оружие ближнего боя, с помощью которого вели бой на удалении до 1,5 м, на Ваганово-1 представлено находками железной сабли, топора, тесла и ножей (рис. 1, 7–13). Обращает на себя внимание, что всё колюще-режущее оружие было с поломанными или деформированными клинками и лезвиями.

Характерной особенностью сабли является изогнутость однолезвийной рабочей части и изогнутая рукоять в сторону лезвия [Худяков, 1979: 184–185; 1980: 39]. Найденная в кургане № 12 на могильнике Ваганово-1 сабля (рис. 1, 7) относится к отделу слабо-изогнутых (кривизна клинка составляет от 0,1 до 1,9 см), по сечению клинка — к группе трёхгранных с однолезвийным клинком, а по форме перекрестия — к типу с ладьевидным перекрестием. Этот тип сабли на территории Кузнецкой котловины встречен в единичных случаях на погребальных памятниках Беково (XI–XII вв.), Сапогово-2 (XI–XII вв.) и Усть-Канда-1 (XI–XIII вв.) и в случайных находках конца I — начала II тыс. близ Новокузнецка [Сулейменов, Илюшин, 2021: 218–226, рис. 2, 22–24; Ширин, 2002: 132, рис. 2, 6; и др.]. На соседних территориях такие сабли впервые появляются у кимачей Восточного Казахстана в IX–X вв., а затем широко используются населением Южной Сибири и Центральной Азии в XI–XIV вв. [Плетнева, 1997: 82, 111, рис. 123, 3; Скобелев, Рюмшин, 2010: 152; Худяков, 1997: 131, рис. 82; 2003: рис. 32; и др.].

Железный боевой топор, найденный в Ваганово-1, по наличию проуха и сечению лезвия относится к группе проушных, трехгранных, а по форме обушка и лезвия к типу узколезвийных, низкообушных. Он был найден в кургане № 7 (рис. 1, 8). Топоры этого типа на территории Кузнецкой котловины известны на погребальных памятниках XI–XII вв. саратовской археологической культуры Сапогово-2 и Бирюля-1 [Борисов, Илюшин, Сулейменов, 2020: 17, рис. 4, 45; Илюшин, 2009а: 97–98, рис. 1, 3–5]. Такой тип боевого топора известен в IX–XII вв. у тюрков и кыргызов Центральной Азии [Горбунов, 2006: 84–85; рис. 72; Худяков, 1980, табл. 6; 16].

Железное тесло — универсальное орудие, которое могло использоваться как для бытовых нужд, так и в ближнем бою. По форме втулки и виду лезвия тесло из кургана № 7 могильника Ваганово-1 относится к группе узколезвийных орудий с несомкнутой втулкой, а по соотношению втулки и лезвия — к типу равновеликих без плечиков (рис. 1, 9). Этот тип тесел на территории Кузнецкой котловины известен в VI–XII вв. на погребальных памятниках саратовской археологической культуры (Шабаново-1, Сапогово, Сапогово-1, Сапогово-2, Саратовка и Бирюля) и в единичных случаях встречается на памятниках шандинской археологической культуры (Озерки-1, Калтышино-1, Ур-Бедари-1 и Шестаки-1) в XI–XIII вв. [Борисов, Илюшин, Сулейменов, 2020: 17, рис. 4, 46; Васютин А., Васютин С., Онищенко, 2012: рис. 34, 1; Илюшин, 2005: табл. 3, 52–54; 4, 128–130, 132–134; 8, 48, 50; 13, 75; Кузнецов, 2004, рис. 1, 3; 7, 1; Савинов, 1997: 86, рис. 4, 7; и др.]. Этот тип тесел широко известен на сопредельных территориях Новосибирского Приобья в материалах верхнеобской и сросткинской культуры V–XIV вв., а в Томском Приобье они появились во второй половине I тыс. и использовались до нового времени [Адамов, 2000: 48; Беликова, Плетнева, 1983: 72; Плетнева, 1990: 86–88, рис. 29, 3; 1997: 80–81; Троицкая, Новиков, 1998: 26, рис. 13, 1–9, 11–14; и др.].

Ножи, которые могли использоваться как для бытовых нужд, так и в ближнем бою, в Ваганово-1 были найдены во фрагментах (рис. 1, 10–13). По материалу изготовления и форме лезвия они относятся к группе железных, прямых, а по размерам и оформлению рукояти — к двум типам:

Тип 1. Большие с обоймой-перекрестьем. Насчитывает 2 экземпляра из кургана № 5 (рис. 1, 10, 11).

Тип 2. Маленькие без перекрестья. Насчитывает 2 экземпляра из курганов №№ 8 и 13 (рис. 1, 12, 13).

Большие железные ножи с перекрестьем на территории Кузнецкой котловины встречены в единичных случаях на погребальных памятниках Шанда и Ишаново начала II тыс., а маленькие ножи без перекрестий были в широком употреблении в раннем и развитии Средневековье [Илюшин, 2005: табл. 3, 55, 57; 4, 125–127; 8, 51–53; 13, 58; 16, 32–34; 18, 33–37].

Предметы защитного вооружения на курганном могильнике Ваганово-1 были найдены в семи закрытых предметных комплексах — из ограда-святилища в кургане № 2, погребения А-1 и А-2 в кургане № 6, в жертвенном комплексе кургана № 8, в жертвенном комплексе кургана № 9, в погребении А в кургане № 10, в погребении А в кургане № 11 [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, рис. 30, 17–24; 45, 1–28; 46, 1–46; 47, 1–28; 48, 1–42; 56, 6–22; 58, 23, 24; 60, 14; 64, 1–26; 67, 8–35]. Они представлены спекшими скоплениями и единичными фрагментами железных панцирных пластин с различной степенью сохранности. Первичное состояние и обработка находок, а также коррозия материалов при хранении не позволяют полностью реконструировать защитный доспех. Лишь в одном случае была сделана попытка реконструкции его фрагмента (рис. 1, 12), интерпретированного авторами как верхняя створка панцирного нарукавья [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010: 218–219, рис. 57; 60, 14]. Качество источников позволяет констатировать факт наличия защитного панциря и сделать его первичную типологическую классификацию по единично сохранившимся панцирным пластинам, позволяющим реконструировать систему их крепления (рис. 2, 1–19). По форме пластин и способу их крепления все выявленные на Ваганово-1 остатки панцирей относятся к одному типу — чешуйчатые. Судя по количеству находок панцирных пластин в закрытых предметных комплексах, они представляют собой остатки нагрудников, которые ламеллярным способом горизонтально крепились между собой при помощи кожаных ремешков (рис. 1, 4, 6). В курганах №№ 8 и 9 выявлены фрагменты панцирей, где нагрудные длинные узкие пластины, налегающие на 1/3 ширины друг на друга, по краям окантованы железной пластиной (рис. 1, 9, 11, 12), которая жестко закрепляла их в вертикальном положении. Такие нагрудники могли крепиться на кожаную или войлочную основу, а также могли использоваться без неё при помощи крепежных ремней. Найденные на Ваганово-1 железные панцирные пластины по форме были, как правило, вытянутые подчетырехугольные с заоваленными углами и имели различное количество отверстий для скрепления между собой (рис. 2, 1–8, 10, 13–19). Количество и расположение отверстий для крепления пластин связано с расположением пластины в панцире.

На территории Кузнецкой котловины подобный тип защитных доспехов известен со второй половины VIII по XII в. на погребальных памятниках саратовской археологической культуры — Калтышино-2, Озерки-1, Сапогово, Сапогово-2, Саратовка и Октябрьский [Васютин А., Васютин С., Онищенко, 2012, рис. 23, 1–12; 38, 3–10; 39, 1, 2; 40, 1–13; 41, 1–64; 42, 1–46; Илюшин, 2005: табл. 4, 122, 123; 8, 54–59, 61, 62; Сулейменов, 2019: 134–141; и др.]. Аналогичный тип панциря и панцирные пластины известны на сопредельных территориях Новосибирского и Томского Приобья в памятниках

верхнеобской археологической культуры во второй половине I тыс., в Хакасии у енисейских кыргызов в IX–XII вв. и на Алтае во второй половине I — начале II тыс. [Горбунов, 2003, рис. 33; Беликова, Плетнева, 1983: 75, рис. 19, 3, 4; 53, 2, 3; 54, 2, 4; 191, 3; Троицкая, Новиков, 1998: 44, рис. 23, 5 Худяков, 1980, с. 119–123, табл. XL; табл. 13; и др.].

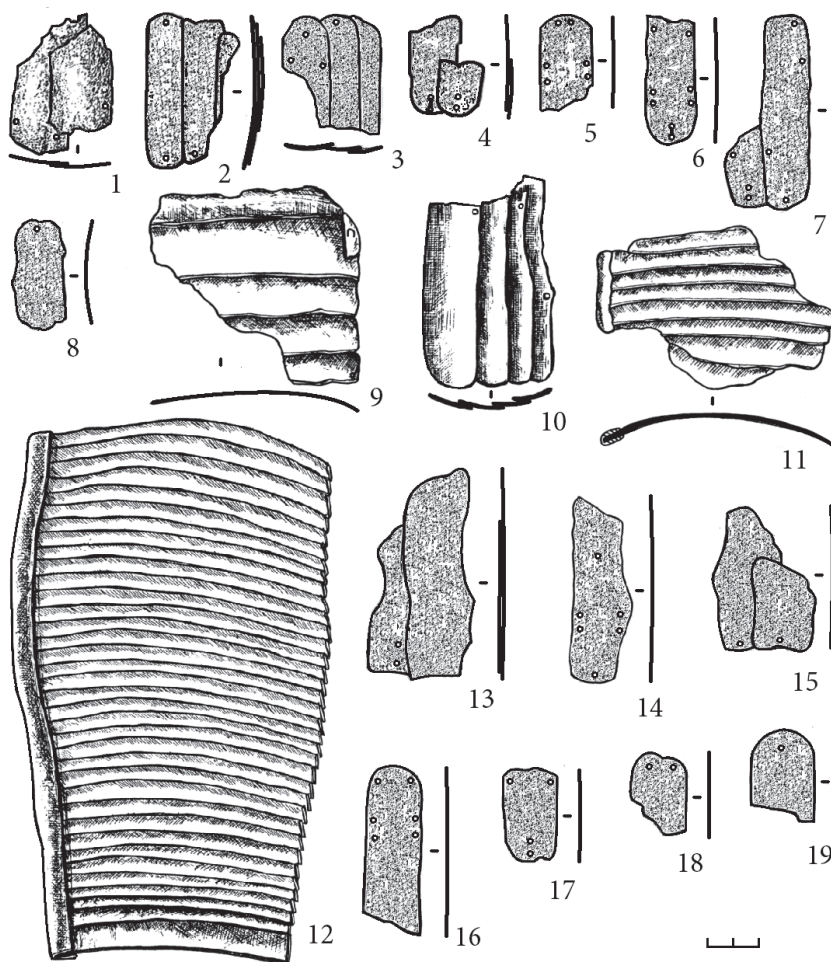

Рис. 2. Курганный могильник Ваганово-1. Предметы вооружения: 1–11, 13–19 — панцирные пластины, 12 — реконструкция фрагмента доспеха; 1 — курган №2 (ограда-святилище), 2–5 — курган №6 (погребение A1), 6–8 — курган №6 (погребение A2), 9–11 — курган №8 (жертвенный комплекс), 12 — курган №9 (жертвенный комплекс), 13–15 — курган №10 (погребение A), 16–19 — курган №11 (погребение A)

Fig. 2. The burial mound Vaganovo-1. Armament items: 1–11, 13–19 — armor plates, 12 — reconstruction of a fragment of armor; 1 — mound №2 (enclosure-sanctuary), 2–5 — mound №6 (burial A1), 6–8 — mound №6 (burial A2), 9–11 — mound №8 (sacrificial complex), 12 — mound №9 (sacrificial complex), 13–15 — mound №10 (burial A), 16–19 — mound №11 (burial A)

Заключение

Продланное исследование коллекции археологических предметов вооружения для таранного и ближнего боя, а также средств защиты из раскопок курганного могильника Ваганово-1 позволяет сделать наблюдения и выводы.

Среди вооружений обращает на себя внимание достаточно большое количество железных наконечников копий (рис. 1, 1–6). Этот вид вооружения, как правило, в единичных случаях встречается в археолого-этнографических комплексах погребенных по обряду кремации на стороне с VIII по XII вв. на памятниках саратовской археологической культуры в Кузнецкой котловине. В предшествующее время это оружие в регионе не известно. Появление копий на территории Кузнецкой котловины в VIII в. и их относительно большое количество на курганном могильнике Ваганово-1 можно связывать с воздействием культуры западных тюрок и их приемников — тюркешей — на местное население.

К числу редких элитных находок относится боевой топор (рис. 1, 8). Эти изделия, как и копьа, известны в археолого-этнографических комплексах погребенных по обряду кремации на стороне саратовской археологической культуры в Кузнецкой котловине. Их появление во второй половине VIII в. в регионе связано с прямым воздействием культуры западных тюрок и тюркешей. Узколезвийный, низкообушный топор из Ваганово-1 (рис. 1, 8) позволяет обозначить время появления этого типа топоров на территории Кузнецкой котловины концом I тыс. Ранее боевые топоры этого типа в регионе датировались началом II тыс. и их появление объяснялось эволюцией высокообушных топоров [Илюшин, 2009а].

Найденная на Ваганово-1 сабля (рис. 1, 7) является самым ранним экземпляром находок такого предмета вооружения. Вероятно, её появление у аборигенов связано с торгово-обменными операциями или непосредственными контактами с кимаками.

Железные тёсла и ножи, будучи универсальными орудиями, вне всякого сомнения, являются предметами, изготовленными местными мастерами по традиционным технологиям.

Найденные на Ваганово-1 средства защиты для воинов в виде панцирных пластин ламеллярного чешуйчатого доспеха (рис. 2, 1–19) на территории Верхнего Приобья известны на многих памятниках второй половины I тыс. Появление таких изделий, наиболее вероятно, связано с заимствованиями из культуры древних тюрок Центральной Азии.

В целом, исследованный комплекс предметов вооружения из Ваганово-1 конца I тыс. отличается своеобразие по количеству и составу выделенных типов предметов ближнего боя и средств защиты. При этом можно констатировать, что появление и развитие исследованных предметов вооружения находилось под воздействием государственной культуры тюрок.

Благодарности и финансирование

Выражаю благодарность сотрудникам музея «Археология, этнография и экология Южной Сибири» Кемеровского государственного университета за помощь при работе с коллекцией находок из курганного могильника Ваганово-1.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25–28–20107, <https://rscf.ru/project/25–28–20107/> и Кемеровской области — Кузбасса (соглашение № 06/2025 от 10.04.2025 г.).

Acknowledgements and funding

I would like to thank the staff of the Museum «Archeology, Ethnography and Ecology of Southern Siberia» of Kemerovo State University for their help in working with the collection of finds from the Vaganovo-1 burial mound.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 25–28–20107, <https://rscf.ru/project/25–28–20107/>, and the Kemerovo Region — Kuzbass (Agreement No. 06/2025 dated 10.04.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск. Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.

Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 240 с.

Бобров В. В., Васютин А. С., Онищенко С. С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.

Борисов В. А., Илюшин А. М., Сулейменов М. Г. Новые материалы погребений средневековой элиты в урском археологическом микрорайоне // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 1 (29). С. 7–22.

Васютин А. С., Васютин С. А., Ермоленко Л. Н. К итогам археологического исследования могильника Ваганово-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1998. С. 226–229.

Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко С. С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII — первой половине IX в. н.э.: природа и культура (степное При-салаирье). Кемерово: ОФСЕТ, 2012. 213 с.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Оборонительное вооружение (доспех). Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Демахина М. С. Курганный могильник Катково-1 (к вопросу о верхней дате верхнеобской культуры Новосибирского Приобья) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 13–20.

Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Илюшин А. М. Средневековые копья в Кузнецкой котловине (к вопросу об истории оружия на северной периферии Саяно-Алтая) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. Вып. 37. С. 10–15.

Илюшин А. М. Элитное оружие ближнего боя у средневекового населения Кузнецкой котловины (к вопросу об эволюции боевых топоров на северной периферии Саяно-Алтая) // Известия Алтайского государственного университета. 2009а. № 4/4. С. 96–100.

Кузнецов Н. А. Курганный могильник Шестаки-I // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2004. Вып. 6. С. 41–68.

Кулемзин А. М., Бородин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. 158 с.

Плетнева А. М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск: Изд-во ТГУ, 1990. 134 с.

Плетнева А. М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.

Савинов Д. Г. Могильник Калтышино-1 (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 77–99.

Скобелев С. Г., Рюмшин М. А. Новые материалы по длинноклинковому оружию енисейских кыргызов в развитом и позднем средневековье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 9 (2010). Вып. 7. С. 144–154.

Сулейменов М. Г. Защитный доспех по материалам раскопок курганного могильника Ваганово-1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение): Материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 134–141.

Сулейменов М. Г., Илюшин А. М. Длинноклинковое оружие из средневековых погребений Кузнецкой котловины // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Международной научной конференции. Абакан, 2021. С. 218–226. <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-19-4.218-226>

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. 152 с.

Худяков Ю. С. Основные понятия оружиеведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI–XII вв. н.э.) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 184–193.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 226 с.

Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 189 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. 160 с.

Ширин Ю. В. Средневековые случайные находки предметов вооружения из Горной Шории // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 130–134.

Reference

Adamov A. A. *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [Novosibirsk Priobye in the X–XIV centuries]. Tobol'sk — Omsk: OmGPU, 2000, 256 p. (in Russian).

Belikova O. B., Pletneva L. M. *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n. e.* [Monuments of the Tomsk Priob in the V–VIII centuries]. Tomsk: TGU Publ., 1983, 240 p. (in Russian).

Bobrov V. V., Vasyutin A. S., Onishchenko S. S. *Vaganovskii kurgannyy nekropol' IX v. n. e. v Prislair'e* [Vaganovsky mound necropolis IX century in Prislairye]. Kemerovo: INT, 2010, 276 p. (in Russian).

Borisov V. A., Ilyushin A. M., Suleimenov M. G. *Novye materialy pogrebenii srednevekovoi elity v urskom arkheologicheskom mikroraione* [New materials of the burials of the medieval elite in the Ursky archaeological microdistrict]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. 2020, no. 1 (29), pp. 7–22 (in Russian).

Demahina M. S. *Kurgannyy mogil'nik Katkovo-1 (k voprosu o verkhnei date verkhneobskoi kul'tury Novosibirskogo Priob'ya)* [Kurgan burial ground Katkovo-1 (to the question of the upper date of the Upper Ob culture of the Novosibirsk region)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. 2017, no. 1 (36), pp. 13–20 (in Russian).

Gorbunov V. V. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. I: Oboronitel'noe vooruzhenie (dospekh)* [Military affairs of the population of Altai in the III–XIV centuries. Part I: Defensive weapons (armor)]. Barnaul: Altai State University Publ., 2003, 174 p. (in Russian).

Gorbunov V. V. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Oboronitel'noe vooruzhenie (dospekh). Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)* [Military affairs of the population of Altai in the III–XIV centuries. Defensive weapons (armor). Part II: Offensive weapons (weapons)]. Barnaul: Altai State University Publ., 2006, 232 p. (in Russian).

Hudiyakov Yu. S. *Osnovnye ponyatiya oruzhievedeniya (po materialam vooruzheniya eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv. n. e.)* [The basic concepts of weapons science (based on the weapons of the Yenisei Kyrgyz of the VI–XII centuries AD)]. *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New in the archeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka, 1979, pp. 184–193 (in Russian).

Hudiyakov Yu. S. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv.* [Armament of the yenisei kyrgyz VI–XII centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1980, 176 p. (in Russian).

Hudiyakov Yu. S. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitoego srednevekov'ya* [Armament of nomads of Southern Siberia and Central Asia in the era of the developed Middle Ages]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 1997, 160 p. (in Russian).

Hudiyakov Yu. S. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1986, 226 p. (in Russian).

Hudiyakov Yu. S. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitoego srednevekov'ya* [Arming Central Asian nomads in the early and developed Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka, 1991, 189 p. (in Russian).

Ilyushin A. M. *Elitnoe oruzhie blizhnego boya u srednevekovogo naseleniya Kuzneckoi kotloviny (k voprosu ob evolyutsii boevykh toporov na severnoi periferii Sayano-Altaya)* [Elite melee weapons among the medieval population of the Kuznetsk basin (on the question of the evolution of battle axes on the northern periphery of Sayano-Altai)]. *Izvestiya Altaiskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University]. 2009a, no. 4/4, pp. 96–100 (in Russian).

Ilyushin A. M. *Etnokul'turnaya istoriya Kuzneckoi kotloviny v epokhu srednevekov'ya* [Ethnocultural history of the Kuznetsk basin in the Middle Ages]. Kemerovo: KuzGTU Publ., 2005, 240 p. (in Russian).

Ilyushin A. M. Srednevekovye kop'ya v Kuzneckoi kotlovine (k voprosu ob istorii oruzhiya na severnoi periferii Sayano-Altaya) [Medieval spears in the Kuznetsk basin (to the question of the history of weapons on the northern periphery of Sayano-Altai)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. [Bulletin of Chelyabinsk State University. History]. 2009, iss. 37, pp. 10–15 (in Russian).

Kulemzin A. M., Borodkin Yu. M. *Arkheologicheskie pamyatniki Kemerovskoi oblasti* [Archaeological sites of the Kemerovo region]. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House, 1989, 158 p. (in Russian).

Kuznecov N. A. Kurgannyi mogil'nik Shestaki-I [Shestaki-I burial mound]. *Kuznetskaya starina* [Kuznetsk antiquity]. Novokuzneck: «Kuzneckaya krepost'» Publ., 2004, iss. 6, pp. 41–68 (in Russian).

Pletneva L. M. *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n. e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Priobye at the beginning in the II millennium AD (according to archaeological sources)]. Tomsk: TGU Publ., 1997, 350 p. (in Russian).

Pletneva L. M. *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Priobye at the beginning in the Late Middle Ages (according to archaeological sources)]. Tomsk: TGU Publ., 1990, 134 p. (in Russian).

Savinov D. G. Mogil'nik Kaltyshino-1 (novye materialy po arkheologii nachala II tys. n.e.) [Burial ground Kaltyshino-1 (new materials on archeology of the beginning of the II millennium AD)]. *Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuzneckoi kotloviny* [Monuments of the early Middle Ages of the Kuznetsk basin]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, pp. 77–99 (in Russian).

Shirin Yu. V. Srednevekovye sluchainye nakhodki predmetov vooruzheniya iz Gornoi Shorii [Medieval accidental finds of weapons from Gornaya Shoria]. *Materialy po voennoi arkheologii Altaya i sopredel'nykh territorii* [Materials on military archaeology of Altai and adjacent territories]. Barnaul: AGU Publ., 2002, pp. 130–134 (in Russian).

Skobelev S. G., Ryumshin M. A. Novye materialy po dlinnoklinkovomu oruzhiyu eniseiskikh kyrgyzov v razvitom i pozdnem srednevekov'e [New materials on the Long-Bladed Weapons of the Yenisei Kyrgyz in the Developed and Late Middle Ages]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology]. 2010, vol. 9, iss. 7, pp. 144–154 (in Russian).

Suleimenov M. G. Zashchitnyi dospekhn po materialam raskopok kurgannogo mogil'nika Vaganovo-1 [Protective armor based on excavations of the Vaganovo-1 burial mound]. *Polevyie issledovaniya v Verhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzeevedenie): Materialy XIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Field research in the Upper Priobye, Irtysh and Altai (archeology, ethnography, oral history and museology): Materials of the XIV international. scientific-practical conf.]. Barnaul: AltGPU, 2019, pp. 134–141 (in Russian).

Suleimenov M. G., Ilyushin A. M. Dlinnoklinkovoe oruzhie iz srednevekovykh pogrebenii Kuzneckoi kotloviny [Long-link weapons from the medieval burials of the Kuznetsk basin]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoi Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ancient cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China: Materials of the XI International Scientific Conference]. Abakan, 2021, pp. 218–226 (in Russian). <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-19-4.218-226>

Troickaya T. N., Novikov A. V. *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk region]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 1998, 152 p. (in Russian).

Vasyutin A. S., Vasyutin S. A., Ermolenko L. N. K itogam arkheologicheskogo issledovaniya mogil'nika Vaganovo-I [To the results of archaeological research of the Vaganovo-I burial ground]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 1998, pp. 226–229 (in Russian).

Vasyutin A. S., Vasyutin S. A., Onishchenko S. S. Kaltyshtinskii arkheologicheskii mikroraiion v kontse VIII — pervoi polovine IX v. n. e.: priroda i kul'tura (stepnoe Prislair'e) [Kaltyshtinsky archaeological microdistrict at the end of the VIII — the first half of the IX century: nature and culture (steppe Prislairye)]. Kemerovo: OFSET, 2012, 213 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025

Принята к публикации: 06.05.2026

Дата публикации: 30.09.2026

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94 (470.23–25+571) "189/1915":314.04 (=112.2)

DOI 10.14258/nneur(2026)3–04

А. А. Кайряк

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, г. Пушкин (Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ И СТЕПНОГО КРАЯ)

В статье на основе метрических книг лютеранских приходов Санкт-Петербургской губернии и Омского уезда Акмолинской области (Степной край) анализируются региональные различия в демографическом развитии российских немцев в конце XIX — начале XX в. Сопоставляются динамика рождаемости и смертности, возрастная структура, а также роль миграции. Показано, что в старых колониях под Санкт-Петербургом, несмотря на лучший доступ к медицинской помощи, высокая плотность населения и тесные контакты со столицей способствовали быстрому распространению эпидемий. В Омском уезде решающим фактором роста численности была миграция (доля самовольных переселенцев достигала 42,6%), а изолированность колоний замедляла передачу инфекций, но при заносе оспы в 1915 г. отсутствие вакцинации и врачей привело к тому, что на оспу пришлось 44% всех смертей. Первая мировая война снизила рождаемость в Санкт-Петербургской губернии вдвое, тогда как в Омском уезде падение было незначительным благодаря притоку переселенцев. Делается вывод, что демографическое развитие российских немцев не было единообразным и определялось местными санитарно-гигиеническими условиями, близостью крупного города и интенсивностью миграции.

Ключевые слова: российские немцы, Санкт-Петербургская губерния, Степной край, Омский уезд, демографическое развитие, рождаемость, смертность, миграция, метрические книги, эпидемии, Первая мировая война.

Для цитирования:

Кайряк А. А. Особенности демографического развития российских немцев в конце XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии и Степного края) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 60–75. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-04](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-04)

Кайряк Анна Алексеевна, мл. научный сотрудник НОЦ исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин (Россия). **Адрес для контактов:** anna_solveig@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-2197-1565>

A. A. Kairiak

Pushkin Leningrad State University, Sankt-Petersburg, Pushkin (Russia)

FEATURES OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN GERMANS IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG PROVINCE AND STEPPE REGION)

Based on the metric books of the Lutheran parishes of St. Petersburg province and Omsk district of Akmola region (Steppe Region), the article analyzes regional differences in the demographic development of Russian Germans in the late 19th and early 20th centuries. The dynamics of fertility and mortality, age structure, and the role of migration are compared. It is shown that in the old colonies near St. Petersburg, despite better access to medical care, high population density and close contacts with the capital contributed to the rapid spread of epidemics. In Omsk County, migration was a decisive factor in population growth (the proportion of unauthorized immigrants reached 42.6%), and the isolation of the colonies slowed down the transmission of infections, but with the introduction of smallpox in 1915, the lack of vaccination and doctors led to smallpox accounting for 44% of all deaths. The First World War reduced the birth rate in St. Petersburg province by half, while in Omsk county the drop was insignificant due to the influx of immigrants. It is concluded that the demographic development of Russian Germans was not uniform and was determined by local sanitary and hygienic conditions, the proximity of a large city and the intensity of migration.

Keywords: Russian Germans, St. Petersburg province, Steppe region, Omsk district, demographic development, birth rate, mortality, migration, metric books, epidemics, the First World War.

For citation:

Kairiak. A. A. Features of the demographic development of Russian Germans in the late 19th and early 20th centuries (on the example of St. Petersburg province and Steppe Region).

Nations and religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 60–75.

[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-04](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-04)

Kairiak Anna Alekseyevna, Junior Researcher at the Scientific Research Center for Historical Research and Analysis, A. S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Pushkin (Russia). **Contact address:** anna_solveig@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-2197-1565>

Введение

История российских немцев конца XIX — начала XX в. обычно рассматривается либо сквозь призму законодательства, либо в контексте хозяйственной деятельности колонистов. Демографическая составляющая при этом нередко остаётся на втором плане, а если и попадает в поле зрения исследователей, то чаще всего в обобщённом виде, без учёта региональной специфики. Между тем условия жизни немецкого населения в старых колониях, основанных ещё в XVIII в. под Санкт-Петербургом и в возникших в конце XIX в. поселениях Степного края (на примере Омского уезда Акмолинской области), различались кардинально.

Специальных сравнительных работ по демографии немецких колоний Санкт-Петербургской губернии и Сибири до сих пор не появилось. Санкт-петербургские колонии привлекали внимание исследователей ещё в дореволюционное время. П. И. Кёппен в середине XIX в. обратил внимание на численность и сословный состав немецкого населения столичной губернии [Кёппен, 1850], а Г. Г. Писаревский писал об иностранной колонизации в XVIII в. [Писаревский, 1909]. В советский период этническая специфика долгое время не была в фокусе внимания, и лишь в 1970–80-е гг. появились исследования Н. В. Юхнёвой, посвящённые в первую очередь городским немцам Санкт-Петербурга [Юхнёва, 1984]. Ситуация изменилась в постсоветское время, когда вышли работы В. Н. Шайдунова, Н. А. Осипова и А. А. Кайряк, опирающиеся на данные из метрических книг и ревизских сказок [Шайдунов, Осипов, 2024; Кайряк, 2023].

Немецкая крестьянская колонизация Сибири и Степного края — область более молодая в историографическом плане. Систематическое изучение началось только в 1990-е гг., когда в Алма-Ате В. Э. Кригер защитил диссертацию о социально-экономическом развитии немецкой переселенческой деревни Казахстана, где немалое место отводилось и Омскому округу [Кригер, 1991]. В середине 1990-х гг. выходит монография В. И. Бруля, посвящённая истории немецкого населения в Западной Сибири [Бруль, 1995]. Затем вышли более детальные работы А. Р. Бетхера, посвящённые хозяйственным различиям внутри немецкой диаспоры Западной Сибири [Бетхер, 2004], и А. Э. Маттиса, который проанализировал динамику численности немецких колонистов в сибирских губерниях [Маттис, 1998]. И. В. Нам в своей работе рассмо-

трела немецкие колонии Сибири в контексте проблемы диаспоральности, обратив внимание на внутреннюю организацию общин [Нам, 2000]. Однако наиболее полно процесс переселения, землеустройства и первоначального хозяйственного освоения описан в трудах П. П. Вибе [Вибе, 1999; Вибе, 1998]. Его монография «Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект» подводит итог многолетним исследованиям автора [Вибе, 2007]. На основе широкого круга источников (включая делопроизводство Переселенческого управления) он реконструировал основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири, показал роль Омского уезда как одного из первых очагов и дал ценные демографические характеристики переселенческих семей.

Особенностью историографии является рассмотрение немецких переселенческих сообществ в границах одной административной единицы (губернии) [Шайдуров, Генслер, 2025] и без сравнения равнозначных явлений. На этом фоне следует отметить монографию В. Н. Шайдурова, в которой история немцев Западной Сибири (формирование, включенность в хозяйственную жизнь региона, особенности демографического развития) рассматривается в сравнении с еврейской и польской общинами [Шайдуров, 2013].

Демографическое развитие российских немцев не является популярным предметом у историков. Тем не менее, в историографии присутствуют работы на эту тему.

Цель работы — сравнить, как различались рождаемость, смертность и возрастной состав населения в двух регионах. Основным источником послужили метрические книги Санкт-Петербургских и омских лютеранских приходов. Они велись достаточно единообразно, что позволяет проводить сопоставления, хотя, разумеется, с оговорками о неполноте и разной степени сохранности записей, особенно на начальном этапе колонизации Сибири.

Исследование опирается на два комплекса метрических книг. По Санкт-Петербургской губернии — это записи о рождениях, браках и смертях в лютеранских приходах Ново-Саратовки и Стрельны за 1894–1915 гг. [ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8, 26, 40, 144, 166, 180]. По Омскому уезду — метрические книги Омской евангелическо-лютеранской церкви за те же годы [ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4, 5, 8]. Эти источники имеют как достоинства, так и недостатки. С одной стороны, священники достаточно аккуратно фиксировали возраст, причины смерти (хотя последние нередко выглядят архаично — «родимчик», «ломота», «судороги»), социальное положение и семейный статус. С другой стороны, полнота охвата населения остаётся под вопросом: не все прихожане могли попасть в книги, особенно в Омском уезде, где часть немцев жила на хуторах вдали от церкви. К тому же метрические книги, скорее всего, фиксировали далеко не всё население уезда — об этом говорят подозрительно низкие абсолютные цифры рождения. Тем не менее динамика и структура показателей, как представляется, отражают реальные процессы.

Помимо метрических книг использовались опубликованные материалы — Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., Сведения о состоянии переселенческих поселков Акмолинской и Семипалатинской областей в 1899 г., а также итоги сельскохозяйственной и демографической переписи 1920 г. по Омской губернии.

Численность и расселение немецкого населения

В Санкт-Петербургской губернии к концу XIX в. насчитывалось около 40 немецких колоний. Численность собственно колонистов (без учёта немцев, проживавших в самом Санкт-Петербурге) составляла, по разным данным, примерно 3,8 тысячи человек. За межпереписной период 1871–1897 гг. наиболее заметный рост показал Шлиссельбургский уезд — более чем втрое, хотя здесь, скорее всего, сыграло роль не только естественное движение, но и несовершенство ранних статистических учётов (в более ранних ревизиях часть населения могла быть просто не учтена) [НА РГО. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 22; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1903]. В целом же сельское немецкое население губернии росло довольно умеренно, и главным источником этого роста был естественный прирост, а не приток извне.

Совсем иная картина наблюдалась в Степном крае. Первые немецкие поселения в Омском уезде Акмолинской области появились в середине 1890-х гг. В 1899 г. в шести колониях Александровской волости — Привальном, Красноярке, Александровском, Поповкине, Новинке и Сосновке — проживало 377 семей, в том числе 1108 мужчин и 997 женщин, то есть всего 2105 чел. [Сведения о состоянии переселенческих поселков, 1899: 2–3]. Соотношение полов ($1108/997 = 1,11$) отражало типичный для начального этапа колонизации перевес мужчин. К 1910 г., по подсчётам П. П. Вибе, в Омском уезде уже насчитывалось 16 немецких селений с населением 6296 чел., а к 1915 г. — около 15 тыс. (с учётом так называемых неприписанных, или самовольных, переселенцев, доля которых постоянно росла) [Вибе, 2007: 52].

Следует также отметить, что Омск, хотя и был крупным по сибирским меркам городом, не мог сравниться с Санкт-Петербургом по уровню медицинского обслуживания и санитарного надзора. Немецкие поселения находились в 20–50 верстах от Омска, но связь с городом была эпизодической и помощь врачей — редкой. В санкт-петербургских колониях, напротив, многие колонисты имели возможность обращаться в столичные больницы и аптеки, а отхожие промыслы в городе были обычным делом.

Рождаемость

Абсолютные данные о рождениях (табл. 1) показывают противоположную динамику в двух регионах. В санкт-петербургских колониях пик рождаемости приходится на 1901 г., после чего начинается устойчивый спад, особенно резкий в годы Первой мировой войны. В Омском уезде, напротив, число рождений неуклонно растёт вплоть до 1913 г., а в 1915 г. снижается незначительно. Причина такой разницы кроется в разных факторах. В Санкт-Петербургской губернии рождаемость начала снижаться ещё до войны — сказывались близость столицы, отходничество, иной уклад жизни, а позже добавилась мобилизация. В Омском уезде рост обеспечивался постоянным притоком молодых переселенческих семей и сохранением традиционной модели многодетности в аграрной среде. Рост абсолютных цифр также отражает увеличение самого немецкого населения в уезде за счёт миграции.

Однако абсолютные цифры не позволяют напрямую сравнивать регионы, поскольку численность населения в них разная. Поэтому мы рассчитали общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 чел. населения в год). Чтобы оценить уровень рождаемости в Санкт-Петербургской губернии, обратимся к Ново-Са-

ратовскому приходу, где численность прихожан в 1896 г. составляла 4740 чел. [РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 612. Л. 1]. Коэффициент рождаемости здесь достигал 43,1‰ в 1894 г. и 47,6‰ в 1899 г., что типично для аграрного общества. В последующие годы коэффициент снизился (в 1913 г. — около 29‰, в 1915 г. — около 24‰). Эта тенденция началась ещё до войны и, вероятно, связана с влиянием столичного окружения.

Таблица. 1

**Число родившихся в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии
и Омского уезда в 1894–1915 гг. (по данным метрических книг)¹**

Table. 1

**The number of people born in the German colonies of St. Petersburg province and
Omsk District in 1894–1915² (according to metric books)³**

Год	Санкт-Петербургская губерния (чел.)	Омский уезд (чел.)
1894 г.	395	49
1899 г.	412	80
1901 г.	481	62
1913 г.	264	116
1914 г.	279	106
1915 г.	240	99

Для Омского уезда известна численность немецкого населения по переписям: в 1897 г. — 3315 чел. [Наличное население обоого пола по уездам, 1905: 36], в 1920 г. — 27 200 чел. [Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии, 1923: 61] Используя эти данные, можно приблизительно оценить численность немцев в промежуточные годы и рассчитать коэффициенты рождаемости. Полученные коэффициенты для Омского уезда (от 4,3 до 17,5‰) заметно ниже, чем в Санкт-Петербургских колониях. Это не означает, что рождаемость у сибирских немцев была низкой. Дело в том, что при работе с метрическими книгами выяснилось: они фиксировали рождения далеко не во всех немецких колониях Омского уезда, а только в некоторых из них (например, в Поповкино и Новинке). Переписи же 1897 г. и 1920 г. учитывали всё немецкое население уезда. Поэтому абсолютные числа рождений, взятые из метрических книг, занижены по сравнению с реальным количеством новорождённых среди всех немцев уезда. По этой причине рассчитанные нами коэффициенты рождаемости для Омского уезда отражают ситуацию лишь в тех колониях, которые были охвачены церковным учётом, и их нельзя напрямую сравнивать с коэффициентами по Санкт-Петербургской губернии, где метрические книги велись полно. Однако динамика абсолютных чисел (табл. 1) по-прежнему показательна: в Омском уезде число зафиксированных рождений росло до 1913 г., тогда как в Санкт-Петербургской губернии оно сокращалось.

¹ Сост. по: [ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8, 26, 40, 144, 166, 180; ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4. Л. 96 об. — 277 об.].

² Comp. by [TsGIA SPb. F. 2294. Inv. 1. File 8, 26, 40, 144, 166, 180; IAOO. F. 80. Inv. 1. File 4. List 96 vol. — 277 vol.].

³ Там же.

Ещё один важный показатель — распределение рождений по месяцам. В традиционном аграрном обществе максимум зачатий приходится на весну (когда крестьяне меньше заняты полевыми), а роды, соответственно, на зиму. В городской или пригородной среде сезонность сглаживается. Наши данные по Омскому уезду (табл. 2) показывают типичную для аграрных обществ картину.

Таблица 2

**Распределение рождений по месяцам в немецких колониях Омского уезда
(суммарно за 1894, 1899, 1901, 1913, 1914, 1915 гг.)⁴**

Table 2

**Distribution of births by month in the German colonies of Omsk county
(total for 1894, 1899, 1901, 1913, 1914, 1915 years)⁵**

Месяц	Всего рождений	Доля от общего числа, %
Январь	55	10,7
Февраль	35	6,8
Март	60	11,7
Апрель	39	7,6
Май	36	7,0
Июнь	27	5,3
Июль	41	8,0
Август	40	7,8
Сентябрь	41	8,0
Октябрь	39	7,6
Ноябрь	39	7,6
Декабрь	45	8,8
Итого	497	100

Как видно из таблицы, максимум рождений приходится на март (11,7% от общего числа), январь (10,7%) и декабрь (8,8%). Летние месяцы, особенно июнь (5,3%), характеризуются самым низким уровнем рождаемости. Такое распределение характерно для крестьянского общества, где ритм жизни подчинён сельскохозяйственному календарю. В Санкт-петербургских колониях распределение рождений по месяцам в целом следовало тому же сельскохозяйственному календарю, что и в Омском уезде, однако амплитуда сезонных колебаний была заметно ниже. Если в Омске разница между пиковым и минимальным месяцем достигала 6–7 процентных пунктов, то в Санкт-Петербурге отклонения от среднемесячного показателя по каждому месяцу не превышали 2–3%. Это объясняется близостью столицы, где значительная часть населения была занята не только в поле, но и в ремёслах, отходничестве, промышленности, что сглаживало традиционный аграрный ритм.

Наконец, заслуживает внимания доля незаконнорожденных. В Санкт-петербургских колониях такие случаи были исключительными. Почти все дети, записанные в метри-

⁴ Сост. по: [ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4. Л. 96 об. — 277 об.].

⁵ Comp. by [IAOO. F. 80. Inv. 1. File 4. List 96 vol. — 277 vol.]

ческих книгах, рождались в браке. В Омском уезде картина иная. Уже в 1894 г. из 49 родившихся четверо (8,2%) были отмечены как внебрачные. В 1901 г. — двое из 62 (3,2%), в 1914 г. — трое из 106 (2,8%), в 1915 г. — двое из 99 (2,0%). Хотя в абсолютных числах это немного, сам факт наличия внебрачных детей, пусть и редких, говорит о менее жёстком социальном контроле в переселенческой среде, о временных разрывах семей, а также о временном проживании в неприписанных (самовольных) хозяйствах, где семейный статус мог быть не вполне оформлен.

Смертность

Для Санкт-Петербургской губернии известна численность лютеранских приходов, что позволяет рассчитать коэффициенты смертности. В Ново-Саратовском приходе в 1908 г. коэффициент достиг 41,4‰, в Стрельнинском в 1909 г. — 50,0‰. Оба максимума связаны с эпидемией холеры 1908–1909 гг. Для Омского уезда рассчитать общий коэффициент смертности некорректно, поскольку метрические книги охватывали лишь часть немецких колоний, а не всё немецкое население уезда. Поэтому мы представим абсолютные числа умерших (табл. 3).

Таблица 3
Число умерших в немецких колониях Омского уезда (1908 и 1915 гг.)⁶

Table 3

The number of deaths in the German colonies Omsk District (1908 and 1915)⁷

Год	Муж. п. (чел.)	Жен. п. (чел.)	Всего (чел.)
1908	64	64	128
1915	42	42	84

В таблице 4 приведены данные по возрастному распределению умерших в Ново-Саратовском и Стрельнинском приходах за несколько лет, а также в Омском уезде за 1908 и 1915 гг. Обращает на себя внимание, что в обоих регионах основную массу умерших составляли дети до 1 года и дети младшего возраста.

Таблица 4
Возрастное распределение умерших (абсолютные числа и проценты)⁸

Table 4

Age distribution of the deceased (absolute numbers and percentages)⁹

Год, приход	До года	1–8 лет	9–15 лет	16–60 лет	Старше 60 лет	Всего
1894 г., Ново-Саратовский	53 (34%)	39 (25%)	4 (3%)	36 (23%)	25 (16%)	157
1894 г., Стрельнинский	10 (21%)	6 (13%)	1 (2%)	16 (34%)	14 (30%)	47
1908 г., Ново-Саратовский	69 (36%)	31 (16%)	3 (2%)	43 (22%)	46 (24%)	192
1915 г., Стрельнинский	50 (33%)	20 (13%)	8 (5%)	37 (25%)	35 (23%)	150
1908 г., Омский уезд	50 (39%)	25 (20%)	18 (14%)	24 (19%)	11 (9%)	128
1915 г., Омский уезд	12 (14%)	32 (38%)	18 (21%)	14 (17%)	8 (10%)	84

⁶ Сост. по: [ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 8. Л. 65 об. — 89; Л. 189 об. — 190; Л. 192 об. — 200].

⁷ Comp. by [ИАОО. F. 80. Inv. 1. File 8. List 65 vol. — 89; List 189 vol. — 190; List 192 vol. — 200].

⁸ Сост. по: [ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8, 26, 40, 144, 166, 180; ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 8].

⁹ Comp. by [TsGIA SPb. F. 2294. Inv. 1. File 8, 26, 40, 144, 166, 180; ИАОО. F. 80. Inv. 1. File 8].

Сравнение динамики смертности в двух регионах невозможно без учёта санитарно-гигиенических условий. В колониях под Санкт-Петербургом были относительно лучше развиты водоснабжение и доступ к врачебной помощи. Однако высокая плотность населения и постоянные контакты со столицей ускоряли распространение инфекций, что и привело к высоким показателям смертности во время эпидемии холеры 1908–1909 гг. В Омском уезде плотность населения была значительно ниже, поселения располагались на большом расстоянии друг от друга, что замедляло передачу болезней. Но когда инфекция (например, оспа в 1915 г.) всё же достигала Омского уезда, отсутствие вакцинации и квалифицированной медицинской помощи приводило к тяжёлым последствиям: оспа составила 44% всех смертей.

В санкт-петербургских колониях доля умерших младенцев (до 1 года) стабильно высока — 21–36% от всех смертей. Общая доля детской смертности (до 10 лет) достигает 50–60%. Это типичная картина для доиндустриального общества, где инфекции и отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводили к высокой смертности детей в первую очередь.

В Омском уезде в 1908 г. фиксируется схожая возрастная структура смертности. Доля смертности детей до 1 года составляла 39%, а детей до 15 лет — 73%. Однако в 1915 г. происходит резкий сдвиг: доля смертности младенцев падает до 14%, а доля смертности детей 1–4 лет вырастает до 38%. Это связано с оспенной эпидемией, которая поражала в основном детей, уже вышедших из младенческого возраста, но ещё не имевших иммунитета. Этот сдвиг наглядно показывает, как конкретное инфекционное заболевание меняет возрастной профиль смертности.

Таблица 5

Основные причины смерти в немецких колониях (% от всех смертей)¹⁰

Table 5

The main causes of death in the German colonies (% of all deaths)¹¹

Причина смерти	Ново—Сарат., 1908 г.	Ново—Сарат., 1915 г.	Омский уезд, 1908 г.	Омский уезд, 1915 г.
Воспаление легких	11,5%	14,0%	3,1%	—
Холера	3,6%	—	—	8,3%
Коклюш	5,7%	3,3%	—	—
Скарлатина	5,7%	2,7%	12,5%	2,4%
Дифтерия	1,6%	3,3%	5,5%	—
Судороги	3,6%	2,7%	20,3%	1,2%
Чашотка	8,9%	1,3%	3,1%	3,6%
Слабость	7,3%	5,3%	—	—
Родимчик	1,0%	8,7%	—	—
Оспа	—	1,3%	—	44,0%
Тиф	—	0,7%	0,8%	17,9%

¹⁰ Сост. по: [ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8, 26, 40, 144, 166, 180; ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 8].

¹¹ Comp. by [TsGIA SPb. F. 2294. Inv. 1. File 8, 26, 40, 144, 166, 180; IAOO. F. 80. Inv. 1. File 8].

Анализ причин смерти (табл. 5) позволяет понять, от чего именно умирали немецкие колонисты. Для Санкт-Петербургских колоний мы имеем развернутые списки диагнозов, для Омского уезда — более сжатые, но тоже информативные. В таблице приведены только самые частые причины, дававшие не менее 5% от общего числа смертей.

В Санкт-Петербургских колониях основными причинами смерти на протяжении всего периода были инфекционные и респираторные заболевания: воспаление лёгких, коклюш, скарлатина, дифтерия. В 1894 г. и 1908 г. среди причин также фиксировалась холера. Высокая доля диагнозов «слабость» и «родимчик» соответствует младенческой смертности, за этими названиями, вероятно, скрываются различные инфекции, рахит и недоношенность. Туберкулёз («чахотка») давал 7–9% смертей в конце XIX в., однако к 1915 г. его доля снизилась до 1,3%.

В Омском уезде в 1908 г. наиболее частыми причинами смерти были скарлатина, «судороги», диарейные заболевания и дифтерия. Эпидемии холеры в Омске в 1908 г. не зафиксировано. В 1915 г. структура причин резко изменилась: оспа составила 44% всех смертей, тиф — 17,9%, холера — 8,3%. Такое распределение характерно для периода военных перемещений, когда инфекции активно распространялись в условиях ухудшения санитарной обстановки.

В Санкт-Петербургских колониях гендерное распределение умерших было неоднородным. В Ново-Саратовском приходе в большинстве лет мужчины умирали чаще женщин: в 1894 г. — 59,9% мужчин, в 1908 г. — 56,1%, в 1913 г. — 60,4%. Исключения составили 1899 и 1901 гг., когда женщин умирало больше (51,6% и 57,5% соответственно). В Стрельнинском приходе, напротив, в 1899, 1909 и 1914 гг. женщины умирали значительно чаще (66,0%, 60,0%, 73,2%). В 1915 г., уже в условиях войны, мужская смертность в Стрельне резко выросла до 65%, что, вероятно, связано с ранением и болезнями мобилизованных. В Омском уезде, как в 1908 г., так и в 1915 г., соотношение полов среди умерших было равным. Это может объясняться более равномерным распределением тяжёлого физического труда между мужчинами и женщинами на начальном этапе освоения земель.

Отдельного рассмотрения заслуживают случаи смерти женщин при родах. В Санкт-Петербургских метрических книгах они фиксируются ежегодно: в 1894 г. — 1 случай, в 1899 г. — 1, в 1901 г. — 3, в 1908 г. — 2, в 1914 г. — 1, в 1915 г. — 1. Это показывает, что даже в относительно благополучных колониях под Санкт-Петербургом, где имелась определённая медицинская помощь, роды оставались сопряжены с высоким риском. В Омском уезде в 1915 г. также отмечена одна смерть при родах. Вероятно, таких случаев было больше, но в метрических книгах они могли быть зафиксированы под другими диагнозами («слабость», «кровоизлияние»).

Влияние Первой мировой войны

Война 1914–1918 гг. стала тяжёлым испытанием для немцев обоих регионов, но последствия были разными. В Санкт-Петербургской губернии, как уже отмечалось, рождаемость упала вдвое по сравнению с 1901 г., когда рождаемость была самой высокой. Смертность, особенно мужская, выросла: в Стрельне в 1915 г. мужчины составили 65% умерших. В метрических книгах этого года появляются новые причины смер-

ти — «гангрена», «заражение крови», что связано с военными ранениями. Кроме того, ухудшение питания и условий жизни привело к росту воспалительных заболеваний.

В Омском уезде рождаемость снизилась не столь значительно (на 15%), однако структура смертности изменилась иначе, чем в Санкт-Петербургской губернии. Основной причиной роста смертности стали не прямые военные действия, а инфекционные заболевания, распространению которых способствовали перемещения войск и общее ухудшение санитарных условий. В 1915 г. оспа составила 44% всех смертей в Омском уезде, тиф — 18%. Несмотря на это, общая численность немецкого населения в уезде продолжала расти за счёт новых переселенцев, которые направлялись в Сибирь из европейской части России.

Заключение

Проведённое исследование позволяет обобщить основные различия в демографическом развитии российских немцев в двух регионах. В старых колониях Санкт-Петербургской губернии сохранялся традиционный аграрный уклад с высокими показателями рождаемости (коэффициент до 45,8‰) и смертности (в эпидемические годы — до 50‰). В губернии была высока младенческая смертность (30–47% от всех смертей), устойчивая возрастная пирамида (дети до 15 лет — около 50%, люди пожилого возраста — около 5%), слабая миграция, почти полное отсутствие внебрачных рождений. Первая мировая война привела к резкому падению рождаемости (на 50% по сравнению с 1901 г.) и росту мужской смертности. В целом эта картина была близка к той, что существовала в крестьянских обществах Европейской России, хотя с некоторой спецификой (более высокая грамотность, лучшее питание, что, вероятно, сдерживало смертность в неэпидемические годы).

В Степном крае (на примере Омского уезда) главную роль играла миграция. Рост численности населения определялся переселением (доля самовольных семей достигала 42,6% к 1911 г.) [Вибе, 2007: 52]. Размер семьи при водворении резко сокращался (с 7,33 до 5,42 чел.) — это свидетельствует о переходе от многопоколенной к нуклеарной семье. Рождаемость в абсолютных цифрах росла до 1913 г., а её спад в годы войны был незначительным. Смертность носила ярко выраженный эпидемический характер: в 1915 г. доля смертей от оспы составила 44% всех смертей. Доля детей до 15 лет была высокой (46,6%), тогда как доля пожилых людей составляла всего 3,6%. Гендерный дисбаланс в возрасте 20–24 года (65 мужчин на 100 женщин) стал прямым следствием войны. Внебрачная рождаемость здесь была выше, чем в Санкт-Петербурге, что отражало менее устоявшиеся семейные устои в переселенческой среде.

Общим для обоих регионов стала уязвимость перед инфекционными заболеваниями и недостаток квалифицированной медицинской помощи, особенно детской. И в Санкт-Петербурге, и в Омске основными причинами смерти были детские инфекции (скарлатина, коклюш, дифтерия) и, в отдельные годы, холера или оспа. Однако если в Санкт-Петербургской губернии война вызвала значительное снижение рождаемости и увеличение мужской смертности, то в Степном крае она лишь замедлила рост, но не остановила его благодаря продолжавшемуся притоку переселенцев.

Ключевым фактором, определившим различия, стали санитарно-гигиенические условия и близость крупного города. Санкт-петербургские колонии, расположенные

рядом со столицей, имели лучший доступ к медицинской помощи, что снижало уровень обычной смертности. Однако высокая плотность населения и постоянные контакты с городом способствовали быстрому распространению эпидемий. Напротив, отдалённость сибирских поселений замедляла передачу инфекций в повседневной жизни, но при проникновении инфекций (оспа, тиф) отсутствие вакцинации и врачей приводило к высоким показателям смертности. Эти различия показывают, что демографическое развитие российских немцев не было единообразным и определялось в первую очередь местными условиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бетхер А. Р. Особенности развития хозяйства у различных локальных групп немецкого населения Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Ключевые проблемы истории российских немцев. М., 2004. С. 274–290.

Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха, 1995. Ч. 2. 222 с.

Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 368 с.

Вибе П. П. Сравнительный анализ социально-экономического положения немецких переселенцев Омского уезда на родине и в Сибири в начале XX века // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 88–94.

Вибе П. П. Динамика численности немецких колонистов в Сибири в конце XIX — начале XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века. Новосибирск, 1998. С. 57–64.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 4, 5, 8.

Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии: Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. Омск: Омск. губстатбюро, 1923. 107 с.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 4.

ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 5.

ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 8.

Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. Омск, 1923. С. 61.

Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года по Омской губернии. Омск: Омск. отд. Сибгосиздата, 1922. 141 с.

Кайряк А. А. Особенности демографического развития немецких колоний Санкт-Петербургской губернии в первой половине XIX в. // Историческая информатика. 2023. № 3 (45). С. 28–40. DOI 10.7256/2585–7797.2023.3.44064.

Кёппен П. И. Об инородческом, преимущественно немецком населении Санкт-Петербургской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. II. С. 181–209.

Кригер В. Э. Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период): дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1991. 204 с.

Маттис А. Э. Динамика численности немецких колонистов в Сибири в конце XIX — начале XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века. Новосибирск, 1998. С. 57–64.

Наличное население обоого пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб.: паровая типо-лит. Н. А. Ныркина, 1905. С. 36.

Нам И. В. Немецкие колонии в Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М., 2000. С. 17–30.

Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 22.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 37. С.-Петербургская губерния. СПб., 1903. 265 с.

Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М., 1909. 438 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 828. Оп. 13. Д. 612.

Сведения о состоянии переселенческих поселков Акмолинской и Семипалатинской областей в 1899 г. Омск, 1899. С. 2–3.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 26.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 40.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 144.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 166.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 180.

Шайдунов В. Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX — начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та яз. и лит., 2013. 259 с.

Шайдунов В. Н., Генслер М. С. Европейские общины и их место в городском межэтническом разделении труда в конце XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 173–181. DOI: 10.17223/19988613/97/22.

Шайдунов В. Н., Осипов Н. А. Немцы Санкт-Петербурга в 1860-х — 1914 гг.: численность, размещение, хозяйственные занятия // Вестник РУДН. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 286–298. DOI 10.22363/2312-8674-2024-23-3-286-298.

Юхнёва Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX — начало XX вв.: статистический анализ. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 223 с.

References

Betkher A. R. Osobennosti razvitiya khozyaistva u razlichnykh lokal'nykh grupp nemetskogo naseleniya Zapadnoi Sibiri v kontse XIX — nachale XX v. [Features of Economic

Development among Different Local Groups of the German Population of Western Siberia in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Klyuchevye problemy istorii rossiiskikh nemtsev* [Key Problems of the History of Russian Germans]. Moscow, 2004, pp. 274–290 (in Russian).

Brul' V.I. *Nemtsy v Zapadnoi Sibiri* [Germans in Western Siberia]. Topchikha, 1995, pt. 2, 222 p. (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [Historical Archive of Omsk Region]. Fund 80. Inventory 1. Files 4 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [Historical Archive of Omsk Region]. Fund 80. Inventory 1. File 5 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [Historical Archive of Omsk Region]. Fund 80. Inventory 1. File 8 (in Russian).

Itogi demograficheskoi perepisi 1920 goda po Omskoi gubernii. Vozrastnoi i natsional'nyi sostav naseleniya s podrazdeleniem po polu i gramotnosti [Results of the Demographic Census of 1920 for Omsk Province. Age and National Composition of the Population with Breakdown by Sex and Literacy]. Omsk, 1923, p. 61 (in Russian).

Itogi demograficheskoi perepisi 1920 goda po Omskoi gubernii. Vozrastnyi i natsional'nyi sostav naseleniya s podrazdeleniem po polu i gramotnosti [Results of the Demographic Census of 1920 for Omsk Province: Age and National Composition of the Population with Breakdown by Sex and Literacy]. Omsk: Omsk. gubstatbyuro, 1923, 107 p. (in Russian).

Itogi sel'skokhozyaistvennoi perepisi 1920 goda po Omskoi gubernii [Results of the Agricultural Census of 1920 for Omsk Province]. Omsk: Omsk. otd. Sibgosizdata, 1922, 141 p. (in Russian).

Kairyak A.A. Osobennosti demograficheskogo razvitiya nemetskikh kolonii Sankt-Peterburgskoi gubernii v pervoi polovine XIX v. [Features of Demographic Development of German Colonies in St. Petersburg Province in the First Half of the 19th Century]. *Istoricheskaya informatika* [Historical Informatics]. 2023, no. 3 (45), pp. 28–40 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2023.3.44064>

Koeppen P.I. Ob inorodcheskom, preimushchestvenno nemetskom naselenii Sankt-Peterburgskoi gubernii [On the Alien, Mainly German, Population of St. Petersburg Province]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. 1850, part II, pp. 181–209 (in Russian).

Kruger V.E. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie nemetskoi pereselencheskoi derevni Kazakhstana (dorevolutsionnyi period)* [Socio-Economic Development of the German Resettlement Village in Kazakhstan (Pre-Revolutionary Period)]. Diss. kand. ist. nauk [Ph.D. Thesis in History]. Alma-Ata, 1991, 204 p. (in Russian).

Mattis A.E. Dinamika chislennosti nemetskikh kolonistov v Sibiri v kontse XIX — nachale XX v. [Dynamics of the Number of German Colonists in Siberia in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Sotsiokul'turnoe razvitie Sibiri XVII–XX veka* [Socio-Cultural Development of Siberia in the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk, 1998, pp. 57–64 (in Russian).

Nalichnoe naselenie oboego pola po uezdnam s ukazaniem chisla lits preobladayushchikh rodnykh yazykov [Present Population of Both Sexes by Districts Indicating the Number of Persons of Predominant Native Languages]. St. Petersburg: Parovaya tipo-lit. N.L. Nyrkina, 1905, p. 36 (in Russian).

Nam I. V. Nemetskie kolonii v Sibiri v nachale XX veka v kontekste problemy diaspora [German Colonies in Siberia at the Beginning of the 20th Century in the Context of the Diaspora Problem]. *Nemtsy Rossii i SSSR: 1901–1941 gg.* [Germans of Russia and the USSR: 1901–1941]. Moscow, 2000, pp. 17–30 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva (NA RGO) [Scientific Archive of the Russian Geographical Society]. Fund R-108. Inventory 1. File 22 (in Russian).

Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [First General Census of the Population of the Russian Empire 1897]. Vol. 37: St. Petersburg Province. St. Petersburg, 1903, 265 p. (in Russian).

Pisarevskii G. G. *Iz istorii inostrannoi kolonizatsii v Rossii v XVIII veke* [From the History of Foreign Colonization in Russia in the 18th Century]. Moscow, 1909, 438 p. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 828. Inventory 13. File 612 (in Russian).

Shaidurov V. N. *Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoi Sibiri XIX — nachala XX v.* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th — Early 20th Centuries]. St. Petersburg: Izd-vo Nevskogo in-ta yaz. i lit., 2013, 259 p. (in Russian).

Shaidurov V. N., Gensler M. S. *Evropeiskie obshchiny i ikh mesto v gorodskom mezhetnicheskom razdelenii truda v kontse XIX — nachale XX v. (na primere Sankt-Peterburga i Tomska)* [European Communities and Their Place in the Urban Interethnic Division of Labour in the Late 19th — Early 20th Centuries (on the Example of St. Petersburg and Tomsk)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History]. 2025, no. 97, pp. 173–181. DOI: 10.17223/19988613/97/22 (in Russian).

Shaidurov V. N., Osipov N. A. *Nemtsy Sankt-Peterburga v 1860-kh — 1914 gg.: chislennost', razmeshchenie, khozyaistvennye zanyatiya* [Germans of St. Petersburg in the 1860s — 1914: Number, Distribution, Economic Occupations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. 2024, vol. 23, no. 3, pp. 286–298 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-286-298>

Svedeniya o sostoyanii pereselencheskikh poselkov Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblastei v 1899 g. [Information on the State of Resettlement Settlements of Akmolinsk and Semipalatinsk Regions in 1899]. Omsk, 1899, pp. 2–3 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. File 8 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. File 26 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. Files 40 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. File 144 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. File 166 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. Files 180 (in Russian).

Vibe P. P. Dinamika chislennosti nemetskikh kolonistov v Sibiri v kontse XIX — nachale XX v. [Dynamics of the Number of German Colonists in Siberia in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Sotsiokul'turnoe razvitie Sibiri XVII–XX veka* [Socio-Cultural Development of Siberia in the 17th-20th Centuries]. Novosibirsk, 1998, pp. 57–64 (in Russian).

Vibe P. P. Sravnitel'nyi analiz sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya nemetskikh pereselentsev Omskogo uezda na rodine i v Sibiri v nachale XX veka [Comparative Analysis of the Socio-Economic Situation of German Settlers of Omsk District in Their Homeland and in Siberia at the Beginning of the 20th Century]. *Nemtsy Rossii v kontekste otechestvennoi istorii: obshchie problemy i regional'nye osobennosti* [Germans of Russia in the Context of National History: General Problems and Regional Features]. Moscow, 1999, pp. 88–94 (in Russian).

Vibe P. P. *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt* [German Colonies in Siberia: Socio-Economic Aspect]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2007, 368 p. (in Russian).

Yukhnyova N. V. *Etnicheskii sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga, вторая половина XIX — начало XX vv.: statisticheskii analiz* [Ethnic Composition and Ethno-Social Structure of the Population of Petersburg, Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Statistical Analysis]. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 1984, 223 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 06.06.2026

Принята к публикации: 08.09.2026

Дата публикации: 30.09.2026

УДК 94

DOI 10.14258/nreur(2026)3–05

*И. В. Лиджиева**Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону (Россия)*

ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕЛИТЕЛЕЙ К ДИПЛОМИРОВАННЫМ ВРАЧАМ: МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

В статье на основе анализа документов, выявленных в фондах региональных и центральных архивных учреждений Российской Федерации, впервые в отечественной историографии рассматривается процесс трансформации медицинских практик в Калмыцкой степи в последней трети XIX — первой трети XX века. Прослеживается эволюция системы здравоохранения — от традиционной тибетской медицины, тесно связанной с буддизмом и базировавшейся на деятельности эмчи и гелюнгов, к институционализированной светской системе.

Особое внимание уделяется анализу попыток имперских властей интегрировать элементы профессиональной медицины, а также сложностям этого процесса, обусловленным культурной инерцией населения и дефицитом инфраструктуры. Кроме того, выявляются ключевые факторы смены парадигмы оказания медицинской помощи в условиях антирелигиозной политики советского государства. В работе также раскрываются противоречия модернизации здравоохранения в регионе. В заключении автор приходит к выводу, что трансформация медицинской помощи у калмыков в рассматриваемый период стала результатом сложного взаимодействия государственных реформ, антирелигиозной политики и социально-культурных изменений. При этом подчеркивается, что учет культурной специфики населения играет особую роль при внедрении новых социальных практик.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Калмыкия, медицинская помощь, традиционная медицина, тибетская медицина, европейская медицина, буддийское духовенство, гелюнг, эмчи, фельдшерское училище, антирелигиозная политика.

Для цитирования:

Лиджиева И. В. От традиционных целителей к дипломированным врачам: медицинская помощь в кочевом обществе последней трети XIX — первой трети XX в. // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 76–90. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–05](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–05)

Лиджиева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону (Россия). Адрес для контактов: irina-lg@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5699-1021>

I. V. lidzhieva

The Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don (Russia)

FROM TRADITIONAL HEALERS TO QUALIFIED PHYSICIANS: MEDICAL CARE IN NOMADIC SOCIETY IN THE LAST THIRD OF THE 19TH — FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

Based on an analysis of documents found in the collections of regional and central archival institutions of the Russian Federation, this article, for the first time in Russian historiography, examines the transformation of medical practices in the Kalmyk steppe in the last third of the 19th and first third of the 20th centuries. It traces the evolution of the healthcare system from traditional Tibetan medicine, closely linked to Buddhism and based on the practices of emchis and gelungs, to an institutionalized secular system. Particular attention is paid to the imperial authorities' attempts to integrate elements of professional medicine, as well as the difficulties of this process, conditioned by the cultural inertia of the population and a lack of infrastructure. Furthermore, the key factors in the paradigm shift in healthcare delivery under the anti-religious policies of the Soviet state are identified. The work also reveals the contradictions of healthcare modernization in the region. In conclusion, the author concludes that the transformation of healthcare among the Kalmyks during this period was the result of a complex interaction of state reforms, anti-religious policies, and socio-cultural changes. It is emphasized that taking into account the cultural specifics of the population plays a special role in the implementation of new social practices.

Key words: Kalmyk steppe, Kalmykia, medical care, traditional medicine, Tibetan medicine, European medicine, Buddhist clergy, gelung, emchi, paramedic school, anti-religious policy.

For citation:

Lidzhieva I. V. From traditional healers to qualified physicians: medical care in nomadic society in the last third of the 19th — first third of the 20th century. *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 76–90. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-05](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-05)

Lidzhieva Irina Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don (Russia). **Contact address:** irina-lg@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5699-1021>

Введение

В последней трети XIX — в начале XX в. Калмыцкая степь сохраняла статус автономного административно-территориального образования в составе Астраханской губернии. Это проявлялось не только в специфике управленческой структуры, но и, что особенно важно, в устойчивости традиционных социальных институтов и норм. Одним из наиболее неизменных элементов культурной традиции являлась практика врачевания, базировавшаяся на эмпирическом опыте народной медицины и религиозно-философском учении буддизма. В отличие от сферы просвещения, где отмечался рост числа школ и учащихся, внедрение светской медицинской помощи сталкивалось с рядом таких препятствий, как культурная инерция населения, недоверие к новым методам и, как следствие, отсутствие достаточной инфраструктуры.

В первые десятилетия советской власти, после провозглашения принципа отделения церкви от государства, большевистское правительство объективно не могло обеспечить условия для полноценного функционирования общественных институтов вне религиозного контекста, особенно в регионах с устойчивыми традиционными практиками. Данная проблема приобрела особую актуальность в национальных окраинах, где религиозные институты исторически выполняли широкий спектр социальных функций, в том числе и оказание медицинской помощи.

Цель работы — проследить трансформацию медицинских практик в кочевом обществе, выявить факторы, повлиявшие на смену парадигмы оказания медицинской помощи от традиционной деятельности врачевания к институционализированной медицинской практике в контексте интеграционной политики имперских властей в инородческом регионе и дальнейшей антирелигиозной политики советского государства на примере калмыков.

Источниковую базу исследования составил ряд документов, выявленный в фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Калмыкия, включающий делопроизводственную переписку региональных и центральных органов власти; материалы корреспонденции с представителями буддийского духовенства; нормативно-правовые акты, регулировавшие изменения в сфере здравоохранения региона.

Актуальность междисциплинарной темы обусловлена ее значимостью для нескольких научных направлений. Современные ученые в области истории [Синицын, 2013; Авлиев, Горяев, 2015; Уланов, Бадмаев, 2018; Бадугинова, 2023], этнографии [Омакаева, 2002; Шантаев, 2005], фольклористики [Горяева, 2018; Хабунова, 2022] и других смежных отраслей гуманитарной науки последовательно изучают различные аспекты проблемы, формируя целостное представление о предмете исследования. Между тем, рассматриваемая проблематика не стала объектом специального изучения.

Врачевание в Калмыцкой степи Астраханской губернии

Вопрос о состоянии врачевания в Калмыцкой степи первой половины XIX в. был поднят осенью 1847 г. астраханским гражданским губернатором, контр-адмиралом П. Е. Чистяковым. Поводом послужила скоропостижная смерть багацохуровского гелюнга Джамбо Замбаева (*от калм.* гелң — буддийский монах) [Калмыцко-русский, 1977: 136]. В ходе следственных мероприятий, инициированных по данному факту Советом астраханского калмыцкого управления, было установлено, что лечением различных заболеваний в улусе «занимаются некоторые из простых калмыков, а более — из духовенства» [РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9387. Л. 1].

Яркий пример отношения населения к роли врача зафиксирован в прошении от 19 февраля 1837 г., когда калмыки Багацохуровского улуса Барунова рода зайсанга Онгора Муукаева ходатайствовали перед Советом калмыцкого управления о разрешении кочевать совместно с ними зурхачи (*от калм.* зурхач — астролог [Калмыцко-русский, 1977: 257]) Габанг Дорджи и врача Балзан гелюнга. Просьба обуславливалась действием предписания Ламайского духовного правления о запрещении духовным лицам кочевать по степям, в связи с чем население лишалось помощи лекарей. В документе подчеркивалась жизненная необходимость присутствия в их среде целителя, так как «человек подвергнут в сем мире болезням, которые без помощи врача (у нас гелюнга) не могут быть исцеляемы» [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–2 об.]. Данный случай наглядно демонстрирует сложившееся положение духовных лиц как основных врачей в обществе. Осознавая этот факт, уже 14 апреля того же года Совет калмыцкого управления за подписью товарища главного попечителя калмыцкого народа А. И. Николаева удовлетворяет прошение [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 9. Л. 3].

В октябре 1847 г. П. Е. Чистяков, докладывая министру государственных имуществ П. Д. Киселеву, обозначил проблему о противоречивости запрета заниматься врачеванием лицам, не имеющим официальной медицинской квалификации (звания доктора или лекаря) в Калмыцкой степи. В 1842 г., с вступлением в силу второго издания Свода законов Российской империи, начал действовать Устав врачебный. Его статья 126 предусматривала санкции за «шарлатанство» — в виде штрафа и телесного наказания [Свод учреждений, 1842: 21]. Губернатор выразил серьезное беспокойство по этому поводу. На тот момент практически единственными целителями, оказывавшими медицинскую помощь местному населению, были калмыцкие «эмчи» (*от калм.* врач, доктор, устар. лекарь) [Калмыцко-русский, 1977: 699]. Они обучались тибетской медицине при хурулах, а также проходили подготовку в Монголии и Тибете. По утверждению известного историка-этнографа Э. У. Эрдниева, такие лекари владели знаниями о применении до трех тысяч лекарственных средств [Эрдниев, 2007: 379].

П. Е. Чистяков подчеркивал, что запрет деятельности эмчи в калмыцких улусах — то есть тех, кто «оказывает необходимые пособия страдающим болезнями, употребив к тому испытанные ими средства», — фактически лишит калмыков единственной возможности получить медицинскую помощь. В результате формальное соблюдение закона могло привести к полному отсутствию врачебной поддержки в регионе. В этих условиях главный губернский чиновник обратился в Министерство государственных имуществ с предложением сохранить право врачевания за калмыцкими лекаря-

ми при условии введения надзора за их деятельностью со стороны местного начальства, а также проведения предварительной аттестации владельцами или правителями улусов на предмет «добросовестного поведения и нравственности» лекарей [РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9387. Л. 2–2 об.].

Спустя месяц после доклада губернатора Министерство государственных имуществ сформулировало свою позицию по вопросу медицинского обеспечения калмыков. Министр П. Д. Киселев признал необходимость организации фельдшерской помощи в калмыцких улусах, но предложил временно «оставить врачебную часть у калмыков в настоящем ее положении» до реализации этой инициативы [РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9387. Л. 3–4]. В свою очередь, в ответном послании П. Е. Чистяков отметил важность подготовки кадров из числа самих калмыков. Ранее данное утверждение получило подтверждение в ходе распространения практики оспопрививания в калмыцком народе [Лиджиева, 2022: 35]. По утверждению губернатора, в этом предложении заключались два ключевых преимущества:

- *Языковой барьер.* Неграмотные калмыки могли точно описать симптомы и жалобы только на родном языке. Фельдшер, владеющий калмыцким, получал возможность полноценно оценить состояние пациента.

- *Доверительный аспект.* Калмыки, «издревле привыкнув лечиться у своих собратьев», в том числе у представителей духовенства, с большей вероятностью окажут доверие местному специалисту, чем фельдшеру-чужаку [РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9387. Л. 5–5 об.].

На начало второй половины XIX в. площадь Калмыцкой степи составляла 10 297 414 десятин, что составляет 11 233 777,585 км² [История Калмыкии, 2009: 515]. Согласно высочайше утвержденному штатному расписанию Совета калмыцкого управления, на всей этой обширной территории предусматривалась лишь одна должность медицинского чиновника — при самом Совете, с ежегодным окладом в 750 руб. [Положение об управлении, 1836: 38]. Однако и эта позиция зачастую оставалась вакантной.

Острота проблемы особенно проявилась еще в 1848 г. В период с 4 июня по 9 октября в калмыцких улусах свирепствовала эпидемия холеры. В связи с отсутствием штатного медика главный попечитель калмыцкого народа был вынужден обратиться к губернским властям с просьбой назначить врача из другого ведомства. Трагизм ситуации подчеркивают человеческие потери среди знати. В числе первых умерших оказались владелец Малодербетовского улуса майор Деджит Замбо Тайши Тундутов, а также его жена, сын и дочь [НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 12. Л. 11–11 об.]. Таким образом, реальная медицинская помощь населению фактически обеспечивалась исключительно традиционными целителями.

Открытие фельдшерского училища для детей-калмыков

После выдвижения П. Д. Киселевым идеи организации фельдшерской помощи в Калмыцкой степи местные власти в Астрахани приступили к ее практической реализации. 2 марта 1848 г. канцелярия астраханского губернатора направила в Министерство государственных имуществ тезисы проекта по подготовке фельдшеров из числа калмыков. Особое внимание уделялось отбору кандидатов: предпочтение отдавалось молодым людям от 16 до 21 года из числа духовных лиц при хурулах — считалось, что они обладают базовыми знаниями и доверием населения. Распределение кандида-

тов по улусам было следующим: из Малодербетовского улуса 8 человек, Хошеутовского — 4, Багацохуровского — 4, Эркетеновского — 6, Яндыковского — 6, Большедербетовского — 4 [РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9387. Л. 6–6 об.].

Масштаб эпидемии, повлекший значительные человеческие жертвы, обусловил ряд мер по совершенствованию медицинской части в калмыцких улусах [НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 12. Л. 11 об.]. Министр государственных имуществ предварительно одобрил предложение по обучению нескольких молодых калмыков фельдшерскому искусству. А уже 30 июня 1848 г. последовало официальное распоряжение профильного министерства об избрании 12 мальчиков для прохождения обучения фельдшерскому искусству при Калмыцком училище в Астрахани за счет средств общественного калмыцкого капитала [РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9387. Л. 14].

На протяжении последующих ряда лет решались организационные вопросы по разработке и согласованию программы обучения, приобретению учебных пособий, методических материалов и созданию условий для проживания на общую сумму 51 руб. 2 коп. серебром в год на каждого [РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9387. Л. 36 об. — 37]. 18 августа 1852 г. после получения одобрения министра государственных имуществ проект положения об учреждении училища для подготовки фельдшеров из числа детей-калмыков — инициированный и представленный Астраханской палатой государственных имуществ — был передан на последующее согласование во все заинтересованные инстанции [РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1523. Л. 24–24 об.]. Так, в 1852 г. Главный медик Министерства государственных имуществ, статский советник В. Быковский, ознакомившись с проектом положения об обучении фельдшерскому искусству детей-калмыков, отметил отсутствие противоречий с «Положением о медицинской части Министерства государственных имуществ» утвержденным 26 декабря 1851 г. императором Николаем I [РГИА. Ф. 1297. Оп. 98. Д. 111. Л. 2–2 об.].

Образовательная программа учреждаемого училища, рассчитанная на три года обучения с изучением латинского языка и грамматики, фармакологии и фармакопеи и основам хирургии, 20 декабря 1855 г. получила отзыв доктора медицины и хирургии, профессора Императорской медико-хирургической академии С. Я. Нечаева. Кроме отдельных замечаний по теории фармакологии, ученый рекомендовал принять программу в виде эксперимента, с отведением особого внимания сроку обучения в училище и в перспективе расширения до четырех лет, как во всех подобных учебных заведениях [РГИА. Ф. 733. Оп. 47. Д. 47. Л. 9–13].

Главный медик Астраханского военного госпиталя выразил полную готовность обеспечить проведение практических занятий для учащихся училища с использованием материально-технической базы госпиталя [РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 1432. Л. 63 об. — 64]. Кроме того, по завершении обучения учащиеся должны пройти курс практических занятий в местной аптеке «по заготовлению и изготовлению лекарств» [РГИА. Ф. 1297. Оп. 98. Л. 111. Л. 29].

Проект программы, разработанный с участием губернских чиновников, содержал специальные положения о порядке получения образования. Ключевым условием стало обязательное распределение выпускников с фельдшерским званием на работу в калмыцкие улусы. Срок обязательной службы под руководством главного попечи-

теля устанавливался в 20 лет с момента получения квалификации [РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 1432. Л. 71].

Процесс согласования затянулся более чем на пять лет, и только в 1861 г. Министерство государственных имуществ запросило список 12 детей-калмыков, выбранных для получения медицинского образования в фельдшерском училище [РГИА. Ф. 383. Оп. 23. Д. 35724. Л. 3]. Процесс отбора мальчиков затянулся еще на целый год по причине того, что их родители или родственники под разными предлогами не соглашались отправлять на обучение своих детей [РГИА. Ф. 383. Оп. 23. Д. 35724. Л. 4]. По мнению авторов фундаментального издания «Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период», частые эпидемии оспы и других болезней стали катализатором приобщения калмыков к научной медицине [Очерки истории, 1967: 427]. К этому стоит добавить и факт появления медицинских кадров из числа самих калмыков, деятельность которых способствовала росту доверия к светской медицине. До начала XX в. каких-либо кардинальных мер, направленных на улучшение медицинской части в Калмыцкой степи, не проводилось, за исключением увеличения штата оспопрививателей и фельдшеров.

Поиск правового статуса тибетской медицины в России начала XX в.

17 апреля 1905 г. был издан указ императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости», ознаменовавший поворот в религиозной политике Российской империи. В соответствии с пунктом 2 главы X документа, Особое совещание под председательством генерал-адъютанта, графа А. П. Игнатьева, учрежденное 18 мая 1905 г., получило поручение тщательно проанализировать положение ламаитов и внести изменения в действующее законодательство о них [Об укреплении веротерпимости, 1908: 262]. Председатель Комитета министров подчеркнул, что прежние законы о ламаитах формировались в условиях, когда их религиозный культ воспринимался как языческий. Такое отношение, по утверждению В. К. Пинкевича, предопределило дискриминационный характер законодательства и стремление ограничить права последователей ламаизма [Пинкевич, 2006: 156].

Совещанию предстояло принять решения по ряду вопросов, направленных на нормативное регулирование тибетской медицины, возбужденных на основе ходатайства калмыков и бурят:

- законодательное разрешение на введение практики тибетской медицины;
- разрешение на открытие специальных школ для подготовки врачей по тибетской системе;
- разрешение на ввоз из-за границы тибетских лекарственных средств;
- установление государственного контроля за деятельностью лиц, практикующих тибетскую медицину [РГИА. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 1374. Л. 1].

Детально изучив положение дел по проблеме статуса тибетской медицины в стране, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий, действительный статский советник В. В. Владимиров сформулировал свою позицию. Во-первых, он отметил, что запрет практики тибетской медицины среди буддистов не достигает цели по причине ее неразрывной связи с религиозными воззрениями последователей. Соответственно, установление каких-либо «охранительных мер», упомянутых в четвертом пункте, не приведет к желаемому результату. По второму вопросу Владимиров, исхо-

дя из «экономического и духовного быта населения», предложил разрешить деятельность не более двух медицинских школ среди бурятского населения и одной медицинской школы — среди калмыцкого населения. При этом школы должны были функционировать вне хурулов. Наконец, по вопросу ввоза лекарственных препаратов он высказался за разрешение их импорта — но строго в соответствии с действующими правилами фармакопеи.

Сформулировав эти основные тезисы, 7 февраля 1906 года В. В. Владимиров направил бывшему директору Медицинского департамента, главному врачебному инспектору В. К. фон Анрепу документ с изложением собственной позиции по четырем вышеупомянутым вопросам. В обращении он просил поделиться экспертным мнением с точки зрения медицинской науки [РГИА. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 1374. Л. 1–4 об.].

28 февраля 1906 г. в Министерстве внутренних дел состоялось важное заседание под председательством Т. С. Рагозина. В обсуждении участвовали видные деятели: В. К. фон Анреп, профессор и лейб-медик А. Б. Бертенсон, член-корреспондент Анатомического общества в Париже и член-корреспондент Императорской военно-медицинской академии В. В. Подвысоцкий, Н. Н. Анциферов, а также другие члены Императорского медицинского совета. Перед заседанием материалы по проблеме статуса тибетской медицины были направлены А. Б. Бертенсону, который настаивал на строгом запрете врачевания без надлежащей подготовки. Было выражено мнение о контроле со стороны государства путем признания врачами только тех, кто выдержит экзамен в присутствии комиссии в составе трех ширетуев — настоятелей буддийских монастырей и шести лам под председательством хамбо-ламы. Однако найти компромисс не удалось. Ситуация оказалась парадоксальной. С одной стороны, запрет тибетской медицинской практики противоречил Манифесту 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и его положению о свободе совести, а с другой стороны, попытка легализовать и контролировать тибетскую медицину не решала ключевой задачи — интеграции инородческого населения в общеимперскую социальную систему. Таким образом, вопрос не получил окончательного решения, но члены Совета были единодушны во мнении о привлечении молодых людей из числа бурят и калмыков для изучения медицины на медицинских факультетах или в Военно-медицинской академии. 7 марта 1906 г. товарищ министра внутренних дел, князь С. Д. Урусов, ознакомившись с протоколом заседания «О введении законодательным путем тибетской медицины среди буддийских племен в России», поставил резолюцию «Согласен» [РГИА. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 1374. Л. 7].

Советская антирелигиозная кампания и разрушение системы тибетского врачевания

Радикальная смена политического режима в 1917 г. в стране привела к провозглашению политики отделения церкви от государства, статус религиозных институтов, в том числе буддийской церкви, претерпел кардинальные изменения. Известный исследователь в области истории советского государства Ф. Л. Сеницын утверждает, что к середине 1920-х гг. вопрос о ликвидации ламской медицины не стоял [Сеницын, 2013: 179]. Однако анализ делопроизводственной документации органов исполнительной власти государства Советов убедительно демонстрирует, что антирелигиозная кампания не-

посредственно затронула и сферу медицины. Так, в июне 1925 г. народный комиссар внутренних дел А. Г. Белобородов, выражая мнение о разрешении съезда буддийского духовенства Москве, отметил необходимость запрета религиозным организациям открывать медицинские школы. При этом он допускал возможность лечения «по способу тибетской медицины, поскольку у населения до сих пор еще не искоренена вера в рациональность такого способа» [ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43 А. Д. 1437. Л. 1].

Решение, принятое в столице, откликнулось в регионах. Уже 8 октября 1925 г. состоялось секретное заседание президиума ЦИК Калмыцкой автономной области под председательством Х. Б. Канукова, с единственным вопросом на повестке — о мерах борьбы с тибетским врачеванием [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 318. Д. 88]. В историографии Калмыкии особое место занимает работа Х. Б. Канукова «Буддизм-ламаизм и его последствия», где автор предлагает критический взгляд на роль эмчи — традиционных целителей, сочетавших медицинские и религиозные функции. Кануков анализирует их деятельность в контексте распространения буддизма-ламаизма, выявляя как культурные, так и социально-религиозные последствия [Кануков, 1928]. Следствием его стал выход обязательного постановления Областного исполнительного комитета от 4 февраля 1926 г., «строжайше воспрещавшего лекарскую практику, в целях ограждения народного здоровья» [ГАРФ. Р-1235. Оп. 140. Д. 489. Л. 113]. В результате буддийское духовенство, включая эмчи, подвергалось репрессиям: их лишали политических прав, облагали завышенными налогами, а храмы и хурулы закрывали и разрушали. Это привело к сокращению числа традиционных лекарей и ослаблению их авторитета.

В условиях усиливающегося давления на религиозные практики и традиционные формы врачевания активную позицию защиты занял представитель Тибета в России, Цанид-Хамбо Агван Доржиев. Так, 24 апреля 1925 г. в очередном обращении к народному комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину Доржиев, акцентируя внимание на необходимости изменения содержания и методов антирелигиозной пропаганды, подчеркивает необходимость прекратить преследование врачей, практикующих тибетскую медицину [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 318. Л. 217].

18 августа 1925 г. Цанид-Хамбо Агван Доржиев предпринял очередную попытку защитить тибетскую медицинскую практику. Он обратился к члену Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) и главе Секретариата по делам культов П. Г. Смидовичу с просьбой сохранить возможность для врачей тибетской медицины оказывать помощь населению «по-прежнему». Доржиев особо подчеркнул критичность ситуации: по его данным, после ограничения традиционной практики Наркомздрав Калмыцкой области так и не предоставил населению адекватной замены, что создавало угрозу здоровью жителей региона [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 318. Л. 62].

Попытка защитить тысячелетнее наследие была предпринята известными советскими востоковедами: академиком С. Ф. Ольденбургом, выдающимся буддологом Ф. И. Щербатским и лингвистом-монголоведом В. Я. Владимирцовым, которые в сложившихся исторических условиях сочли необходимым донести свою позицию до руководства страны. Они обратились к наркому иностранных дел Г. В. Чичерину с запиской, в которой представили экспертную оценку современного положения буддийских общин в СССР. В документе особо подчеркивалась возможная роль тибетской меди-

цины, которая, как отмечалось, «может дать нашей медицине много ценных и полезных указаний» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 318. Л. 222–221].

10 августа 1928 г. Цанид-Хамбо Агван Доржиев вновь направил записку П. Г. Смидовичу. Основной темой документа стал запрет на ввоз тибетских медикаментов. Так, в октябре 1927 г. на пограничной монгольской таможне в Алтан-Булаге у гелюнга Хошеутовского улуса Кульмуна Дорджиева было изъято около одного пуда медикаментов. Доржиев подчеркивал, что данное ограничение спровоцировало масштабную спекуляцию, охарактеризованную им как «дикая спекулятивная вакханалия», остановить которую можно путем организованного распределения лекарств через существующий Забайкальский склад [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 318. Л. 263].

Репрессивная политика советской власти в отношении буддийского духовенства, осуществлявшего функции врачевания населения, подрывала сложившуюся систему медицинской помощи. Одновременно объективно не могла способствовать активному формированию специалистов в области европейской медицины. Осенью 1920 г., как отмечает исследователь истории медицины М. В. Бадугинова, проблема нехватки медицинского персонала в Калмыкии оставалась нерешенной [Бадугинова, 2022: 16]. Эта ситуация сохранялась и в последующие годы.

Учитывая сложившуюся обстановку, председатель областного исполнительного комитета Э.-А. К. Кекеев 17 июня 1927 г. направил улусным исполкомам секретное распоряжение. Примечательно, что сам Кекеев в детские годы воспитывался у своего дяди — гелюнга Бурлина Белебева [Максимов, 2018: 145]. В документе, помеченном грифом «секретно» и содержащем указание действовать «совершенно конфиденциально», предлагалось не привлекать к административной ответственности гелюнгов, имеющих специальное образование и звание «эмчи», при осуществлении ими медицинской практики на основе тибетской медицины [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 828. Л. 25]. Таким образом, на местах имели место отдельные попытки задействовать традиционные ресурсы здравоохранения для решения острой проблемы дефицита медицинских кадров.

В 1930-е гг. заслуженный врач РСФСР У. Д. Душан — один из первых в Калмыкии дипломированных врачей, выпускник медицинского факультета Саратовского университета, — критически отзываясь о традиционной медицине, в своей работе с гордостью отмечал значительный прогресс в развитии здравоохранения Калмыкии. Он указывал, что если в 1913 г. в регионе было всего 4 больницы на 61 койку (при финансировании 30 коп. на одного человека в год), то к рассматриваемому периоду сеть медицинских учреждений существенно расширилась: появилось 25 больниц с общим количеством коек 481, 16 амбулаторий, 2 диспансера, 43 фельдшерских пункта, 7 женских и детских консультаций и 13 постоянных детских яслей [Душан, 2016: 302]. Достижение этих показателей в условиях становления государства Советов и проводимой в Калмыкии политики седентаризации являлось значимым результатом, отражавшим усилия по модернизации социальной инфраструктуры. Тем не менее, по оценке Ф. А. Синицына, новая система «никоим образом не могла выдержать конкуренцию с тибетской медициной» [Синицын, 2013: 181].

Несмотря на впечатляющие количественные показатели, система здравоохранения Калмыкии по-прежнему испытывала серьезные трудности. Как отмечает специа-

лист в области истории государственности Калмыкии К. Н. Максимов, даже в начале 1940-х гг. здравоохранение оставалось одной из ключевых социальных проблем региона. По его подсчетам, на 10 тыс. населения в Калмыкии приходилось всего 3,2 врача — значительно меньше, чем в среднем по РСФСР (8,2 врача на 10 тыс. населения) или, к примеру, по сравнению с Киргизской ССР (3,8 врача на 10 тыс.) [Максимов, 2013: 64]. Это свидетельствовало о сохраняющемся дефиците квалифицированных медицинских кадров и недостаточной доступности медицинской помощи для населения, что подчеркивало противоречивость результатов советской модернизации здравоохранения в Калмыкии.

Заключение

Таким образом, трансформация медицинской помощи у калмыков в рассматриваемый период была результатом сложного взаимодействия государственных реформ, антирелигиозной политики и социально-культурных изменений. Данный процесс иллюстрируют основные его положения:

В дореволюционный период врачевание в Калмыцкой степи базировалось на синтезе эмпирического народного опыта и буддийской религиозно-философской традиции. Духовные лица выполняли функции основных целителей, пользуясь высоким доверием населения.

Уже в середине XIX в. имперские власти осознали необходимость развития светской медицины в регионе, но столкнулись с рядом препятствий. В качестве компромиссного решения была инициирована подготовка калмыцких фельдшеров, что стало первым шагом к формированию профессиональной медицинской системы.

В начале XX в., на фоне политики веротерпимости, предпринимались попытки нормативно закрепить статус тибетской медицины: разрешить открытие специализированных школ, ввоз лекарств и установить государственный контроль. Однако достичь устойчивого компромисса между традицией и модернизацией не удалось.

После 1917 г. антирелигиозная политика советской власти привела к репрессиям против буддийского духовенства, включая эмчи. Запреты на традиционную практику и разрушение инфраструктуры хурулов подорвали сложившуюся систему медицинской помощи, но не обеспечили адекватной замены. Расширение сети медицинских учреждений в Калмыкии в годы первой пятилетки не устранило ключевой проблемы — нехватки квалифицированных специалистов.

Даже в условиях репрессий отдельные представители власти и общественные деятели выступали за сохранение элементов традиционной медицины как временного решения проблемы дефицита кадров. Эти инициативы носили компромиссный характер и отражали осознание практической ценности тибетского врачевания.

Благодарности и финансирование

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН на 2026 г., № государственной регистрации 125011200150–2.

Acknowledgements and funding

This publication was prepared as part of the State Assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2026, state registration number 125011200150–2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авлиев В. Н., Горяев М. С. Лечение болезней у калмыков до и после прихода европейской медицины // *Science Time*. 2015. № 9 (21). С. 7–11.

Бадугинова М. В. Здравоохранение в конце XIX — первой половине XX века. Элиста: КалМНЦ РАН, 2023. 256 с.

Бадугинова М. В. Рожденная революцией: становление советской системы здравоохранения у калмыков-кочевников // *История повседневности*. 2022. № 4 (33). С. 7–19.

Горяева Б. Б. Традиции народной медицины в мотивах волшебной сказки калмыков // *Новые исследования Тувы*. 2018. № 4. С. 161–177.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 43 А. Д. 1437.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 318.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 489.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 828.

Душан У. Д. Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х томах. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. 848 с.

Муниев В. Д. (ред.) Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов. М.: Русский язык, 1977. 764 с.

Кануков Х. Б. Буддизм-ламаизм и его последствия. Астрахань: Типография Калмиздат, 1928. 94 с.

Лиджиева И. В. Оспопрививание как направление деятельности инородческого управления // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2022. № 2 (71). С. 32–38.

Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: АУ РК «Издательский Дом «Герел». 2013. 464 с.

Максимов К. Н. Общественно-политические и государственные деятели Калмыкии XX века. Псков: «Псковское возрождение», 2018. 248 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И-42. Оп. 1. Д. 9.

НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 12.

Об укреплении начал веротерпимости // Полное собрание законов Российской империи — 3. Т. XXV. Ч. 1. № 26126. СПб.: типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1908. С. 258–262.

Омакаева Э. У. Медицинские знания у калмыков (по архивным и полевым источникам) // *Материалы научных чтений, посвященных памяти проф. А. Ш. Кичикова*. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 278–281.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.

Пинкевич В. К. Вероисповедные вопросы в работах Комитета Министров в январе-марте 1905 г. // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2006. № 1–2. С. 145–158.

Положение об управлении калмыцким народом 24 ноября 1834 г. // Полное собрание законов Российской империи — II. Т. X. Прибавление к т. IX. Ч. 1. № 7560 а. СПб.: типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. С. 18–40.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1297. Оп. 98. Д. 111.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1298. Оп. 1. Д. 1374.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 1. Д. 1523.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 2. Д. 1432.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 10. Д. 9387
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 23. Д. 37724.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 47. Д. 47.

Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части // Свод законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1842. С. 21.

Синицын Ф. А. «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: изд-е А. А. Терентьева, 2013. 528 с.

Уланов М. С., Бадмаев В. Н. Традиционная медицина калмыков: историко-культурологический анализ // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 138–160.

Хабунова Е. Э. Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-исторических экспедиций (2012–2018 гг.) // Монголоведение (Монгол судлал). 2022. Т. 14. № 2. С. 405–417.

Шантаев Б. А. Традиционные методы лечения у калмыков в прошлом и настоящем // Мат-лы первых Бертагаевских чтений. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 341–344.

Эрдниев У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. 4-е изд., перераб и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 429 с.

References

Avliev V. N., Goryaev M. S. Lechenie boleznei u kalmykov do i posle prikhoda evropeiskoi meditsiny [Treatment of diseases among Kalmyks before and after the arrival of European medicine]. *Science Time*. 2015, no. 9 (21), pp. 7–11 (in Russian).

Baduginova M. V. Rozhdennaya revolyutsiei: stanovlenie sovetskoi sistemy zdavookhraneniya u kalmykov-kochevnikov [Born by revolution: the formation of the Soviet health care system among kalmyk nomads] *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. 2022, no. 4 (33), pp. 7–19 (in Russian).

Baduginova M. V. *Zdravookhranenie v kontse XIX — pervoi polovine XX veka* [Healthcare in the late 19th — first half of the 20th century]. Elista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2023 256 p. (in Russian).

Dushan U. D. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences, 2016. 376 p. (in Russian)

Erdniev U. E. *Kalmyki: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Kalmyks: historical and ethnographic essays]. Elista: Kalm. book publishing house, 2007, 429 p. (in Russian).

Goryaeva B. B. Traditsii narodnoi meditsiny v motivakh volshebnoi skazki kalmykov [Traditions of folk medicine in the motif of kalmyk fairy tales] *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. 2018, no. 4, pp. 161–177 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii (GARF). [State Archives of the Russian Federation]. Fund 393. Inventory 43 A. File 1437 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii (GARF). [State Archives of the Russian Federation]. Fund R-1235. Inventory 140. File 318 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii (GARF). [State Archives of the Russian Federation]. Fund R-1235. Inventory 140. File. 489 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii (GARF). [State Archives of the Russian Federation]. Fund R-1235. Inventory 140. File. 828 (in Russian).

Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3-kh tomakh [History of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 volumes]. Elista: State Institution “Gerel” Publishing House, 2009, vol. 1. 848 p. (in Russian).

Kanukov Kh. B. Buddizm-lamaizm i ego posledstviya [Buddhism-Lamaism and its consequences]. Astrakhan: Kalmizdat Printing House, 1928, 94 p. (in Russian).

Khabunova E. Eh. Narodnye znaniya kalmykov o traditsionnykh sposobakh lecheniya: faktologiya fol'klorno-istoricheskikh ehkspeditsii (2012–2018 gg.) *Mongolovedenie (Mongol sudlal)* [Mongolian Studies (Mongol Sudlal)]. 2022, vol. 14, no. 2, pp. 405–417 (in Russian).

Lidzhieva I. V. Ospoprivivanie kak napravlenie deyatel'nosti inorodcheskogo upravleniya [Smallpox as an activity of the foreign management]. *Kaspiiskii region: politika, ehkonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economics, culture]. 2022, vol. 2 (71), pp. 32–38 (in Russian).

Maksimov K. N. *Kalmykiya v sovetskuyu ehpokhu: politika i realii* [Kalmykia in the Soviet Era: Politics and Realities]. Elista: AU RK “Gerel” Publishing House. 2013, 464 p. (in Russian).

Maksimov K. N. *Obshchestvenno-politicheskie i gosudarstvennye deyateli Kalmykii XX veka* [Socio-political and government figures of Kalmykia in the 20th century]. Pskov: “Pskovskoe Vozrozhdenie,” 2018, 248 p. (in Russian).

Muniev V. D. (ed.) *Kalmytsko-russkii slovar'. 26 000 slov* [Kalmyk-Russian dictionary. 26,000 words]. Moscow: Russian Language Publishing House, 1977, 764 p. (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya (NARK) [The National Archive of the Republic of Kalmyks]. Fund I-42. Inventory 1. File 9 (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya (NARK). Fund I-9. Inventory 2. File 12 (in Russian).

Ob ukreplenii nachal veroterpimosti [On strengthening the principles of religious tolerance]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii — 3. T. XXV. Ch. 1. № 26126* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection — 3. Vol. XXV. Part 1. No. 26126]. St. Petersburg: printing house of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1908, pp. 258–262 (in Russian).

Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR. Dooktyabr'skii period [Essays on the History of the Kalmyk ASSR. Pre-October Period]. Moscow: Nauka, 1967, 479 p. (in Russian).

Omaeva E. U. Meditsinskie znaniya u kalmykov (po arkhivnym i polevym istochnikam) [Medical Knowledge of the Kalmyks (Based on Archival and Field Sources)]. *Materialy nauchnykh chtenii, posvyashchennykh pamyati prof. A. Sh. Kichikova* [Proceedings of the Scientific Lectures Dedicated to the Memory of Professor A. Sh. Kichikov]. Elista: APP “Dzhanger”, 2002, pp. 278–281 (in Russian).

Pinkevich V. K. Veroispozvednye voprosy v rabotakh Komiteta Ministrov v yanvare-marte 1905 g. [Religious issues in the works of the Committee of Ministers in January-March 1905].

Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. [State, religion, church in Russia and abroad]. 2006, no. 1–2, pp. 145–158 (in Russian).

Polozhenie ob upravlenii kalmytskim narodom 24 noyabrya 1834 g. [Regulations on the governance of the Kalmyk people, November 24, 1834]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii — II. T.X. Pribavlenie k t. IX. Ch. 1. № 7560 a*. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire — II. Vol. X. Supplement to Vol. IX. Part 1. No. 7560 a]. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1836, pp. 18–40 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). [The Russian State Historical Archive]. RGIA. F. 1297. Op. 98. D. 111 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). Fund 1298. Inventory 1. File 1374 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). Fund 381. Inventory 1. File 1523 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). Fund 381. Inventory 2. File 1432 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). Fund 383. Inventory 10. File. 9387 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). Fund 383. Inventory. 23. File 37724 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). Fund 733. Inventory. 47. File 47 (in Russian).

Shantaev B. A. Traditsionnye metody lecheniya u kalmykov v proshlom i nastoyashchem [“Traditional Healing Methods among Kalmyks in the Past and Present”] *Materialy pervykh Bertagaevskikh chtenii* [Materials of the First Bertagaev Readings]. Elista: APP “Dzhangar”, 2005, pp. 341–344 (in Russian).

Sinitsyn F. L. “Krasnaya burya”. *Sovetskoe gosudarstvo i buddizm v 1917–1946 gg.* [“Red Storm.” The Soviet State and Buddhism in 1917–1946]. St. Petersburg: A. A. Terentyev Publishing House, 2013, 528 p. (in Russian).

Svod uchrezhdenii i ustavov vrachebnykh po grazhdanskoi chasti [Code of Institutions and Statutes for Civilian Medical Affairs] *Svod zakonov Rossiiskoi imperii poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyyi* [Code of Laws of the Russian Empire compiled by order of Emperor Nicholas Pavlovich]. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1842. P. 21.

Ulanov M. S., Badmaev V. N. Traditsionnaya meditsina kalmykov: istoriko-kul'turologicheskii analiz [Kalmyk traditional medicine: a historical and cultural analysis]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. 2018, no. 4, pp. 138–160 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 07.06.2026

Принята к публикации: 19.08.2026

Дата публикации: 30.09.2026

УДК 94 (47).084.5 (1924–1928 гг.)

DOI 10.14258/nreur(2026)3–06

О. В. Кобец

Филиал автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры» в Смоленской области, Смоленск (Россия); Научно-образовательный центр Смоленского государственного университета «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем», Смоленск (Россия)

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1926 Г. И НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕЗИСА О МЕСТАХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ БЕЛОРУСОВ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В 1920–1930-Е ГОДЫ

В самом начале 1920-х годов решениями X (1921 г.) и XII (1923 г.) съездов Российской коммунистической партии (большевиков) была выработана советская национальная политика, получившая общее название — коренизация. Главным ее отличием от проводившейся ранее царским правительством русификаторской политики являлась всемерная поддержка национальных меньшинств, составлявших почти половину всего населения России (65 из 140 миллионов).

К категории национальных меньшинств в регионах РСФСР относились и два славянских народа — украинцы и белорусы. Они уже имели свою государственность в формате союзных советских республик: УССР и БССР. И в них активно проводилась политика украинизации и белорусизации. Проживавшие же в российских регионах украинцы и белорусы, но теперь уже не как титульные нации, а как национальные меньшинства, хотя и самые многочисленные, подпадали под задачи политики коренизации. В соответствии с установками Москвы местным российским властям предписывалось в первую очередь переводить процесс обучения в школах на украинский или белорусский язык, а также создавать национальные сельские советы, переводя делопроизводство в них на национальные языки.

Однако одновременно с указанными задачами в партийно-государственных решениях по коренизации был заложен и сдерживающий, а зачастую и просто тормозящий, фактор ее реализации: требование компактности проживания национальных меньшинств.

Настоящее исследование со всей очевидностью показывает, что при общей малочисленности белорусского населения в российско-белорусском приграничье (Псковская, Смоленская и Брянская губернии) волостей с относительно компактным проживанием белорусов были единицы. Белорусское сельское население в целом, а именно таковым оно в основном и являлось, вело схожий с соседними русскими крестьянскими хозяйствами образ жизни, живя вперемешку, используя в быту русский язык.

Документальным свидетельством почти полного отсутствия в российско-белорусском приграничье мест с компактным проживанием белорусского населения стала Всесоюзная перепись населения 1926 г. Местным властям в угоду требованиям Москвы зачастую приходилось «искать» белорусов, компактно проживавших в подведомственных им волостях. Что одновременно ставило в повестку дня вопрос о целесообразности и необходимости самой белорусизации для «российских белорусов».

Ключевые слова: советская национальная политика, 1920–1930-е годы, коренизация, белорусы в российско-белорусском приграничье, места компактного проживания, Всесоюзная перепись населения 1926 г.

Для цитирования:

Кобец О. В. Перепись населения 1926 г. и несостоятельность тезиса о местах компактного проживания белорусов в регионах российско-белорусского приграничья в 1920–1930-е годы // Народы и религии Евразии. 2026. Т 31. № 3. С. 91–107.
[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-06](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-06)

Кобец Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Смоленского филиала АНО ВО «Институт деловой карьеры», Смоленск (Россия); научный сотрудник НОЦ Смоленского государственного университета «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем», Смоленск (Россия). **Адрес для контактов:** cobets.olga@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-6058-160X>

O. V. Kobets

Branch of the autonomous non-profit organization of higher education «Institute of Business Career» in the Smolensk region, Smolensk (Russia); Scientific and Educational Center of Smolensk State University «Russia and Belarus: History and Culture in the past and present», Smolensk (Russia)

POPULATION CENSUS OF 1926 AND THE INCONSISTENCY OF THE THESIS ABOUT THE PLACES OF COMPACT RESIDENCE OF BELARUSIANS IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER IN THE 1920S-1930S

In the early 1920s, the decisions of the 10th (1921) and 12th (1923) Congresses of the Russian Communist Party (Bolsheviks) led to the development of a Soviet national policy known as “korenization”. This policy differed significantly from the Russification policies

pursued by the Tsarist government, as it aimed to support the national minorities, which accounted for nearly half of Russia's population (65 million out of 140 million).

Two Slavic peoples, Ukrainians and Belarusians, also belonged to the category of national minorities in the regions of the RSFSR. They already had their statehood in the format of the Union Soviet republics: the Ukrainian SSR and the BSSR. And they actively pursued a policy of Ukrainization and Belarusization. Ukrainians and Belarusians who lived in the Russian regions, but now no longer as titular nations, but as national minorities, although the most numerous, fell under the objectives of the policy of korenization. In accordance with Moscow's instructions, local Russian authorities were ordered to primarily translate the educational process in schools into Ukrainian or Belarusian, as well as to establish national village councils and translate their records into national languages.

However, at the same time, the party-state decisions on korenization also contained a restraining factor, and often a hindering factor, for the implementation of these decisions: the requirement for the compact residence of national minorities.

This study clearly demonstrates that, despite the overall low number of Belarusian residents in the Russian-Belarusian border region (Pskov, Smolensk, and Bryansk provinces), there were only a few volosts with relatively compact Belarusian populations. The Belarusian rural population, which was the majority of the population, had a similar lifestyle to that of neighboring Russian peasant farms, living in mixed communities and using the Russian language in their daily lives.

A documentary evidence of the almost complete absence of places with compact Belarusian population in the Russian-Belarusian borderlands was the 1926 All-Union Census. Local authorities, to comply with Moscow's demands, often had to “search for” Belarusians who lived compactly in the volosts under their jurisdiction. This, at the same time, brought up the question of the feasibility and necessity of Belarusization itself for the “Russian Belarusians”.

Keywords: Soviet national policy, 1920s-1930s, korenization, Belarusians in the Russian-Belarusian border area, places of compact residence, the All-Union Population Census of 1926.

For citation:

Kobets O. V. Population census of 1926 and the inconsistency of the thesis about the places of compact residence of Belarusians in the regions of the Russian-Belarusian border in the 1920s-1930s. *Nations and religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 91–107. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-06](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-06)

Kobets Olga Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Smolensk Branch of the Autonomous Educational Institution of Higher Education “Institute of Business Career”, Smolensk (Russia); Research Fellow at the Smolensk State University Research Center “Russia and Belarus: History and Culture in the Past and Present”.

Contact address: cobets.olga@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6058-160X>

Введение

Как известно, ключевым направлением советской национальной политики, получившей свое документальное оформление в решениях X и XII съездов РКП(б), стала коренизация. В 1921 г. все партийные организации призывались помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию посредством развития и укрепления у себя советской государственности в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов [Десятый съезд РКП(б), 1963: 603–604]. На первое место здесь выдвигалась задача организации деятельности всех национальных учреждений на родном языке. В 1923 г. данный тезис был уже наполнен гораздо большей конкретикой: органы национальных республик и областей следовало строить по преимуществу «из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи» своих народов; следовало издавать «специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства ...» [Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 694].

После таких центральных установок советская национальная политика начнет воплощаться в регионах страны в специфических форматах титульных наций: украинизация, белорусизация, узбекизация, татаризация и т.д. При этом в части территорий Российской Федерации особо подчеркивалась необходимость коренизации *в местах компактного проживания национальных меньшинств*.

Сама по себе постановка данного вопроса была вполне логичной, поскольку, по сути, она была нацелена на реализацию вышеназванных партийных решений. Проблема заключалась лишь в том, что сознательно или нет, но данный тезис о компактности проживания национальных меньшинств в территориальных границах той или иной республики (области) и о его численной наполняемости никогда и никем не пояснялся. В итоге это будет по-разному трактоваться Москвой и местными властями.

Это относилось и к двум самым многочисленным соседним славянским народам, проживавшим в РСФСР, — украинцам и белорусам. Численность первого национального меньшинства на просторах Российской федеративной республики превышала 6 млн человек. Белорусское меньшинство составляло в РСФСР «всего» 637,6 тыс. чел., из них в сельской местности проживало 525 тыс. чел. [Всесоюзная перепись населения, 1929: 80]. Больше всего белорусов было в Сибирском крае — 320,3 тыс. чел., из них в сельской местности проживало 311,4 тыс. чел. В части приграничных с Белоруссией российских регионов картина была следующей: в Псковской губернии белорусов было 34,3 тыс. чел., из них в сельской местности — 31,2 тыс.; в Брянской — 21,1 тыс., из них в деревнях — 13,8 тыс. чел. [Всесоюзная перепись населения, 1929: 80]. Всего же в РСФСР из общей численности населения в 140 млн человек национальные меньшинства составляли 65 миллионов.

«У нас белорусов нет!»

В данной работе вопросы плотности расселения белорусов в регионах российско-белорусского приграничья, то есть компактности их проживания, вплоть до начала 1930-х гг. будут рассматриваться комплексно, не только на основе статистических материалов. Заявленная тематика вычленяется в самостоятельный объект исследования

по той причине, что местные власти далеко не всегда безоговорочно и послушно следовали установкам Москвы по проведению белорусизации в соседних с БССР российских регионах, зачастую саботируя навязываемую им работу. И основной опорой в такого рода региональных «протестах» для местных властей служил довольно хорошо работавший тезис: «У нас белорусов нет!».

На первом этапе белорусизации, то есть еще до переписи 1926 г., базовых аргументов для такого рода заявлений у местных руководителей было два. Первый отрицал в целом вычленение белорусов в отдельную нацию, указывая на то, что белорусы полностью ассимилировались и стали частью великорусского этноса. Второй — это непризнание белорусского языка как самостоятельного и отношение к нему лишь как к одному из говоров русского языка.

В документах партийных и советских органов власти исследуемых нами регионов вплоть до середины 1920-х гг. так называемый «белорусский вопрос», как, впрочем, и украинский, фактически полностью отсутствовал в перечне обсуждаемых проблем. Неким исключением здесь была Смоленщина, «попавшая» в одно из самых ранних предписаний московского руководства по вопросам белорусизации, потребовавшего начать уже в 1923 г. внедрение в школах белорусского языка [ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 30. Л. 1].

На Псковщине наличие белорусского населения отвергалось властями всех уровней: губернского, уездного, волостного. При этом такая непреклонная позиция не только сохранилась даже и после присоединения в 1924 г. переданных от Витебской губернии Себежского, Невельского и Велижского уездов, но и мало поменяется в последующие годы вплоть до свертывания политики белорусизации. В отчете Псковского губисполкома в отдел национальностей ВЦИК весной 1926 г. констатировалось, что белорусы перечисленных выше уездов настолько обрусели, что числились белорусами «лишь по названию» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 36 об.].

«Искать» белорусов приходилось и на Смоленщине. В том числе и после декабрьской Всесоюзной переписи населения 1926 г. К решению этой задачи была даже привлечена фольклорно-диалектологическая комиссия минского Института белорусской культуры, преобразованного в 1928 г. в Белорусскую академию наук. Летом 1927 г. комиссия обследовала центральную и северную части Смоленской губернии. Она оказалась в сложном положении. С одной стороны, перед комиссией стояла задача «найти» белорусов. С другой, ей приходилось признавать, что даже в наиболее «белорусском» Смоленском уезде молодежь считала себя русскими и в большинстве довольно хорошо говорила по-русски. А за молодежью и под ее влиянием тянулось и старшее поколение, стесняясь говорить на своем родном «мужицком» языке [Рабочий путь, 1927]. В такой ситуации комиссия заключала, что по этнографическим и антропологическим данным население Смоленского уезда являлось частью белорусского народа, «хотя в большой степени срусифицированного» и называющего себя ни великороссами, ни белорусами, а просто «смолянами» [Рабочий путь, 1927].

Вплоть до самой середины 1920-х годов в исследуемых нами регионах белорусов как бы и не было вообще. Так, например, в отчете Брянского губкома РКП(б) 1924 г. в части национального состава населения находим информацию только о латышах

(1 600 чел.), эстонцах (1 тыс.) и немцах (600 чел.). В следующем году к ним добавляются евреи. А далее следует такого рода дополнение: среди других национальных меньшинств «работа вестись в этом году не предполагается» [ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1203. Л. 118]. Ни украинское, ни белорусское население в это время еще просто не выделяются из этноса великорусского.

В этом же отчете губкома называлась и главная трудность работы с нацменьшинствами — это разбросанность их по отдельным хуторам и мелким поселениям [ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1390. Л. 98]. Но и по прошествии четырех лет, то есть в 1928 г. отвечавший за работу с национальными меньшинствами в Брянской губернии Я. Штауэр указывал на «отсутствие территории, объединяющей отдельные национальности», из которых «только сотни живут маленькими группами, а в своем подавляющем большинстве нацменьшинства разбросаны одиночками» [Брянский рабочий, 1928]. Здесь, конечно, в первую очередь имелись в виду колонии латышей, эстонцев и немцев, стремившихся жить уединенно и относительно компактно. Но данное суждение вполне приемлемо и для белорусского населения, принимая во внимание некоторые из национальных особенностей белорусов.

Еще в самой середине XIX в. руководителем смоленского отряда по обследованию крестьянских хозяйств губернии Я. А. Соловьевым была подмечена существенная разница крестьянина великорусского и белоруса не только в части домашнего быта и хозяйства, но и самого народного характера, особенно касательно мест расселения. Если русский крестьянин, отмечал Я. А. Соловьев, любил строиться на больших дорогах, где он, при своей деятельности и сметливости, нередко зарабатывал «лишнюю копейку», то крестьянин белорусский «прятался в поселках», пренебрегая удобствами, без какого-либо стремления к «отысканию средств к жизни» [Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, 2011: 100].

В 1903 г. наблюдения и описания Я. А. Соловьева в полной мере «подтвердила» и экспедиция этнографа, профессора Варшавского университета Е. Ф. Карского, объехавшего «белорусские земли» в Орловской, Калужской, Смоленской, Тверской и Псковской губерниях. В изданной уже в том же 1903 г. работе «Белоруссы» Карский для проведения границ в подготовленной им «Этнографической карте белорусского племени» предлагал различать белорусов, которым «приходилось соседствовать с великорусами» в Орловской, Калужской, Смоленской, Тверской и Псковской губерниях «по образу жизни». Основное отличие белорусов от великороссов профессор Карский определял так: они «селятся в местностях лесистых и болотистых», отчего «великорусы ... и называют их поляхами, а местность их Полесьем» [Карский, 1903: 13–14]. И добавлял к этому, что по той же причине стремления к уединению совсем не наблюдалось у белорусов к востоку от Смоленска вдоль железных дорог, которых было много, но где белорусская речь полностью уступала место великорусской [Карский, 1903: 16].

Данная национальная черта белорусов поселяться в стороне от дорог, предпочитая уединенную крестьянскую жизнь, никуда не исчезнет и в начале XX в., что значительно усложнит местным властям «поиски» волостей с компактным проживанием белорусов, для последующей их белорусизации, так настойчиво диктовавшейся регионам Москвой.

В вопросе определения компактности проживания для региональных властей не было никаких проблем ни с евреями, ни с поляками или немцами, ни с латышами или эстонцами и даже с украинцами. Вопрос же о фактической численности белорусов в российско-белорусском приграничье по большому счету так и останется неразрешенным вплоть до завершения политики коренизации. Существенную роль сыграла в этом и значительная схожесть двух языков: белорусского и русского. Причем схожесть гораздо большая, чем русского и украинского языков.

Один из инспекторов, проверявший работу с национальными меньшинствами в Псковской губернии в 1926 г., констатировал, что даже в самых что ни на есть «белорусских» уездах Себежском, Невельском и Велижском белорусское население настолько обрусело, что говорило лишь на русском языке, только примешивая к нему «несколько десятков белорусских слов». И добавлял, что в других районах населения, говорящего на белорусском языке, не имелось вообще: «При объезде мною одной волости, расположенной ближе к границе Белоруссии, а также при обходе базаров, на которые прибывают крестьяне из разных волостей, я не встретил ни одного гражданина, говорившего бы на белорусском языке» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 42].

При этом следует отметить и имевшее место вольное обращение с количественными показателями по белорусскому населению. Вот пример по Псковщине. Даже в записке, подготовленной в 1926 г. Советом по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР (Совнацмен) для заседания коллегии наркомата, тенденциозность очевидная: в 1920 г. в губернии имелось 112 118 чел., которые *компактно проживали* (выделено нами. — О. К.) в Невельском, Велижском и Себежском уездах (здесь не столь важно, что эти уезды были на тот момент еще в составе Витебской губернии, главное — тезис о компактности, о чем в 1920 г. речи еще не шло вообще); в 1925 г. губернский отдел народного образования называл цифру в 150 тыс. чел.; инспектор Наркомпроса Акодис, производивший обследование губернии, давал цифру в 170 тыс. белорусов [ГАНИПО. Ф. 5712. Оп. 4. Д. 226. Л. 30].

Белорусы в российско-белорусском приграничье по переписи 1926 г.

На этом фоне нам следует посмотреть, что говорит по вопросу компактности проживания белорусов в указанных российских приграничных регионах Всесоюзная перепись населения 1926 г.

Вначале отметим некоторые общие вопросы, касающиеся переписей населения.

Первая и единственная перепись населения царской России была проведена зимой 1897 г. До этого времени имели место подушные переписи-ревизии. Первой советской переписью населения станет «всеобщая демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная перепись» 1920 г. [Воробьев, 1957: 11].

По переписи 1897 г., в части интересующего нас национального вопроса, данные собирались только о родном языке опрашиваемых. Вопрос о вероисповедании не относился к этнической принадлежности. В личном листке переписи 1920 г. в четвертом вопросе требовалось дать ответ на два подвопроса: 1) к какой национальности относился сам себя опрашиваемый и 2) какой язык он считал для себя родным.

В декабре 1926 г. состоялась Всесоюзная перепись населения. В личном листке переписи четвертый и пятый вопросы были о народности и родном языке. Здесь необ-

ходимо подчеркнуть, что по результатам долгих обсуждений и споров, предшествовавших переписи, ЦСУ утвердило формулировку именно о народности, а не о национальности, как это было в переписи 1920 г. Мотивация была таковой: «народность» должна была подчеркнуть, что от опрашиваемого ожидалось подтверждение его «племенного происхождения», т. е. «принадлежности к той или иной этнической группе населения» [Воробьев, 1957: 27].

В «Наставлении о том, как писать ответы на вопросы личного листка» по поводу народности сказано: «Здесь отмечается, к какой народности причисляет себя отвечающий. В случае, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери. Так как перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, то в ответах на 4-й вопрос не следует заменять народность религией, подданством или признаком проживания на территории какой-либо республики. Ответ на вопрос о народности может и не совпадать с ответом на вопрос 5-й о родном языке» [Воробьев, 1957: 27–28]. Таким образом, регистрация народности была основана на самоопределении опрашиваемых.

В части языка в «Наставлении» говорилось, что родным языком следовало признавать тот, «которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит» [Воробьев, 1957: 28].

Перепись дает нам вначале общие цифры по количеству населения трех интересующих нас приграничных российских губерний с разбивкой по народностям. Так, из всей численности населения Псковской губернии в 1 788 418 чел. русские составляли 1 695 739 чел., что давало немногим менее 95%; белорусов было 34 277 чел., или 1,92% всего населения. Цифры по Смоленской губернии: всего населения — 2 292 712 чел., из них русских — 2 213 939 чел., или почти 96,5%; белорусов — 20 408 чел., т. е. 0,89% населения губернии. Показатели по Брянской губернии следующие: всего населения — 2 006 438 чел, русских — 1 806 260 чел, т. е. 90,02%; белорусов — 21 060 чел., или 1,05% населения губернии [Всесоюзная перепись населения, 1928а: 46–48].

Данные переписи свидетельствуют, что к 1926 г., т. е. в самый пик политики белорусизации, этнических белорусов в приграничных российских губерниях было совсем незначительное количество — в целом чуть более одного процента. И это с учетом того, что к тому времени в состав Псковской губернии уже добавились Себежский, Невельский и Велижский уезды, в Брянскую губернию вошли Клинцовский, Новозыбковский и Стародубский уезды.

Не выпала из приграничной «обоймы» и Смоленщина, хотя она, наоборот, лишилась в 1924 г. в ходе первого укрупнения БССР двух своих уездов — Мстиславского и Горецкого, что дало значительное снижение численности белорусского населения: с 55 тыс. по переписи 1920 г. до 20 тыс. в 1926 г. Наиболее «белорусскими» в губернии считались Смоленский и Рославльский уезды.

Неопределенность тезиса компактности проживания

Логика размышлений Москвы была понятной: если шесть уездов перешли в Псковскую и Брянскую губернии от ставших к тому времени территориями белорусскими, то и белорусского населения в них должно было быть много, а значит, и компактно проживающего.

Пример: письмо в адрес Псковского губоно за подписями заместителя председателя Совнацмена Наркомпроса И. Давыдова и заведующего белорусским отделением М. Лойко летом 1925 г. В нем высказывалось недовольство ведомства тем обстоятельством, что в губернии на 150 тысяч белорусского населения не было ни одного культурно-просветительного учреждения на белорусском языке, и ставилась задача о необходимости ведения на родном языке «культурно и политико-просветительной работы среди белорусов, живущих компактными массами», и перечислялись конкретные уезды: Невельский, Себежский, Велижский [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 78, 79].

Специальная же комиссия, обследовавшая Невельский уезд летом 1927 г. делала вывод, что компактных мест проживания белорусов в уезде не было, а если таковые и были, то «причисляющие себя к белорусам» и по своему языку, и обычаям мало чем отличались от русского населения. И потому делался вывод, что не было возможности вести работу среди белорусов по простой причине их отсутствия, не говоря уже об их компактном проживании [ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 425. Л. 238].

В декабре 1927 г. в докладе из Пскова в отдел национальностей ВЦИК РСФСР о состоянии работы среди национальных меньшинств была использована еще более жесткая формулировка: «Белорусских компактных населенных пунктов нет» [ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 88. Л. 2].

На совещании уполномоченных по работе среди национальных меньшинств, созванного по решению Президиума ВЦИК РСФСР в декабре 1926 г., в докладе Смоленского губисполкома прямо говорилось: «Белорусы находятся около границы с Белоруссией, но они смешаны с русским населением, и таких местечек, где преобладало бы исключительно белорусское население, у нас не имеется..., мы имеем разбросанность белорусов по всей территории, главным образом они живут в Смоленском уезде. Белоруссы смешаны с русскими крестьянами и находятся в одинаковых экономических условиях с остальным населением» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 89, 98].

На практике реальную компактность никто, нигде и никаким образом не измерял. Вольная трактовка термина компактности давала свободу толкований и порождала новые словообразования, понятия и подходы, такие, как: места с «количественно преобладающим белорусским населением» [ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч. 1). Л. 16]; в местностях со «значительными группами нацменьшинств» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 66. Л. 36] и т.д.

Базовая неопределенность в данном вопросе вылилась и в небольшую дискуссию между одним из выступавших и секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе на указанном выше совещании уполномоченных по работе среди национальных меньшинств, проходившем 3–4 декабря 1926 г. в Москве. На нем присутствовали уполномоченные от Смоленской, Псковской, Гомельской, Саратовской, Самарской, Пензенской, Астраханской, Воронежской, Ульяновской, Курской губерний, Сибирского края и Уральской области [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 40].

Представитель Гомельской губернии Пахомов поделился своими наблюдениями, полученными в ходе его трехнедельной поездки по Белоруссии и белорусским школам Украины. Он убедительно говорил о причинах протестного нежелания населения, чтобы школы и сельские советы переводились на белорусский язык. И аргумен-

тировал это так: волостные, уездные и губернские власти не смогут организовать рациональную работу национальных сельских советов после перевода в них делопроизводства на родной язык, поскольку «бумажки» от немцев, болгар, русских, украинцев и других народностей, подготовленные на родном языке разных этносов, дезорганизуют работу органов власти уже даже по одной причине — полного отсутствия нужных переводчиков. И чем больше сельсоветов будет переводиться на национальный язык, заключал Пахомов, тем сложнее будет работать вышестоящим органам, в ведении которых находились сельсоветы. Из такой ситуации, заключал выступавший, было два возможных выхода: либо децентрализация делопроизводства, либо один обязательный для всех язык [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 23–24].

С выступлением Пахомова не согласился Енукидзе. Он признавал, что власти оказались не подготовленными к работе среди национальных меньшинств и не договорились «об интересах соответствующего нацменьшинства и соответствующего государства», в том числе и в вопросе о компактности проживания национальных меньшинств [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 24–25].

В видении Енукидзе, для обслуживания национальных меньшинств в РСФСР следовало вначале «установить определенный минимум компактного населения национальности, которое в интересах поднятия этой национальности требует применения там национального языка». Но этого не следовало делать для «каждой деревушки». И не надо переводить делопроизводство в сельсоветах на национальные языки там, где местное население ассимилировалось и хорошо знает русский язык. «Во имя каких ... интересов навязывать им свой родной язык», ставил вопрос Енукидзе. И продолжал: «Я уверен, что это население в своем большинстве, в интересах своего развития не хочет этого и поэтому не нужно им навязывать» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 29]. Далее, уже как бы в формате обсуждения вопроса, он так излагал свое понимание проблемы: вначале надо «отдельно разработать вопрос о том, какие массы у нас живут, где, какова у них культура, на какой ступени развития находится их язык и служит ли их язык преобладающим при взаимоотношении с другими, необходимо установить это. Затем установить обслуживание на национальном языке тех национальностей, где имеется уже применение этого» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 29]. В конце своего выступления секретарь ЦИК делал такой вывод: «Мы признаем, что язык должен быть обязательным там, где нацменьшинства живут компактной массой, но когда живут вкрапленными, мелкими селениями и хотят иметь русскую школу, то почему им не дать» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 34].

В практической же работе по белорусизации в приграничных с БССР российских регионах превалирующим принципом взаимоотношений центра с регионами станет давление и подстегивание процессов со стороны московских властей. С этой же целью для подтверждения нередко противоречащих друг другу выводов и решений будет выборочно использоваться статистика, включая официальные данные переписей.

В 1929 г. в только что образованной Западной области с административным центром в Смоленске почти 400 тысяч национальных меньшинств характеризовались как проживающие «распыленно» [ЦДНИБО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 134. Л. 16]. Такая оценка имела непосредственное отношение и к белорусам. В значительной степени именно по при-

чине своей «распыленности» 78 тысяч белорусов не имели ни одного своего сельского совета, в то время как общее число национальных сельсоветов составляло в области 26 (в первую очередь латышские, эстонские, еврейские...) [ЦДНИБО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 134. Л. 13]. У белорусского же населения потребности в создании своих национальных сельских советов не было, их в полной мере устраивали «русские» сельсоветы, представлявшие одинаково и их интересы.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. свидетельствует

Наиболее очевидно «распыленность» белорусского населения в приграничных российских губерниях проявлялась на уездно-волостном уровне.

Из всех уездов трех российских губерний — Брянской, Смоленской, Псковской — в оценке Москвы наиболее «белорусскими» считались Клинецовский, Новозыбковский, Стародубский (Брянская губерния), Смоленский, Рославльский (Смоленская губерния), Себежский, Невельский и Велижский (Псковская губерния). Именно в этих регионах и предполагалось наличие большого количества мест компактного проживания белорусского населения. Однако материалы переписи 1926 г. это не подтверждают, кроме буквально нескольких волостей.

Поскольку ситуация с белорусским населением в трех губерниях была относительно типичной, мы ограничимся характеристикой только трех указанных выше уездов Брянской губернии, которой в силу своего географического положения и двойного пограничного статуса (граница с УССР и БССР) приходилось одновременно заниматься и украинизацией, и белорусизацией.

Из всего населения Брянской губернии численностью в 2 005 982 чел. русских по народности было 1 806 260 чел., т.е. 90%; белорусов — 13 060 чел., что составляло 0,65% всего населения. По родному языку цифры существенно менялись: русский назвали своим родным языком 1 956 036 чел. (97,5%), белорусский — всего 4 716 чел. (0,24%), а в сельской местности последний показатель был и того меньше — 0,20% [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 3, 19, 21].

По самым «белорусизированным» уездам ситуация была следующей.

В Клинецовском уезде всего проживало 298 825 чел. Из них русских по народности — 263 989 чел. (88,3%), белорусов — 6 679 чел., или 2,2%. По родному языку показатели были следующими: русский язык указали своим родным 285 164 чел., что составляло 95,4% всего населения уезда, белорусский — 2 770 чел., т.е. — 0,93% [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 40–41].

Из девяти волостей уезда наиболее «белорусскими» были две: Красногорская — 1 741 чел. по народности и 1 234 чел. — по языку, что составляло 5,0% и 3,5% населения волости соответственно; и Гордеевская — 1 285 белорусов по народности (3,7%) и 974 чел. по языку (2,8%).

По другим волостям белорусами по родному языку себя называли от 13 до 58 человек, а в двух волостях белорусов по языку не оказалось вовсе (Нивнянская и Мглинская волости). В последней из них не было ни одного белоруса даже и по народности [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 42–43].

В Новозыбковском уезде перепись показала наличие 178 041 чел. всего населения. Из них русскими по народности записали себя 139 737 чел. (78,5%), белорусами —

5 608 чел. (3,1%). По родному же языку, как и следовало ожидать, русскими «стали» 169 698 чел., или 95,3%, белорусами — 1 152 чел., или 0,6% [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 41].

В уезде было всего четыре волости. И ситуация здесь была не столь однозначной в сравнении с Клиновским уездом. Сложность заключалась в следующем: что считать основным или предпочтительным показателем — цифры по народности или по языку. Так, например, в Злынковской волости белорусов по народности было 1 279 чел., что составляло 4,9% всего населения волости. При этом цифра белорусов по родному языку оказывалась в разы меньше: всего 81 человек, что составляло лишь 0,3% населения волости.

Почти аналогичной ситуация складывалась в Новозыбковской волости. Здесь из всего населения в 43 119 чел. белорусов по народности было 1 238 чел., то есть 2,9%. По родному же языку всего имелось 15 чел., или 0,03% всего населения волости.

Показатели по Климовской волости были схожими с большинством волостей Клиновского уезда. А вот Чуровичскую волость, похоже, можно безоговорочно считать «белорусской» (на фоне других, конечно, не более того). Здесь в белорусскую народность себя отнесли 1 523 чел., что составляло 3,5% населения волости. Но при этом, в отличие от Злынковской волости, здесь 724 чел. назвали белорусский язык своим родным, что давало цифру в 2,2% всего волостного населения [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 43].

Стародубский уезд. Всего населения — 183 255 чел. Русских по народности — 119 125 чел., или 65%, белорусов — 1 233 чел., или 0,67%. По родному языку показатели радикально меняются: русских — 176 912 чел., то есть 96,5% всего населения, белорусов только 198 чел., или 0,1% [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 42].

По всем восьми волостям уезда общая картина была достаточно схожей: преобладание русского населения было очевидным как по народности, так и по родному языку, но только еще более явным. Причем здесь почти не было людей, причислявших себя к белорусской народности, за исключением, может быть, Стародубской волости, где таковых «оказалось» 153 чел. Белорусский же язык как родной указали для себя самое большее — 26 человек, это в Погарской волости. В трех волостях таковых было менее 10 чел. (Гарцевская, Кистерская, Юдиновская). И так же в трех волостях (Воронковской, Лыщицкой и Чаусовской) белорусами по языку не было ни одного человека [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 42].

Относительно схожей была ситуация и в двух других приграничных губерниях. Перепись показала, что если по народности в белорусы себя записали в Псковской губернии всего 1,92% населения, то родным языком белорусский назвали всего 0,07% населения. На Смоленщине в белорусы себя зачислили 0,89% населения, а белорусский язык выбрали родным только 0,19% жителей губернии [Всесоюзная перепись населения, 1928а: 46–48].

Плотность расселения белорусского населения

Для полноты восприятия проблемы компактности проживания белорусского населения в российском приграничье возьмем еще один показатель — плотность проживания сельского населения.

Покажем это на примере тех же трех уездов Брянской губернии.

В *Клинцовском уезде* имелось 1 260 населенных мест с общим числом сельского населения — 258 712 человек. Общее количество домохозяйств в уезде составляло 50 655. Таким образом, в среднем на один сельский населенный пункт приходилось 205 жителей и 40 домохозяйств [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 4]. А на одно домохозяйство было 5,1 чел. При этом в 280 населенных пунктах, что составляло почти четвертую часть всех населенных мест уезда, проживало менее чем по 10 человек. Из этих почти 300 мест 66 относились к Клинцовской волости, где показатель числа жителей на одно домохозяйство был и того меньше среднего по уезду — 4,8 чел. [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 4].

Новозыбковский уезд. Здесь было 659 населенных мест с общей численностью жителей 135 652 человек. Общая численность домохозяйств в уезде составляла цифру 29 487. Из этого следует, что в Новозыбковском уезде на один сельский населенный пункт получалось так же, как и в Клинцовском, по 206 жителей и почти по 45 домохозяйств со средней численностью в них — 4,6 чел. Одновременно в уезде было 139 населенных пунктов, то есть 21,1% всех населенных мест, в которых проживало менее чем по 10 чел. Из них 64, то есть почти половина, относились к Новозыбковской волости, где число жителей в пересчете на одно домохозяйство было даже меньше соседнего Клинцовского уезда — 4,5 чел. [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 4].

Похожей была ситуация и в *Стародубском уезде*: 761 сельский населенный пункт с количеством жителей в 162 051 чел. и общим числом домохозяйств в уезде — 33 360. То есть на один населенный пункт приходилось 213 жителей и 44 домохозяйства, в среднем по 4,9 чел. в каждом. 220 населенных пунктов уезда имели населения менее 10 человек. А ведь это составляло 28,9% всех населенных мест уезда! Больше всего таких поселений имелось в Лыщицкой волости (94), а также в Стародубской (41). В Лыщицкой волости показатель числа жителей на одно домохозяйство составлял 5,1 чел., в Стародубской — 4,9 чел. [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 4].

Приведенные данные по отдельным уездам и волостям свидетельствуют также и о предпочтениях более чем каждого четвертого жителя Брянской губернии жить в деревнях с населением до 500 человек [Всесоюзная перепись населения, 1928б: 6].

И, если одновременно брать в расчет незначительность фактических значений белорусов, проживавших в деревнях Брянской губернии (13 753 чел.), Смоленской (15 201 чел.) и Псковской (31 172 чел.), и количество белорусов по родному языку в деревнях российского приграничья (Брянская губерния — 3 748 чел., Смоленская — 3 611 чел., Псковская — 902 чел.) [Всесоюзная перепись населения, 1929: 80, 108], то с очень большой долей условности к местам относительно компактного проживания белорусского населения можно отнести лишь: в Брянской губернии — Красногорскую и Гордеевскую волости Клинцовского уезда, Злынковскую волость Новозыбковского уезда; в Смоленской губернии — Бохотскую, Любавичскую и Монастырщинскую волости Смоленского уезда, Хиславичскую волость Руднянского уезда; в Псковской губернии — Урицкую, Новохованскую и Володарскую волости Невельского уезда.

Заключение

К каким выводам мы приходим по итогам нашего исследования?

Если исходить из основного требования к политике белорусизации в российских регионах — проводить ее только в местах «компактного проживания» белорусского населения, то общая позиция местных властей всех приграничных российских регионов об отсутствии у них белорусов была достаточно обоснованной: плотных, компактных мест проживания белорусов в трех исследуемых нами российских губерниях было совсем незначительное число. Белорусское население в основном рассредоточивалось по многочисленным деревням, живя вперемешку с великорусским крестьянством. Языком бытового общения для всех являлся язык русский.

Данные переписи населения 1926 г. подтверждают это в полной мере. Одновременно перепись дает все основания для отнесения вопроса о компактном проживании белорусов в российских деревнях в значительной степени к категории надуманных. Это был тезис Москвы, который активно использовался центральными властями для подталкивания процессов белорусизации в рамках общей политики по коренизации национальных меньшинств.

Как это происходило на местах и к чему приводило, покажем также на примере Брянской губернии. Весной 1934 г. на имя заведующего губернским отделом народного образования Западной области Резникова Н. С. поступила докладная записка от заведующего Гордеевским районом Баранова. В документе в сжатой форме показана вся история несостоявшейся белорусизации в отдельно взятом уезде. Белорусские школы на протяжении семи лет создавались в Гордеевском уезде вопреки требованиям крестьян иметь русские школы под активным внешним «воздействием на граждан». Заведующий районом использует при описании имевшего место административного давления на крестьян термин «насаждение» белорусских школ. В 1926 г. население проголосовало против белорусских школ. Но их все-таки открыли. В значительной степени под личным напором со стороны инспектора белорусских школ по Клинцовскому уезду Слесаренко [ГАСО. Ф. Р-2350, Оп. 1. Д. 1149. Л. 240]. Хотя, как показала перепись населения 1926 г., во всей Гордеевской волости белорусский язык заявили своим родным менее одной тысячи человек, составлявших 2,8% всего населения волости [Всеобщая перепись населения, 1928б: 42–43]. Школ же белорусских создали даже три. При этом в близком соседстве со школами русскими. Зачем, задавался вопросом заведующий районом? И сам отвечал, что не было никакой «необходимости иметь белорусские школы там, где нет белорусского населения» [ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 1149. Л. 240]. И потому его несколько не удивляло, что в 1934 г. все белорусские школы района переводились в школы русские, чего безуспешно добивалось местное население все прошедшие годы.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859>.

Acknowledgments and funding

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 24–28–00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Брянский рабочий. 1928. 5 сентября.
- Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 года. 2-е изд. Москва: Госстатиздат, 1957. 107 с.
- Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР. 1928а. XXI. 138 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том II. Западный район; Центрально-промышленный район. Народность, Родной язык. Возраст. Грамотность. Москва: Издание ЦСУ Союза СССР. 1928б. 464 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том IX. Российская Федеративная Советская Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. 228 с.
- Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч. 1).
- Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 425.
- Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 5712. Оп. 4. Д. 226.
- Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 88.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 30.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 52.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 66.
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 1149.
- Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы. 1963. 915 с.
- Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. Москва, Издательство политической литературы, 1968. 903 с.
- Карский Е.Ф. Белоруссы. Т 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. 466 с.
- Рабочий путь. 1927. 19 августа.
- Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / сост. Яковом Соловьевым, нач. б. Смолен. отряда уравнивания гос. крестьян в денеж. сборах, на основании сведений, собр. этим отрядом. М.: иждивением Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с. (Цит. по изданию: Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. Смоленск: Универсум, 2011. 504 с).
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1203.
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1390.
- Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 134.

References

- Bryanskii rabochii* [Bryansk worker]. 1928. 5 sentyabrya (in Russian).
- Desyatyi s'ezd RKP(b). Mart 1921 goda. Stenograficheskii otchet* [The Tenth Congress of the Russian Communist Party. March, 1921. Verbatim report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1963, 915 p. (in Russian).
- Dvenadtsati s'ezd RKP(b). 17–25 aprelya 1923 goda. Stenograficheskii otchet* [The Twelfth Congress of the Russian Communist Party (b). April 17–25, 1923. Verbatim report]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968, 903 p. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Bryanskoi oblasti (GABO)* [State Archive of the Bryansk region (SABR)]. Fund 84. Inventory 1. File 1126 (ch. 1). (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Pskovskoi oblasti (GANIPO)* [State Archive of Modern History of the Pskov region (SAMHPR)]. Fund 1. Inventory 1. File 425 (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Pskovskoi oblasti (GANIPO)* [State Archive of Modern History of the Pskov region (SAMHPR)]. Fund 5712. Inventory 4. File 226. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Pskovskoi oblasti (GAPO)* [State Archive of the Pskov region (SAPR)]. Fund R-324. Inventory 1. File 88. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund A-296. Inventory 1. File 30. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund R-1235. Inventory 120. File 52. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund R-1235. Inventory 121. File 2. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund R-1235. Inventory 123. File 66. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Smolenskoii oblasti (GASO)* [State Archive of the Smolensk region (SASR)]. Fund R-2350. Inventory 1. File 1149. (in Russian).
- Karskii E. F. *Belorussiy. T 1: Vvedenie v izuchenie yazyka i narodnoi slovesnosti* [Belarusians. Volume 1: An introduction to the study of language and folk literature]. Varshava, 1903, 466 p. (in Russian).
- Rabochii put'* [Rabochiy Put]. 1927. 19 avgusta. (in Russian).
- Sel'skokhozyaistvennaya statistika Smolenskoii gubernii* [Agricultural statistics of the Smolensk province]. Sost. Yakovom Solov'evym, nach. b. Smolen. otryada uravneniya gos. krest'yan v denezh. sborakh, na osnovanii svedenii, sobr. ehtim otryadom. Moscow: izhdiveniem Uchen. kom. M-va gos. imushchestv, 1855. 486 s. (in Russian). (Tsit. po izdaniyu: *Sel'skokhozyaistvennaya statistika Smolenskoii gubernii* [Agricultural statistics of the Smolensk province]. Smolensk: Universum, 2011. 504 s).
- Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Bryanskoi oblasti (TSDNIBO)* [Center for documentation of the modern history of the Bryansk region (CDMHBR)]. Fund 1. Inventory 1. File 1203. (in Russian).
- Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Bryanskoi oblasti (TSDNIBO)* [Center for documentation of the modern history of the Bryansk region (CDMHBR)]. Fund 1. Inventory 1. File 1390. (in Russian).

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Bryanskoi oblasti (TSDNIBO) [Center for documentation of the modern history of the Bryansk region (CDMHBR)]. Fund 12. Inventory 1. File 134. (in Russian).

Vorob'ev N. Ya. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [The All-Union population Census of 1926]. 2-e izd. Moscow: Gosstatizdat, 1957, 107 p. (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki. Vyp. 4: Narodnost' i rodnoi yazyk naseleniya SSSR [All-Union population census on December 17, 1926: summary reports. Issue 4: Nationality and native language of the USSR population]. Moscow: TsSU SSSR Publ., 1928a, XXI, 138 p. (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Tom II. Zapadnyi raion; Tsentral'no-promyshlennyy raion. Narodnost', Rodnoi yazyk. Vozrast. Gramotnost' [The All-Union Population Census of 1926. Volume II. Western district; Central industrial district. Nationality, Native language. Age. Literacy]. Moskva: Publication of the Central Statistical Office of the USSR. 1928b, 464 p. (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Tom IX. Rossiiskaya Federativnaya Sovetskaya Respublika. Narodnost'. Rodnoi yazyk. Vozrast. Gramotnost' [The All-Union Population Census of 1926. Volume II. Western district; Central industrial district. Nationality, Native language. Age. Literacy]. Moscow: Publication of the Central Statistical Office of the USSR, 1929, 228 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 15.06.2026

Принята к публикации: 02.09.2026

Дата публикации: 30.09.2026

УДК 323.1 (477.75) "1920/1930"
DOI 10.14258/nreur(2026)3–07

Г. Н. Кондратюк

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь (Россия); Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Симферополь (Россия)

СОВЕТСКАЯ ЭТНОПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В КРЫМСКОЙ АССР В 1920–1930-Х ГОДАХ

В статье анализируются основные направления советской этнополитики в отношении национальных меньшинств в межвоенный период. Советская национальная политика являлась комплексным многоаспектным явлением. Одним из факторов создания Крымской АССР в ноябре 1921 года стала многонациональность Крымского полуострова. В условиях советского национально-государственного строительства была разработана нормативная база, определявшая принципы проведения этнополитики. Были разработаны правовые категории «коренной народ» и «национальное меньшинство». В Крымской АССР к коренным народам были отнесены крымские татары, караимы и крымчаки. Одним из центральных направлений стали административные преобразования в Крымской АССР. В национальных административно-территориальных образованиях использовался национальный язык для ведения официального делопроизводства. Развитие школьного и профессионально-технического образования на родном языке стало важным аспектом советской этнополитики в Крымской АССР. Представители национальных меньшинств должны были сформировать новую структуру пролетариата в крымских промышленных центрах.

Ключевые слова: советская этнополитика, национальные меньшинства, Крымская АССР, межвоенный период, многонациональность, нормативная база, коренной народ, национально-государственное строительство, административные преобразования, национальные районы, сельские советы, официальное делопроизводство, квоты, школьное образование, профессионально-техническое образование.

Для цитирования:

Кондратюк Г. Н. Советская этнополитика в отношении национальных меньшинств в Крымской АССР в 1920–1930-х годах // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 108–118. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–07](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–07)

Кондратюк Григорий Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет

имени Февзи Якубова», Симферополь (Россия); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Симферополь (Россия). **Адрес для контактов:** kondratjukkipu@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4531-982X>

G. N. Kondratyuk

FSBEI HE "Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov", Simferopol (Russia); Crimean Scientific Center of the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Simferopol (Russia)

SOVIET ETHNOPOLICY TOWARDS NATIONAL MINORITIES IN THE CRIMEAN ASSR IN THE 1920S-1930S

The article analyses the main directions of Soviet ethnopolitics towards national minorities in the interwar period. Soviet national policy was a complex, multidimensional phenomenon. In Crimea, it was launched in 1921. One of the factors behind the establishment of the Crimean ASSR in November 1921 was the multi-ethnic nature of the Crimean Peninsula. Within the framework of Soviet national and state-building efforts, a regulatory framework was developed to define the principles of ethnopolitics implementation. Legal categories such as "indigenous people" and "national minority" were introduced. In the Crimean ASSR, Crimean Tatars, Karaites and Krymchaks were designated as indigenous peoples. The socio-economic and cultural needs of Crimea's national minorities were highly diverse. Soviet authorities and administrative bodies sought to address the most pressing needs through a differentiated set of measures. One of the central focuses was administrative reforms in the Crimean ASSR. National districts and rural councils were established, with Soviet officials in these bodies representing the respective ethnic groups. In national administrative-territorial units, the native language was used for official record-keeping. Quotas for representatives of Crimea's national minorities were established in Soviet government and administrative bodies. The development of school and vocational-technical education in the native language became an important aspect of Soviet ethnopolitics in the Crimean ASSR. Representatives of national minorities were expected to form a new proletarian structure in Crimea's industrial centres.

Keywords: Soviet ethnopolitics, national minorities, Crimean ASSR (Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic), interwar period, multi-ethnicity, regulatory framework, indigenous people, national and state-building, administrative reforms, national districts, rural councils, official record-keeping, quotas, school education, vocational and technical education.

For citation:

Kondratyuk G. N. Soviet ethnopolitics towards national minorities in the Crimean ASSR in the 1920s-1930s. *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 108–118. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-07](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-07)

Kondratyuk Grigorii Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of History, State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea “Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov”, Simferopol (Russia); Leading Research Fellow at the Crimean Scientific Center of the Sh. Mardzhani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Simferopol (Russia). **Contact address:** kondratjukkipu@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4531-982X>

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современная Российская Федерация является многонациональным и поликонфессиональным государством. Не случайно, что 2026 год объявлен Годом единства народов России. Россия всегда была родиной для многих народов, и сохранение межнационального согласия выступает важным условием успешного социально-экономического развития нашей страны. Крым был одним из самых многонациональных регионов как Российской империи, так и СССР. Не вызывает сомнения потребность в изучении этнополитики прошлого, как без ее идеализации, так и драматизации. Анализ опыта советской этнополитики может помочь в выработке современного курса национальной политики, закрепленной в «Концепции...». Особый интерес исследователей привлекает советский опыт национально-государственного строительства 1920–1930-х годов. Цель данной работы состоит в анализе опыта советской этнополитики в отношении национальных меньшинств в Крымской АССР в 1920–1930-х годах.

Результаты исследования

В ноябре 1920 года эвакуацией Русской армии генерала П. Н. Врангеля из Крыма завершилась основная фаза Гражданской войны в России. На полуострове были созданы новые органы власти и управления: областной комитет РКП(б) и Ревком Крыма. Большевики столкнулись с значительными особенностями, которые отличали Крым от центральных губерний России и которые невозможно было игнорировать. Прежде всего, это многонациональность Крыма и специфическая социальная структура населения. Национальная политика принадлежала к одному из приоритетов государственного строительства 1920–1930-х годах. И это не случайно, так как лидеры большевиков сумели понять текущие потребности многонациональной страны. Во многом большевистская национальная политика стала одной из причин победы в Гражданской войне. В частности, тюркские народы Поволжья и Сибири стали на сторону партии Ленина. В Крыму только лишь при П. Н. Врангеле была предпринята попытка налаживания диалога с крымскотатарским движением. Произошла личная встреча П. Н. Врангеля с лидерами национального движения крымских татар, на которой были отмечены ключевые требования в области использования крымскотатарского языка, издания периодической печати, создания школ, вопрос вакуфных земель. Но и она не принесла значительных результатов.

Национальную политику 1920-х годов отличал прагматизм. Одна из центральных задач РКП(б) заключалась в том, чтобы укрепить свое влияние среди национально-

го крестьянства. Особенность Крыма начала 1920-х годов в высоком уровне урбанизации. Немногим более половины жителей полуострова были горожанами. Но город по своему национальному составу являлся русско-еврейским. Среди крымских татар три четверти численности были крестьянами, а горожан — только четверть. При этом крымские татары были жителями небольших городов, таких, как Бахчисарай, Старый Крым, Карасубазар, а не индустриальных центров. В социальном составе жителей Крыма 1921 года велика была доля интеллигенции, бывшего купечества и предпринимателей, священнослужителей разных конфессий. Указанные социальные группы не были близки коммунистическим идеям и не могли выступить социальной опорой новых властей. Отсутствие социальной базы привело к решению о поиске национальной основы поддержки советской власти. Крымские татары были многочисленны среди других национальных групп, сплочены и имели опыт участия в политических процессах периода Гражданской войны. Но одним из ключевых факторов стала в целом их лояльность советской власти. Политическая практика 1921–1923 годов зримо демонстрирует, как еще вчерашние политические конкуренты в лице партии «Милли фирка» заняли важные должности в советских органах власти и управления. Однако принятые ЦИК и СНК нормативные документы определили крымских татар, караимов и крымчаков как «коренные народы». Категория «национальное меньшинство» к ним не относилась. В Крымской АССР национальными меньшинствами являлись немцы, евреи, греки, армяне, болгары, чехи, эстонцы и цыгане.

Одной из принципиальных трудностей реализации советской этнополитики в Крымской АССР стал подбор кадров для советских и партийных органов. На протяжении всех 1920-х годов доля представителей национальных меньшинств не превышала 5% от общей численности крымской партийной организации. Только лишь вступление в партию бывших комсомольцев на рубеже 1920–1930-х годов изменило статистические показатели. Крымская организация РКП(б) по этническому составу была русско-еврейской, поэтому диалог с национальной интеллигенцией также являлся одной из стратегических целей национальной политики. Интеллигенция была представлена прежде всего школьными педагогами, выступившими активными проводниками советской реформы системы образования.

Советская этнополитика в отношении национальных меньшинств получила официальное название «коренизация». Коренизация была провозглашена на XII съезде РКП(б). Одна из отличительных черт коренизации — ее региональный характер. Это обстоятельство определялось тем, что этнический состав субъектов РСФСР весьма существенно отличался. Комплекс специфических социально-экономических, образовательных и культурных потребностей народов, уровень политического сознания, самоорганизация людей и опыт национальной борьбы 1917–1920 годов придавали коренизации 1920-х годов в Крымской АССР особый характер. В Крымской АССР былработан официальный термин «татаризация». Он активно использовался в нормативных документах и официальном издании «Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР». Советская этнополитика была вариантом решения комплекса национальных запросов как внутри страны, так и в области внешней политики. Советская этнополитика была, в известной степени, альтернативой национальной политике, избранной кемалистской

Турцией и европейскими странами, в частности межвоенной Польшей, где национальные меньшинства составляли порядка трети жителей. Острая потребность в целостной концепции советской этнополитики была вызвана также национальными отношениями, сложившимися в бывшей Российской империи. В частности, явление «черта оседлости». Таврическая губерния входила в состав «черты оседлости».

Фактором, определявшим национальную политику большевиков в 1920-х годах, было также влияние сформировавшихся в годы Гражданской войны национальных партий. Так, в Крыму действовали еврейские, армянская, крымскотатарская партии и немецкая общественно-политическая организация. Немецкая организация получила поддержку от оккупационных властей в период апреля-ноября 1918 года. По своим программным положениям в области национальной политики какие-то из них были близки большевикам, как украинские левые эсеры и «Милли фирка». А какие-то, как сионистские, очень отличались в области трактовки национальной проблематики. Часть этих партий и общественно-политических организаций даже сотрудничали с большевиками в период Гражданской войны на полуострове, поскольку советская власть в Крыму устанавливалась трижды. Эти политические силы попытались легализоваться после окончательного установления советской власти в Крыму в ноябре 1920 года. 18 декабря 1920 года в Севастопольский революционный комитет пришло уведомление следующего содержания: «Севастопольская Мусульманская Демократическая Организация, существовавшая в 1919 году при Советской власти и с приходом белой армии прекратившая свою работу, теперь с 14 ноября возобновила организационную работу» [ГАРК, Ф. П-1, Оп. 1, Д. 43. Л. 20]. Это положение было свойственно как для Крымской АССР, так и для других национальных республик, в частности Северного Кавказа и Сибири.

Бывшие члены небольшевистских партий, в частности члены Якутского трудового союза федералистов, занимали должности в советских органах власти и управления. РКП(б) была еще слишком слаба, чтобы своим влиянием и кадровым составом охватить все национально-культурные процессы. Представители коммунистической партии признавали, что для реализации советской национальной политики привлекали в партийные органы представителей национальных меньшинств. Руководство РКП(б) было вынуждено мириться с их «непролетарским происхождением». Передача «Просмотр партии в Крыму» крымского партийного органа констатировала: «Коммунисты-татары в большинстве или мелкобуржуазного происхождения, или интеллигенты. Значительная часть их — недавние националисты, ставшие коммунистами лишь после тяжелого опыта, в котором они убедились, что освобождение угнетенных национальностей невозможно без коммунистической революции. Многие из них еще не стряхнули ветхого Адама национализма» [Известия Крымского ОК РКП(б), 1921, № 4, 12 сентября. Л. 4].

В ноябре 1921 года на I Всекрымском съезде Советов была провозглашена Крымская ССР, позже переименованная в АССР. Съездом была принята Конституция Крымской ССР. Основные ее положения включали нормы Конституции РСФСР 1918 года, в частности о диктатуре пролетариата. В Конституции Крымской ССР фиксировалось два государственных языка: татарский и русский. Именно в такой формулировке и последовательности они отмечались. Безусловно, изменение статуса крымскотатарского

языка стало важным условием, создавшим основы его широкого применения. Из языка бытового общения крымскотатарский язык стал условием продвижения по карьерной лестнице, получения важной информации. Принятию Конституции и провозглашению Крымской АССР предшествовала длительная дискуссия в областной партийной организации. Существовали различные концепции устройства будущей республики. Многонациональность Крыма выступила одним из важнейших факторов создания республики, наряду с внешнеполитическим. Статус автономного образования должен был обеспечить учет как национальной, так и социальной специфики полуострова.

Советская этнополитика в отношении национальных меньшинств включала административный, кадровый, экономический, культурно-образовательный векторы. Это был целостный комплекс мер, реформировавший все сферы жизни общества.

Административные мероприятия включали формирование национальных районов и сельских советов, а также определение квот в центральных и местных органах власти и управления для представителей различных народов. Величина квоты должна была быть пропорциональной численности того или иного национального меньшинства. Данная программа получила название «коренизация аппарата». В 1920-х годах эта программа продвигалась сложно и касалась прежде всего подбора кадров из числа крымских татар. Объективно требовалось время для подготовки советских служащих и партийных работников. Национальные секции при Крымском областном комитете ВКП(б) неоднократно акцентировали внимание на том, что коренизация из числа национальных меньшинств проходит явно более медленными темпами, отставая от темпов «татаризации». Да и сама татаризация была в Крымской АССР относительной, что подтверждают статистические данные. В частности, на рубеже 1920–1930-х годов: «в соваппарате Крыма работает татар всего 2175 человек, или 11,7% по отношению к общему числу работников. В среде ответработников — 36, или 20,1%. Специалистов — 985 человек, или 16,3%. Технических — 350, или 6,6%. Низших работников — 504, или 9%» [ГАРК, Ф. Р-663, Оп. 1, Д. 1805. Л. 63об.].

Национально-территориальное районирование означало создание национальных районов и сельских советов. Критерием выступала компактность проживания того или иного национального меньшинства. Так, для создания сельского совета требовалось, чтобы число представителей национального меньшинства было более 35%. Для создания района — более 60%. Однако целый ряд национальных меньшинств в Крымской АССР характеризовался дисперсностью проживания. Например, армяне, греки, цыгане, поляки и чехи, за небольшим исключением, нигде не составляли большинства. В межвоенное двадцатилетие в Крымской АССР существовали Фрайдорфский и Лариндорфский еврейские национальные районы, Биюк-Онларский и Тельмановский немецкий и Ишуньский украинский национальные районы. Но наибольшее количество созданных национальных районов было крымскотатарскими — 9. Национальные районы и сельские советы существовали в Крымской АССР вплоть до официальной отмены политики коренизации в 1938 году. Созданием национальных административных единиц стремились к тому, чтобы говорить с населением на одном языке в буквальном смысле слова. Административный аппарат и население района и сельсовета были представителями одной национальности. Активно создавались также и на-

циональные сельские советы, спектр которых был больший, чем районов. Партийный документ констатировал: «Крымправительством были приняты также меры к организации сети национальных сельсоветов за счет раскрупления смешанных сельсоветов и выделения из них определенных национальных единиц. Создание сети национальных сельсоветов проходило в плановом порядке....Увеличение числа национальных сельсоветов за последние семь лет: татарских — с 51 до 144, немецких — с 26 до 37, болгарских — с 5 до 9, греческих — с 1 до 8....Были также организованы: 3 украинских, 14 еврейских, 2 армянских, 2 эстонских и 1 чешский сельсовет» [Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР, 1929, № 4, 15 декабря: 9]. По показателям приведенной статистики можно видеть, что национальные сельские советы были созданы для представителей всех национальных меньшинств в Крымской АССР, проживавших в сельской местности. В частности, даже единственный чешский сельсовет в селе Александровка, где проживали потомки чешских переселенцев из Богемии.

Административным и координирующим органом, осуществлявшим практические меры коренизации в Крымской АССР, являлась Комиссия по делам нацменьшинств при президиуме ЦИК Крымской АССР. Соответствующие проекты разукрупнения, изменения границ сельсоветов готовил данный орган власти. В частности, этот властный орган признал необходимым вести документацию в национальных сельских советах на языке данного сельского совета. Экономическая составляющая коренизации реализовывалась медленнее и сложнее. Национальная политика нашла реализацию прежде всего в проведении земельной реформы в Крыму. Эстонцы, греки, болгары и армяне по своему социальному составу являлись в основном крестьянами. Согласно данным проведенной в декабре 1926 года Всесоюзной переписи населения, в Крымской АССР проживало 179 094 крымских татар. Из них сельских жителей — 143 752, а горожан — только 35 342 [ГАРК, Ф. П-1, Оп. 1, Д. 636. Л. 40]. Поэтому земельная реформа также реализовывалась и для решения социально-экономической проблематики крымских татар.

Земельная реформа как часть национальной политики предполагала проведение внутриселенного и межселенного землеустройства. Внутриселенное означало, что в пределах небольшого радиуса упорядочивалось владение земельными участками. Межселенное землеустройство предполагало выселение части крымских татар из Южного берега в степные районы. Переселиться должны были те крестьяне, у которых земельный надел был меньше среднего. Однако земельная реформа предполагала и выделение земли для реэмигрантов крымских татар из-за рубежа. В октябре 1925 года в ЦИК Крымской АССР обратилась инициативная группа с просьбой разрешить создание Общества по реэмиграции и расселению крымских татар «ОРК» (Коч-Ярдыми). В уставе общества две генеральные задачи определялись как: «Всячески помогать татарам-эмигрантам и их потомкам, обратно переселяющимся в Крым, как при самом возвращении их на родину, так и при дальнейшем устройстве их на местах; содействовать расселению малоземельных и безземельных татар» [ГАРК, Ф. П-1, Оп. 1, Д. 382. Л. 96].

Вопрос реэмиграции крымских татар и выделения для них земельных участков обсуждался на заседании Президиума ЦИК Крымской АССР 29 января 1925 года. Докладчиком по вопросу был народный комиссар юстиции автономии Решид Ногаев. По ито-

гам обсуждения вопроса было принято постановление, в котором указывалось: «Возбудить ходатайство перед ЦИК СССР о разрешении въезда в Крым татар-эмигрантов из Болгарии и Румынии, в первую очередь в количестве 20 000 душ... Удовлетворить полностью из имеющегося в Крыму запасного земельного фонда, в первую очередь, ре-эмигрантов татар, забронировав за ними необходимое количество земли для первой партии в количестве 100 000 десятин» [ГАРК, Ф. Р. 137, Оп. 1, Д. 99. Л. 181]. С 1926 года Народный комиссариат земледелия начал расселять крестьян из аграрно перенаселенных регионов сначала в пределах одного района, а затем в степную часть полуострова. 23 февраля 1926 года СНК Крымской АССР утвердил план переселения. Предполагалось переселить 9534 хозяйства. Из общего количества 5478 хозяйств — из горных селений, жителями которых являлись крымские татары. 3056 хозяйств должны были составить безземельные и малоземельные крестьяне. В этническом отношении это были крымские татары, греки, болгары. Третью группу составляли крымские татары-реэмигранты. Предполагалось, что это будет 1000 хозяйств. Однако планы по возвращению на историческую родину так и остались на бумаге.

К 1928 году изменилась внутривластная ситуация и определились новые тенденции. Ликвидировалось землевладение зажиточных крестьян (в основном немцев), и часть земель передавалась бедным крестьянам, в основном крымским татарам. Немецкие землевладельцы потеряли порядка половины земельных угодий. В совокупности с антирелигиозной политикой этот фактор привел к несладкому противостоянию немецкой общины Крымской АССР и советских органов власти. Немцы Крыма были богаты, в отличие, в частности, от немцев Поволжья. Поэтому немцев Крыма не затронула эмиграция 1921–1922 годов, в отличие от других регионов РСФСР. Хотя в Симферополе действовала оптационная комиссия, которая осуществляла процесс репатриации в Германию.

Немецкое землевладение в Таврической губернии берет начало с 1805 года, когда были образованы первые пять «материнских» колоний на полуострове. Изначально немецкие переселенцы были поставлены в очень льготные условия. На семью выделялось 65 десятин земли, а также предоставлялось освобождение от рекрутской, постоянной, топливной повинностей. Особый импульс переселению был дан окончанием Крымской (Восточной) войны. Эмигрировало порядка 200 тысяч крымских татар, что удешевило брошенную ими землю и открыло огромные возможности для немецкого переселения на полуостров. Наряду с немцами произошло переселение меннонитов — этноконфессиональной группы, последователей учения Менно Симонса. Были основаны колонии меннонитов Спат и Карасан. Неподвластность антирелигиозной пропаганде, земельное богатство, сплоченность меннонитских общин сделали их объектом давления органов советской власти.

Пореформенный период в Таврической губернии характеризуется формированием и еще одного национального меньшинства — эстонцев. Недостаток земли сельскохозяйственного назначения толкал часть эстонских крестьян к переселению в другие регионы Российской империи. В Крыму были основаны пять эстонских сел. Центром жизни эстонских колоний стало село Замрук. В советский период в Замруке был основан эстонский сельский совет и действовала национальная школа.

Экономический компонент коренизации предполагал также создание национального пролетариата, как из числа крымских татар, так и представителей национальных меньшинств. Власти необходима была как социальная поддержка, так и базирующаяся на национальной основе. В аналитической записке констатировалось: «Рост пролетариата из коренной национальности за 3 года в 2 раза больше роста общего числа рабочих, а по транспорту — в 6 раз. Однако, несмотря на этот рост, темпы вовлечения татар в промышленность не могут быть признаны удовлетворительными. Удельный вес рабочих коренной национальности по всей государственной промышленности равняется 10,5%. Особенно мал процент по союзной промышленности — 8,1%» [ГАРК, Ф. Р-663, Оп. 1, Д. 2150. Л. 169].

XI областная партийная конференция отмечала, что «работа по татаризации должна протекать с неослабевающим темпом, причем необходимо более широкое выдвижение здорового низового слоя татарских работников и проведение воспитательной работы среди них» [ГАРК, Ф. П-1, Оп. 1, Д. 636. Л. 50].

Одним из важнейших направлений политики в отношении национальных меньшинств было квотирование в органах власти и государственного управления для представителей различных народов. В 1927 году в государственном аппарате Крымской АССР насчитывалось 1562 человека крымских татар. Структурно работающие распределялись на несколько категорий. В руководстве центральных аппаратов насчитывалось 88 крымских татар, или 6,1% от общего количества работающих в государственных структурах крымских татар. В централизованных, областных аппаратах — 77 человек, или 4,8%. В хозяйственных аппаратах — 118 человек, или 8%. Наибольшее количество крымских татар было занято в аппаратах народных комиссариатов и периферийных учреждениях — 1186 человек, составлявших 81% от общего количества в органах власти и государственного управления.

Важно отметить, какими функциями были заняты представители национальных меньшинств. Из 1562 человек самую многочисленную группу составляли технические канцелярские работники — 794 человека, или 50,8%. Категория ответственных работников, в частности председателей сельских советов, составляла 507 человек, или 32,5% [ГАРК, Ф. П-1, Оп. 1, Д. 636. Л. 33].

Концептуальные положения коренизации, ее ход, итоги и возникавшие проблемы обсуждались на областных партийных конференциях. На XII областной конференции РКП(б) национальной политике в отношении этнических меньшинств был посвящен отдельный доклад. В постановлении по итогам обсуждения отмечалось: «Продолжать работу по коренизации аппарата и выборных органов, продолжать работу по переводу на родной язык делопроизводства, по привлечению и выдвижению национальностей в советы, в госаппарат, в промышленность, в кооперацию и в общее дело социалистического строительства» [ГАРК, Ф. П-1, Оп. 1, Д. 636. Л. 16]. Это постановление акцентировало внимание на выдвиженческой кампании.

Выдвиженчество являлось советским вариантом социальной мобильности. Выдвиженцы своим изменившимся социальным статусом были обязаны партийному руководству, и таким образом формировался новый слой партийных функционеров. Выдвиженческая кампания получила законодательное оформление. 25 сентября 1930 года СНК

РСФСР принял постановление о ходе и мероприятиях выдвигенчества. Согласно этому документу необходимо было организовать курсы для повышения квалификации выдвигенцев, на которых эти новые работники обучались в новой для себя области не менее трех месяцев [Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР, 1930, № 75, 26 декабря. Л. 9].

Руководители Крымского обкома в аналитическом документе, адресованном в ЦК ВКП(б), отмечали, что «резервами для коренизации аппарата являются, во-первых, — тот крестьянский актив, который группируется вокруг советов, во-вторых, — тонкий слой промышленных рабочих... Следующим слоем, откуда можно черпать резервы для коренизации, — батрачество и сельскохозяйственные рабочие» [ГАРК, Ф. П-1, Оп. 1, Д. 636. Л. 2]. Коренизация успешно проходила в области формирования из представителей национальных меньшинств советских чиновников. В 1926 году общая численность советских служащих крымских татар составляла 1164 человека, или 12,2% от общего количества сотрудников [ГАРК, Ф. П-1, Оп. 1, Д. 547. Л. 89].

Результаты исследования

Качественные составляющие коренизации 1920-х и 1930-х годов отличаются. В первой половине 1930-х годов сохранилась стратегия проведения коренизации. Главным ее элементом продолжало оставаться заполнение квот в советских и хозяйственных органах. В постановлении Бюро ОК ВКП(б) «Об итогах коренизации государственного, кооперативного и хозяйственного аппарата в 1931 году и плане на 1932 год» отмечалось: «Подчеркивая исключительное политическое значение дела коренизации как важнейшей составной части проведения на практике ленинской национальной политики, ОК предлагает всем парторганизациям усилить активную работу по широкому вовлечению коренного населения во все отрасли государственного управления, хозяйственной, кооперативной, колхозной и профсоюзной работы» [ГАРК, Ф. П-1, Оп. 1, Д. 1139. Л. 69].

9 февраля 1935 года было принято постановление Президиума ЦИК Крымской АССР «Итоги коренизации аппарата по Крыму и мероприятия на 1935 год». В нем отмечалось, что «имеются сдвиги в повышении удельного веса коренного населения — татар... С 14,3% на 1 января 1934 года процент повысился до 21,5% к 1 января 1935 года. На 1935 год процент коренизации наркоматов и областных учреждений установить: группе руководящих работников — 45%, среднетехническому персоналу — 30%» [Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР, 1935, № 4–5, 20 марта. Л. 21].

Заключение

Анализируя опыт национально-государственного строительства в Крымской АССР в 1920–1930-х годах можно сделать ряд выводов. Политика коренизации, проводившаяся советской властью в отношении национальных меньшинств, была ответом на вызов времени. Реализация важнейших социально-экономических запросов национальных меньшинств была призвана обеспечить укрепление советской власти и ее поддержку. Советская национальная политика в отношении национальных меньшинств принесла существенные позитивные результаты в области ликвидации неграмотности, развития народного образования на родном языке, издания литературы, поддержки культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1929. № 4. 15 декабря.

Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1930. № 75. 26 декабря.
Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1935. № 4–5. 20 марта.
Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1139
Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 382.
Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 43.
Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 547.
Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 636.
Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р. 137. Оп. 1. Д. 99.
Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1805.
Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-663. Оп. 5. Д. 329.
Известия Крымского ОК РКП(б). 1921. № 4. 12 сентября.

References

Byulleten' TSIK i SNK Krymskoi ASSR [Bulletin of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic]. 1929, no. 4, 15 dekabrya (in Russian).

Byulleten' TSIK i SNK Krymskoi ASSR [Bulletin of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic]. 1930, no. 75, 26 dekabrya (in Russian).

Byulleten' TSIK i SNK Krymskoi ASSR [Bulletin of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic]. 1935, no. 4–5, 20 marta (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea]. Fund P-1. Inventory 1. File 1139 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea]. Fund P-1. Inventory 1. File. 382 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea (GARK)]. Fund P-1. Inventory 1. File 43 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea]. Fund P-1. Inventory 1. File 547 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea]. Fund P-1. Inventory 1. File 636 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea]. Fund R. 137. Inventory 1. File 99 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea]. Fund R-663. Inventory 1. File 1805 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea]. Fund R-663. Inventory 5. File 329 (in Russian).

Izvestiya Krymskogo OK RKP(b) [Izvestiya of the Crimean Regional Committee of the RCP (b).]. 1921, no. 4, 12 sentyabrya (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 11.06.2026

Принята к публикации: 14.09.2026

Дата публикации: 30.09.2026

УДК 321.1 (470.23) "1920/1930"

DOI 10.14258/nreur(2026)3–08

*В. Н. Шайдуров, Н. А. Осипов**Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург (Россия)*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920–1930-Е ГГ.

В данной статье анализируется национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг. в контексте реализации курса на коренизацию. Были проанализированы ключевые направления этой политики: формирование национальных административно-территориальных единиц, развитие образования и культуры на языках меньшинств, издание периодики, перевод делопроизводства, кооперативное строительство и коллективизация. Исследование было проведено на основе архивных и опубликованных материалов, статистических данных и периодической печати. На основе анализа широкого круга источников, включая данные Всесоюзной переписи 1926 г. и ведомственную статистику, были раскрыты как достижения, так и системные проблемы коренизации: неравномерность её реализации по отношению к разным этносам, кадровый дефицит, отсутствие письменности у ряда народов, разрыв между плановыми показателями и фактическими результатами. Особое внимание в статье уделяется коренизации государственного аппарата, социально-культурной сфере и хозяйственно-кооперативному строительству. Выводы статьи демонстрируют двойственность характера результатов национальной политики в регионе: с одной стороны, она дала импульс социально-культурному развитию ряда национальных общин, с другой — столкнулась с объективными трудностями и в конечном счете была свернута.

Ключевые слова: национальная политика, коренизация, Ленинградская область, этнические меньшинства, малые коренные народы, государственно-партийный аппарат, образование, социально-культурная сфера, периодическая печать, хозяйственно-кооперативное строительство.

Для цитирования:

Шайдуров В. Н., Осипов Н. А. Национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг. // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 119–141.
[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–08](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–08)

Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, заведующий научно-образовательным центром исторических исследований и анализа Государственного автономного образовательного

учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», Санкт-Петербург (Россия).

Адрес для контактов: s-w-n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Осипов Никита Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-образовательного центра исторических исследований и анализа Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** osipov090996@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-1020-7542>

V.N. Shaidurov, N.A. Osipov

A. S. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg (Russia)

NATIONAL POLITICS IN LENINGRAD REGION IN THE 1920S AND 1930S.

This article analyzes the national policy in the Leningrad region in the 1920s and 1930s in the context of the implementation of the policy of radicalization. The key directions of this policy were analyzed, such as the formation of national administrative-territorial units, the development of education and culture in minority languages, the publication of periodicals, the translation of office work, cooperative construction and collectivization. The study was conducted on the basis of archival and published materials, statistical data and periodicals. Based on the analysis of a wide range of sources, including data from the All-Union census of 1926 and departmental statistics, both the achievements and systemic problems of root-grabbing were revealed: the uneven implementation of it in relation to different ethnic groups, staff shortages, lack of writing among a number of peoples, the gap between planned indicators and actual results. The article pays special attention to the radicalization of the state apparatus, the socio-cultural sphere, and economic cooperative construction. The conclusions of the article demonstrate the ambivalence of the results of the national policy in the region. On the one hand, it gave an impetus to the socio-cultural development of a number of national communities, on the other hand, it faced objective difficulties and was eventually curtailed.

Keywords: national policy, korenization, Leningrad region, ethnic minorities, small indigenous peoples, state and party apparatus, education, socio-cultural sphere, periodicals, economic and cooperative construction.

For citation:

Shaidurov V.N., Osipov N.A. National policy in the Leningrad Region in the 1920s and 1930s.

Nations and Religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 119–141.

[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-08)

Shaidurov Vladimir Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History, Head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region “A. S. Pushkin Leningrad State University”, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** s-w-n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Osipov Nikita Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region “A. S. Pushkin Leningrad State University”, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** osipov090996@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-1020-7542>

Введение

Современный мир демонстрирует хрупкость межнациональных отношений. Любое нарушение баланса может привести к непредсказуемым последствиям. В этой ситуации необходимо уделять внимание сохранению этнокультурного и языкового многообразия в контексте единства народов Российской Федерации. Поиску решения этой проблемы во многом может способствовать положительный опыт национальной политики СССР и ее реализации на региональном уровне.

Современная историография советской национальной политики 1920–1930-х гг. достаточно обширна. Многочисленные монографии и статьи можно группировать по национальному [Шведова, 2024; Кондратюк, 2025; Каменских, 2025] или региональному [Борисёнок, 2016; Аверьянов, 2021; Яхуталь, 2025; Козин, Кобец, 2025] признакам. Гораздо реже она рассматривается сквозь призму более узких аспектов [Рубаева, 2022; Эльбуздукаева, 2023; Шепталин, 2023; Кобец, 2025]. Немногие авторы обращаются к изучению отдельных направлений советской национальной политики 1920–1930-х гг. [Борисёнок, 2013; Козин, 2024; Акжигитов, 2025; Козин, Кобец 2025]. Однако в этом ряду практически нет работ, в которых анализируются мероприятия, связанные с реализацией национальной политики в форме коренизации в Петроградской губернии — Ленинградской области.

В данной статье рассматриваются основные направления политики коренизации в отношении этнических меньшинств и малых коренных народов на территории Ленинградской области в 1920–1930-е гг. Этническими меньшинствами являются те этнические общности, которые появились в регионе вследствие миграций (финны, немцы, эстонцы, латыши и др.). Малыми коренными народами являются автохтонные общности (вепсы, ижора, лопари, карелы, вошь).

Основой для проведенной исследовательской работы стали немногочисленные опубликованные материалы и архивные документы, значительная часть из которых впервые вводится в научный оборот. Большую ценность представляют делопроизводственные материалы, которые содержатся в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Ценность документов заключается в том, что в них содержится разноплановая информация, позволяющая рассмотреть различные направ-

ления коренизации в динамике. Представленные в материалах фонда статистические данные позволяют определить количественные показатели проводившихся в регионе мероприятий.

Методологической основой исследования является теория модернизации в ее современной российской трактовке. Модернизационные процессы, имевшие место в СССР в 1920–1930-е гг., были направлены на преобразование общественно-политической, экономической и социокультурной жизни государства и проживавшего в нем общества. Методический инструментарий представлен общенаучными (анализ, синтез и др.) и специальными (историко-описательный, историко-сравнительный и другие) методами, использование которых позволило достичь поставленную цель.

Коренизация и ее реализация в Петроградской губернии — Ленинградской области

В течение столетий Россия формировалась как многонациональная и поликонфессиональная держава. Отношение власти и общества к некоторым этническим меньшинствам породили присутствовавшие на протяжении XIX — начала XX в. во внутренней политике и общественном сознании «немецкий», «еврейский», «польский», «финский», «армянский» вопросы. Предпринятые властями полумеры (указ об укреплении начал веротерпимости от 17 (30 апреля) 1905 г. и др.) не сняли их остроты. А потому национальный вопрос стал одним из факторов, спровоцировавших общественно-политические потрясения в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Пришедшие к власти большевики заявили о своем намерении решить национальный вопрос, а потому уже в первые годы Советской власти национальной политике уделялось большое внимание.

На основе решений XII съезда РКП(б) в 1923 г. была официально утверждена новая национальная политика, получившая название «коренизация». Ее основной целью стало привлечение представителей коренных народов к государственному управлению в национальных территориальных образованиях. Эта политика выражалась в формировании национальных кадров, создании административного аппарата, открытии образовательных и культурных учреждений, организации судов и ведении делопроизводства на родных языках народов СССР.

Многонациональный состав населения изучаемого региона был очевиден с XVIII в. На это еще в середине XIX в. указывал в своих работах академик П. И. Кёппен [Кёппен, 1850]. Аналогичная ситуация сохранялась и во второй четверти XX в. Так, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., этнические меньшинства в Ленинградской области составили ок. 10% населения или 610 тыс. чел. Среди наиболее многочисленных меньшинств были финны (ок. 133 тыс. чел.), евреи (ок. 115 тыс. чел.), эстонцы (ок. 87 тыс. чел.), поляки (ок. 60 тыс. чел.), белорусы (ок. 52 тыс. чел.), латыши (ок. 39 тыс. чел.), немцы (ок. 30 тыс. чел.). Среди них были и представители малых коренных народов: вепсы (ок. 24 тыс. чел.), ижоры (ок. 16 тыс. чел.), карелы (ок. 5 тыс. чел.), зыряне (ок. 2 тыс. чел.) и лопари (ок. 1,7 тыс. чел.) [Материалы совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств..., 1928]. При такой пестрой полиэтнической картине политика коренизации приобретала особое значение для местного населения.

Однако стоит отметить, что среди 34 этнических меньшинств коренизация проводилась в отношении только 14 национальных языков. Помимо этого, к категории «культурно отсталых народностей» были отнесены ижора, вепсы, лопари, зыряне и др., которые составляли около 40 тыс. чел., или 6,5% от всего населения Ленобласти [Материалы совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств..., 1928].

Этнические сообщества Ленинградской области населяли различные её районы и имели неравномерный характер распределения. Грамотность среди различных этнических меньшинств региона была неоднородной. Например, среди финнов на родном языке она составляла 72,1%, ижоры — 60%, карелы — 60%, вепсы — 33,5%, лопари — 12,4%, латыши — 75,2%, эстонцы — 79,5% [Янсон, 1929: 10–15]. При этом уровень грамотности на русском языке среди подавляющего большинства этнических меньшинств был крайне невысок.

Несмотря на принятые решения, воплощение в жизнь основных мероприятий политики коренизации в период 1923–1926 гг. осуществлялось крайне слабо. Неудовлетворительные темпы и результаты коренизации заставили власть скорректировать ее основные принципы. Так, уже 14 марта 1927 г. Президиум ВЦИК своим специальным постановлением поставил перед центральными и местными органами власти задачу «учитывать и отражать интересы национальных меньшинств» при реализации мероприятий по культурному строительству. Следовало форсировать выделение национальных административно-территориальных единиц, коренизацию местного советского и партийного аппарата, расширить сеть школ с преподаванием на национальных языках, реализовать мероприятия по землеустройству, укрепить сеть кооперативных организаций. Партийные и советские органы власти в Ленинградской области, как и других регионов, должны были включиться в процесс выработки планов по коренизации и их реализации на местах.

Образование национально-территориальных единиц в Ленинградской области в 1920-е гг.

При образовании национальных сельских советов власти Ленинградской области столкнулись с рядом проблем. Одна из них — дисперсное расселение некоторых этнических меньшинств, возникших в результате миграций (латыши, эстонцы, немцы, евреи). Например, из 39 тыс. латышей 70% проживали в 120 населенных пунктах, где они насчитывали от 5 до 15 хозяйств. В аналогичном положении находились эстонцы, карелы, немцы и др. [Янсон, 1929: 27].

Стремясь воплотить полученные из Москвы указания, региональные власти образовывали национальные сельсоветы, отличавшиеся порой большим разбросом численности (от 150 до 6 тыс. чел.). Нередко они вынуждены были сознательно нарушать один из основных принципов их организации — удельный вес основного населения по национальному признаку (не менее 66%). Некоторые результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Число национальных сельсоветов Ленинградской области в 1927 г.
[Янсон, 1929: 27]**

Table 1

Number of National Village Soviets in Leningrad Oblast in 1927 [Janson, 1929: 27]

Национальность	Число сельсоветов	Численность населения	Включено в сельсоветы населения, %
Финны	67	76220	65,5
Эстонцы	8	5655	8,9
Латыши	5	3779	19,7
Немцы	2	2382	27,5
Норвежцы	1	120	100
Карелы	2	1659	34,1
Ижоры	1	2561	16,1
Вепсы	24	8062	33,5
Коми-зыряне	2	581	64,7
Лопари	6	878	51,6

Из данной таблицы следует, что, с одной стороны, в области шел активный процесс нациестроительства на низовом уровне и было образовано 118 национальных сельсоветов. С учетом того, что финны были одним из самых многочисленных этнических меньшинств, вполне обосновано и создание для них более 56% сельсоветов, которые в общей сложности охватили 65,5% населения. Среднестатистическая численность населения финского сельсовета составила немногим более 1130 чел. Отсюда можно сделать вывод, что вышеуказанный принцип о 66% формирования сельсовета практически соблюдался. Похожий процент охвата имели сельсоветы коми-зырян, которые составляли 64,7% населения сельсовета. Большой показатель имели только норвежцы, объединенные одним сельсоветом, в котором их численность достигала 100%, что объясняется компактностью расселения.

Отчасти имевшее место локальное расселение немцев, карелов и вепсов дало возможность образовать для них свои сельсоветы. При этом их наибольшее количество было образовано для вепсов (24). Средняя численность населения составила ок. 336 чел. на один сельсовет. Следует обратить внимание и на многолюдность двух немецких сельсоветов (1191 чел.).

Чрезмерная дисперсность, характерная в большей степени для эстонцев, латышей и ижоры, не позволила охватить их в значительной мере сетью национальных сельсоветов. Наименьший охват, как видно из таблицы 1, отмечался у эстонцев региона, при том, что образованные для них сельсоветы объединяли значительное количество хозяйств (в среднем ок. 700).

Коренизация государственно-партийного аппарата в Ленинградской области в 1930-е гг.

Успешная реализация политики коренизации была невозможна без привлечения национальных кадров. Именно они должны были выступить в качестве проводника фор-

мировавшейся государственной идеологии в массы. В то же время коренизация государственно-партийного аппарата повсеместно, в том числе и в Ленинградской области в 1920–1930-е гг. оказалась неравномерной. Одним из факторов, способствовавших успешности реализации этого направления, несомненно, являлся уровень грамотности населения. Вполне наглядно это можно продемонстрировать на примере Куйвозовского и Полярного финских районов, в которых все национальные сельсоветы вели делопроизводство на родном языке.

Одним из наглядных маркеров политики коренизации среди финского населения может быть национальный состав Куйвозовского райисполкома. Так, на 1 января 1931 г. 2/3 его состава составляли финны (31 чел.), оставшуюся треть составили русские (15 чел.) и украинец (1 чел.). Преобладали финны и в президиуме РИК (финнов — 5 чел., русских — 3 чел., украинцев — 1 чел.). Правда, среди служащих РИК основную массу составили русские (53%), тогда как на долю финнов приходилось 41%. При этом почти вся текущая работа в аппарате велась на финском языке, однако переписка с вышестоящими организациями осуществлялась только на русском, в связи с этим на местах часто работали переводчики [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 24].

Однако далеко не везде можно было наблюдать подобную картину. Всего в Ленинградской области на национальный язык делопроизводство было переведено лишь в 30 сельсоветах из 128. При этом необходимо отметить, что широкое распространение получил и билингвизм, когда сельсоветы вели делопроизводство как на русском, так и на национальном языках [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 24].

Что касается других национальностей, то результаты были намного скромнее. Одним из примеров может быть Винницкий вепсский райисполком, аппарат которого насчитывал 35 сотрудников, из которых вепсов было всего 8 чел., или 23%. Из-за отсутствия письменности на родном языке у вепсов переписка с РИКом велась на русском языке, как и работа аппарата. Массовая работа сельсоветов нацменьшинств в основном проходила на русском языке [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 25].

Одним из залогов успешной кадровой политики является наличие квалифицированных специалистов. В данном случае необходимы были образованные национальные кадры. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют говорить о том, что наибольший процент работников с высшей квалификацией в 1931–1932 гг. отмечался среди финнов (40,8%), тогда как среди прочих национальных кадров он был гораздо ниже. Так, среди эстонцев этот показатель был 21,48%, среди вепсов — 11,11%, ижоры — 8,14%, латышей — 6,67%, а немцев — 3,70%. Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении кадров средней и низшей квалификации [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 15. Л. 38].

Более подробно сложившуюся ситуацию можно рассмотреть на примере кадрового состава районных и сельских советов Мурманского округа, входившего в состав Ленинградской области до 1938 г. (см. табл. 2). Эта административно-территориальная единица имела свою специфику в сравнении с другими округами. Часть населения округа составляли полукочевые северные народы, в отношении которых реализация политики коренизации приобретала определенные трудности.

Таблица 2

Районные и сельские органы власти в Мурманском округе Ленинградской области на 1 января 1931 г. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 15. Л. 32]

Table 2

District and Rural Administrative Bodies in Murmansk Okrug, Leningrad Oblast (January 1, 1931) [TsGA SPb. F. 7179. Inv. 23. File 15. List 32]

Районные и сельские органы власти	Наемные служащие в РИКах	Выборные работники РИКов	Выборные работники с/советов	Всего	финны	Карелы	Лопари	Ижемцы	Норвежцы
Члены Окрика		0	0	0	0	0	1	0	0
Члены Президиума РИКов	2	3	0	5	4	0	0	1	0
Председатели РИКов	0	1	0	1	1	0	0	0	0
Секретари РИКов	0	2	0	2	1	0	0	1	0
Председатели сельских советов	0	0	13	13	5	3	3	1	1
Члены Президиума сельских советов	0	0	34	34	19	5	4	3	2
Секретари сельских советов	0	0	10	10	7	0	2	1	0
Итого	2	6	57	65	37	8	10	7	3

Анализ данных, приведенных в таблице, позволяет говорить о том, что в окружных органах власти представители коренных народов практически не были представлены. Присутствие среди членов окружного исполкома одного лопаря является скорее исключением, чем общим правилом.

В большей степени они оказываются вовлеченными в управление на районном уровне. Так, финны входят в состав президиумов, а иногда их выбирают председателями и секретарями райисполкомов. То же можно сказать и о ижемцах. Подобная практика была обусловлена образованием в январе 1931 г. финского Александровского и лопарского Ловозерского национальных районов.

На низовом сельском уровне представителей коренных народов гораздо чаще привлекали к выполнению аппаратной работы. Это было связано с образованием национальных сельсоветов в феврале 1931 г. Так, в местах компактного проживания для лопарей был образован Мотовский, для финнов — Белокаменный, Грязногубский, Западно-Зицкий, Озерковский, Тюва-Губский и Ура-Губский, норвежцев — Цып-Новолокский сельсоветы.

Управленческий аппарат отчасти был сформирован из числа представителей коренных народов. Подготовкой национальных кадров для коренных народов Севера занималось советско-партийное отделение Института народов Севера. Так, среди его студентов были лопари А. Герасимов [ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 8. Л. 4], А. Дмитриев

[ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 3], С. Титов [ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 13].

Кадровая политика в рамках коренизации предполагала увеличение представителей нацменьшинств при одновременном уменьшении русских. На практике зачастую происходила обратная ситуация (см. табл. 3).

Таблица 3

Сведения о национальном составе служащих и выборного состава Ленинградско-Пригородного райисполкома [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 15. Л. 24]

Table 3

National Composition of Staff and Elected Officials of the Leningrad-Prigorodny District Executive Committee [TsGA SPb. F. 7179. Inv. 23. File 15. List 24]

Перечень должностей	Национальность					
	Финны		Русские		Прочие	
	01.01.1931 г.	01.07.1931 г.	01.01.1931 г.	01.07.1931 г.	01.01.1931 г.	01.07.1931 г.
Выборный состав: Пленум	7	6	27	32	11	10
Президиум	1	1	1	10	2	2
Заведующие отделами и их заместители	1	1	0	11	0	7
Инструкторы и инспекторы	3	3	0	26	0	2
Технический аппарат и спецсостав, кроме инспектуры	4	6	0	87	0	10

Как мы видим, в Ленинградско-Пригородном райисполкоме среди национальных меньшинств самыми многочисленными были финны. За первую половину 1931 г. их число на разных должностях существенно не изменилось. Исключение составил лишь технический аппарат, в котором появились 2 новых финских сотрудника. На этом фоне можно видеть стремительный рост числа русских. С одной стороны, это противоречило принципам политики коренизации, с другой — сказывалась нехватка кадрового потенциала среди нацменьшинств и недостаток квалификации. Такая ситуация создавала трудности при дальнейшем переводе делопроизводства на национальные языки [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 15. Л. 24].

Коренизация образования в Петроградской губернии — Ленинградской области в 1920–1930-е гг.

Полноценная коренизация была невозможна без преобразований в социально-культурной сфере региона. О происходивших трансформациях можно судить по ситуации в образовательном пространстве.

Как уже отмечалось выше, финны были одной из самых многочисленных этнических общин. Уже в досоветское время уровень грамотности среди них был достаточ-

но высок благодаря многочисленным начальным школам. И их количество постепенно увеличивалось (см. рис. 1).

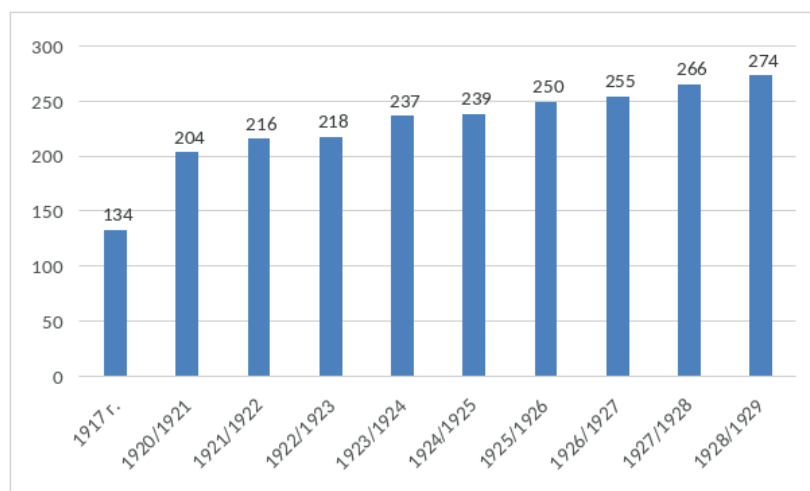

Рис. 1. Количество финских школ в Петроградской губернии — Ленинградской области [Янсон, 1929: 40]

Figure 1. Finnish Schools in Petrograd Governorate — Leningrad Oblast: Quantitative Dynamics [Janson, 1929: 40]

Приведенные данные свидетельствуют о резком росте числа школ между 1917 и 1920 гг. (+52,2%). В 1920–1922 гг. прирост составил 6%. Подобная ситуация может быть объяснена ростом религиозного самосознания и открытия школ при финских лютеранских церквях. Однако в дальнейшем государство в лице Наркомпроса РСФСР последовательно проводило политику по построению системы светского школьного образования. В Петроградской губернии активизация в этом направлении была связана с циркулярными письмами из Москвы от 1 марта и 16 мая 1923 г. [ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 1150. Л. 12]. На этом фоне темпы открытия новых финских школ резко упали и в течение 1922–1924 учебных годов не превышали 1%. В дальнейшем была отлажена процедура открытия новых школ. Ежегодно их количество возрастало в сравнении с предыдущим учебным годом на 2–4,6%.

Некоторые результаты коренизации в сфере образования можно видеть в отчетных документах начала 1930-х гг. (см. табл. 4). Согласно приведенным в них данным, к 1932 г. финские школы лидировали с большим отрывом как в городе, так и области. Эта тенденция прослеживается как в общем, так и по разным типам школ. Схожая ситуация наблюдается и по количеству учащихся в школах национальных меньшинств.

Стоит отметить, что городская и пригородная образовательная инфраструктура имели свои особенности. Так, в городе и области функционировало много финских школ, что было сопряжено с многочисленностью общины. Для других малых народов школы находились преимущественно в области, что было связано с местами их традиционного проживания.

Таблица 4

Охват детей национальными школами в 1932 г. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 12]

Table 4

Coverage of Children by National Schools in 1932 [Central State Archive of St. Petersburg, Fond 7179, Inventory 23, File 56, Sheet 12]

Тип школ	Количество школ					Количество учеников				
	Финны	Эстон-цы	Вепсы	Латы-ши	Ижоры	Финны	Эстон-цы	Вепсы	Латы-ши	Ижоры
Начальных школ по области	209	32	54	18	22	9581	2274	3029	804	1390
По пригороду и городу	80	8	0	0	0	4218	0	0	0	0
Повышенных школ по области	17	11	6	3	4	1505	402	392	151	251
По пригороду и городу	11	1	0	1	0	537	0	0	0	0
Всего	317	102	60	22	26	15842	0	3421	0	1641

Особняком в этом ряду стоят ленинградские немцы. С 1820-х гг. в немецких колониях открывались свои школы. С приходом Советской власти и изменением отношений между церковью и школой в колониях стали открываться преимущественно начальные школы первой ступени. В 1923 г. они функционировали в 12 из 27 немецких поселений Петроградской губернии. Общий штат насчитывал 29 учителей, обучавших ок. 1 тыс. детей (ок. 12% всех колонистов) [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 26].

Создание новой национальной школы было невозможно без подготовки педагогических кадров. Подготовка кадров советских работников из числа этнических меньшинств осуществлялась путём организации краткосрочных курсов. Педагогические кадры нацменьшинств готовили финский, эстонский, латышский, немецкий и польский педтехникумы. В 1929/1930 учебном году в педтехникумах обучалось 616 студентов из числа нацменьшинств, а в 1930/1931 учебном году — 1081 [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 26].

В 1922 г. в Москве на базе Немецкого педагогического института был открыт Центральный немецкий педагогический техникум, целью которого являлась подготовка учителей для немецких сельских школ. В 1925 г. техникум был переведён в Ленинград под названием Немецкого педагогического техникума. В 1925 г. в техникуме обучались 150 студентов, которые имели разное происхождение: 11 рабочих, 104 крестьянина, 23 служащих, 6 учителей и 6 представителей прочих социальных групп [Шрадер, 1998: 367]. Именно студенты техникума стали основой национальной школы в местах компактного проживания немцев на территории РСФСР.

Одним из зримых наследий Гражданской войны и хозяйственной разрухи начала 1920-х гг. стал рост детей, оставшихся без попечения родных. Это подтолкнуло власти расширить сеть детских домов. В 1926/1927 учебном году в Ленинградской области уже действовал 51 детский дом, из которых семь были образованы по национальному принципу. Через год (1928/1929 учебный год) их было уже 91 и 19 соответственно.

Работу дошкольных учреждений, которые открывались в регионе, следовало обеспечить кадрами. Только в 1925/1926 учебном году на дошкольную работу было на-

правлено 112 специалистов, в 1926/1927–174, в 1927/1928–160. Однако подготовка дошкольных работников проходила слабо, о чем свидетельствуют статистические данные. Так, в 1925/1926 учебном году на специальных курсах обучалось 75 слушателей, из которых 25 были из числа нацменьшинств. В 1926/1927 учебном году это соотношение составило 91 и 19; в 1927/1928–35 и 16; в 1928/1929–58 и 19. Одновременно с этим в 1931 г. была развёрнута работа по изданию брошюр, посвященных дошкольному воспитанию, общий объем которых составил 100 п. л. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 15].

В условиях, когда общество находилось в состоянии перехода от одной общественно-политической модели к другой, власти уделяли большое внимание вопросу формирования нового идейно-классового сознания. Большое значение в этом процессе отводилось созданию и развитию сети политико-просветительских учреждений. Их общее количество в регионе постоянно возрастало. Так, изб-читален в 1925–1926 гг. было 1329, в 1926–1927 гг. — 1575; в 1925–1926 гг. было 450 библиотек, в 1926–1927 гг. — 452, клубов в 1925–1926 гг. — 100, в 1926–1927 гг. — 101, красных уголков в 1925–1926 гг. — 290, в 1926–1927 гг. — 980, пунктов ликбеза в 1925–1926 гг. — 2405, в 1926–1927 гг. — 2911. Самыми массовыми типами учреждений были, как мы видим, библиотеки, пункты ликбеза и красные уголки, которые функционировали на базе существовавших иных учреждений [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 15].

В контексте реализации политики коренизации и борьбы за массы власти уделяли большое внимание открытию политпросветучреждений для этнических меньшинств и малых коренных народов. Так, в 1928–1929 гг. в Ленинградской области действовали 29 финских изб-читален, 115 красных уголков, 2 клуба, 1 дом просвещения, 10 школ малограмотности, 1 крестьянский курс и 1 районная библиотека [Янсон, 1929: 40]. В это же время для немцев было открыто 14 клубов. Однако литературой и пособиями на родных языках эти учреждения были снабжены крайне скудно [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 15].

Особое внимание было уделено подготовке кадров культурных работников культурно отсталых народов вепской и ижорской национальностей. Например, было открыто отделение в Лодейнопольском педтехникуме для вепсов, а также отделение при Областной совпартшколе — для вепсов и ижоры [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 27]. Различные центральные (Институт народов Севера) и региональные учебные заведения были мобилизованы на форсированную подготовку политпросветработников для нацменьшинств. В сопроводительных документах многих слушателей советско-партийных отделений указывалось, что они могут быть использованы в качестве политпросветработников [ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 9]. Только в региональных заведениях в 1929/1930 учебном году насчитывалось 204 учащихся. В 1930/1931 учебном году их число выросло вдвое (401). Там же были открыты годовичные курсы для подготовки колхозных работников для вепсов, ижоры, финнов, немцев, эстонцев, латышей и других национальностей [ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 9].

Стоит отметить, что в сельскохозяйственных вузах на 1930 г. училось незначительное количество финнов и эстонцев, а вепсы и ижора отсутствовали в принципе. В связи с этим с 1931 г. были разработаны конкретные цифры по подготовке сельскохозяй-

ственных кадров нацменьшинств на ближайшие два года и даны соответствующие указания вузам и техникумам [ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 9].

Различные образовательные учреждения, например школы, отправляли заявки в педтехникумы для получения будущих кадров из числа студентов, заканчивающих соответствующие педтехникумы. Многие из них оставались невыполненными или удовлетворялись частично. Это было связано в первую очередь с тем, что сами педтехникумы не располагали таким числом студентов — из-за нехватки обучающихся по различным нацменьшинствам. В большей степени ситуация была лучше с финнами и эстонцами, поскольку их число преобладало среди таких студентов, но даже в их случае заявки не удовлетворялись полностью. Ижора и лопари отсутствовали среди выпускников в принципе, поскольку обучение на языках этих народов не велось из-за отсутствия письменности у данных народов (см. табл. 5).

Таблица 5

Потребность в учителях из числа оканчивающих педтехникумы студентов в 1931/1932 учебном году [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 11]

Table 5

Teacher Demand among Graduating Students of Pedagogical Technical Schools, 1931/1932 Academic Year [TsGA SPb. F. 7179. Inv. 23. File 56. List 11]

	Финны	Эстонцы	Латыши	Немцы	Вепсы
Потребность	100	60	10	15	60
Удовлетворено	21	10	6	6	0

Детальное рассмотрение вопроса кадрового обеспечения школ разных ступеней позволяет выявить всю остроту проблемы. В целом имевшиеся кадры, как мы видим, по отдельным национальностям далеко не удовлетворяли стремительно возраставшие требования школ. Но обеспеченность кадрами школ разных ступеней была разительна. Данные таблицы свидетельствуют о том, что ситуация с кадрами для повышенной школы (школы для взрослых, получающих неполное среднее образование [Гордина, 2014: 58]) была крайне неблагоприятной, в том числе в финских и латышских школах (см. табл. 6). Удельный вес педагогов с высшим образованием был ничтожно мал.

Таблица 6

Педагогические кадры национальной школы Ленинградской области, 1932 г. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 12]

Table 6

Teaching staff of the national (ethnic) schools of the Leningrad Oblast, 1932 [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 56, List 12]

Националь-ности	По начальной школе		По повышенной школе	
	Всего	На них ускоренными курсами	Всего	Из них с высшим образованием
Финская	141	144	135	4
Эстонская	165	65	36	6
Латышская	22	0	26	4

Подготовка кадров для народного образования была сопряжена с многими проблемами, среди которых не последнюю роль играл бюрократизм. Так, Наркомпрос РСФСР, имея в своём ведении нацменовский рабфак при ЛГУ, отказал пединституту им. Герцена в ходатайстве о передаче части оканчивающих обучение в нацмен-отделениях педвуза. Нередкими были факты индифферентного отношения со стороны райисполкомов к направлению представителей этнических меньшинств и малых коренных народов на обучение. Это приводило к систематическому невыполнению плана приёма в учебные заведения для нацменьшинств. Пренебрежительное отношение к подготовке кадров встречалось и в самих учебных заведениях. Следствием этого был, с одной стороны, систематический недобор слушателей (см. табл. 7), а с другой — массовый отсев и незначительные по численности выпуски.

Таблица 7

Контингент техникумов нацменьшинств в 1931/1932 учебном году
[ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 14]

Table 7

Enrollment in technical colleges for national minorities in the 1931–1932 academic year [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 56, Sheet 14]

Наименование техникума	Плановый контингент, студентов	Фактический контингент, студентов	Недобор, %
Финский	374	259	–31
Латышский	207	162	–22
Польский	266	197	–26
Эстонский	295	217	–26
Немецкий	316	284	–10

Как можно видеть, плановые и фактические показатели контингента по среднеспециальным учебным заведениям, ориентированным на национальные меньшинства, существенно разнятся. Относительно незначительный недобор в Немецком техникуме объясняется, в первую очередь, его ориентацией не только на подготовку кадров для Ленинградской области, но и для других регионов РСФСР, где были места компактного проживания немцев (АССР Немцев Поволжья и др.).

Особенно активно вопрос представленности различных национальностей в образовательных учреждениях Ленинграда был поднят в 1934/1935 учебном году. Были выделены квоты на места для нацменьшинств. В таблице представлена только десятая часть полученных данных и только в отношении некоторых национальностей (См. табл. 8).

Исходя из данных таблицы, наблюдается доминирование еврейской общины в приёме. Так, евреи представлены во всех 10 учреждениях, причём с существенно более высокими показателями, чем другие национальности. Особенно выделяется приём на рабфак при ЛГУ (88 чел.) и в Ленинградский автодорожный институт (44 чел.). Это может свидетельствовать о высокой образовательной активности. Эстонцы демонстрируют умеренную представленность при приёме: они присутствуют в 9 из 10 учреждений; латыши — в 8. Их показатели заметно ниже еврейских, но стабильны: они распределены по разным профилям образования (от технических до фармацевтического).

Таблица 8

Численность представителей нацменьшинств в образовательных учреждениях Ленинграда в 1934/1935 учебном году [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 145. Л. 42–88]

Table 8

Number of representatives of national minorities in educational institutions of Leningrad in the 1934/1935 academic year [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 145, Lists 42–88]

№	Образовательное учреждение	Фин-ны	Эстон-цы	Ла-ты-ши	Нем-цы	По-ля-ки	Армя-не	Ев-реи
1	Ленинградский механический техникум	0	2	1	0	2	1	11
2	Ленинградский автодорожный институт	2	2	1	0	3	10	44
3	Лен. гос. механико-конструкторский техникум им. М. И. Калинина	1	0	3	0	2	0	15
4	ленинградский фармацевтический техникум	1	2	0	1	3	0	21
5	Ленинградский гидротехникум	1	1	0	1	1	0	15
6	Ленинградский строительный техникум	2	1	1	0	1	0	20
7	Ленинградский техникум железнодорожного транспорта им. т. Дзержинского	0	5	0	0	2	0	27
8	Рабфак Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена	7	5	7	0	0	0	14
9	Рабфак ЛХТИ и слившийся с ним 3-й рабфак Ленинградского машиностроительного института	0	4	2	1	2	0	33
10	Рабфак при ЛГУ	1	2	3	1	4	0	88

Ограниченное присутствие финнов подтверждается тем, что они представлены в 7 учреждениях, но с небольшими цифрами (максимум — 7 чел. на рабфаке педагогического института). В ряде ключевых заведений их нет вовсе. Немцы представлены лишь в четырёх учреждениях с минимальными показателями (по 1 чел.); армяне — в трёх (с максимумом в 10 чел. в автодорожном институте). Поляки занимают промежуточное положение: они были в 8 учреждениях с небольшими, но устойчивыми цифрами (от 1 до 4 чел.). Стоит отметить, что рабфаки выступали ключевым каналом доступа к высшему образованию для нацменьшинств. На них приходилась значительная часть приёма.

Коренизация периодической печати в Ленинградской области в 1920–1930-е гг.

Большевики прекрасно понимали силу печатного слова, а потому в рамках реализации социально-культурного направления политики коренизации были предприняты различные шаги по организации издательского дела. Ленинградская область также приняла участие в 1920–1930-е гг. в производстве печатной продукции на местных национальных языках.

Особенно преуспели в издании газет, журналов, книг и иной продукции финское издательство «Кюльвяя» и эстонское издательство «Кирия». Их успех во многом был связан с многочисленной читательской аудиторией в регионе, чей спрос необходимо было удовлетворить.

Таблица 9

Газетная печать в 1929–1931 гг. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 24]

Table 9

Newspaper press in 1929–1931 [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 9, List 24]

Название	Количество номеров в год			Средний тираж			Всего экземпляров в год, тыс.		
	1929	1930	1931	1929	1930	1931	1929	1930	1931
Эстонское издательство «Кюльвая»	74	144	180	5500	7250	10000	407	1049	1800
Финское издательство «Кирия»	189	250	252	4049	6527	10664	805,8	1631,7	2687,4

Приведенные в таблице 9 данные демонстрируют высокую интенсивность финского издательства в сравнении с эстонским. Однако газетная полиграфия имела выраженную тенденцию к росту. В 1929 г. «Кирия» выпустило заметно больше номеров, хотя средний тираж у эстонского издательства был выше. Все же общий годовой выпуск финской периодики оказался существенно больше. В 1930 г. наблюдался резкий рост по всем показателям у обоих издательств. Количество номеров у «Кюльвая» почти удвоилось. В 1931 г. тенденция роста сохранилась. Бурное развитие финской и эстонской газетной периодики можно объяснить не только массовой аудиторией внутри страны и ориентированностью на трудящихся соседних Эстонии и Финляндии [Смирнова, 2019: 341.]. Важным условием стало присутствие в Ленинграде высококвалифицированных кадров (журналистов, редакторов, полиграфистов), способных поддерживать регулярный выпуск газет.

На рубеже 1920–1930-х гг. фиксировался существенный рост издания журналов на эстонском и финском языках (см. таб. 10).

Таблица 10

Журнальная периодика на эстонском и финском языках в 1929–1931 гг.

[ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 24]

Table 10

Periodicals (magazines/journals) in the Estonian and Finnish languages in 1929–1931 [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 9, Sheet 24]

Издательство	Количество названий			Тираж, тыс.		
	1929	1930	1931	1929	1930	1931
Эстонское издательство «Кюльвая»	25	63	160	53,7	92,5	39,4
Финское издательство «Кирия»	75	143	300	200	637	1344

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что развитие национальной журнальной периодики в Ленинградской области шло неравномерно. Финская издательская линия («Кирия») отличалась стабильным ростом и большими объемами, тогда как эстонская («Кюльвая») делала ставку на расширение ассортимента изданий при снижении совокупного тиража.

Следующая таблица демонстрирует, что количество названий по сравнению с 1929 г. в 1931 г. возросло более чем в 4 раза, количество печатных листов — почти в 5 раз, а количество оттисков — почти в 7 раз (см. таб. 11).

Таблица 11

Издательство финской и эстонской периодики по количеству печатных листов и названий в 1929–1931 гг. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 24]

Table 11

Publication of Finnish and Estonian periodicals by number of printed sheets and titles in 1929–1931 [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 9, List 24]

Издательство	Количество печатных листов			Печатных листов во всем тираже, тыс.		
	1929	1930	1931	1929	1930	1931
Эстонское издательство «Кюльвяя»	173	241,4	860	303	573,8	2500
Финское издательство «Кирья»	0	555,5	1996,0	1393	2730,7	8884,5

Издательская деятельность на финском языке в Ленинградской области в 1929–1931 гг. по объёму и масштабу распространения существенно превосходила эстонскую, хотя и та демонстрировала заметный рост. При этом к 1931 г. обозначился резкий рост издательской активности у обоих издательств, что может свидетельствовать о пике реализации отдельных направлений политики коренизации в регионе.

Хозяйственно-кооперативное строительство Ленинградской области в 1920–1930-е гг.

Национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг. также затрагивала хозяйственно-кооперативное строительство. По данным областного колхозного союза, 1 декабря 1928 г. было коллективизировано крестьян нацменьшинств — 10,3%. 1 января 1929 г. национальных колхозов было 34, на 1 октября 1929 г. — 75, на 1 января 1930 г. — 152, на 1 января 1931 г. — 209. Кроме указанных 209 национальных колхозов, также в области были 150 национальных смешанных колхозов. По национальностям картина была следующей: из 25 600 финских хозяйств коллективных было 2 805, колхозов — 110, которые включали 11% населения; из 8 тыс. эстонских хозяйств коллективных было 760, колхозов — 48, которые включали 9,5% населения; из 5 тыс. вепсских и чудских хозяйств коллективных было 270, колхозов — 12, которые включали 3% населения; из 1 100 карельских хозяйств коллективных было 109, колхозов — 5, которые включали 4% населения; из 3 450 ижорских хозяйств коллективных было 284, колхозов — 10, которые включали 8,2% населения; из 310 латышских хозяйств коллективных было 196, колхозов — 8, которые включали 6,3% населения; из 1 100 немецких хозяйств коллективных было 428, которые включали 9% населения. Всего в области было 48 250 хозяйств, из них коллективных — 4 944, колхозов — 209, что составляло 10,03% населения [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 2].

Заключение

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о сложном и противоречивом характере национальной политики в Ленинградской области в 1920–1930-е гг. Политика коренизации, с одной стороны, стала значимым импульсом для социально-культурного развития национальных меньшинств региона, с другой — ее реализация сопровождалась системными трудностями, а в конце периода сменилась сворачиванием инициатив и интеграцией меньшинств в общесоюзное пространство.

Анализ статистических данных и архивных материалов показывает, что политика коренизации охватывала несколько ключевых направлений. В административно-политической сфере шло формирование национальных сельсоветов и районов, предпринимались попытки перевода делопроизводства на национальные языки. Однако на практике этот процесс сталкивался с объективными трудностями, например, неравномерностью расселения народов, нехваткой квалифицированных кадров из числа нацменьшинств, отсутствием письменности у ряда этносов, представительство нацменьшинств в органах власти зачастую оставалось формальным, а коммуникация с вышестоящими инстанциями велась преимущественно на русском языке.

В образовательной сфере были достигнуты заметные успехи. Была расширена сеть национальных школ, создавались педтехникумы для подготовки учителей, росли показатели охвата детей обучением. Вместе с тем сохранялся острый кризис в подготовке будущих кадров: плановые показатели по набору студентов в национальные учебные заведения систематически не выполнялись, а доля специалистов с высшим образованием оставалась крайне низкой.

Развитие национальной периодики как инструмента культурной консолидации и политической агитации играло существенную роль в рамках политики коренизации региона, однако оно было неравномерным среди различных национальностей. Наиболее весомые показатели демонстрировали финское и эстонское издательства. Статистика их издательской деятельности фиксирует устойчивый рост выпуска газет и журналов на финском и эстонском языках в 1929–1931 гг. При этом финская издательская линия существенно опережала эстонскую по совокупным объёмам печати, хотя эстонское издательство демонстрировало высокие темпы расширения номенклатуры изданий.

В хозяйственно-экономической сфере политика коренизации реализовывалась через кооперативное строительство и коллективизацию. К началу 1931 г. в Ленинградской области насчитывалось 209 национальных колхозов и 150 смешанных, при этом наиболее активно процесс шёл среди финских и эстонских хозяйств. Тем не менее общий уровень коллективизации оставался умеренным (около 10% крестьянских хозяйств нацменьшинств).

Важной особенностью региональной политики коренизации стала её дифференцированность по отношению к разным народам. Финская и эстонская общины, обладавшие более высокой грамотностью, компактностью расселения и развитой инфраструктурой, получили наибольшие возможности для культурного развития. В то же время «культурно отсталые» народы (вепсы, ижора, лопари) сталкивались с дополнительными барьерами — от отсутствия письменности до кадрового дефицита, что ограничивало эффективность мер по их вовлечению в советскую систему.

К концу 1930-х гг. политика коренизации в Ленинградской области была фактически свёрнута, уступив место курсу на унификацию и интеграцию национальных меньшинств в советское общество. Этот поворот был обусловлен как внутренними факторами (недостатком ресурсов, кадровыми проблемами), так и общесоюзными тенденциями к централизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аверьянов А. В. Особенности политики коренизации на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2021. № 9–1. С. 189–198.

Акжигитов Р. Р. Свет и тени украинофильства: государственная политика украинизации и коренизации в СССР в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1 (73). С. 110–123.

Борисёнок Е. Ю. Методы решения проблемы национальных меньшинств в Украинской ССР (1920–1930-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 5 (49). С. 4.

Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2013. 256 с.

Гордина О. В. Советский период в истории российских школ для взрослых (1917–1991 годы) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 10. С. 55–64.

Каменских М. С. Белорусы и украинцы в национальной политике Урала 1920–1930-х гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2025. Т. 12. № 4 (48). С. 104–111.

Кёппен П. И. Об инородческом, преимущественно немецком населении Санкт-Петербургской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. II. С. 181–209.

Кобец О. В. Новая экономическая политика против белорусизации в 1920-е гг.: Псковская губерния // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 3. С. 103–120.

Кодин Е. В. Белорусский фронт 1920-х годов: состоялась ли белорусизация в российско-белорусском приграничье? // Журнал фронтирных исследований. 2024. Т. 9. № 3 (35). С. 175–199.

Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация в российско-белорусском приграничье в виденье Москвы и регионов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. № 3. С. 751–765.

Кодин Е. В., Кобец О. В. Политика коренизации в Брянской губернии: двойной белорусско-украинский фронт 1920-х годов // Журнал фронтирных исследований. 2025. Т. 10. № 3 (39). С. 129–157.

Кондратюк Г. Н. Национальная политика в Крымской АССР в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12. № 1. С. 72–96.

Материалы совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах. 1928. Стенографический отчет. М.: Изд-во ВЦИК, 1928. С. 174–175.

Рубаева Э. М. Экономический фактор и процесс коренизации в Северной Осетии в 1920–1930-е гг. // Вестник Владикавказского научного центра. 2022. Т. 22. № 2. С. 50–55.

Смирнова Т. М. Финская и эстонская секции Ленинградской организации писателей (1920–1930-е гг.) // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов, Ижевск, 04–07 июня 2019 года. Ижевск: Анны Зелениной, 2019. С. 340–346.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 23. Д. 15.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 23. Д. 145.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 1150.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 8.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2.

Шведова В. Б. Место цыган в условиях политики коренизации (на примере Крымской АССР) // Исследования в области гуманитарных наук: теория, методика, практика: Сборник статей научно-практической конференции. Ульяновск: ИП Кеньшенская В. В. (издательство «Зебра»), 2024. С. 24–27.

Шепталин А. А. Коллизии политики коренизации органов юстиции в национальных субъектах России в 1920–1930-е годы // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 12–20.

Шрадер Т. А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х гг. // Немцы и развитие образования в России: сборник научных трудов. СПб.: РАН, 1998. С. 260–268.

Эльбиздукаева Т. У., Мадаев М. Х. Политика коренизации партийно-государственного аппарата Чеченской автономной области в 1920–1930-е гг. // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: Материалы X Международного форума историков-кавказоведов, Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 года. Ростов-на-Дону: Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, 2023. С. 169–174.

Янсон П. М. Национальные меньшинства Ленинградской области: (сборник материалов). Ленинград: Орготдел Ленинградского Облисполкома, 1929. 103 с.

Яхутъ Ю. А. Реализация политики «коренизации» в Адыгейской автономной в 1920–1930-х годах: проблемы и достижения // Электронный журнал «Кавказология». 2025. № 4. С. 155–164.

References

Akzhigitov R. R. Svet i teni ukrainofil'stva: gosudarstvennaya politika ukrainizatsii i korenizatsii v SSSR v 1920-e gg. [The light and shadows of Ukrainophilia: The state policy of Ukrainization and Korenization in the USSR in the 1920s]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences]. 2025, no. 1 (73), pp. 110–123 (in Russian).

Aver'yanov A. V. Osobennosti politiki korenizatsii na Donu, Kubani i Stavropol'ye v 1920–1930-e gg. [Peculiarities of the policy of korenization in the Don, Kuban and Stavropol regions

in the 1920s and 1930s]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2021, no. 9–1, pp. 189–198 (in Russian).

Borisyonok E. Yu. *Fenomen sovetskoi ukrainizatsii. 1920–1930-e gody* [The phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920–1930s.]. Moscow: Europa, 2013, 256 p. (in Russian).

Borisyonok E. Yu. Metody resheniya problemy natsional'nykh men'shinstv v Ukrainской SSR (1920–1930-e gg.) [Methods of solving the problem of national minorities in the Ukrainian SSR (1920–1930s)]. *Ehlektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2016, no. 5 (49), p. 4 (in Russian).

El'buzdukaeva T. U., Madaev M. Kh. Politika korenizatsii partiino-gosudarstvennogo apparata Chechenskoi avtonomnoi oblasti v 1920–1930-e gg. [The policy of the Korenization of the party and state apparatus of the Chechen Autonomous Region in the 1920s and 1930s]. *Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kul'tura: Materialy X Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov, Rostov-na-Donu, 12–13 oktyabrya 2023 goda* [The peoples of the Caucasus in the XVIII–XXI centuries: history, politics, culture: Proceedings of the X International Forum of Historians of the Caucasus, Rostov-on-Don, October 12–13, 2023]. Rostov-on-Don: Federal Research Center, Southern Scientific Center of the RAS, 2023, pp. 169–174 (in Russian).

Gordina O. V. Sovetskiy period v istorii rossiiskikh shkol dlya vzroslykh (1917–1991 gody) [The Soviet period in the history of Russian schools for adults (1917–1991)]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (ehlektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern studies of social problems (electronic scientific journal)]. 2014, no. 10, pp. 55–64 (in Russian).

Kamenskikh M. S. Belorusy i ukraintsy v natsional'noi politike Urala 1920–1930-kh gg. [Belarusians and Ukrainians in the national politics of the Urals in the 1920s and 1930s]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences]. 2025, vol. 12, no. 4 (48), pp. 104–111 (in Russian).

Kobets O. V. Novaya ekonomicheskaya politika protiv belorusizatsii v 1920-e gg: Pskovskaya guberniya. [New economic policy against Belarusization in the 1920s: Pskov province]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2025, vol. 30, no. 3, pp. 103–120 (in Russian).

Kodin E. V. Belorusskii frontir 1920-kh godov: sostoyalas' li belorusizatsiya v rossiisko-belorusskom prigranich'e? [The Belarusian frontier of the 1920s: did Belarusization take place in the Russian-Belarusian border area?]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. 2024, vol. 9, no. 3 (35), pp. 175–199 (in Russian).

Kodin E. V., Kobets O. V. Belorusizatsiya v rossiisko-belorusskom prigranich'e v viden'e Moskvy i regionov [Belarusization in the Russian-Belarusian borderland in the vision of Moscow and the regions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History]. 2025, vol. 70, no. 3, pp. 751–765 (in Russian).

Kodin E. V., Kobets O. V. Politika korenizatsii v Bryanskoy gubernii: dvoynoy belorussko-ukrainsky frontir 1920-kh godov [The policy of Korenization in the Bryansk province: the double Belarusian-Ukrainian frontier of the 1920s]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. 2025, vol. 10, no. 3 (39), pp. 129–157 (in Russian).

Kondratyuk G. N. Natsional'naya politika v Krymskoi ASSR v mezhoennyy period (1920–1930-e gg.) [National policy in the Crimean ASSR in the interwar period (1920–1930s)].

Krymskoe istoricheskoe obozrenie [Crimean Historical Review]. 2025, vol. 12, no. 1, pp. 72–96 (in Russian).

Kyoppen P.I. Ob inorodcheskom, preimushchestvenno nemetskom naselenii Sankt Peterburgskoi gubernii [About the non-native, predominantly German population of the St. Petersburg province]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. 1850, pt. II, pp. 181–209 (in Russian).

Materialy soveshchaniya upolnomochennykh po rabote sredi natsional'nykh men'shinstv pri TSIKakh avtonomnykh respublik, oblastnykh, kraevykh i gubernskikh ispolnitel'nykh komitetakh. 1928. *Stenograficheskii otchet* [Materials of the meeting of commissioners for work among national minorities at the Central Election Commissions of autonomous republics, regional, regional and provincial executive committees. 1928. Verbatim report]. Moscow: Publishing House of the Central Executive Committee, 1928, pp. 174–175 (in Russian).

Rubaeva E.M. Ekonomicheskii faktor i protsess korenizatsii v Severnoi Osetii v 1920–1930-e gg. [The economic factor and the process of korenization in North Ossetia in the 1920s and 1930s]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center]. 2022, vol. 22, no. 2, pp. 50–55 (in Russian).

Sheptalin A.A. Kollizii politiki korenizatsii organov yustitsii v natsional'nykh subyektakh Rossii v 1920–1930-e gody [Collisions of the policy of the korenization of judicial authorities in the national subjects of Russia in the 1920s and 1930s]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice]. 2023, no. 5, pp. 12–20 (in Russian).

Shrader T.A. Shkol'noe obrazovanie v nemetskiikh koloniyakh Leningradskoi gubernii v 20-kh gg. [School education in the German colonies of Leningrad province in the 20s]. *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii: sbornik nauchnykh trudov* [Germans and the development of education in Russia: collection of scientific papers]. St. Petersburg: RAS, 1998, pp. 260–268 (in Russian).

Shvedova V.B. Mesto tsygan v usloviyakh politiki korenizatsii (na primere Krymskoi ASSR) [The place of the Gypsies in the context of the policy of korenization (on the example of the Crimean ASSR)]. *Issledovaniya v oblasti gumanitarnykh nauk: teoriya, metodika, praktika: Sbornik statei nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Research in the field of humanities: theory, methodology, practice: Collection of articles of the scientific and practical conference]. Ulyanovsk: IP Kenshenskaya V.V. (Zebra Publishing House), 2024, pp. 24–27 (in Russian).

Smirnova T.M. Finskaya i estonskaya seksii Leningradskoi organizatsii pisatelei (1920–1930-e gg.) [The Finnish and Estonian sections of the Leningrad Writers' Organization (1920–1930s)]. *Finno-ugorskii mir v poliehtnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sbornik statei po materialam VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov, Izhevsk, 04–07 iyunya 2019 goda* [The Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: a collection of articles based on the materials of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Scholars, Izhevsk, June 04–07 in 2019]. Izhevsk: Anna Zelenina, 2019, pp. 340–346 (in Russian) (in Russian).

Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. 7179. Inventory 23. File 9 (in Russian).

Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. 7179. Inventory 23. File 15 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. 7179. Inventory 23. File 56 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. 7179. Inventory 23. File 145 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. R-2552. Inventory 1. File 1150 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. R-9471. Inventory 1. File 8 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. R-9471. Inventory 1. File 13. Part 2 (in Russian).

Yakhutl' Yu.A. Realizatsiya politiki “korenizatsii” v Adygeyskoi avtonomnoi v 1920-kh — 1930-kh godakh: problemy i dostizheniya [Implementation of the policy of “korenization” in the Adyghe Autonomous Republic in the 1920s — 1930s: problems and achievements]. *Ehlektronnyi zhurnal “Kavkazologiya”* [The electronic journal “Kavkazologiya”]. 2025, no. 4, pp. 155–164 (in Russian).

Yanson P.M. *Natsional'nye men'shinstva Leningradskoi oblasti: (sbornik materialov)* [National minorities of the Leningrad region: (collection of materials)]. Leningrad: Organizational Department of the Leningrad Regional Executive Committee, 1929, 103 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 23.06.2026

Принята к публикации: 20.08.2026

Дата публикации: 30.09.2026

УДК 323.1 (476) "1920/1941"
DOI 10.14258/nreur(2026)3–09

Н. К. Альховик

Белорусский национальный технический университет, Минск (Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ БССР В 1920–1941 ГГ.

Целью статьи является определение этапов и особенностей реализации советской национальной политики в Белорусской ССР в отношении нетитульного населения. Хронологические рамки работы охватывают период между восстановлением независимости Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) 31 июля 1920 г. и началом Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. Именно в межвоенный период были определены основные подходы к решению национального вопроса в БССР, а также задан вектор дальнейшей национальной политики.

С начала 1920-х гг. политика советской власти в БССР была направлена на советизацию этнических меньшинств и их интеграцию в единое общество при сохранении и официальной поддержке национальной идентичности и особенностей. Вместе с тем в процессе активного национально-государственного строительства власти столкнулись с рядом проблем, вызванных спецификой БССР.

В 1933–1937 гг. в действиях советского руководства наблюдалась определенная вариативность при выборе генеральной стратегии относительно этнических меньшинств, потому ликвидация учреждений и организаций еврейского, польского, латышского и других меньшинств не имела всеобъемлющего масштаба и сопровождалась мерами в поддержку их национальной идентичности. В 1937–1939 гг. ликвидация институтов этнических меньшинств под предлогом борьбы с «контрреволюционной деятельностью» приобрела последовательный характер, обслуживание нетитульного населения на родных языках было прекращено. В то же время в 1939–1941 гг. в освобождённых западнобелорусских областях власти колебались между необходимостью демонстрации равноправия национальностей и созданием условий для национальной гомогенизации населения.

Ключевые слова: БССР, национальная политика, национальные меньшинства, этнические группы, национальные комиссии, национальные школы, национальные советы, национальные колхозы.

Для цитирования:

Альховик Н. К. Особенности национальной политики в отношении этнических меньшинств БССР в 1920–1941 гг. // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 142–164.
[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–09](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–09)

Альховик Николай Константинович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Белорусского национального технического университета, Минск (Беларусь). Адрес для контактов: alch0109@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-2666-1029>

M. K. Alkhovik

Belarusian National Technical University, Minsk (Belarus)

FEATURES OF THE NATIONAL POLICY TOWARDS THE BSSR ETHNIC MINORITIES IN 1920–1941

The purpose of the article is to identify the stages and features of the implementation of the Soviet national policy in the Byelorussian SSR in relation to the non-titular population. The chronological framework of the work covers the period between the restoration of independence of the Socialist Soviet Republic of Byelorussia (SSRB) on July 31, 1920 and the beginning of the Great Patriotic War on June 22, 1941. It was during the interwar period that the main possible approaches to solving the national question in the BSSR were identified, and the vector of further national policy was set.

Since the early 1920s, the policy of the Soviet government in the BSSR has been aimed at the Sovietization of ethnic minorities and their integration into a single society while preserving and officially supporting national identity and characteristics. However, during the process of active nation-building, the authorities faced a number of problems caused by the specifics of the BSSR.

In 1933–1937, there was a certain variability in the actions of the Soviet leadership when choosing a general strategy for ethnic minorities, so the liquidation of the institutions and organizations of the Jewish, Polish, Latvian and other minorities was not comprehensive and was accompanied by the measures to support their national identity. In 1937–1939, the liquidation of ethnic minorities' institutions under the pretext of combating “counterrevolutionary activities” became consistent, and services to the non-titular population in their native language were discontinued. At the same time, in 1939–1941, in the liberated Western Belarusian regions, the authorities vacillated between the need to demonstrate the equality of nationalities and to create conditions for the national homogenization of the population.

Keywords: BSSR, national politics, national minorities, ethnic groups, national commissions, national schools, national councils, national collective farms.

For citation:

Alkhovik M. K. Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941.

Nations and Religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 142–164.

[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-09](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-09)

Alkhovik Mikalai Kanstantsinavich, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of History of the Belarusian National Technical University, Minsk (Belarus).

Contact address: alch0109@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-2666-1029>

Введение

Межвоенный период (1920–1941 гг.) занимает особое место в контексте этнополитических процессов в Белорусской ССР. В условиях перехода к социалистическому строительству партийно-советское руководство придерживалось разных, порой противоположных, стратегий в национальном вопросе, что обуславливает необходимость реализуемого курса, а также определения его региональной специфики. Целью данной статьи является выявление особенностей, ключевых направлений и этапов эволюции политики советской власти в отношении национальных меньшинств БССР в 1920–1941 гг.

Политика в отношении национальных меньшинств БССР в 1920-х — начале 1930-х гг.

Согласно национальной доктрине ВКП(б) реализация права наций на самоопределение предусматривала удовлетворение национальных потребностей нетитульного населения новообразованных государственных единиц [Сталин, 1937: 43, 49]. Политика советской власти была направлена на советизацию этнических меньшинств при сохранении и официальной поддержке их идентичности, преодоление национальных стереотипов и ограниченности, усиление политической роли многонационального пролетариата и крестьянской бедноты в социалистическом строительстве, укрепление государственного и межнационального единства и обеспечение лояльности этнических меньшинств на случай войны. Демонстрация национального равноправия и баланса интересов, динамичного развития всех языков и культур использовалась для усиления просоветских настроений за границей, улучшения отношений СССР с Польшей, Германией, Литвой, Латвией и Эстонией [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 4987. Л. 3]. Национальной работой в БССР интересовались в коммунистических партиях Латвии, Литвы и Польши, в США, Канаде, Аргентине, Германии, Уругвае, Бразилии и других странах. Часть большевистских деятелей была убеждена в том, что в Советском Союзе складывались основы будущей пролетарской культуры Польши, Германии, Литвы, Латвии, а этнические меньшинства являются кадровым резервом для революций и социалистических преобразований на исторической родине [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 4668. Л. 4об.].

Принятая 31 июля 1920 г. Декларация о повторном провозглашении Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) объявила республику «страной белорусских, русских, польских и еврейских рабочих и крестьян», а также устанавливала полное равноправие белорусского, русского, польского и еврейского (идиш) языков «в сношениях с государственными учреждениями и в организациях и учреждениях народного просвещения и социалистической культуры». Прошедший 13–17 декабря 1920 г. II Всебелорусский съезд Советов провозгласил курс на широкое использование языков местного населения в государственной и общественной жизни ССРБ [Лыч, 2014: 23]. Данная стратегия предполагала создание сети образовательных и культурно-просветительских учреждений, издание печатной продукции на местных язы-

ках, выдвижение кадров коренных национальностей. 5 февраля 1921 г. II сессия ЦИК ССРБ подтвердила равноправие указанных четырех языков. В марте 1921 г. был образован Народный комиссариат по делам национальностей ССРБ, ликвидированный решением ЦБ КП(б) Б от 13 января 1922 г. [Беларусізацыя, 2001: 35–37].

На прошедшем 22–25 ноября 1920 г. III съезде Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (КП(б)Б) было принято решение о вхождении в состав государственных учреждений и органов власти представителей всех национальностей, проживавших на территории республики. В 1920-е гг. практика комплектования республиканского и регионального аппарата политического, хозяйственного и культурного руководства из числа местных национальностей получила название политики коренизации (гораздо реже данный термин использовался в начале 1930-х гг.) [Хацкевич, 1931: 128].

В соответствии с решениями 2-й сессии ЦИК БССР от 15 июля 1924 г. «О практических мероприятиях по проведению национальной политики» обязанности координации и управления деятельностью государственных учреждений и общественных организаций в национальной сфере были возложены на Комиссию по делам национальных меньшинств (в дальнейшем называлась Комиссия по национальной политике, Центральная национальная комиссия при ЦИК БССР), а также на окружные национальные комиссии [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5572. Л. 260–262]. После ликвидации в БССР округов 25 ноября 1930 г. Президиум ЦИК БССР вместо окружных создал 40 городских и 3 районные комиссии при городских советах и райисполкомах. Согласно положению «О национальной комиссии при Президиуме ЦИК БССР и о национальных комиссиях при районных исполнительных комитетах и городских советах» от 9 февраля 1931 г. работники комиссий были обязаны курировать национальную работу на местах, «хорошо знать экономику, культуру и быт местных национальных меньшинств» [Пра арганізацыю нацыянальных камісій, 1931: 1–2]. Руководство комиссией возлагалось на председателя (либо члена президиума) горсовета или райисполкома, в то время как обязанности ответственного секретаря и остальных членов распределялись между другими государственными служащими [НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–2].

В 1920-е гг., помимо национальных комиссий, организацию и руководство работой среди нетитульного населения осуществляли Еврейское, Польское, Латышское и Литовское бюро (секции) при ЦК КП(б)Б и ЦК АКСМБ. Одновременно при Агитационно-пропагандистском отделе ЦК КП(б)Б функционировали бюро пропаганды среди представителей указанных национальностей. Однако 11 февраля 1930 г. Секретариат ЦК КП(б)Б ликвидировал данные структуры, утвердив взамен должности инструктора по работе среди национальных меньшинств при ЦК КП(б)Б и инструктора по работе среди еврейской молодежи при ЦК АКСМБ [НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 7 об.].

В советском законодательстве термин «государственный язык» отсутствовал. Конституция БССР 1927 г. закрепляла равноправие белорусского, русского, польского языков и идиша в государственных учреждениях и общественных организациях. Основным закон также устанавливал, что на этих четырех языках публикуются важнейшие законодательные акты и размещаются надписи на государственном гербе республики. Для национальных меньшинств декларировались «право и реальная возможность обучения в школе на родном языке». Кроме того, в документах фиксировалось, что в «местно-

стях, где трудящиеся той или иной национальности составляют большинство населения, организуются Советы, работающие на языке данной национальности и наиболее полно учитывающие в своей работе этнические особенности» [Канстытуцыя, 1927: 7].

Все работники в БССР были обязаны знать белорусский и русский языки. Русский язык как язык межрегиональных отношений использовался в контактах с учреждениями СССР и союзных республик. ЦИК БССР и исполнительные комитеты советов определяли количество сотрудников государственных и общественных институтов, которые были обязаны знать идиш, польский и другие языки. Граждане имели право свободно пользоваться и выступать на родном языке «на съездах, в суде, в органах управления, в общественной жизни», устно или письменно обращаться в органы власти на белорусском, еврейском (идише), русском или польском языках и получать ответ на языке обращения. Союзные документы выдавались на белорусском и русском языках, республиканские — на четырёх языках, общественно-правовые документы (свидетельства, удостоверения) — на белорусском языке и одном из трех других отмеченных выше языков. Распоряжения местной власти издавались на языках населения соответствующей территории, а в национальном районе и сельсовете на данных языках публиковались и правительственные распоряжения [Пастанова Народнага камісарыяту Юстыцыі БССР, 1932; Аб зменах і дапаўненнях, 1934: 2; НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 97. Л. 31].

В местах компактного расселения нетитульного населения по инициативе райисполкомов, райкомов КП(б)Б и других партийно-государственных учреждений организовывались национальные советы — органы пролетарской диктатуры, которые работали на родных языках основных национальных групп и учитывали особенности быта и условия жизни населения. В начале 1934 г. в БССР функционировали 41 польский, 31 еврейский (из них 20 местечковых), 15–16 русских, 7 украинских, 5 латышских, 2 немецких и 1 литовский совет. Доля евреев в еврейских советах составляла 75,1% [НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 96. Л. 21; Пичуков, 2010: 135; Рабинович, 2001: 421].

Деятельность национальных советов была сопряжена с комплексом системных противоречий, которые так и не были решены в 1920 — начале 1930-х гг. Во-первых, во многих местах компактного проживания небелорусского населения национальные советы так и не были созданы. Так, по данным на 1930 г., в местечке Комарин еврейское население составляло 64,5%, в местечке Черее — 56,6%, местечке Туров — 45%, а в таких городах, как Мозырь и Климовичи, — 55% и 50% соответственно; тем не менее данные населенные пункты не являлись национальными административными единицами [НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2566. Л. 252]. Схожая ситуация наблюдалась и в отношении польского меньшинства: если Яновский сельсовет Осиповичского района являлся национально-польским, то в Пуховичском районе поляки, которые компактно проживали в деревнях Блажа, Сутин и Болоча, обслуживались советскими органами по линии работы с национальными меньшинствами. В 1931 г. в еврейских советах проживало только 35 тыс. евреев БССР из общего числа в 439,6 тыс. человек [Кантор, 1934: 28].

Во-вторых, в связи с ликвидацией черты еврейской оседлости произошли изменения в национальном составе городского и местечкового населения республики. Так, в период с 1926 по 1931 г. доля еврейского населения в местечках БССР уменьшилась с 53,4% до 49,5%. Данная демографическая динамика напрямую отражалась на статусе

органов самоуправления: в 1928 г. Чечерский, а в 1929 г. 1-й Туровский еврейские местечковые советы были реорганизованы в белорусские [Гнилякевич, 1932: 22].

В-третьих, многие партийно-советские работники считали «дефектными» данные переписи 1926 г. по количеству русского населения в Гомельском и Речицком округах. В созданных на этих территориях русских сельсоветах открывались как белорусские, так и русские школы, массовая работа велась на двух языках, а отдельные функционеры считали такие административные единицы искусственными. В 1933 г. Тереховский РИК предложил ЦИК БССР объявить 5 из 6 русских сельсоветов района белорусскими [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 6343. Л. 58]. Последующая паспортизация 1933 г. подтвердила обоснованность этих шагов, выявив незначительное количество (или фактическое отсутствие) русского населения также в Чечерском, Светиловичском, Комаринском и Гомельском районах [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 7747. Л. 189].

В-четвёртых, существенной проблемой являлась и слабая национальная самоидентификация католиков. Данные переписи 1926 г. считались недостоверными, потому что часть польского населения была зачислена в белорусы, а часть белорусов — в поляки. Для большего воздействия на трудящиеся массы Польши работа среди отдельных групп католического населения БССР и УССР, которые в быту разговаривали по-белорусски и по-украински, проводилась на польском языке. Это во многом предопределило последующее формирование некоторых польских национальных районов, сельсоветов, колхозов и школ [Сидоренко, 2009: 119–120].

Особое внимание советская власть уделяла проведению национальной политики в пограничной полосе. В 1931 г. польские партийно-советские работники предложили реорганизовать Плещеницкий, Узденский либо Койдановский район в образцовый польский. Бюро ЦК КП(б) «считало политически целесообразным создать польский район для того, чтобы сопоставить работу и жизнь польского района тому угнетению, которое происходило в Польше над польскими и белорусскими крестьянами» [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 10917. Л. 240]. В период с 31 мая по 9 июня 1931 г. комиссия ЦИК БССР посетила Койдановский район и зачислила практически всех местных католиков в поляки, доведя удельный вес польского населения до 43,7% (при этом районные власти искусственно увеличили данный показатель до 49,9%). В результате 10 из 16 сельсоветов Койдановского района были реорганизованы в польские, а уже в конце 1931 г. 57 из 111 созданных колхозов района являлись польскими [Об организации, 1932: 147]. В феврале 1932 г. Бюро ЦК КП(б) обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой одобрить реорганизацию Койдановского (впоследствии — Дзержинского) района в польский национальный район, открыто указав на то, что необходимая численность польского населения была достигнута за счет статистических манипуляций [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5568. Л. 5–12].

В национальных и белорусских советах, где доля этнических меньшинств превышала 30%, назначались уполномоченные по национальной работе, национальные работники (инспекторы). В остальных советах функции курирования национальной работы возлагались на одного из штатных работников — по возможности представителя нетитульного населения. Так, еврейские уполномоченные появились в местечке Комарин, Хойникском еврейском местечковом совете, инспекторы еврейской и польской культуры — в Ветковском районе, заместителем председателя Хатковского украин-

ского сельсовета был выдвинут немец [НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2564. Л. 98; НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 242].

Представители национальных меньшинств имели законное право на осуществление судебного процесса на родном или белорусском (русском) языке в общих судебных учреждениях и национальных судебных камерах. Функционировали еврейские следственные камеры и юридические консультации, рабочие суды, милицейские районы и подрайоны с делопроизводством на идиш. 25 января 1931 г. вместо национальных судебных камер Президиум ЦИК БССР создал межрайонные национальные народные суды [Пра рэарганізацыю, 1931]. К 1933 г. в БССР функционировали 10 еврейских, 2 польских и 1 латышский народные суды. В 1929–1930 гг. были ликвидированы 1 польская и 1 литовская камеры. Решение Секретариата ЦК КП(б)Б от 8 марта 1931 г. об открытии немецко-украинского народного суда не было выполнено [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 6196. Л. 25–32].

В республике функционировали еврейские, ассирийские, татарские, латышские, цыганские и интернациональные промысловые артели. Принятый в 1927 г. закон о хозяйственном обустройстве (упорядочении) местечек БССР охватил 27 (из 65) местечек, половину населения которых составляли евреи. В целях ликвидации очагов искусственной обособленности евреев в пределах бывшей «черты еврейской оседлости» проводился курс на снижение удельного веса еврейского населения в местечках и городах. В 1931 г. было провозглашено шефство центральных, районных учреждений и общественных организаций БССР и УССР над Биробиджаном [БССР, 1932].

Советская власть учитывала национальные особенности в колхозном строительстве. В частности, при Белколхозцентре функционировали еврейский и польский инструкторы. Национальные (еврейские, польские, русские, украинские, латышские, литовские, немецкие, татарские, эстонские, китайские) и интернациональные (например, украинско-немецкие) колхозы были обязаны проводить работу на всех языках местного населения. В конце 1920-х — середине 1930-х гг. был форсирован процесс укрупнения и интернационализации (объединения) хозяйств. С одной стороны, в добровольном порядке были созданы интернациональные колхозы — еврейские «Ройтер Штрал» (Крупки), «Соцвег» (Паричи), «10-летие БССР» (Речица), польский «Орка» (Чечерский район), татарский «Красный профинтерн» (Пуховичский район) [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5178. Л. 71, 204]. С другой стороны, фиксировались случаи насильственного объединения еврейских колхозов и коммун с белорусскими, ликвидации и переселения еврейских колхозов в Крым и Биробиджан. Так, слияние китайского колхоза «Марковичи» (Николаевский сельсовет Городокского района) с белорусским привело к упадку хозяйства и росту межнациональной напряжённости [Ф. 701. Оп. 1. Д. 111. Л. 19].

В целях преодоления неравноправия и фактического неравенства наций в доступе к экономическим и культурным ценностям, нивелирования национальной обособленности в 1927 г. был объявлен курс на интернационализацию промышленности, сельского хозяйства и профессионально-технических школ. Представители национальных меньшинств привлекались на фабрики и заводы БССР, РСФСР и УССР, где происходило их производственное обучение, повышение квалификации и переквалификация. Евреи направлялись в отрасли промышленности, где традиционно доминировали бе-

лорусы, русские и поляки (металлообработка, транспорт, связь, текстильная, керамическая, стеклянная, бумажная, торфяная, деревообрабатывающая индустрия), в то время как белорусы вовлекались в швейное, кожгалантерейное, обувное и полиграфическое производство. Представители нееврейских национальностей призывались к активному участию в работе Белкомзета и Белозета, переселению в Биробиджан и Крым [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5458. Л. 181].

В национальной школе на языке соответствующей этнической группы осуществлялись процессы обучения, воспитания и управления, велась комсомольская и пионерская работа, дополнительно изучались язык, литература и история национального меньшинства. В 1933 г. в БССР функционировало 6384 белорусских, 327 еврейских, 337 польских, 99 русских, 24 латышских, 26 украинских, 13 литовских, 13 немецких, 2 эстонские, 7 цыганских школ. В этом же году были открыты ассирийская (Гомель) и чешская (пос. Чехи Головчицкого сельсовета Наровлянского района) школы [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5440. Л. 156–157].

Особое место в системе образования занимали смешанные (интернациональные) школы: белорусско-польские, белорусско-русские, белорусско-латышские, белорусско-еврейские и белорусско-литовские, а также национальные классы, организованные при белорусских учебных заведениях. В ряде белорусских и русских школ родной язык и литература национальных меньшинств изучались как отдельные дисциплины. Так, при цыганских колхозах и артелях функционировали начальные белорусские и русские школы, в которых велось преподавание цыганского языка. В 1927/1928 уч. г. функционировали 93 белорусские школы с преподаванием польского языка и литературы в качестве учебного предмета, в 1929/1930 уч. г. — 80, в 1931/1932 уч. г. — 70 подобных учреждений. При этом доступ в указанные школы был открыт не только для поляков, но и для белорусов-католиков [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5010. Л. 151; НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 95. Л. 40].

В развитии системы образования этнических меньшинств БССР наблюдался ряд негативных тенденций. Часть учителей была уволена со своих должностей по политическим мотивам либо переведена на другую работу. Дефицит учебных площадей, нехватка квалифицированных и политически благонадежных заведующих школами и преподавателей, а также высокая текучесть кадров обуславливали низкую посещаемость и нерегулярность учебного процесса. Во многих случаях к преподаванию допускались лица, не имевшие педагогического образования, прошедшие лишь краткосрочные учительские курсы или не владевшие языками национальных меньшинств. В результате десятки польских, еврейских, немецких, литовских и русских школ были закрыты, реорганизованы в белорусские либо переведены на белорусский язык обучения [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5010. Л. 151, 153].

Дисперсный характер расселения национальных меньшинств выступал фактором, препятствовавшим обеспечению их полноценным школьным образованием на родном языке. В 1931/1932 уч. г. в национальных школах училось 37,8% евреев, 53% — поляков, 45,2% — украинцев, 59,3% — латышей, 56,8% — литовцев. В отдельных ситуациях органы власти разрешали еврейскому населению переводить детей в белорусские и русские школы с целью расширения их возможностей для получения специально-

стей в техникумах и университетах БССР, РСФСР и УССР либо по причине менее интенсивной антирелигиозной и политической агитации в данных учреждениях. Ввиду того, что татарское население в 1920–1930-е гг. преимущественно не использовало родной язык в повседневном общении, татарские школы не создавались. Одновременно отдельные татары на собраниях трудящихся высказывали желание обучать своих детей на национальном языке [НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 111. Л. 16].

В БССР осуществлялся выпуск печатной продукции на белорусском, еврейском (идиш), польском, литовском, латышском, немецком, русском, латинском языках. Русская литература поставлялась в основном из РСФСР, литература на идиш, польском, латышском, литовском, украинском, немецком, китайском, ассирийском, цыганском, английском и иных языках — из РСФСР и УССР. Издательские планы систематически не выполнялись в полном объеме, сохранялась высокая доля переводных изданий, часть печатной продукции оставалась невостребованной. В условиях борьбы с «национализмом» из библиотечных фондов изымались произведения многих классиков польской и еврейской литературы [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5178. Л. 379; НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5372. Л. 7, 12, 32]. В декабре 1924 г. был учрежден трест Белгоскино, обеспечивавший дублирование и перевод титров кинолент на белорусский, польский, русский, литовский, немецкий языки и идиш. Ввиду того, что на экранах БССР демонстрировалось большинство выпущенных в РСФСР звуковых кинокартин, ЦК КП(б)Б настаивал на необходимости выпуска продукции республиканской кинофабрики на белорусском языке и языках национальных меньшинств [Гнилякевич, 1932: 21].

Ликвидация учреждений и организаций национальных меньшинств БССР в 1934–1939 гг.

Утверждение курса на форсированное строительство социализма сопровождалось усилением командно-административных, централизаторских тенденций. Трансформация экономических основ советского общества неизбежно предопределяла унификацию социальной структуры и нивелирование ментальных различий. Пестрота национального состава объективно препятствовала процессам жесткой централизации и унификации всех сфер жизни. Свойственные тоталитарным режимам концентрация властных и экономических ресурсов, игнорирование этнонациональной и региональной специфики в ходе принятия важных государственных решений содействовали формированию гомогенного социума на основе интеграции разнообразных этнических групп, объединенных общими гражданскими идеалами и культурно-языковыми стандартами [Тишков, Шабает, 2011: 236].

В середине 1930-х гг. в советском партийно-государственном руководстве возобладало мнение, что исчезновение национальных особенностей, бытовых обычаев, культурно-языкового разнообразия, ассимиляция и «слияние» наций представляют собой прогрессивные явления в эпоху развёрнутого строительства социализма. 28 мая 1934 г. председатель ЦИК СССР М. И. Калинин заявил о том, что «еврейские местечки сейчас отживают свой век», а евреи «у нас дольше всего сохраняются в своей Еврейской области» и на заводах с большим процентом евреев» [Калинин, 1934: 7–14]. Кроме того, утратил актуальность вопрос о социалистической революции в Европе, отношения СССР с европейскими государствами осложнились. Осознание опасности за-

рубежного влияния перевесило стремление к пропаганде достижений национального строительства и способствовало возрастанию недоверия к связям национальных меньшинств с исторической родиной [Мартин, 2011: 555].

Радикальный поворот в национальном строительстве в БССР был связан с союзными директивами в сфере хлебозаготовок. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О сельскохозяйственных заготовках в Белоруссии» от 19 декабря 1932 г. констатировалось усиление «буржуазно-националистических элементов в БССР, прикрывающихся фальшиво-национальным флагом» [На крутом павароце, 1999: 148–149]. В постановлении ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 г. «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии» отмечалось, что «белорусские партийные и советские организации не ведут большевистской борьбы за основные принципы интернационализма и, в ряде случаев, потворствуют буржуазно-кулацким националистическим тенденциям». После принятия этого постановления началась ликвидация институтов национальных меньшинств. В конце 1933 г. направление дел в судебные органы «по одному национальному признаку» было объявлено грубым искажением национальной политики [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 6716. Л. 97–98]. В период с 3 февраля по 10 мая 1934 г. была прекращена деятельность польского клуба имени Розы Люксембург в Минске, а постановлением Президиума ЦИК БССР от 1 апреля того же года предписывалось ликвидировать национальные народные суды, начиная с июня [ГАМО Минск. Ф. 1424. Оп. 1. Д. 3. Л. 109–119].

26 июля 1934 г. в постановлении «О работе ЦК КП(б)Б и СНК БССР» ЦК ВКП(б) осудил «неправильную политику и практику насаждения в районах и селах с большинством белорусского населения польских школ и принудительное обучение белорусских детей на польском языке». Высшее партийное руководство обязало ЦК КП(б)Б «немедленно ликвидировать подобную практику, пересмотреть сеть и национальный характер школ в духе наибольшего обеспечения интересов белорусского языка». 1 августа 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) создало Комиссию под председательством члена ЦК ВКП(б) А. И. Стецкого для подготовки «предложений о польских районах и школах в УССР и БССР» [Советская этнополитика, 2012: 33].

Ликвидация учреждений и организаций национальных меньшинств осуществлялась в два этапа. В 1933–1937 гг. партийно-советские функционеры колебались в выборе генеральной стратегии в отношении национальных меньшинств, поэтому ликвидация их институтов не имела всеобъемлющего масштаба и сопровождалась действиями противоположного характера в поддержку их национальной идентичности. В данный период русское население перестало де-факто рассматриваться в качестве национального меньшинства, что обусловило сохранение государственного курса на удовлетворение его этнокультурных потребностей в БССР. Отсутствие четкой стратегии ЦК ВКП(б) и, следовательно, ЦК КП(б)Б порождало разноречивость в подходах партийно-государственных работников к работе среди нетитульного населения.

Так, 15 июля 1934 г. были расформированы районные и городские национальные комиссии, а также Национальная комиссия при Президиуме ЦИК БССР. Для работы среди нацменьшинств при Президиуме ЦИК БССР был учрежден Отдел национальностей во главе с А. Гельнером. В обязанности его инструкторов входила координация

работы наркоматов, РИК, городских и сельских Советов с национальными меньшинствами. Контроль за отделом был возложен на инструктора Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР по БССР. После 3 ноября 1934 г. были ликвидированы польский и еврейский секторы Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, 27 июня 1935 г. Еврейский зоотехникум в Курасовщине был реорганизован в белорусский зоотехникум [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 7744. Л. 77]. К 1936 г. были ликвидированы Дзержинский польский рабфак, польские группы Гомельского агропедагогического института. В то же время в августе 1935 г. был открыт Минский учительский институт национальностей [Новик, 1981: 176, 180].

Одновременно с реорганизацией одних национальных школ (классов) открывались другие национальные школы (классы), однако их общее число неуклонно уменьшалось [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 7205. Л. 20–22, 134]. 5 сентября 1934 г. в 19 районах БССР 51 польская школа была реорганизована в белорусскую, 4 польские школы — закрыты. 21 сентября 1934 г. в 21 районе БССР были закрыты 6 польских школ, 19 польских школ были переведены на белорусский язык. В Негорельском сельсовете, где большинство населения было польским по языку и самоидентификации, до 1935 г. не осталось ни одной польской школы [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 8365. Л. 77]. С начала 1934 г. до 1 сентября 1936 г. количество польских школ уменьшилось с 337 до 107, количество еврейских школ — с 327 до 196, латышских — с 24 до 12, литовских — с 13 до 9. В то же время в 1934/1935 уч. г. была открыта цыганская неполная средняя школа (НСШ) в Витебске [Матэрыялы к адчоту Віцебскага гарадскога Савета, 1934: 108], к началу 1935 г. в Ельском районе была построена немецкая НСШ. 15 июля 1936 г. — 13 января 1939 г. в Управлении начальной школы НКО БССР существовал Отдел небелорусских школ. 2 июля 1935 г. был создан Институт национальных меньшинств Белорусской академии наук путем слияния всех профильных национальных научных подразделений академии. Однако в соответствии с решением Комиссии Бюро ЦК КП(б)Б от 21 мая 1936 г. институт был ликвидирован в мае 1937 г. [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 9152].

В 1937–1939 гг. ликвидация учреждений и организаций национальных меньшинств приобрела последовательный характер. Конечной целью государственной политики являлась их аккультурация, денационализация и ассимиляция. Национальные меньшинства, в первую очередь имевшие государственные образования за пределами СССР, трактовались как потенциальная угроза государственной безопасности. Так, во время пленума ЦК КП(б)Б от 17–19 августа 1937 г. и. о. первого секретаря ЦК КП(б)Б А.А. Волков заявил: «Ничего, пускай [поляки] живут, работают, а вредить будут — возьмем на дачу» [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 10963. Л. 173]. В апреле 1938 г. жительница Смиловичского района К. Левашкевич заявила: «я на занятия [кружков по изучению Положения о выборах в Верховный Совет и Конституции БССР] не ходила и не пойду, так как там нас, поляков, не принимают, а арестовывают» [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 13220. Л. 8].

Социальной базой антисоветских настроений были объявлены поляки, католики, жители приграничных районов, уроженцы Польши (включая Западную Беларусь), латыши, литовцы, немцы, ассирийцы, татары, венгры и т.д. В конце 1930-х гг. ответственные и руководящие должности в Белорусской ССР занимали, как правило, белорусы, русские и евреи. 4 июля 1938 г. секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев сообщил И.В. Ста-

лину: «на крупнейшей районной электростанции Белгрэс сидели директором латыш, парторгом — поляк, их заменили» [Советское руководство, 1999: 393].

Лица, принимавшие ранее активное участие в обслуживании национальных меньшинств на их родном языке, были обвинены в «буржуазном национализме» и «изоляционизме», проведении «насильственной полонизации» и «насильственной идишизации». Так, 15 августа 1937 г. инструктор Отдела национальностей при ЦИК БССР М.А. Бернард была исключена из ВКП(б) Кагановичским РК КП(б)Б г. Минска за «подрывную работу в национальном отделе ЦИК БССР» и 19 октября 1938 г. была приговорена к заключению на 3 года. 14 октября 1937 г. был расстрелян бывший инструктор Отдела национальностей Президиума ЦИК БССР и ответственный работник Польского бюро ЦК КП(б)Б И.И. Вонсак. 29 октября 1937 г. были расстреляны еврейский деятель Х.М. Дунец (ранее обвинённый в том, что он превратил себя в «монополиста по еврейским делам»), ответственный редактор еврейского журнала «Штерн» И.Д. Харик. 17 декабря 1939 г. к 9 годам ссылки был приговорён бывший ответственный секретарь еврейского бюро ЦК КП(б)Б А.Г. Бейлин. Литература по тематике теории и практики национального строительства в СССР и БССР была конфискована и списана из библиотек [НАРБ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 394. Л. 52; НАРБ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 395. Л. 9; НАРБ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 396. Л. 11, 13, 102, 108].

Национальные административно-территориальные единицы, образовательные учреждения, колхозы, суды, печатные издания были объявлены инструментом антигосударственной работы «националистических элементов». Так, с принятием постановления ЦК ВКП(б) «О руководстве ЦК КП(б)Белоруссии» от 27 июля 1937 г., в котором власти БССР и Дзержинского района обвинялись в «насильственной полонизации» белорусов-католиков, ликвидация институтов национальных меньшинств БССР приобрела последовательный характер. Под давлением Комиссии по проверке республиканской партийной организации в составе Г.М. Маленкова и Я.А. Яковлева 28 июля 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б приняло решение «О ликвидации политики полонизации, проводившейся национал-фашистами», в соответствии с которым были ликвидированы Дзержинский польский район, оставшиеся польские сельские советы, школы, детские сады и иные учреждения [НАРБ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 11005. Л. 59–60]. К середине 1939 г. все национальные сельские и местечковые советы, национальные и интернациональные колхозы, кооперативы и промышленные артели БССР были расформированы или лишены национального статуса. Последним из национальных советов 20 апреля 1939 г. был ликвидирован Мальковский литовский сельсовет, в котором литовцы составляли 81,5% населения [НАРБ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 14487. Л. 2].

31 декабря 1937 г. в постановлении Бюро ЦК КП(б)Б «О хозяйственно-политическом положении Лиозненского района» национальные школы и классы были объявлены «гнёздами контрреволюционной работы». Были ликвидированы 1 эстонская НСШ, 1 литовская, 1 латышский комплект при белорусской школе, 4 латышские школы [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 11049. Л. 236 об.]. 3 июля 1938 г. П.К. Пономаренко подписал решение Бюро ЦК КП(б)Б «О реорганизации еврейских школ в Белоруссии в белорусские школы» (вопреки постановлению, значительная часть еврейских школ была реорганизована в русские). 27 августа 1937 г. и 7 июля 1938 г. Бюро ЦК КП(б)Б ликви-

дировало польские и еврейские детские сады и группы, 3 июля 1938 г. — Минское еврейское педагогическое училище, еврейские отделения Минского учительского института, Высшего педагогического института и БГУ [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 12986. Л. 30; НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 13267. Л. 168].

Постановление Президиума ЦИК БССР от 11 февраля 1938 г. «О ликвидации Отдела Национальностей Президиума ЦИК БССР» формально возложило обязанности по обслуживанию национальных советов на одного из инструкторов организационного отдела Президиума ЦИК БССР [Аб ліквідацыі Аддзела нацыянальнасцей, 1934]. В 1938 г. переселение белорусских евреев в Еврейскую автономную область было приостановлено. 6 апреля и 7 июля 1938 г. вышли постановления Президиума ЦИК БССР «О ликвидации Белкомзета при Президиуме ЦИК БССР». Его функции и дела были переданы Переселенческому отделу НКВД БССР и другим учреждениям. 17 июля 1938 г. Президиум ЦИК БССР распустил Белозет [Збор законаў, 1938].

Существенные изменения претерпела информационная и культурная инфраструктура на языках национальных меньшинств. В январе 1935 г. в БССР прекратилось радиовещание на эсперанто, литовском и латышском, в августе 1937 г. было остановлено вещание на польском языке, а к сентябрю — на идиш. В этот же период ликвидации подверглись национальные структуры в творческих организациях: в 1936 г. упразднили литовскую секцию Союза советских писателей БССР, а в августе 1937 г. — польскую. В 1938 — мае 1939 г. в республике вышло всего 10 небольших книг еврейских писателей. Еврейская секция, чей численный состав сократился примерно до 20 человек, продолжала функционировать до 1949 г. [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 13275]. Одновременно в августе 1937 г. закрылись польский и литовский секторы Государственного издательства Белоруссии. Постановлением СНК БССР от 7 марта 1939 г. обязанности редакции еврейской литературы были жестко ограничены выпуском оригинальной и переводной художественной литературы [Аб зацверджанні Палажэння, 1939: 108–109]. Из периодических изданий на идиш до 1941 г. в Минске сохранялись лишь журнал «Штерн» и газета «Октябрь».

В 1934–1938 гг. подверглись ликвидации либо реорганизации культурно-просветительские и культурно-досуговые учреждения, функционировавшие на языках национальных меньшинств. В 1936 г. прекратил работу Латышский театр БССР, а 4 марта того же года — Государственный польский театр БССР имени 11 июля. Позднее, 8 мая 1938 г., Бюро ЦК КП(б)Б приняло решение о переводе Государственного еврейского театра БССР из Минска в Витебск под предлогом необходимости обслуживания «периферии и районных центров БССР» [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 12400. Л. 244–245]. Однако заместитель заведующего культурно-просветительским отделом ЦК КП(б)Б Г. Н. Аронов сумел обосновать, что данная мера приведет к фактической ликвидации культурного учреждения [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 12451. Л. 94]. В результате театр продолжил работу в столице республики вплоть до своего закрытия в 1949 г.

Динамичные изменения в национальном строительстве нашли отражение в законодательстве. В принятой 19 февраля 1937 г. Конституции БССР подчеркивалось национальное равенство и право граждан на получение образования на родном языке, однако отсутствовало указание на существование национальных районов и сельсоветов,

на преимущественное использование белорусского языка в государственных и общественных институтах. Из текста документа были вычеркнуты положения о национальных меньшинствах, их языках и языковом равноправии в БССР, которые содержались в проекте Конституции БССР 1936 г. [Галадзед, 1937]. 7 июля 1938 г. Бюро ЦК КП(б) Б лишило польский язык и идиш статуса, равного белорусскому и русскому. В 1938 г., выступая в Минском педагогическом институте, нарком просвещения БССР В. И. Пивоваров заявил, что «русский язык — это основной государственный язык, белорусский и еврейский — это второстепенные, еврейскому языку обучают в Биробиджане, и кто хочет изучать еврейский язык, пусть тот едет в Биробиджан» [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 13225. Л. 250]. 27 июля 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило предложение ЦК КП(б)Б, согласно которому «государственными языками в Белорусской ССР являлись белорусский и русский». 28 июля 1938 г. первая сессия Верховного Совета БССР утвердила соответствующие изменения в 25-й и 119-й статьях Конституции БССР [ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос, 2005: 419].

Изменения в национальной политике в Западной Беларуси в 1939–1941 гг.

После воссоединения Западной Беларуси с БССР советская власть стремилась продемонстрировать приверженность принципам национального и культурно-языкового равноправия. В постановлении СНК БССР и ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по организации народного образования в западных областях БССР» от 1–2 декабря 1939 г. был провозглашен курс на удовлетворение национальных потребностей местного населения в образовательной сфере. В марте 1940 г., в соответствии с этнической структурой региона и пожеланиями учащихся и их родителей, в западных областях функционировало: 4192 белорусские школы (74,4%), 987 польских (17,5%), 173 русские (3,1%), 169 еврейских (3,0%), 63 литовские (1,1%), 49 украинских (0,9%) [Савецкая школа, 1940]. При этом русские школы нередко открывались в местностях, где данное этническое меньшинство полностью отсутствовало. Государственное издательство Белоруссии возобновило выпуск польской литературы для польского населения западных областей. С 20 сентября 1940 г. на польском языке выходили республиканская газета «Sztandar Wolności» (орган ЦК КП(б)Б) и 6 местных газет. В городах региона формировалась сеть драматических театров, работавших на белорусском, еврейском (идиш) польском и русском языках, хотя большинство театральных коллективов осуществляли постановки именно на русском языке. Организации художественного обслуживания в Белостокской области работали на польском, еврейском (идише) и русском языках [НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 17480. Л. 13].

Одновременно проявилась тенденция дискриминации польских школ, кадров польской национальности и польского населения со стороны отдельных работников, в том числе в местностях с компактным проживанием поляков. Недовольство жителей вызывала необоснованная замена учителей-поляков в польских школах русскими учителями, а также дискриминация польских школ на художественных конкурсах. В Граевском, Ломжинском, Крынковском, Заблудовском, Гродненском, Брянском и других районах Белостокской области поляки-агрономы были заменены специалистами из восточных областей [Вялікі, 1999: 106]. В Меньках, Соколке, Августове Белостокской области польские школы были административно переведены на русский язык. Летом 1940 г. в Ду-

ниловичском, Мядельском, Плисском, Бреславском, Поставском и других районах Вилейской области произошла «реорганизация 62 национальных школ, в том числе десяти еврейских школ, в русские, одной еврейской школы в белорусскую, одной польской школы в русскую, одной польской школы в белорусскую и 49 белорусских школ в русские... в административном порядке, без согласия и вопреки желанию большинства родителей, по указанию и настоянию облоно и районо» [ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос, 2005: 595].

С осложнением международной обстановки советская власть начала пересмотр подходов к решению национального вопроса. На совещании секретарей райкомов и начальников отделов НКВД БССР 19–20 сентября 1940 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко заявил о необходимости выдвижения кадров, которые бы владели польским языком. В постановлении Бюро ЦК КП(б)Б «Об упорядочении дела подбора и посылки работников в западные области БССР» от 17 октября 1940 г., а также в закрытом письме Бюро ЦК КП(б)Б к парторганизациям «О недостатках в работе партийных и советских организаций в западных областях Белоруссии» от 21 октября 1940 г. содержались требования не направлять работников в западные области без санкции ЦК КП(б)Б, налаживать глубокие связи с местным населением и обучать местные кадры [Вялікі, 1999: 81].

В целях поддержки учебных заведений национальных меньшинств были приняты постановления ЦК КП(б)Б «О фактах извращения ленинско-сталинской национальной политики в школьном строительстве в Белостокской области» от 30 октября 1940 г., бюро Белостокского обкома КП(б)Б «Об исправлении допущенных ошибок в национальной политике в школьном деле» от 5 ноября 1940 г., бюро Вилейского обкома КП(б)Б «О нарушении ленинско-сталинской национальной политики в школьном строительстве (Вилейская обл. БССР)» от 10 ноября 1940 г. и др. Немотивированная реорганизация школ была осуждена, многие решения пересмотрены. С 20 сентября 1940 г. на польском языке выходили республиканская газета «Standard Wolności» (орган ЦК КП(б)Б) и 6 местных газет. В феврале 1941 г. Наркомпрос БССР объявил набор на шестимесячные курсы с целью восполнить дефицит учителей для еврейских начальных школ [Жарина, 2010: 81]. Следует отметить, что в других областях БССР курс в отношении национальных меньшинств не изменился.

Заключение

В 1920–1933 гг. в работе с нетитульным населением можно выделить два направления. С одной стороны, советская власть осуществляла курс на воспитание и выдвижение кадров этнических меньшинств, обслуживание населения на родном языке, создание национальных советов, колхозов, судов, образовательных и прочих заведений и организаций, издание и распространение литературы на идиш, польском и прочих языках. С другой стороны, власти БССР резко усилили курс на интернационализацию коллективов промышленных и сельскохозяйственных предприятий, интернациональное воспитание рабочих масс и переселение еврейского населения. Негативное влияние на национальное строительство оказали проблемы этнической самоидентификации католического населения, противоречивые данные по русскому населению, а также снижение удельного веса еврейского населения.

В 1933–1937 гг. ликвидация учреждений и организаций этнических групп БССР не имела всеобъемлющего масштаба и сопровождалась мерами в поддержку их национальной идентичности. В 1937–1939 гг. ликвидация институтов национальных меньшинств приобрела последовательный характер, обслуживание нетитульного населения на родных языках было прекращено. После присоединения Западной Беларуси к БССР советская власть стремилась демонстрировать национальное и культурно-языковое равноправие и в то же время нередко воспроизводила этнополитические практики, сформировавшиеся в БССР к концу 1930-х гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БССР // Советское строительство. 1932. № 12. С. 147–150.
- Гнилякевич М. Нацмены Белорусской ССР // Революция и национальности. 1932. № 4. С. 18–27.
- Государственный архив Минской области (ГАМО Минск). Ф. 1424. Оп. 1. Д. 3.
- Жарина Л. В. Белорусизация в западных областях Белоруссии в 1939–1941 гг. // Труды БГТУ. Серия 5, История, философия, филология. 2010. С. 80–82.
- Калинин М. И. Об образовании Еврейской автономной области. М.: изд. и тип. изд-ва «Эмес», 1934. 23 с.
- Кантор Я. Национальное строительство среди евреев в СССР. М.: Власть Советов при През. ВЦИК, 1934. 198 с.
- Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Росс. пол. энц.; Фонд «През. центр Б. Н. Ельцина», 2011. 855 с.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 4668.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 4987.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5010.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5440.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5458.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5568.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5572.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 6196.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 6343.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 6716.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 7205.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 7744.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 7747.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 8365.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 9152.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 10917.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 10963.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 11005.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 11049.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 12400.
- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 12451.

- Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 12986.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 13220.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 13225.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 13267.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 13275.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 14487.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 17480.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 2564.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 2566.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 95.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 96.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 97.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 100.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 102.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 109.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 111.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1178. Оп. 1. Д. 394.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1178. Оп. 1. Д. 395.
Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1178. Оп. 1. Д. 396.
Новик Е. К. Формирование кадров народного образования Белоруссии (1917–1941 гг.). Минск: Наука и техника, 1981. 294 с.
Об организации польского национального района // Советское строительство. 1932. № 5. С. 147.
Пичуков В. П. Национальные меньшинства Гомельщины как социокультурный феномен (20–30-е гг. XX в.) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. Минск, 2010. Вып. 10. Ч. 1. С. 134–141.
Рабинович Я. И. В поисках судьбы: еврейский народ в круговороте истории. Москва: Международные отношения, 2001. Кн. 2. 576 с.
Сидоренко В. Н. Польское население БССР (1920–1930-х гг.): обзор опубликованных в советский период источников // Гістарычнаму факультэту — 20 гадоў. Гомель, 2009. С. 119–125.
Советская этнополитика, 1930–1940-е годы: сборник документов. М.: Издательский центр Института российской истории, 2012. 391 с.
Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 519 с.
Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. 232 с.
Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Моск. ун-ва, 2011. 376 с.
Хацкевич А. Советское строительство и разрешение национальной политики в БССР // Советское строительство. 1931. № 9. С. 120–130.

ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. Кн. 2.: 1933–1945. 1095 с.

Аб зацверджанні Палажэння, структуры і штатаў Дзяржаўнага выдавецтва БССР // Збор пастаноў і распараджэнняў Урада Беларускай Совецкай Соцыялістычнай Рэспублікі. 1939. № 12. С. 107–119.

Аб зменах і дапаўненнях арт. арт. і аб скасаванні арт. арт. ... Канстытуцыі (Асноўнага Закона) Беларускай ССР // Збор законаў і распараджэнняў рабоча-сялянскага ўрада Беларускай Соцыялістычнай Совецкай Рэспублікі. 1934. № 21. С. 2 (на белорус. яз).

Аб ліквідацыі Адрэзала нацыянальнасцей Прэзідыума ЦВК БССР // Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўрада Беларускай Соцыялістычнай Совецкай Рэспублікі. 1938. № 2. С. 29 (на белорус. яз).

Беларусізацыя, 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. Мінск: БДУ, 2001. 270 с. (На белорус. яз)

Вялікі А. Кадровая палітыка КП(б)Б у Заходняй Беларусі ў 1939–1941 гг. // Назаўсёды разам: да 60-годдзя ўз'яднання Заход. Беларусі з БССР. Мінск, 1999. С. 102–108 (на белорус. яз).

Галадзед М. М. Аб праекце новай канстытуцыі Беларускай ССР // Большэвік Беларусі. 1937. № 2. С. 6–28 (на белорус. яз).

Збор законаў і распараджэнняў рабоча-сялянскага ўрада Беларускай Соцыялістычнай Совецкай Рэспублікі. 1938. № 13. 15 с. (На белорус. яз).

Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі. Менск: выданьне Цэнтр. Вык. Камітэту Б. С. С. Р., 1927. 56 с. (На белорус. яз).

Лыч А. М. Міжваенная беларусізацыя і яе ўрокі. Мінск: б. в., 2014. 233 с. (На белорус. яз)

Матэрыялы к адчоту Віцебскага гарадскога Савета рабочых і чырвонаармейскіх дэпутатаў склада 1930–1934 гг. Віцебск: друкарня Комінтэрн, 1934. 142 с. (На белорус. яз)

На крутым павароце. Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929–1931 гг. Дакументы, матэрыялы, аналіз / аўт. — склад. Р. П. Платонаў. Мінск: НДІДАС, 1999. 384 с. (На белорус. яз)

Пастанова Народнага камісарыяту Юстыцыі БССР. Натарыяльная інструкцыя // Бюлетэнь Народных Камісарыятаў і Цэнтральных устаноў Беларускай ССР. 1932. № 5. С. 4 (на белорус. яз).

Пра арганізацыю нацыянальных камісій пры гарадзкіх саветах і пры раённых выканаўчых камітэтах // Збор законаў і распараджэнняў рабоча-сялянскага ўрада Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі. 1931. № 41. С. 1–3 (на белорус. яз).

Пра рэарганізацыю існуючых у БССР судовых нацыянальных камэр // Збор законаў і распараджэнняў рабоча-сялянскага ўрада Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі. 1931. № 5. С. 7 (на белорус. яз).

Савецкая школа. 1940. № 1–2. 25 с. (На белорус. яз)

References

BSSR [BSSR]. *Sovetskoe stroitel'stvo* [Soviet construction]. 1932, no. 12, p. 147–150 (in Russian).

Gnilyakevich M. Natsmeny Belorusskoi SSR [National minorities of the Byelorussian SSR]. *Revolutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. 1932, no. 4, pp. 18–27 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Minskoi oblasti (GAMO Minsk) [State Archives of the Minsk Region]. Fund 1424. Inv. 1. File 3 (in Russian).

Kalinin M. I. *Ob obrazovanii Evreiskoi avtonomnoi oblasti* [On the formation of the Jewish Autonomous Oblast]. Moscow: izd. i tip. izd-va “Ehmes”, 1934, 23 p. (in Russian).

Kantor Ya. *Natsional'noe stroitel'stvo sredi evreev v SSSR* [Nation-building among Jews in the USSR]. Moscow: “Vlast' Sovetov” pri Prez. VTSIK Publ., 1934, 198 p. (in Russian).

Khatskevich A. Sovetskoe stroitel'stvo i razreshenie natsional'noi politiki v BSSR [Soviet construction and resolution of national policy in the BSSR]. *Sovetskoe stroitel'stvo* [Soviet construction], 1931, no. 9, pp. 120–130 (in Russian).

Martin T. *Imperiya “polozhitel'noi deyatelnosti”. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: Russian Political Encyclopedia; B. N. Yeltsin Presidential Center Foundation, 2011, 855 p. (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 4668 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 4987 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 5010 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 5440 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 5458 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 5568 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 5572 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 6196 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 6343 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 6716 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 7205 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 7744 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 7747 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 8365 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 9152 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 10917 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 10963 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 11005 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 11049 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 12400 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 12451 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 12986 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 13220 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 13225 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 13267 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 13275 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 14487 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 4-p. Inv. 1. File 17480 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 6. Inv. 1. File 2564 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 6. Inv. 1. File 2566 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 701. Inv. 1. File 95 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 701. Inv. 1. File 96 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 701. Inv. 1. File 97 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 701. Inv. 1. File 100 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 701. Inv. 1. File 102 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 701. Inv. 1. File 109 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 701. Inv. 1. File 111 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 1178. Inv. 1. File 394 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 1178. Inv. 1. File 395 (in Russian).

Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [The National Archives of the Republic of Belarus]. Fund 1178. Inv. 1. File 396 (in Russian).

Novik E. K. *Formirovanie kadrov narodnogo obrazovaniya Belorussii (1917–1941 gg.)* [Formation of public education personnel in Byelorussia (1917–1941)]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1981, 294 p. (in Russian).

Ob organizatsii pol'skogo natsional'nogo raiona [About the organization of the Polish National District]. *Sovetskoe stroitel'stvo* [Soviet construction]. 1932, no. 5, p. 147 (in Russian).

Pichukov V. P. *Natsional'nye men'shinstva Gomel'shchiny kak sotsiokul'turnyi fenomen (20–30-e gg. XX v.)* [National minorities of the Gomel region as a socio-cultural phenomenon (1920s-1930s)]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki: sb. nauch. st.* [Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological-pedagogical sciences: collection of scientific articles]. Minsk, 2010, iss. 10, pt. 1, pp. 134–141 (in Russian).

Rabinovich Ya. I. *V poiskakh sud'by: evreiskii narod v krugovorote istorii* [In Search of Destiny: The Jewish People in the Cycle of History]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001, book 2, 576 p. (in Russian).

Sidorenko V. N. *Pol'skoe naselenie BSSR (1920–1930-kh gg.): obzor opublikovannykh v sovetskii period istochnikov* [The Polish population of the BSSR (1920–1930s): a review of sources published during the Soviet period]. *Gistarychnamu fakul'tetu — 20 gadov* [The Faculty of History is 20 years old]. Gomel, 2009, pp. 119–125 (in Russian).

Sovetskaya ehtnopolitika, 1930–1940-e gody: sbornik dokumentov [Soviet Ethnic Policy, 1930s-1940s: A Collection of Documents]. Moscow: The Publishing Center of the Institute of Russian History, 2012, 391 p. (in Russian).

Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928–1941 gg. [Soviet leadership. Correspondence. 1928–1941 gg.] Moscow: ROSSPEN, 1999, 519 p. (in Russian).

Stalin I. V. *Marksizm i natsional'no-kolonial'nyi vopros* [Marxism and the national and colonial question]. Moscow: Partizdat TSK VKP(b), 1937, 232 p. (in Russian).

Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. *Ehtnopolitologiya: politicheskie funktsii ehtnichnosti* [Ethnopolitical science: political functions of Ethnicity]. Moscow: MSU Publ., 2011, 376 p. (in Russian).

TsK RKP(b) — VKP(b) i natsional'nyy vopros: sbornik [The CC of the RCP (b) — CPSU(b) and the national question: collection]. Moscow: ROSSPEN, 2005, book 2: 1933–1945, 1095 p. (in Russian).

Zharina L.V. Belorusizatsiya v zapadnykh oblastyakh Belorussii v 1939–1941 gg. [Belarusianization in the western regions of Byelorussia in 1939–1941]. *Trudy BGTU. Seriya 5, Istoriya, filosoﬁya, ﬁlologiya* [Proceedings of BSTU. Series 5. History, Philosophy, Philology], 2010, pp. 80–82 (in Russian).

Ab likvidatsyi Addzela natsyyanal'nastsei Prehzydyuma TSVK BSSR [On the liquidation of the Department of Nationalities of the Presidium of the Central Executive Committee of the BSSR]. *Zbor zakonaw i zagadaw rabocha-syalyanskaga wradu Belaruskai Sotsyyalistychnai Sovetskai Rehspubliki* [Collection of resolutions and orders of the Government of the Belarusian Soviet Socialist Republic]. 1938, no 2, p. 29 (in Belarusian).

Ab zatsverdzhanni Palazhehnnya, struktury i shtataw Dzyarzhawnaga vydavetstva BSSR [On approval of the Regulations, structure and staff of the State Publishing House of the BSSR]. *Zbor pastanow i rasparadzhennyaw Urada Belaruskai Sovetskai Sotsyyalistychnai Rehspubliki* [Collection of resolutions and orders of the Government of the Belarusian Soviet Socialist Republic]. 1939, no 12, pp. 107–119 (in Belarusian).

Ab zmenakh i dapawnennyyakh art. art. i ab skasavanni art. art. ... Kanstytutsyi (Asnownaga Zakona) Belaruskai SSR [On amendments and additions to articles and on the abolition of articles of the Constitution (Fundamental Law) of the Belarusian SSR]. *Zbor zakonaw i rasparadzhennyaw rabocha-syalyanskaga wrada Belaruskai Sotsyyalistychnai Sovetskai Rehspubliki* [Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government of the Belarusian Socialist Soviet Republic]. 1934, no. 21, p. 2 (in Belarusian).

Belarusizatsyya, 1920-ya gady: Dakumenty i matehryyaly [Belarusianization, 1920s: Documents and materials]. Minsk: BDU, 2001, 270 p. (In Belarusian).

Galadzed M.M. Ab praektse novai kanstytutsyi Belaruskai SSR [About the draft of the new Constitution of the Belarusian SSR]. *Balshavik Belarusi* [Bolshevik of Belarus]. 1937, no. 2, pp. 6–28 (in Belarusian).

Kanstytutsyya (Asnowny zakon) Belaruskai Satsyyalistychnae Savetskai Rehspubliki [Constitution (Basic Law) of the Belarusian Socialist Soviet Republic]. Minsk: vydan'ne Tsehntr. Vyk. Kamitehtu B.S. S. R., 1927, 56 p. (in Belarusian).

Lych L.M. *Mizhvaennaya belarusizatsyya i yae wroki* [Interwar Belarusization and its lessons]. Minsk, 2014, 233 p. (In Belarusian).

Matehryyaly k adchotu Vitsebskaga garadskoga Soveta rabochykh i chyrvonaarmeiskikh deputataw sklada 1930–1934 gg. [Materials for the report of the Vitsebsk City Council of Workers' and Red Army Deputies of the 1930–1934 generation]. Vitsebsk: drukarnya Komintehr, 1934, 142 p. (In Belarusian).

Na krutym pavarotse. Ideolaga-palitychnaya barats'ba na Belarusi w 1929–1931 gg. Dakumenty, materyyaly, analiz [On a sharp turn. Ideological-political struggle in Belarus in 1929–1931. Documents, materials, analysis]. Minsk: NDIDAS, 1999, 384 p. (In Belarusian).

Pastanova Narodnaga kamisaryyatu Yustytsyi BSSR. Nataryyal'naya instruktsyya [Resolution of the People's Commissariat of Justice of the BSSR. Notarial instruction]. *Byuleteh' Narodnykh Kamisaryyataw i Tsehntral'nykh ustanow Belaruskai SSR* [Bulletin of the People's Commissariats and Central Institutions of the Belarusian SSR]. 1932, no. 5, p. 4 (in Belarusian).

Pra arganizatsyyu natsyyanal'nykh komisii pry garadzkikh savetakh i pry raennyykh vykanawchykh kamitehtakh [On the organization of national commissions under city councils and under district executive committees]. *Zbor zakonaw i rasparadzhehn'nyaw rabocha-syalyanskaga wradu Belaruskai Satsyyalistychnai Savetskai Rehspubliki* [Collection of laws and regulations of the workers' and peasants' government of the Belarusian Socialist Soviet Republic]. 1931, no 41, pp. 1–3 (in Belarusian).

Pra reharganizatsyyu isnuyuchykh u BSSR sudovykh natsyyanal'nykh kamehr [On the reorganization of the national judicial chambers existing in the BSSR]. *Zbor zakonaw i rasparadzhehn'nyaw rabocha-syalyanskaga wradu Belaruskai Satsyyalistychnai Savetskai Rehspubliki* [Collection of laws and decrees of the workers' and peasants' government of the Belarusian Socialist Soviet Republic]. 1931, no. 5, p. 7 (in Belarusian).

Savetskaya shkola [Soviet school]. 1940, no. 1–2 (in Belarusian).

Vyaliki A. Kadravaya palityka KP (b) B u Zakhodnyai Belarusi w 1939–1941 gg. [Personnel policy of the CP (b) B in Western Belarus in 1939–1941]. *Nazawsedy razam: da 60-goddzya wz'yadnannya Zakhod. Belarusi z BSSR* [Forever together: to the 60th anniversary of the reunification of Western Belarus with the BSSR]. Minsk, 1999, pp. 102–108 (in Belarusian).

Zbor zakonaw i zagadaw rabocha-syalyanskaga wrada Belaruskai Satsyyalistychnai Savetskai Rehspubliki [Code of laws and orders of the workers' and peasants' government of the Belarusian Socialist Soviet Republic]. 1938, no 13, 15 p. (in Belarusian).

Статья поступила в редакцию: 02.06.2026

Принята к публикации: 06.09.2026

Дата публикации: 30.09.2026

УДК 94 (470.1/2) "1939/1959"
DOI 10.14258/nreur(2026)3–10

Н. В. Чернышева

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва (Россия)

А. И. Ажигулова

*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва (Россия),
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»,
Оренбург (Россия)*

ЭТНИЧЕСКОЕ БОЛЬШИНСТВО И ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ РСФСР: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И СПЕЦИФИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА В 1939–1959 ГГ.

В статье анализируется воспроизводство населения этнического большинства и этнических меньшинств Северо-Запада РСФСР в 1939–1959 гг. За основу исследования были взяты результаты Всесоюзных переписей 1939 г. и 1959 г., а также архивные материалы статистических сведений ЦСУ СССР. Авторы рассмотрели региональную и этническую специфику воспроизводства населения Северо-Запада РСФСР в условиях второго этапа демографического перехода. Демографический переход в СССР в первой половине XX в. имел свои особенности, такие события, как социально-экономические преобразования 1930-х гг., Великая Отечественная война, изменение территориальных границ, обусловили его прерывистость. За рассматриваемый хронологический период этническая картина Северо-Запада РСФСР изменилась в результате миграционных процессов, последствий оккупации в военные годы, ассимиляции. Обзор процессов воспроизводства у этнических меньшинств Северо-Запада РСФСР позволил выявить различия в демографическом поведении при соответствии общим тенденциям, характерным второму этапу демографического перехода. Этническое большинство в данном регионе составляли русские, определявшие показатели воспроизводства населения.

Ключевые слова: воспроизводство населения, народы СССР, этническое большинство, этническое меньшинство, Всесоюзная перепись населения, Северо-Запад РСФСР, СССР.

Для цитирования:

Чернышева Н. В., Ажигулова А. И. Этническое большинство и этнические меньшинства Северо-Западной части РСФСР: общие тенденции и специфика воспроизводства в 1939–1959 гг. // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 165–188.
[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–10](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–10)

Чернышева Наталья Викторовна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **Адрес для контактов:** natiche84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>

Ажигулова Альбина Исламовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет». **Адрес для контактов:** azhigylova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1345-8447>

N. V. Chernysheva,

Institute of Social Demography, FNISC RAS, Moscow (Russia)

A. I. Azhigulova

Institute of Social Demography, FNISC RAS, Moscow (Russia); Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State Pedagogical University," Orenburg (Russia)

ETHNIC MAJORITY AND ETHNIC MINORITIES IN THE NORTHWESTERN PART OF THE RSFSR: GENERAL TRENDS AND SPECIFIC FEATURES OF POPULATION REPRODUCTION, 1939–1959

The article analyzes the reproduction of the population of the ethnic majority and ethnic minorities of the North-West of the RSFSR in 1939–1959. The research was based on the results of the All-Union censuses of 1939 and 1959, as well as archival materials of statistical information from the Central Statistical Office of the USSR. The authors examined the regional and ethnic specifics of the reproduction of the population of the North-West of the RSFSR in the conditions of the second stage of demographic transition. The demographic transition in the USSR in the first half of the 20th century had its own peculiarities, such events as the socio-economic transformations of the 1930s, the Great Patriotic War, and changes in territorial borders caused its discontinuity. During the chronological period under review, the ethnic picture of the North-West of the RSFSR has changed as a result of migration processes, the effects of occupation during the war years, and assimilation. A review of the reproduction processes among ethnic minorities in the North-West of the RSFSR revealed differences in demographic behavior in accordance with the general trends characteristic of the second stage of the demographic transition. The ethnic majority in this region were Russians, who determined the reproduction rates of the population.

Keywords. Population reproduction, peoples of the USSR, ethnic majority, ethnic minority, All-Union Population Census, North-West of the RSFSR, USSR.

For citation:

Chernysheva N. V., Azhigulova A. I. Ethnic Majority and Ethnic Minorities in the Northwestern Part of the RSFSR: General Trends and Specific Features of Population Reproduction, 1939–1959. *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no, 3, pp. 165–188
[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–10](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–10)

Chernysheva Natalia Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow at the Institute of Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact address: natche84@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>

Azhigulova Albina Islamovna, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow at the Institute of Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Associate Professor at the Department of World History and Methods of Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University. **Contact address:** azhigylova@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-1345-8447>

Введение

Северо-Западные территории России являются стратегически важным регионом для страны. Близость расположения к политическому центру, пограничность территории, природно-климатические условия менталитет, национальных меньшинств влияют на развитие региона. В 1930–1950-е гг., в СССР происходила череда событий, во многом определивших последующее демографическое развитие страны. Социально-экономическая модернизация, голод 1932–1933 гг., политические репрессии, Советско-финская война, Великая Отечественная и Вторая мировая войны, послевоенное восстановление, административно-территориальные изменения — все это стало причиной изменения численности населения, гендерного дисбаланса, существенно повлияло на воспроизводство и способствовало миграции населения.

Данный хронологический отрезок характеризуется вторым этапом демографического перехода в СССР, сопровождавшимся снижением смертности на фоне высокой рождаемости. Однако у отдельных народов данные тенденции имели свою специфику, усиливающуюся по мере наступления третьего этапа — снижения уровня рождаемости. Для СССР (и России в частности) демографический переход имеет свою специфику — прерывистость, а также региональные различия. Важным фактором, способствовавшим данной прерывистости, был военный, а наиболее существенным событием — Великая Отечественная война. В период Великой Отечественной войны территория Северо-Запада была зоной боевых действий, ее регионы были оккупированы врагом полностью или частично, или находились в тылу. Кроме того, произошли суще-

ственные территориальные изменения. Этническая картина за двадцать лет несколько изменилась, однако русские оставались этническим большинством, при этом в Северо-Западной части РСФСР проживали малочисленные и многочисленные народы.

Цель статьи заключается в выявлении тенденций воспроизводства представителей основных этнических групп, в том числе численного большинства и меньшинства, на Северо-Западе РСФСР в 1930–1950-е годы.

В издании «Народы и религии мира» под редакцией В.А. Тишкова под «этническим меньшинством» понимается «численно, культурно и политически не доминирующая этническая группа в государстве» [Народы, 1998]. Используем его применительно к отдельному региону. Исходя из данного широкого понятия, в противовес ему применим термин «этническое большинство».

В статье анализируются регионы Северо-Запада РСФСР — Карельская АССР, Коми АССР, Мурманская, Ленинградская, Архангельская (с Ненецким НО), Вологодская, Калининградская, Новгородская, Псковская области и г. Ленинград.

В изучаемый период на территории Северо-Запада РСФСР продолжились административно-территориальные преобразования. Они исходили из доставшегося наследия времен Российской империи и Гражданской войны. К 1939 г. район подвергся территориальному реформированию в рамках первой (1923–1929 гг.) и второй советской реформы (первая фаза 1930–1939 гг.) административно-территориального деления. В период Великой Отечественной войны с освобождением оккупированных территорий государство возвращается к вопросам их администрирования. Начинается вторая фаза разукрупнения областей (1943–1954 гг.), а с 1957 г. наступает стадия устойчивого равновесия системы административно-территориального деления.

В 1920 г. создана Карельская трудовая коммуна, просуществовавшая до 1923 г. и преобразованная в Автономную Карельскую Социалистическую Советскую республику, переименованную в 1936 г. в Карельскую АССР. В марте 1940 г. из присоединенных восточных участков Финляндии и Карельской АССР была образована Карело-Финская АССР, которая была выведена из состава РСФСР, став до июля 1956 г. союзной республикой. Далее она была упразднена и включена вновь в состав РСФСР в статусе Карельской АССР [Тархов, 2005: 84, 93].

В 1921 г. была создана Северо-Западная область, включавшая Петроградскую, Новгородскую, Псковскую, Череповецкую, Мурманскую губернии и Карелию, которые сохраняли при этом самостоятельность в административном плане [Манаков, 2015: 74].

В 1924 г. Петроградская губерния была переименована в Ленинградскую, а г. Петроград — в г. Ленинград [Тархов, 2005: 76]. В 1927 г. создан Северо-Западный край, который по итогам организации получил наименование Ленинградская область. В нее входили Ленинградская, Псковская, Новгородская, Мурманская, Череповецкая губернии [Манаков, 2015: 77]. В мае 1938 г. Мурманский округ был выведен из состава Ленинградской области в самостоятельную Мурманскую область. В 1931 г. Ленинград стал городом республиканского подчинения РСФСР. В 1935 г. пять районов Ленинградской области были отданы в состав образованной Калининской области.

В период 1918–1929 гг. в составе РСФСР существовала Северо-Двинская губерния, созданная из пяти районов Вологодской губернии. В 1921 г. из восточных частей Ар-

хангельской и Северо-Двинской губерний была образована Автономная область Коми (Зырян). В 1929 г. был образован Северный край с центром в г. Архангельске, куда вошли упраздненные Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии. В Северный край вошла также Автономная область Коми (Зырян), которая после 1936 г. получает статус АССР [Тархов, 2005: 77–78]. В 1936–1937 гг. была образована Северная область. Осенью 1937 г. Северная область будет разделена на Архангельскую и Вологодскую, в состав последней будут переданы 18 районов Ленинградской области.

В июле-августе 1944 г. образуются Великолукская, Новгородская, Псковская области. В 1957 г. Великолукская область была упразднена, ее территория разделена между Псковской и Калининской областями. Новгородская и Псковская области будут выделены из Ленинградской области [Манаков, 2015: 82].

В ноябре 1944 г. территория Ленинградской области получила приращение за счет вхождения в ее состав Карельского перешейка, а также Ивангорода и четырех волостей Эстонской ССР. К началу 1945 г. в Псковскую область переданы земли из Эстонской и Латвийской ССР [Манаков, 2015: 82].

Северо-Западная часть РСФСР расширилась за счет присоединения к СССР ряда территорий. В 1920–1940 гг. район Печенги (Петсамо) являлся территорией интересов СССР и Финляндии. В 1944 г. район был занят Советской армией, затем передан в состав РСФСР (Мурманская область). В северных районах Восточной Пруссии, присоединенных к СССР в 1945 г., в апреле 1946 г. была образована Кенигсбергская область, переименованная в июле того же года в Калининградскую [Маслов, 2014: 99–109].

Историография и источниковая база исследования

В качестве источниковой базы для исследования послужили результаты Всесоюзных переписей населения 1939 г. и 1959 г., которые содержат сведения о численности, составе населения, его расселении. Были привлечены архивные материалы учета естественного движения населения, представленные формами 1, 1а и 3. В форму 3 входили сведения о естественном движении населения таких народов, как: русские, украинцы, белорусы, казахи, армяне, татары, евреи, в зависимости от региональной специфики могли быть включены и другие народности. Укажем, что сведения 1939 г. нельзя считать в полной мере точными, так как, несмотря на в целом сложившуюся к концу 1930-х годов в СССР систему статистического учета населения, в ней присутствовали погрешности. Точность учета значительно различалась в советских республиках, так же, как в отдельных регионах. Недочет имел место в показателях младенческой смертности, когда родители так же, как и органы здравоохранения, могли не фиксировать рождение мертвого ребенка. Также по отдельным регионам и народам имеется явный процент недоучета, так как показатели воспроизводства в 1939 г. сильно варьируются.

Из опубликованных источников использовались статистические сборники результатов переписей населения [Всесоюзная, 1992; Итоги, 1963], административно-территориального деления [РСФСР, 1940], справочно-энциклопедическая литература [Кольская; Народы, 1998; Санкт-Петербург, 2003; Статистика, 2002] и электронный ресурс Демоскоп (<https://www.demoscope.ru>).

Научная литература по исследуемой проблеме представлена общесоюзными, республиканскими и региональными трудами. Подробный анализ численности, на-

ционального состава и других демографических характеристик представлен в труде «Население России в XX в.: исторические очерки» [Население, 2000; Население, 2001]. В.А. Исуповым проанализирована демографическая ситуация в РСФСР в 1930–1950-е гг. [Исупов, 2000; Исупов, 2015; Исупов, 2022]. При изучении трансформации административно-территориального деления РСФСР и Северо-Западной ее части авторы опирались на труды С.А. Тархова [Тархов, 2005; Тархов, 2003], Ю. Перельгина [Статистика, 2002], А.Г. Манакова [Манаков, 2015; Манаков, 2016а; Манаков, 2016б], В.Н. Маслова [Маслов, 2014]. Использовались работы В.Н. Земскова [Земсков, 2024] и Н.А. Морозова [Морозов, 1997], посвященные спецконтингенту.

Основной пласт работ затрагивает региональную тематику. Среди них можно выделить: во-первых, этнодемографические исследования Н.В. Чернышевой, Е.А. Ситниковой, А.И. Ажигуловой [Чернышева, 2025], И.Л. Жеребцова, Е.Н. Рожкина, И.И. Лейман [Жеребцов, 2018], В.В. Фаузера [Фаузер, 2023], И.И. Калачевой [Калачева, 2017], Т.С. Киссер [Киссер, 2018] и др.; во-вторых, миграционную тематику в работах Н.П. Бессоновой, И.А. Жеребцова, В.А. Саблина [Бессонова, 2023], Н.В. Чернышевой [Чернышева, 2025]; в-третьих, исследования, затрагивающие демографическую проблематику (Д.В. Манкевич [Манкевич, 2013; Манкевич, 2014; Манкевич, 2022], О.В. Ильина [Ильина, 2011], Н.Ю. Иванченко [Иванченко, 2007]).

Методология и методика исследования

За основу исследования была взята теория демографического перехода, позволяющая объяснить смену типов воспроизводства населения. Авторами данной теории являются А. Ландри, Ф. Ноутстайн, из отечественных исследователей подробно описал взаимосвязь социального и демографического развития А.Г. Вишневский [Вишневский, 1976]. В России демографический переход сопровождался специфическими детерминантами, которые обусловили его прерывистость [Жиромская, 2012], региональные, этнодемографические особенности также имели место.

Применялись общенаучные методы описания, сравнения, анализа. В качестве частнонаучных методов использовались историко-хронологический, историко-системный, позволившие провести исследования исходя из исторической последовательности с учетом общей демографической тенденции, статистический, с помощью которого производились расчеты демографических показателей.

Анализ численности и национального состава населения северо-западных регионов РСФСР

Анализ численности населения осуществлен с учетом спецконтингента, так как сведения о добавлении спецконтингента по национальному признаку отсутствуют и выделить их для более точных расчетов, в том числе по остальным данным, невозможно.

В 1939 г. численность населения СССР без спецконтингента составляла 165,5 млн чел., в РСФСР — 106,9 млн чел., с учетом спецконтингента — 170,6 млн чел. и 109,4 млн чел. соответственно [Всесоюзная, 1992: 22; Всесоюзная, 1999: 21; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность наличного населения СССР по...].

На территории северо-западных регионов РСФСР проживало 10,3 млн чел., или 9,5% от населения Российской республики (см. Таблица 1).

Таблица 1

**Численность и удельный вес населения Северо-Запада РСФСР согласно
Всесоюзной переписи населения 1939 г.¹**

Table 1

**The number and proportion of the population of the North-West of the RSFSR
according to the All-Union Population Census of 1939²**

Терр. ед.	Численность, чел.	Доля в численности населения РСФСР, %
Архангельская область с Ненецким НО	1216730	1,11
Вологодская область	1661285	1,52
Карельская АССР	468898	0,43
Коми АССР	318996	0,29
г. Ленинград	3191304	2,92
Ленинградская область	3240748	2,96
Мурманская область	291178	0,27
Итого	10389139	9,5

В 1930-е гг. Северо-Запад РСФСР входил в число районов, где находилась сеть исправительно-трудовых лагерей. Смертность среди спецпоселенцев была значительно выше остального населения. В 1930-е годы удельный вес спецпоселенцев РСФСР составлял в Северном крае 7,4%, в Ленинградском военном округе — 3,0%, сюда направлялись в «кулацкую ссылку» крестьяне [Земсков, 2019: 10, 16, 20]. С 1938 г. по 1950 г. на территории Архангельской области и Коми АССР располагался Северный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь НКВД. В 1938 г. Ухто-Печерский лагерь насчитывал 89 тыс. заключенных [Морозов, 1997: 21], Ухто-Ижемский лагерь — 30,4 тыс. чел. [Морозов, 1997: 32]

Социально-экономическая модернизация 1930-х гг. в СССР способствовала масштабным миграционным волнам. В 1930-е гг. миграция в Карельской АССР обеспечивала две трети прироста населения республики. Миграции преимущественно будут определять изменения численности населения Коми АССР в период с 1927 г. до 1956 г., особенно в 1951–1955 гг. [Фаузер, 2023: 12] Разнонаправленными будут миграции населения в г. Ленинграде и Ленинградской области. С одной стороны, в 1930-е годы в процессе индустриализации данные территории будут регионами с большим миграционным притоком, с другой — в ряде областей Северо-Запада РСФСР и непосредственно в г. Ленинграде в силу внешнеполитических причин в 1939 г. был миграционный отток [Исупов, 2022: 75–76].

Миграционные потоки Северо-Запада РСФСР в основном шли в города, что касается сельской местности, то она характеризовалась малонаселенностью. Наиболее низкая плотность населения была в Архангельской области и Коми АССР — 1,0 и 0,8 че-

¹ Сост. по: [Всесоюзная, 1999: 21–23]

² Comp. by: [Vsesoyuznaya..., 1999: 21–23].

ловек на 1 кв. км, в Вологодской области плотность сельского населения составляла 5,9 человек на 1 кв. км [Ильина, 2011: 17].

В Мурманской области с конца 1920-х годов в связи с активным освоением природных ресурсов среднегодовой прирост населения составлял 28,6 тыс. чел., в 1940 г. численность населения возросла в 16,7 раза по сравнению с 1920 г. (до 318,4 тыс. чел.). В 1945–1958 гг. среднегодовой прирост населения составлял 27,8 тыс. чел., 72% за счет миграции (20,0 тыс. чел.) [Кольская энциклопедия. Демографическое развитие и этнические процессы...].

Таблица 2

**Численность и удельный вес населения Северо-Запада РСФСР
согласно Всесоюзной переписи населения 1959 г.³**

Table 2

**The number and proportion of the population of the North-West of the RSFSR
according to the All-Union Population Census of 1959⁴**

Терр. ед.	Численность, чел.	Доля в численности населения РСФСР, %
Архангельская область с Ненецким национальным округом	1275839	1,09
Вологодская область	1307531	1,11
Калининградская область	610885	0,52
Карельская АССР	651346	0,55
Коми АССР	806199	0,69
г. Ленинград	3321196	2,83
Ленинградская область	1244991	1,06
Мурманская область	567672	0,48
Новгородская область	736529	0,63
Псковская область	951866	0,8
Итого	11474054	9,76

В 1959 г. население РСФСР составило 117,5 млн чел., из них население Северо-Запада — 11,4 млн чел., или 9,76% (см. Таблица 2). Разница в удельном весе населения Северо-Западного района между переписями 1939 г. и 1959 г. незначительна, несмотря на то, что он территориально увеличился.

Регионы Северо-Запада РСФСР были полностью или частично оккупированы, г. Ленинград пережил период блокады, в тылу население испытало повседневные тяготы войны. Приведем лишь некоторые данные (Таблица 3 и Таблица 4).

По оценкам Н. Ю. Иванченко, за годы войны только из Ленинградской области в рабство было угнано 293,1 тыс. чел., возвратилось обратно только 52,6 тыс. чел. [Иванченко, 2007: 89].

³ Сост. по: [Итоги, 1963: 25]

⁴ Comp. by: [Itogi, 1963: 25]

Таблица 3

Ориентировочные расчеты численности населения Северо-Западных территорий, подвергшихся оккупации в годы Великой Отечественной войны, на 1 июля 1944 г. (тыс. чел.)⁵

Table 3

Approximate calculations of the population of the North-Western Territories that were occupied during the Great Patriotic War on July 1, 1944, thousand people⁶

Терр. ед.	Городское	Сельское	Всего
Территории, оккупированные полностью			
Псковская область	4,3	286,3	290,6
Территории, оккупированные частично			
Ленинградская область, в том числе освобожденные территории	84,0	272,6	356,6
	45,2	147,9	193,1
Новгородская область, в том числе освобожденные территории	95,6	404,2	499,8
	17,0	161,7	178,7

Население г. Ленинграда к концу войны уменьшилось до 961 тыс. чел. Часть ленинградцев умерли во время блокады города, не вернулись из эвакуации [Чернышева, 2025: 132].

Таблица 4

Ориентировочные расчеты численности населения Северо-Западных территорий в 1945–1946 гг. (тыс. чел.)⁷

Table 4

Approximate calculations of the population of the Northwest Territories in 1945–1946⁸

Терр. ед.	На 1 января 1945 г.		На 1 января 1946 г.	
	Всего	в том числе на оккупированных территориях	Всего	в том числе на оккупированных территориях
Архангельская область	893,1	—	889,0	—
Вологодская область	1291,9	—	1280,7	—
Коми АССР	287,0	—	296,6	—
г. Ленинград	961,0	—	1591,2	20,6*
Ленинградская область	509,7	316,2**	691,0	472,4
Мурманская область	138,7	—	179,6	—
Новгородская область	532,7	206,5	691,0	339,1
Псковская область	463,2	431,5	591,0	591,0

Примечание: * — пометка красным карандашом; ** — пометка «Без данных по Карело-Финской ССР»

⁵ Сост. по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 9–10]

⁶ Comp. by [RGAE. F. 1562. Inv. 20. File 564. List 9–10]

⁷ Сост. по: [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 2–2 об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 626. Л. 2–2 об.]

⁸ Comp. by [RGAE. F. 1562. Inv. 20. File 564. List 2–2 vol.; RGAE. F. 1562. Inv. 20. File 626. List 2–2 vol.]

К концу войны за счет оттока населения незначительно сократилась численность населения Архангельской и Вологодской областей. Численность послевоенного г. Ленинграда возрастала ускоренными темпами за счет миграции: 1945 г. — 927,0 тыс. чел., 1946 г. — 1541,0 тыс. чел., 1947 г. — 1920,0 тыс. чел., 1948 г. — 1998,0 тыс. чел., 1949 г. — 2218,0 тыс. чел. и далее — 2459,0 тыс. в 1953 г., 2816,0 тыс. чел. в 1957 г., превысив в 1958 г. довоенные показатели [Всесоюзная, 1999: 21–23; Санкт-Петербург, 2003: 17].

В Калининградской области в результате выселения немцев, наличного воинского контингента и демобилизованных, оргнабора и сельскохозяйственных переселенцев население быстро росло: с 170 тыс. чел. в 1946 г. до 566,9 тыс. чел. в 1954 г. [Манкевич, 2013: 234].

В 1939 г. соотношение городского и сельского населения рассматриваемого региона не сильно отличалось: 50,8% и 49,2% соответственно. Удельный вес сельского населения во всех территориальных единицах был выше городского, кроме Мурманской области и г. Ленинграда [Всесоюзная, 1992: 23–24]. В 1959 г. соотношение городского и сельского населения в Северо-Западном районе составляло 64,6% и 35,4% соответственно. Нарастающая урбанизация Северо-Западного региона привела к тому, что преобладание сельского населения сохранилось только в трех регионах: Вологодская, Новгородская, Псковская области [Итоги, 1963: 25].

За двадцатилетний период несколько изменяется этническая картина. В конце 1930-х гг. во всех регионах Северо-Запада, кроме Коми АССР (72,5%), этническое большинство составляли русские. Их удельный вес колебался от 63,24% до 97,60%. Несмотря на разнообразный этнический состав в регионах Северо-Запада, русские составляли преобладающее большинство (от 84% до 97%), кроме Карельской АССР, где русские составляли 63,24%, карелы — 23,15%. В Коми АССР удельный вес русских был 22,01%. К концу 1950-х годов русские будут этническим большинством во всех регионах Северо-Запада с наименьшим удельным весом в автономных республиках.

В регионах со значительным преобладанием русских — более 90% — этническое меньшинство в основном представляли восточнославянские народы (украинцы и белорусы), а также финно-угорские народы (финны, карелы, вепсы, коми). В г. Ленинграде в конце 1930-х годов евреи занимали второе место среди национальностей по численности и удельному весу 6,32%. Тюркские народы (татары) среди указанных регионов преимущественно проживали (их удельный вес сокращался) в Мурманской области (1,53% и 0,98% соответственно) и в г. Ленинграде (0,99% и 0,82% соответственно), и если в г. Ленинграде татарская община формировалась еще в XVIII в., то в Мурманской области преимущественно в 1930–1940-е годы в период промышленного развития региона.

В Карельской АССР значительно сократились численность и удельный вес коренного населения республики — карелов (с 108,6 тыс. чел. (23,15%) до 85,5 тыс. чел. (13,12%)) и вепсов (с 9,4 тыс. чел. (2,0%) до 7,1 тыс. чел. (1,1%)). Увеличились численность и удельный вес финнов (с 8,3 тыс. чел. (1,77%) до 27,8 тыс. чел. (4,27%)): бывшим спецпоселенцам и репатриантам в конце 1940-х годов был разрешен въезд на территорию Карело-Финской ССР. Сократился удельный вес третьей национальности — украинцев с 4,5% до 3,62% (их численность несколько возросла). За время переселенческих кампаний

1940–1960-х гг. белорусы становятся третьей национальностью в регионе: с 4,2 тыс. чел. (0,9%) до 71,9 тыс. чел. (11,04%). По численности белорусов Карельская АССР в 1959 г. занимала первое место в РСФСР [Калачева, 2017: 210].

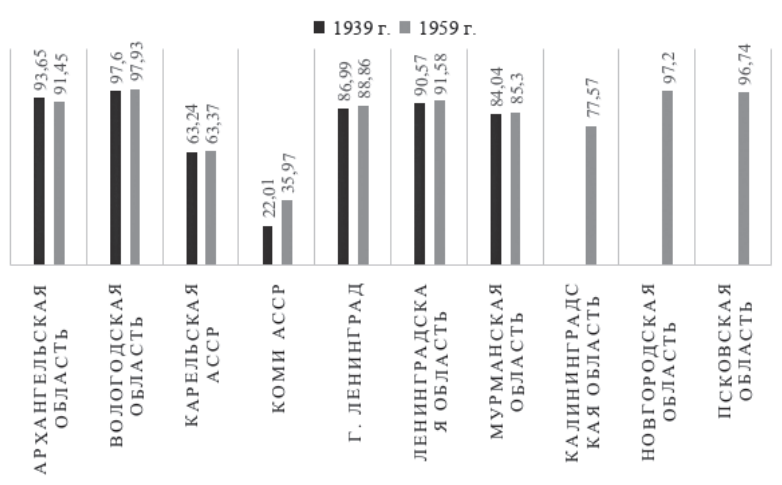

Рис. 1. Удельный вес русских в регионах Северо-Запада РСФСР по данным Всесоюзных переписей населения 1939 г. и 1959 г., в процентах⁹

Fig. 1. The proportion of Russians in the regions of the North-West of the RSFSR according to the All-Union population censuses of 1939 and 1959, as a percentage¹⁰

На фоне значительно роста численности населения (в 2,5 раза) изменялась этническая ситуация в Коми АССР. Русские становятся этническим большинством, увеличивается в 5,6 раза их численность в регионе и удельный вес до 35,97%. При этом численность коми увеличивается незначительно (с 231,3 тыс. чел. до 245,2 тыс. чел.). Данные тенденции существенно снижают удельный вес коренного населения республики (с 72,5% до 30,4%). В разы увеличивается численность украинцев (с 6,0 тыс. чел. до 80,1 тыс. чел.), белорусов (с 3,3 тыс. чел. до 22,3 тыс. чел.) и немцев (2,6 тыс. чел. до 19,8 тыс. чел.).

Этническая ситуация в Коми АССР начинает заметно меняться с конца 1920-х годов и последующее десятилетие, чему способствовали принудительные и добровольные миграции [Бессонова, 2023: 47]. Спецпереселенцы и заключенные, наемные рабочие будут основным контингентом миграции. Приведем лишь сведения о миграциях отдельных национальностей в регион. Белорусы прибывали в Коми АССР на добровольных началах (оргнабор), а также по спецпереселениям 1930-х годов [Жеребцов, 2018: 84–85]. Немцы в результате принудительных переселений 1930-х годов и в период Великой Отечественной войны [Киссер, 2018: 145].

⁹ Сост. по: [Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав...; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав...]

¹⁰ Comp. by [Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Natsional'nyi sostav...; Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda. Natsional'nyi sostav...]

К концу 1959 г. в Калининградской области насчитывалось 610885 чел., из них 77,6% составляли русские, 9,4% — белорусы, 5,8% — украинцы, 3,5% — литовцы. В регионе проживали и малочисленные народы (от 2 до 4 тыс. чел.): евреи, мордва, чуваша, поляки, а также менее 1 тыс. — представители других народов СССР [Чернышева, 2025: 140].

Воспроизводство населения

Рождаемость населения Северо-Западных территорий РСФСР соответствовала общим тенденциям рождаемости в СССР и РСФСР: коэффициент рождаемости снизился и был ниже, чем по стране в целом и РСФСР. В конце 1930-х годов преимущественно эта тенденция определялась высокой долей городского населения (50,8%) [Всесоюзная, 1992: 20]. В конце 1950-х годов, кроме нарастающей в регионе урбанизации, в качестве причин необходимо также назвать изменения в уровне рождаемости, прежде всего у этнического большинства — русских.

Для сравнения, в 1939 г. уровень рождаемости в регионах Северо-Запада был значительно ниже, чем в Западной (42,0‰) и Восточной Сибири (41,5‰) и на Дальнем Востоке (47,1‰). К 1959 г. данные различия в показателях рождаемости снижаются с сохранением тенденции преобладания рождаемости в Сибири и на Дальнем Востоке (кроме Восточной Сибири) [Чернышева, 2025: 183].

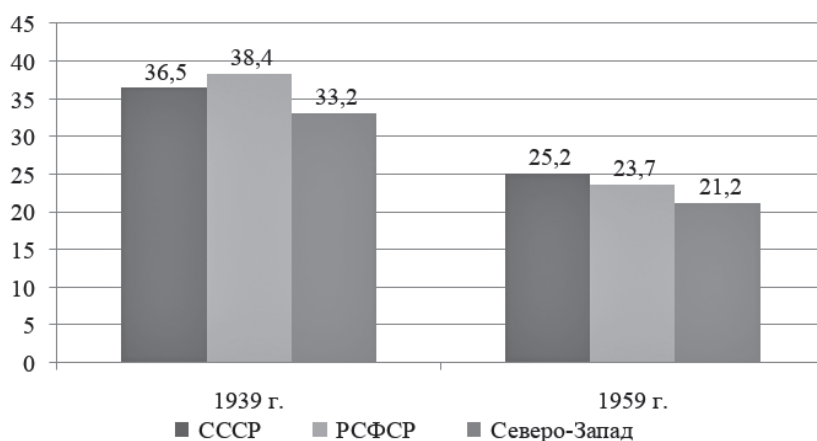

Рис. 2. Коэффициент рождаемости в СССР, РСФСР и Северо-Западной части РСФСР в 1939 г. и 1959 г., в промилле¹¹

Fig. 2. Birth rate in the USSR, the RSFSR and the North-Western part of the RSFSR in 1939 and 1959 per million¹²

¹¹ Сост. по: [Исупов, 2000: 131; Исупов, 2015: 6; Всесоюзная, 1999: 21–23; Итоги, 1963: 25; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 824. Л. 3–3 об., 6–6 об.; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

¹² Comp. by [Isupov, 2000: 131; Isupov, 2015: 6; *Vsesoyuznaya*, 1999: 21–23; *Itogi*, 1963: 25; RGAE. F. 1562. Inv. 27. File 824. List 3–3 vol., 6–6 vol.; *Estestvennoe dvizhenie naseleniya regionov RSFSR po natsional'nosti*, 1958–1968...]

В 1939 г. общий коэффициент рождаемости в Карельской АССР — 39,66‰, Мурманской области — 44,96‰, Архангельской области — 39,67‰, Коми АССР — 44,48‰, Вологодской области — 36,33‰, Ленинградской области — 34,12‰, г. Ленинграде — 24,88‰. В Вологодской, Ленинградской областях и г. Ленинграде уровень рождаемости был меньше, чем в РСФСР и СССР.

Последующие события стали причинами, существенно повлиявшими на уровень рождаемости. В 1959 г. коэффициент рождаемости составил в Архангельской области 27,03‰, Вологодской области — 25,39‰, Калининградской области — 24,85‰, Ленинградской области — 19,97‰, г. Ленинграде — 13,10‰, Мурманской области — 26,30‰, Новгородской области — 19,39‰, Псковской области — 17,95‰, Коми АССР — 34,90‰, Карельской АССР — 30,49‰.

Если в 1939 г. уровень рождаемости во всех регионах Северо-Запада был преимущественно высоким (Карельская АССР, Архангельская, Вологодская и Ленинградская области), очень высоким (в Коми АССР и Мурманской области) и средним по г. Ленинграду, то в 1959 г. показатели рождаемости снижаются, а их региональная дифференциация усиливается: низкий (г. Ленинград), средний (Ленинградская, Псковская, Новгородская, Калининградская области), выше среднего (Архангельская, Вологодская и Мурманская области), высокий — в автономных республиках.

На заселяемой территории Калининградской области демографические процессы имели свою специфику. К середине 1950-х годов естественный прирост становится основным компонентом увеличения численности населения региона, несмотря на то, что уровень рождаемости в 1950-е годы снижается (1951 г. — 32‰, середина 1950-х гг. — 22–23‰) [Манкевич, 2022: 150]. В области сохраняется высокий уровень внебрачной рождаемости.

Сравнительный анализ рождаемости позволяет говорить о значительном снижении рождаемости среди русских. Тенденции у этнического большинства определяли тенденции рождаемости в регионе. За исключением Коми АССР. В автономной республике в 1939 г. коэффициент рождаемости у этнического большинства — коми — составлял 44,83‰, у русских он был 43,49‰, при этом 73,09% всех рожденных в регионе детей по национальности были коми, 21,53% — русские [РГАЭ. Ф. 1562. Д 20. Д. 151. Л. 186]. Резкое увеличение численности населения в республике и изменение его состава повлияли на ситуацию с рождаемостью к концу 1950-х годов. У русских, которые к этому моменту являлись этническим большинством, коэффициент рождаемости значительно сократился и составлял 28,66‰, у коми он снизился, но по-прежнему оставался очень высоким — 40,01‰.

Кроме коми, в статистической выборке присутствовали и другие финно-угорские народы (карелы, вепсы, саамы, финны). Представители последних двух национальностей в 1959 г. не внесены в статистическую выборку, даже в Карельской АССР, где проживало 27,8 тыс. финнов, или 4,32%. В 1939 г. по некоторым регионам на лицо явный недоучет рождаемости, так как семьи указанных народов традиционно были многодетными. В целом уровень рождаемости среди них в 1939 г. был высоким и очень высоким (30–50‰).

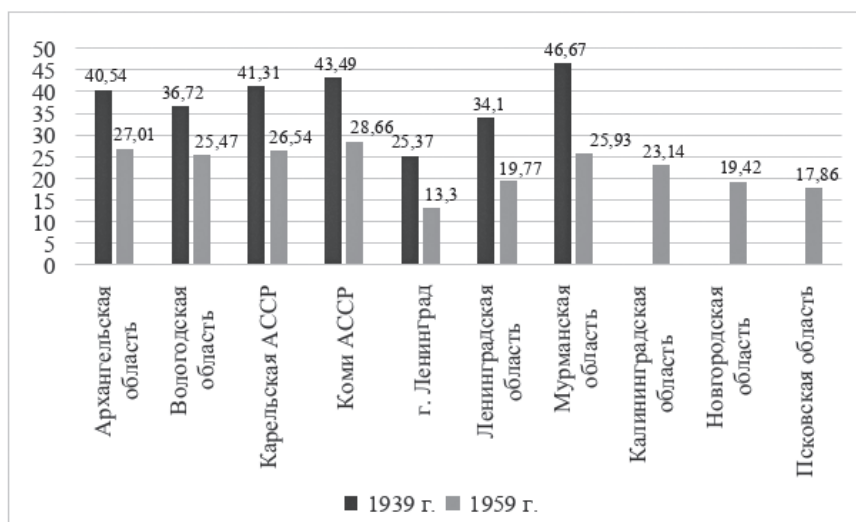

Рис. 3. Общий коэффициент рождаемости у русских в регионах Северо-Западной части РСФСР в 1939 г. и 1959 г., в промилле¹³

Fig. 3. The total birth rate of Russians in the regions of the Northwestern part of the RSFSR in 1939 and 1959 per million¹⁴

За двадцатилетний период несколько снижается рождаемость у карелов, сохраняя уровень рождаемости выше среднего и высокий, значительно превышая показатель по Северо-Западу в целом (от 37 до 44‰ в 1939 г. и 29–32‰ в 1959 г.). У саамов рождаемость даже возросла с 37,04‰ до 41,49‰ (учет велся только в Мурманской области). Предположим, что в целом она оставалась на том же уровне, а показатель возрос благодаря улучшению качества учета.

Среди белорусов и украинцев в целом уровень рождаемости сократился, особенно в более урбанизированных регионах, оказывали влияние процессы ассимиляции. Наиболее высокий уровень рождаемости у белорусов был в тех регионах Северо-Запада, где их удельный вес был самым высоким — Карельская АССР (51,35‰) и Калининградская область (36,59‰). У украинцев в основном преобладал средний уровень рождаемости (от 17 до 24‰) [Итоги, 1963: 25; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...].

Татарские семьи традиционно были многодетными. Уровень рождаемости среди них был очень высоким (более 50‰) в отдельных регионах Северо-Запада (Мурманская и Ленинградская области) и преимущественно выше среднего (30–38‰) в остальных местах. [Всесоюзная, 1999: 21–23; Итоги, 1963: 25; РГАЭ. Ф. 1562. Д. 20. Д. 151. Л. 11, 15, 60, 62, 73, 166, 186; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...].

¹³ Сост. по: [Всесоюзная, 1999: 21–23; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...; Итоги, 1963: 25; РГАЭ. Ф. 1562. Д. 151. Л. 11, 15, 60, 62, 73, 166, 186]

¹⁴ Comp. by [Vsesoyuznaya, 1999: 21–23; Estestvennoe dvizhenie naseleniya regionov RSFSR po natsional'nosti, 1958–1968...; Itogi, 1963: 25; RGAE. F. 1562. File 151. List. 11, 15, 60, 62, 73, 166, 186]

Значительное количество евреев проживало только в г. Ленинграде: в 1939 г. — 6,32%, в 1959 г. — 5,09%. Уровень рождаемости у евреев снизился с 18,10‰ до 7,64‰ [Всесоюзная, 1999: 21–23; Итоги, 1963: 25; РГАЭ. Ф. 1562. Д. 20. Д. 151. Л. 60; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...].

Рассматриваемый период совпадает с началом второго этапа демографического перехода в СССР, который характеризуется снижением смертности, при этом коэффициент рождаемости снижается еще быстрее, что приводит к замедлению естественного прироста [Демографический, 1985:116].

В СССР в 1939 г. коэффициент смертности, согласно официальным сведениям ЦУНХУ, составлял 17,3‰, по расчетам В.А. Исупова — 20,1‰ [Исупов, 2000: 126]. Уровень смертности населения на оккупированных территориях, в блокадном Ленинграде остается темой научных дискуссий. По тыловым регионам данный вопрос несколько изучен. Резкое увеличение уровня смертности в июне 1941 г. — осенью 1942 г. сменяется снижением осенью 1942 г. — весной 1945 г., чему способствовали развитие системы здравоохранения и фармакологии, ужесточение санитарного контроля и некоторая адаптация населения к тяготам военного времени.

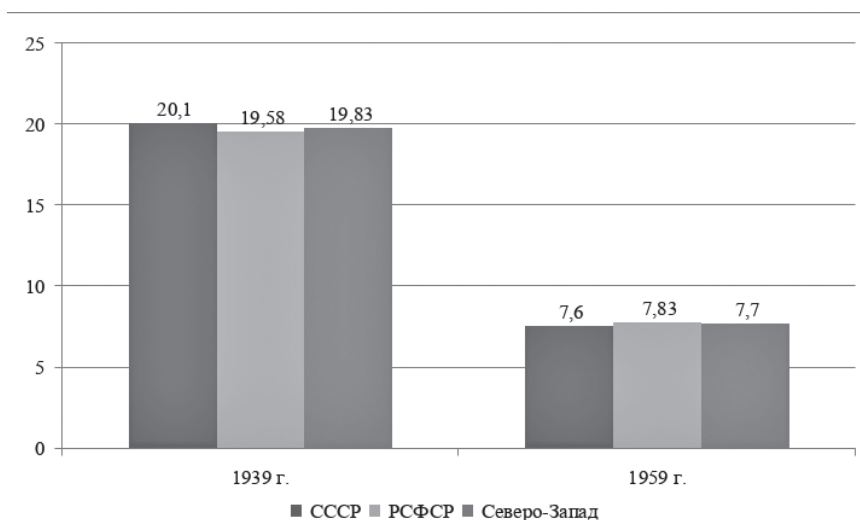

Рис. 4. Коэффициент смертности в СССР, РСФСР и Северо-Западной части РСФСР в 1939 г. и 1959 г., в промилле¹⁵

Fig. 4. Mortality rates in the USSR, the RSFSR and the North-Western part of the RSFSR in 1939 and 1959 per million¹⁶

¹⁵ Сост. по: [Исупов, 2000: 131; Исупов: 2015, 6; Всесоюзная, 1999: 21–23; Итоги, 1963: 25; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 824. Л. 3–3 об., 6–6 об.; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

¹⁶ Comp. by [Isupov: 2000, 131; Isupov, 2015: 6; Vsesoyuznaya, 1999: 21–23; Itogi, 1963: 25; RGAE. F. 1562. Inv. 27. File 824. List 3–3 vol., 6–6 vol.; Estestvennoe dvizhenie naseleniya regionov RSFSR po natsional'nosti, 1958–1968...]

Во второй половине 1940-х гг. смертность длительное время сохраняла высокие показатели, что стало последствиями войны, послевоенного голода, миграционной активности. В 1948–1951 гг. в Калининградской области смертность росла еще и за счет интенсивного заселения области [Манкевич, 2014: 155].

К концу 1950-х гг. показатели смертности по стране значительно снизились.

В 1939 г. общий коэффициент смертности в Карельской АССР составлял 23,55‰, Мурманской области — 20,83‰, Архангельской области — 25,39‰, Коми АССР — 24,14‰, Вологодской области — 23,92‰, Ленинградской области — 20,10‰, в г. Ленинграде — 14,08‰ [Исупов, 2000: 131; Исупов, 2015: 6; Всесоюзная, 1999: 21–23; Итоги, 1963: 25; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 824. Л. 3–3 об., 6–6 об.; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...].

В регионах Северо-Запада РСФСР показатель смертности был ниже общесоюзного, но выше, чем по РСФСР, кроме г. Ленинграда. В более урбанизированных регионах Северо-Запада уровень смертности был ниже, где возможности предоставления медицинской помощи были выше.

В 1959 г. коэффициент смертности составил в Архангельской области 8,32‰, Вологодской области — 9,52‰, Мурманской области — 5‰, Новгородской области — 9,39‰, Псковской области — 13,49‰, Коми АССР — 6,46‰, Карельской АССР — 7,51‰, Калининградской области — 5,07‰, Ленинградской области — 7,28‰, в г. Ленинграде — 7,02‰ [Исупов, 2000: 131; Исупов, 2015: 6; Всесоюзная, 1999: 21–23; Итоги, 1963: 25; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 824. Л. 3–3 об., 6–6 об.; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...].

Коэффициент смертности в 1959 г. достиг среднего уровня в Псковской области, низкого — в Архангельской, Вологодской, Новгородской, Ленинградской областях, г. Ленинграде и Карельской АССР. В Мурманской области и Коми АССР — очень низкий уровень смертности.

За двадцатилетие смертность претерпела значительные изменения. Во всех рассматриваемых регионах смертность среди этнического большинства — русских — снизилась. Динамика смертности этнического большинства была определяющей, кроме Коми АССР. Здесь в 1939 г. коэффициент смертности среди коми был 25,57‰, среди русских ниже — 20,68‰, удельный вес умерших также отличался — 76,8% и 18,85% соответственно [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 151. Л. 186]. К концу 1950-х гг. удельный вес смертей среди коми (48,7%) был все еще выше, чем среди русских (36,76%), как и коэффициент 10,35‰ и 4,91‰ соответственно.

Уровень смертности снизился у татар, белорусов, украинцев, карелов (в 2–3, в некоторых регионах — в 4 раза). Среди евреев смертность незначительно, но возросла в г. Ленинграде и Ленинградской областях (10–11‰). На наш взгляд, это связано с более точным учетом и преобладанием старших возрастных групп.

Итак, на начало рассматриваемого периода 1939 г. смертность населения Северо-Запада РСФСР была ниже общесоюзных показателей, но выше республиканских. К концу 1950-х гг. коэффициент смертности Северо-Западных территорий стал ниже, чем в РСФСР, но выше средних показателей по СССР, однако данные различия в по-

казателях не были существенными. Подобные же тенденции уровня смертности были характерны для других регионов РСФСР [Чернышева, 2025: 118–189].

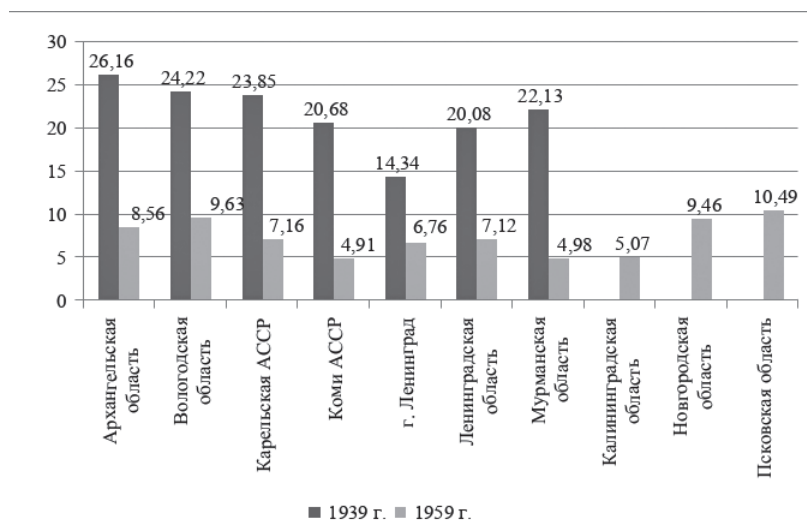

Рис. 5. Общий коэффициент смертности у русских в регионах Северо-Западной части РСФСР в 1939 г. 1959 г., в промилле¹⁷. Составлено по: Всесоюзная, 1999: 21–23; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...; Итоги, 1963: 25; РГАЭ. Ф. 1562. Д 20. Д. 151. Л. 11, 15, 60, 62, 73, 166, 186

Fig. 5. The total mortality rate among Russians in the regions of the North-Western part of the RSFSR in 1939 in 1959 was per million¹⁸. Compiled by: All-Union, 1999: 21–23; Natural movement of the population of the regions of the RSFSR by nationality, 1958–1968...; Results, 1963: 25; RGAE. F. 1562. D. 151. L. 11, 15, 60, 62, 73, 166, 186

Естественный прирост населения Северо-Запада РСФСР в 1939 г. и в 1959 г. оставался положительным и возрос за рассматриваемое двадцатилетие, но его показатели были ниже общесоюзных и общероссийских.

Наиболее высокие коэффициенты естественного прироста населения были характерны в 1939 г. и в 1959 г. для национальных автономных республик (Коми — 20,34‰ и 28,44‰, Карельской — 16,11‰ и 22,95‰), Мурманской области (24,13‰ и 21,3‰). Во всех рассматриваемых территориях естественный прирост возрос с 1939 г. по 1959 г., кроме Ленинградской и Мурманской областей, г. Ленинграда, что связано с последствиями блокады, более высокими темпами урбанизации, в результате которой уровень рождаемости снижался быстрее. Так же как основные показатели воспроизводства населения, показатели естественного прироста у русских были определяющими.

¹⁷ Сост. по: [Всесоюзная, 1999: 21–23; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...; Итоги, 1963: 25; РГАЭ. Ф. 1562. Д 20. Д. 151. Л. 11, 15, 60, 62, 73, 166, 186]

¹⁸ Comp. by [Vsesoyuznaya, 1999: 21–23; Estestvennoe dvizhenie naseleniya regionov RSFSR po natsional'nosti, 1958–1968...; Itogi, 1963: 25; RGAE. F. 1562. File 151. List. 11, 15, 60, 62, 73, 166, 186]

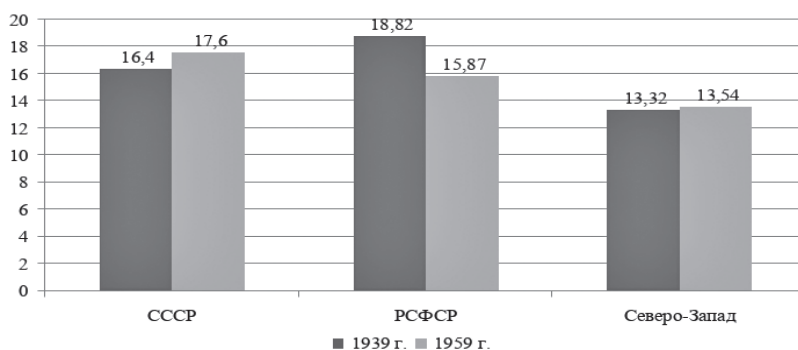

Рис. 6. Коэффициент естественного прироста населения СССР, РСФСР, Северо-Запада РСФСР в 1939 г. и 1959 г., в промилле¹⁹

Fig. 6. The coefficient of natural population growth of the USSR, RSFSR, North-West of the RSFSR in 1939 and 1959 per million²⁰

Заключение

Население Северо-Запада РСФСР с конца 1930-х гг. по конец 1950-х гг., как и всей страны, находилось в состоянии демографических изменений. Прерывистость данных процессов была вызвана чередой внешнеполитических и внутривнутриполитических событий, таких, как Великая Отечественная, Вторая мировая войны, рассматриваемая территория в большинстве была зоной боевых действий, принудительных переселений, нарастающей урбанизации региона. Наибольшим образом повлияли события Великой Отечественной войны и ее последствия.

Изучаемый период характеризуется существенными административно-территориальными изменениями, которые необходимо учитывать при изучении этнодемографической динамики в регионе.

В силу обозначенных факторов и событий в Северо-Западной части РСФСР в 1930–1950-е годы изменяется этническая картина. Однако демографические процессы у русских, которые по-прежнему оставались этническим большинством, определяли общие тенденции демографического развития.

Если за двадцатилетний период смертность снизилась в регионе в целом, его территориальных образованиях и у представителей отдельных национальностей, то региональная и этническая дифференциация рождаемости, несмотря на общее снижение ее уровня, усиливались.

Воздействие ассимиляционных процессов на демографическую динамику можно оценить статистически лишь с конца 1950-х годов.

¹⁹ Сост. по: [Исупов, 2000: 131; Исупов, 2015: 6; Всесоюзная, 1999: 21–23; Итоги, 1963: 25; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 824. Л. 3–3 об., 6–6 об.; Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968...]

²⁰ Comp. by [Isupov, 2000: 131; Isupov, 2015: 6; Vsesoyuznaya, 1999: 21–23; Itogi, 1963: 25; RGAE. F. 1562. Inv. 27. File 824. List 3–3 vol., 6–6 vol.; *Estestvennoe dvizhenie naseleniya regionov RSFSR po natsional'nosti*, 1958–1968...]

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00645, <https://rscf.ru/project/25-28-00645/>

Acknowledgments and funding

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No 25–28–00645, <https://rscf.ru/project/25-28-00645/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Бессонова Н. П., Жеребцов И. Л., Саблин В. А. Миграции населения Коми автономии в 1920–1930-е годы // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2023. № 8. С. 44–51. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-44-51>

Вишневский А. Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 240 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. 254 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия. СПб.: БЛИЦ, 1999. 207 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=0 (дата обращения: 14.04.2026).

Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (дата обращения: 14.04.2026).

Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 608 с.

Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968 // https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1958_nac.php?year=1959 (дата обращения: 14.04.2026).

Жеребцов И. Л., Рожкин Е. Н., Лейман И. И. Белорусы в Республике Коми // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 2. С. 82–93.

Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 318 с.

Земсков В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Родина, 2019. 240 с.

Земсков В. Н. Сталинская эпоха: экономика, репрессии, индустриализация. 1924–1954. М.: Блок-Принт, 2024. 272 с.

Иванченко Н. Ю. Ущерб, причиненный оккупантами Ленинградской области в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. 160 с.

Ильина О. В. Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. Вологда: Волог. гос. пед. ун-т, 2011. 122 с.

Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 242 с.

Исупов В. А. Рождаемость населения России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3–18.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.

Калачева И. И. Белорусская диаспора в Карелии: проблемы сохранения идентичности // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 208–214.

Киссер Т. С. Коми-немцы: полевые заметки по этноистории // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 144–153. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-144-150>

Кольская энциклопедия. Демографическое развитие и этнические процессы // https://ke-culture.gov-murman.ru/murmanskaya_oblast/5238/ (дата обращения: 17.04.2026).

Манаков А. Г. Динамика национального состава Северо-Запада России в 1939–2010 гг. // Псковский регионологический журнал. 2016. № 3. С. 74–96.

Манаков А. Г. Изменение национального состава Северо-Запада России с 1897 по 1959 гг. // Псковский регионологический журнал. 2016. № 2. С. 62–87.

Манаков А. Г. Исторические срезы в географии населения Северо-Запада России (с конца XIX в. по начало XXI в.) // Псковский регионологический журнал. 2015. № 23. С. 72–91.

Манкевич Д. В. О численности и половозрастной структуре населения Калининградской области во второй половине 1940-х — 1950-х годах // Калининградские архивы. 2013. № 10. С. 233–247.

Манкевич Д. В. Процессы демографического развития в истории Калининградской области: общероссийские тенденции и региональная специфика // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 3. С. 145–164. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-3-8.

Манкевич Д. В. Смертность населения Калининградской области во второй половине 1940-х — 1950-х годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 6. С. 153–158.

Маслов В. Н. Создание Кенигсбергской области и ее переименование в 1946 г. // Калининградские архивы. 2014. № 11. С. 99–109.

Морозов Н. А. Гулаг в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: СГУ, 1997. 189 с.

Народы и религии мира / Под ред. В. А. Тишкова. М.: Большая Российская энциклопедия. 1998 // https://peoples_religion.academic.ru/620/меньшинство_этническое (дата обращения: 14.04.2026).

Население России в XX веке: исторические очерки. В 3-х т. Т. 1. 1900–1939 гг. / Отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.

Население России в XX веке: исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. 1940–1959 гг. / Отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 151.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 626.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 824.

РСФСР. Административно-территориальное деление на 1-е апреля 1940 г. М.: Изд-во «Ведомостей ВС РСФСР», 1940. 492 с.

Санкт-Петербург 1703–2003: Юбилейный статистический справочник. Вып. 2 / под ред. И. И. Елисевой, Е. И. Грибовой. СПб.: Судостроение. 2003. 229 с.

Статистика пространственного развития. Том 1. Система расселения Северо-Запада России. СПб.: Corvus, 2002. 96 с.

Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // Логос. 2005. № 1. С. 65–101.

Тархов С.А. Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России // Демоскоп. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0101/analit04.php> (дата обращения: 14.04.2026).

Фаузер В.В., Жеребцов И.А. Колонизация Республики Коми: роль этнической компоненты. Сыктывкар: ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023. 36 с.

Чернышева Н.В., Ажигулова А.И. Этнические меньшинства в городах-миллионниках СССР в 1939–1959 гг.: демографическая характеристика // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. 2025. Т. 12. № 4. С. 131–137. [https://doi.org/1300.2025.12\(4\).131-137](https://doi.org/1300.2025.12(4).131-137)

Чернышева Н.В. К вопросу об изучении населения и территорий, присоединенных к РСФСР после окончания Второй мировой войны // Известия лаборатории древних технологий. 2025. № 4. С. 137–146. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-137-146>

Чернышева Н.В., Ситникова Е.Л., Ажигулова А.И. Этнические меньшинства на территории Сибири и Дальнего Востока в 1939–1959 гг.: основные тенденции воспроизводства // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 3. С. 118–189. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2025\)3-10](https://doi.org/10.14258/nreur(2025)3-10)

Isupov V.A., Chernysheva N.V. Migration of the USSR population in the pre-war years (1939–1940) // Population and economics. 2022. Vol. 6. № 2. P. 75–76. <https://doi.org/10.3897/porecon.6.e81466>

References

Bessonova N. P., Zherebtsov I. L., Sablin V. A. Migratsii naseleniya Komi avtonomii v 1920–1930-e gody [Migration of the Komi Autonomous Region population in the 1920 s and 1930 s]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya RAN* [Proceedings of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2023, no 8, pp. 44–51 (in Russian). <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-44-51>

Chernysheva N. V., Azhigulova A. I. Ehtnicheskie men'shinstva v gorodakh-millionnikakh SSSR v 1939–1959 gg.: demograficheskaya kharakteristika [Ethnic minorities in the cities of the USSR in 1939–1959: demographic characteristics]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. Series: historical sciences]. 2025, vol. 12, no 4, pp. 131–137 (in Russian). [https://doi.org/1300.2025.12\(4\).131-137](https://doi.org/1300.2025.12(4).131-137)

Chernysheva N. V. K voprosu ob izuchenii naseleniya i territorii, prisoedinennykh k RSFSR posle okonchaniya Vtoroi mirovoi voyny [On the issue of studying the population and territories annexed to the RSFSR after the end of World War II]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [Izvestiya laboratory of Ancient Technologies]. 2025, no 4, pp. 137–146 (in Russian). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-137-146>

Chernysheva N. V., Sitnikova E. L., Azhigulova A. I. Ehtnicheskie men'shinstva na territorii Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1939–1959 gg.: osnovnye tendentsii vosproizvodstva [Ethnic minorities in Siberia and the Far East in 1939–1959: the main trends of reproduction]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2025, vol. 30, no 3, pp. 118–189 (in Russian). [https://doi.org/10.14258/nreur\(2025\)3-10](https://doi.org/10.14258/nreur(2025)3-10)

Demograficheskii ehntsiklopedicheskii slovar' [Demographic encyclopedia]. Moskva: Soviet Encyclopedia, 1985, 608 p. (in Russian).

Eliseeva I. I., Gribova E. I. (eds.) *Sankt-Peterburg 1703–2003: Yubileinyi statisticheskii spravochnik. Vyp. 2* [St. Petersburg 1703–2003: Jubilee Statistical Handbook. Issue 2]. St. Petersburg: Shipbuilding, 2003, 229 p. (in Russian).

Estestvennoe dvizhenie naseleniya regionov RSFSR po nacional'nosti, 1958–1968 [The natural movement of the population of the RSFSR regions by nationality, 1958–1968]. *Demoskop*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1958_nac.php?year=1959 (accessed April 14, 2026) (in Russian).

Fauzer V. V., Zhrebtsov I. L. *Kolonizatsiya Respubliki Komi: rol' ehnticheskoi komponenty* [Colonization of the Komi Republic: the role of the ethnic component]. Syktyvkar: IYALI FIT Komi Scientific Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2023, 36 p. (in Russian).

Il'ina O. V. *Demograficheskie protsessy v derevne Evropeiskogo Severa Rossii v 1940–1950-e gg* [Demographic processes in rural areas of the European North of Russia in the 1940s and 1950s]. Vologda: Vologda State Pedagogical University. Univ., 2011, 122 p. (in Russian).

Isupov V. A. *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the twentieth century: Historical and demographic essays]. Novosibirsk: Siberian khronograf, 2000, 242 p. (in Russian).

Isupov V. A. Rozhdaemost' naseleniya Rossii v 1939–1945 gg. [The birth rate of the Russian population in 1939–1945]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian history], 2015, no 1, pp. 3–18 (in Russian).

Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 goda. RSFSR [Results of the All-Union Population Census of 1959. RSFSR]. Moscow: Gosstatizdat, 1963. 456 p. (in Russian).

Ivanchenko N. Yu. *Ushcherb, prichinennyyi okkupantami Leningradskoi oblasti v khode Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945 gg* [Damage caused by the occupiers of the Leningrad region during the Great Patriotic War of 1941–1945]. St. Petersburg, LGU named after A. S. Pushkin, 2007, 160 p. (in Russian).

Kalacheva I. I. Belorusskaya diaspora v Karelii: problemy sokhraneniya identichnosti [The Belarusian diaspora in Karelia: problems of identity preservation]. *Sotsiologicheskii al'manakh* [The sociological almanac]. 2017, no. 8, pp. 208–214 (in Russian).

Kisser T. S. Komi-nemtsy: polevye zametki po etnoistorii [Komi-Germans: field notes on ethnohistory]. *Kunstkamera* [Kunstkamera]. 2018, no 1, pp. 144–153 (in Russian). <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-144-150>

Kol'skaya entsiklopediya. Demograficheskoe razvitie i etnicheskije protsessy [The Kola Encyclopedia. Demographic development and ethnic processes]. URL: https://ke-culture.gov-murman.ru/murmanskaya_oblast/5238/ (accessed April 14, 2026) (in Russian).

Manakov A. G. Dinamika natsional'nogo sostava Severo-Zapada Rossii v 1939–2010 gg [Dynamics of the national composition of the North-West of Russia in 1939–2010]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal]. 2016, no 3, pp. 74–96 (in Russian).

Manakov A. G. Istoricheskie srezy v geografii naseleniya Severo-Zapada Rossii (s kontsa XIX v. po nachalo XXI v.) [Historical cross-sections in the geography of the population of the

North-West of Russia (from the end of the 19th century to the beginning of the 21st century)]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal]. 2015, no 23, pp. 72–91 (in Russian).

Manakov A. G. Izmenenie natsional'nogo sostava Severo-Zapada Rossii s 1897 po 1959 gg [The change in the national composition of the North-West of Russia from 1897 to 1959]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal]. 2016, no 2, pp. 62–87 (in Russian).

Mankevich D. V. O chislennosti i polovozrastnoi strukture naseleniya Kaliningradskoi oblasti vo vtoroi polovine 1940-kh — 1950-kh godakh [On the number and sex and age structure of the population of the Kaliningrad region in the second half of the 1940s — 1950s]. *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad Archives]. 2013, no 10, pp. 233–247 (in Russian).

Mankevich D. V. Protsessy demograficheskogo razvitiya v istorii Kaliningradskoi oblasti: obshcherossiiskie tendentsii i regional'naya spetsifika [Demographic development processes in the history of the Kaliningrad region: all-Russian trends and regional specifics]. *Baltiiskii region* [Baltic region]. 2022, vol. 14, no 3, pp. 145–164 (in Russian). <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-8>.

Mankevich D. V. Smertnost' naseleniya Kaliningradskoi oblasti vo vtoroi polovine 1940-kh — 1950-kh godakh [Mortality of the population of the Kaliningrad region in the second half of the 1940s — 1950s]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant]. 2014, no 6, pp. 153–158 (in Russian).

Maslov V. N. Sozdanie Kenigsbergskoi oblasti i ee pereimenovanie v 1946 g [The creation of the Konigsberg region and its renaming in 1946]. *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad Archives]. 2014, no 11, pp. 99–109 (in Russian).

Morozov N. A. *Gulag v Komi krae. 1929–1956* [Gulag in Komi region. 1929–1956]. Syktyvkar: SSU, 1997, 189 p. (in Russian).

Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki. V 3 Tomakh. Tom 1. 1900–1939 [The population of Russia in the XX century: historical sketches. In 3 volumes. Vol. 1. 1900–1939]. Moscow, ROSSPEN, 2000, 463 p. (in Russian).

Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki. V 3 Tomakh. Tom 1. 1940–1959 [The population of Russia in the XX century: historical sketches.]. Moscow: ROSSPEN, 2001, 416 p. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics] (RGAE). Fund. 1562. Inventory. 20. File. 151.

Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics] (RGAE). Fund. 1562. Inventory. 20. File. 564.

Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics] (RGAE). Fund. 1562. Inventory. 20. File. 626.

Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics] (RGAE). Fund. 1562. Inventory. 27. File. 824.

RSFSR. Administrativno-territorial'noe delenie na 1-e aprelya 1940 g. [The RSFSR. Administrative-territorial division on April 1, 1940]. Moscow: “Vedomosti VS RSFSR” Publ., 1940, 492 p. (in Russian).

Statistika prostranstvennogo razvitiya. Tom 1. Sistema rasseleniya Severo-Zapada Rossii [Spatial development statistics. Volume 1. The settlement system of the North-West of Russia]. St. Petersburg: Corvus, 2002, 96 p. (in Russian).

Tarkhov S.A. Istoricheskaya evolyuciya administrativno-territorial'nogo i politicheskogo deleniya Rossii [Historical evolution of the administrative-territorial and political division of Russia]. *Demoskop* [Demoskop]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0101/analit04.php> (accessed April 14, 2026) (in Russian).

Tarkhov S.A. Izmenenie administrativno-territorial'nogo deleniya Rossii v XIII–XX vv. [Changes in the administrative-territorial division of Russia in the XIII–XX centuries]. *Logos*, 2005, no 1, pp. 65–101 (in Russian).

Tishkov V.A. (ed.) *Narody i religii mira* [Peoples and religions of the world]. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 1998. URL: peoples_religion.academic.ru/620/ (accessed April 14, 2026).

Vishnevskii A. G. *Demograficheskaya revolyuciya* [Demographic revolution]. Moscow: Statistika, 1976, 240 p. (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Nacional'nyj sostav naseleniya po regionam Rossii [The All-Union population Census of 1939. National composition of the population by regions of Russia]. *Demoskop*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=0 (accessed April 14, 2026) (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi [The All-Union population Census of 1939. Main results.]. Moscow: Nauka, 1992, 254 p. (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi. Rossiya [All-Union Population Census of 1939: Main Results: Russia]. St. Petersburg: BLITZ, 1999. 207 p. (in Russian).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda. Nacional'nyj sostav naseleniya po regionam Rossii [The All-Union population Census of 1959. National composition of the population by regions of Russia]. *Demoskop*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (accessed April 14, 2026) (in Russian).

Zemskov V.N. *Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya* [Stalin and the people. Why there was no uprising]. Moscow: Rodina, 2019, 240 p. (in Russian).

Zemskov V.N. *Stalinskaya epokha: ekonomika, repressii, industrializatsiya. 1924–1954* [The Stalin era: economy, repression, industrialization. 1924–1954]. Moscow: Blok-Print, 2024, 272 p. (in Russian).

Zherebtsov I. L., Rozhkin E. N., Leiman I. I. Belorusy v Respublike Komi [Belarusians in the Komi Republic]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Journal of the Belarusian State University. History]. 2018, no. 2, pp. 82–93 (in Russian).

Zhiromskaya V.B. *Osnovnye tendencii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The main trends in Russia's demographic development in the 20th century]. Moscow: Kuchkovo pole, 2012, 318 p. (in Russian).

Isupov V.A., Chernysheva N.V. [Migration of the USSR population in the pre-war years (1939–1940)]. *Population and economics*, 2022, vol. 6, no 2, pp. 70–87. <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e81466>

Статья поступила в редакцию: 05.06.2026

Принята к публикации: 23.08.2026

Дата публикации: 30.09.2026

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94 (575.4)

DOI 10.14258/nneur(2026)3–11

Д. В. Васильев

Московский городской педагогический университет, Москва (Россия)

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ТУРКМЕНСКОМ ОАЗИСЕ: ХРАМ ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСИЯ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО В МУРГАБСКОМ ГОСУДАРЕВОМ ИМЕНИИ

В статье рассматривается создание православного храма в Мургабском государственном имении. На основе источников из фонда Главного управления уделов (Российский государственный исторический архив) реконструирована история организации православного богослужения в государевом имении. Целью исследования является выяснение причин относительно позднего появления церкви и обстоятельств сооружения в 1912–1916 гг. фундаментальной церкви, архитектура которой вобрала в себя наиболее зримые элементы русского храмового зодчества.

В ходе исследования установлено, что строительство собственного храма в Мургабском государевом имении было прямо связано с его экономическими показателями. Тем не менее, приняв решение о возведении культового сооружения, власти решили придать ему максимально фундаментальный характер, связав архитектуру церкви с типологическими образцами русского культового зодчества. Связав строительство с юбилеями самого имения и правившей династии, Главное управление уделов превратило новый храм в значимый элемент визуализации присутствия России и ее государя на территории, где русское население составляло этническое и конфессиональное меньшинство.

Ключевые слова: Закаспийская область, Мургабское государево имение, Байрама-ли, православие, храм, церковь, этническое меньшинство, архитектура, керамика, русские, туркмены, экономика.

Для цитирования:

Васильев Д. В. Православная церковь в туркменском оазисе: храм во имя Святителя Алексия Митрополита Московского в Мургабском государевом имении // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 189–209. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–11](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–11)

Васильев Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, доцент, профессор департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** dvvasiliev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

D. V. Vasilyev

Moscow City Pedagogical University, Moscow (Russia)

AN ORTHODOX CHURCH IN A TURKMEN OASIS: THE CHURCH OF ST. ALEXIS, METROPOLITAN OF MOSCOW, IN THE MURGHAB SOVEREIGN'S ESTATE

The article examines the creation of an Orthodox church in the Murghab Sovereign's Estate. Based on sources from the collection of the Main Administration of Appanages (Russian State Historical Archive), the history of the organization of Orthodox worship at the Sovereign's Estate is reconstructed. The purpose of the study is to elucidate the reasons for the church's relatively late construction and the circumstances surrounding the construction of the fundamental church between 1912 and 1916. Its architecture incorporated the most prominent elements of Russian church construction.

The study found that the construction of the church in the Murghab Sovereign's Estate was directly linked to its economic performance. Nevertheless, the decision to construct a religious building was motivated by the desire to give it the most fundamental character and to link the church's architecture with the typological examples of Russian religious architecture. The Main Administration of Appanages linked the construction with the anniversaries of the estate itself and the ruling dynasty. It transformed the new church into a significant visual element of Russia's and its Sovereign's presence in a territory where the Russian population constituted an ethnic and religious minority.

Keywords: Transcaspian Province, Murghab Sovereign's Estate, Bayramali, Orthodoxy, temple, church, ethnic minority, architecture, ceramics, Russians, Turkmens, economics.

For citation:

Vasilyev D. V. An Orthodox Church in a Turkmen Oasis: The Church of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, in the Murghab Sovereign's Estate. *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no, 3, pp. 189–209. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–11](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–11)

Vasilyev Dmitry Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of History, Moscow City University, Moscow (Russia).
Contact address: dvvasiliev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Введение

Мургабское государево имение было создано в 1887 г. на юге Закаспийской области для того, чтобы заселить значительный пустовавший район на стыке иранской и афганской границ, возродить когда-то существовавший там оазис и превратить его в эффективное агропромышленное предприятие, способное не только приносить прибыль его хозяину, но и участвовать в пополнении государственной казны.

Экономические аспекты истории Мургабского имения нашли отражение в работах Н. А. Мазаева, который обратил внимание на структуру его сельскохозяйственного сектора, непосредственно связанную с потребностями внутреннего рынка страны и ориентированную на извлечение стабильной и гарантированной прибыли [Мазаев, 2024]. Этот же автор отметил и устремления российской администрации, направленные на превращение имения в передовое капиталистическое хозяйство [Мазаев, 2025]. Общая характеристика аграрного сектора государева имения и краткая история его интеграции в социалистическое уже хозяйство рассмотрены О. И. Брусиной и Л. Т. Соловьевой [Брусиная, Соловьева, 2022] и нашли отражение в подготовленной ими публикации трудов Г. И. Карпова, хорошо знакомого с материальным наследием имения [Карпов, 2025: 69–115]. История туркмен, коренного населения региона, в том числе в контексте российско-иранских отношений рассмотрены С. Д. Васильевым на протяжении XIX — начала XX вв. Он же обратил внимание на особенности транзита хозяйственно-экономического наследия Мургабского государева имения из его прошлого в историческое будущее [Васильев, 2021а; Васильев, 2021б; Васильев, 2025б].

Если в прошлом столетии наиболее популярным сооружением Мургабского имения, сохранившимся до наших дней и продолжавшим использоваться по назначению, была электростанция на Гиндукушской плотине, то сегодня это церковь Алексия, митрополита Московского, в бывшей усадьбе имения Байрамали. История идеи этого сооружения рассмотрена А. И. Томиловой [Томилова, 2021]. Однако наиболее интересные сведения, касающиеся реализации проекта храма и непосредственного участия мастеров в его создании, представлены М. В. Нащокиной [Нащокина, 2025б]. В ее же обобщающей статье о храме святителя Алексия обобщены доступные сведения по истории его строительства и оформлению. М. Нащокиной установлено авторство интерьерной росписи и керамического декора, сделан вывод о том, что байрамалийская церковь является памятником московского церковного искусства начала XX столетия [Нащокина, 2025а].

Первоначально государево имение в возрождавшемся Мургабском оазисе планировалось заселить русскими поселенцами, однако ряд обстоятельств вынудил изменить эту концепцию, в результате чего вместо поселенцев появились арендаторы, которыми стали местные туркмены [Васильев, 2025а]. Итогом стало формирование на территории государева имения двух общностей — многочисленной общности туркмен, за-

нятых привычным для них трудом на орошаемых полях (основных производителей), и значительно меньшей, но социально и экономически значимой общностью русских. Сегодня мы не знаем, то ли относительная незначительность православного населения, то ли довольно длительный период убыточности мургабской экономики стал причиной долгого отсутствия постоянной церкви в Байрамали. Так или иначе, но вплоть до начала XX столетия усадьба имения оставалась без храма, который служил бы не только местом для отправления религиозных треб, но и величественным символом присутствия империи на своей далекой окраине.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы ответить на вопросы, почему фундаментальная церковь в Мургабском государевом имении появилась только в 1912–1916 гг. и было ли ее появление вызвано исключительно утилитарными причинами, либо на это повлияли иные факторы. Выяснение этого позволит понять, какое значение придавала Российская империя храмовым комплексам на территориях, где русское население составляло этническое и конфессиональное меньшинство.

Первая церковь имения

С момента учреждения Мургабского государственного имения проживавшие на его территории православные верующие отправляли свои религиозные потребности в Мерве, отстоявшем на 70 верст от его усадьбы. Идея устройства в имении православного храма возникла у столичных чиновников, в ведении которых имение состояло, в 1902 г. Главное управление уделов предложило открыть в нем церковь-школу по аналогии с удельными имениями Массандра, Ай-Даниль и Абрау-Дюрсо. Однако с этой мыслью не смог согласиться управляющий имением С. Ю. Толстой: «Живя на отдаленной окраине, во всех отношениях столь отличной от родины, русским людям особенно дорого все, что напоминает Россию не только по существу, но и по внешнему виду. Те люди, которые имеют подобные чувства, особенно дороги для имения, так как это служит залогом того, что люди эти ценят не одни деньги, а потому при службе в имении будут работать добросовестно. В настоящее время состав рабочих крайне неудовлетворителен главным образом потому, что они попадают в имение случайно и смотрят на свою службу как на занятие временное. Весьма желательно привлечь сюда людей семейных, которые бы образовали здесь поселок; тогда имение получило бы прямую, даже денежную, выгоду, так как явились бы не только рабочие, но и полурабочие — женщины и дети, между тем как теперь даже на легкие работы приходится брать взрослых людей и платить им дорого за крайне недобросовестно исполняемую работу. Приглашать же в имение семейных людей при отсутствии церкви прямо невозможно: даже те русские поселения, которые находятся в области, имеют церкви, тем более необходимо это в государственном имении. И церковь непременно должна быть похожа на церковь как ее представляет себе русский народ; при ней может быть школа или может и не быть, так как при станции Байрамали уже есть школа. Устройство церквей-школ в коренной России может быть полезно, так как церквей есть достаточно уже по селам, и церковь-школа представляет из себя школу с домашней церковью, но здесь прежде всего нужна церковь. Многочисленные туристы, посещающие государственное имение, восхищаясь его зданиями постоянно спрашивают, где находится церковь. И если придется показывать подобную церковь-школу, то впечатление будет крайне невыгод-

но не только после развалин мечети Санджара, но и рядом с любым из больших домов имения. Да и туземцы будут удивлены видеть рядом с большими домами здание церкви, по их мнению, более всего подходящее на зерновые склады. Поэтому я вновь прошу, как одну из насущных потребностей государева имения, построить здесь церковь, хотя бы и небольшую по размерам, но по внешности своей похожую на русскую церковь» [РГИА. Ф. 44. Оп. 44. Д. 476. Л. 5–6].

Как видим, С. Толстой обращал внимание столичных чиновников не только на объективную потребность в церкви — создание благоприятной среды для привлечения русского семейного населения, — но и на субъективную, имевшую значение для Петербурга, — создание привлекательного образа для туристов отечественных и иностранных.

Тем не менее решение вопроса о строительстве храма в Байрамали затягивалось. Судя по всему, Главное управление соглашалось с идеей местной администрации о строительстве в усадьбе имения фундаментального храма, но откладывало это до лучших времен — все-таки имение оставалось капиталистическим предприятием, и крупные непроизводительные затраты были бы уместны при выходе его на самоокупаемость.

Так или иначе, к весне 1906 г. обсуждались несколько проектов устройства временной церкви: приобретение церкви-палатки, строительство временного дощатого молитвенного дома и возведение временного молитвенного дома из сырцового кирпича. Главное управление предусмотрело в смете на 1906 г. ассигнование 6 000 руб. на приобретение, перевозку, оборудование утварью и обеспечение церковным облачением военно-походной церкви-палатки.

Во исполнение сметы Управление имения провело подготовительную работу и выяснило, что церковь-палатка с разборным походным иконостасом обойдется в 3 500 руб., комплект колоколов с установкой — в 400 руб., установка палатки и престола — в 150 руб., утварь, облачение и богослужебные книги — в 1 200 руб., доставка — в 500 руб., а всего — 5 750 руб. Получалось, что стоимость всех работ вполне укладывалась в заложенную сумму. Однако сменивший С. Толстого новый управляющий имением Ю.Д. Еремеев обратил внимание на неудобства, связанные с проведением богослужений в палатке — духоту; невозможность вместить и половины потенциально молящихся и песчаные бури, которые могли ей угрожать. Проект деревянной постройки вызывал трудности с устройством крыши и повышал стоимость строительства. Сам же управляющий поддержал возведение временного храма из сырцового кирпича, стоимость которого вместе с приобретением необходимого инвентаря исчислялась в 10 300 руб. Конечно, сооружение стоило на 4 300 руб. более ассигнованных средств. Но у этого варианта были свои преимущества, в том числе высвобождение предполагавшегося под перестройку здания под двухклассное училище, разрешенное к учреждению Главным управлением. Однако в 1906 г. столичные чиновники остановились на проекте церкви-палатки [РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 476. Л. 15–17].

При обсуждении сметы имения на 1907 г. Ю. Еремеев имел возможность лично изложить свои соображения ставшему уже помощником начальника Уделов камергеру С.Ю. Толстому, который признал доводы управляющего состоятельными, тем более, что последний предложил гораздо более дешевый вариант — приспособление

старой казармы, временно занятой школой, под церковь, что должно было обойтись в 5967,33 руб. Реализация этого проекта обошлась в 2486 руб. (без учета расходов на облачения и другую утварь). Перерасход на обустройство церковной утварию составил 1514,35 руб. И эту разницу выразили готовность компенсировать прихожане нового храма «по любовной разверстке». В результате «усадьба государева имения получила давно желанный, хотя и временный, храм вполне прочный, приноровленный к местным климатическим условиям, достаточно благолепный и могущий быть впоследствии использованным для какой угодно цели» [РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 476. Л. 31–34].

К весне 1907 г. устройство временного храма еще не было окончено и причт в него не был определен. Однако по всеподданнейшему докладу военного министра 30 марта последовало высочайшее соизволение на подчинение священника церкви Мургабского имения протопресвитеру военного и морского духовенства. Такое решение не выглядело как что-то экстраординарное, так как, с одной стороны, на территории имения были расквартированы военные, а с другой стороны, территория имения представляла собой обособленную административную единицу, подчиненную непосредственно начальнику Закаспийской области, состоявшей в ведении Военного министерства [РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 476. Л. 23–23 об.].

Почти 10 лет временная церковь в Байрамали (рис. 1) оставалась главным православным культовым сооружением имения. Главным, но не единственным. В период строительства нового Султанбентского и Йолотанского водохранилищ по Мургабской (Кушкинской) ветке железной дороги курсировал вагон-церковь св. царицы Александры, священник которой по расписанию совершал богослужения в местах скопления рабочих [РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 354. Л. 108].

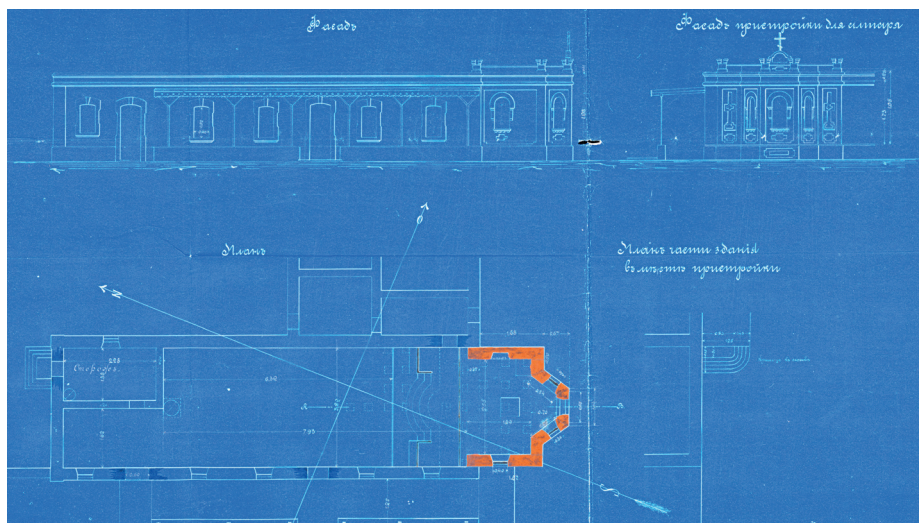

Рис. 1. Проект перестройки рабочей казармы под церковь-школу
[РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 476. Л. 65]

Fig. 1. Project for the reconstruction of a workers' barracks into a church-school
[RGLA. Fund 515. Inv. 44. File 476. List. 65]

Проектирование нового православного храма

Летом 1910 г. Закаспийская областная администрация собирала сведения о планах различных учреждений и органов управления на празднование 300-летнего юбилея дома Романовых. Воспользовавшись случаем, управляющий Мургабским имением А. Н. Малахов обратился в Главное управление уделов с предложением возвести в Байрамали постоянный храм.

Продолжавшийся рост населения и приток в старую временную церковь жителей окрестных поселков демонстрировали ее недостаточность, особенно в праздничные дни, когда она не могла вместить всех молящихся. Сообщая свою просьбу в столицу, А. Малахов напомнил о том, что в свое время начальник удельного ведомства В. С. Кочубей обещал рассмотреть вопрос о строительстве новой церкви тогда, когда имение станет приносить доход. В ожидании заметного дохода от текущей хлопковой кампании управляющий и решил вновь возбудить вопрос о храме. Из документов своего предшественника он выяснил, что Ю. Д. Еремеев освятил временную церковь во имя митрополита Московского Алексия с надеждой на то, что и постоянный храм будет освящен в честь небесного покровителя наследника-цесаревича. Поэтому А. Малахов просил начальство одновременно с разрешением вопроса о строительстве новой церкви решить вопрос о его посвящении — святителю Алексию, или же, по случаю трехсотлетия, — святому Михаилу. При этом мудрый администратор предложил и соломонново решение: посвятить храм одному святому, а придел в нем — другому [РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 198. Л. 1–1 об.].

В ожидании возвращения временно отсутствовавшего начальника Главного управления уделов к исполнению своих обязанностей удельные чиновники решили повременить с ответом. Но не замедлили, во избежание конфуза, потребовать от управляющего не сообщать ни начальнику области, ни губернатору о каких-либо планах по празднованию 300-летия [РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 198. Л. 3].

Вернувшийся к работе князь В. Кочубей, как давно и ожидалось, поручил разработать проект храма с тем, чтобы он «...по своим размерам вполне удовлетворял духовным нуждам местного населения, а по внешнему виду соответствовал бы тому значению, которое православный храм должен иметь в государевом имении среди туземцев далекой охраны» [РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 198. Л. 15].

В 1911 г. Главное управление уделов совместно с Императорским Санкт-Петербургским обществом архитекторов организовало конкурс эскизных архитектурных проектов православного храма в Мургабском государевом имении. В объявлении была обозначена вместимость церкви 600 чел. (12 чел. на 1 кв. саж.). Храм должен был быть скромным — однопридельным, без особой колокольни, но со звонницей, с ризницей при алтаре и помещением для сторожа. Отопления в храме не предполагалось, но в алтаре, ризнице и помещении сторожа требовалось устроить печи. «Внешний вид должен быть простой, но характерный для русского православного храма. Купол или купола желательны золоченые. Материалами предполагаются: для кладки и облицовки местный кирпич палевого цвета и для цоколя серый самаркандский гранит. Допускаются и иные материалы для украшения наружных стен храма, но при условии, чтобы их применение не повлекло особого увеличения стоимости постройки. Стоимость хра-

ма не должна превышать 100 тысяч рублей, считая стоимость 1 куб. сажени в 150 рублей» [Беляев, 1911: 364; РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 32–33]. В состав конкурсной комиссии от Уделов вошли два представителя ведомства.

Известный искусствовед М. В. Нащокина считает, что мургабский храм «вошел в программу церковного строительства в царских резиденциях, включавшую четыре храма — в Федоровском городке (Царское Село), Скерневицах (Польша), Мургабе (Туркестан) и в Массандре (Крым)» [Нащокина, 2025а: 75]. Заметим, что из всех перечисленных локаций лишь Мургаб имел статус государева имения, в котором никогда не планировалось проживание высочайшего хозяина.

Рис. 2. II премия [РГИА. Ф. 515. Оп. 87. Д. 1262. Л. 1.]

Fig. 2. 2nd Prize. [RGIA. Found 515. Inv. 87. File 1262. List. 1]

На конкурс поступило 26 заявок, которые в конечном итоге были разделены на 3 группы: 9 наиболее выдающихся, 11 удовлетворительных, но не вполне удачных и 6 слабых проектов. В первой категории оказались весьма разнообразные и выразительные работы.

Вторую премию получил проект гражданского инженера Л. А. Ильина под девизом «Государево» (рис. 2). Он, действительно, проводил прямую связь с историческим центром российской государственности — Великим Новгородом, где на Софийской площади красовался в прямом и переносном смыслах державный памятник «Тысячелетию России». Поэтому, наверное, Лев Ильин избрал строгую, незыблемую и фундаментальную форму русско-византийского крестово-купольного четверика. Его одноглавый храм со включенной в западный портал звонницей прямо и непосредственно относит к новгородской архитектуре в ее реставрированном на XIX в. варианте. Строгая, судя по всему, комиссия нашла несколько недочетов в проекте Л. Ильина. В том числе и его завышенный, по сравнению с нормой (600 чел.), объем. Но приняла во внимание, что храм мог быть доведен до нормы «простым сокращением высоты главного куба церкви без особого ущерба со стороны художественного впечатления» [Беляев, 1912: 66; РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 44 об.].

Третье место досталось проекту архитектора-художника Е. И. Константиновича, представленному под девизом «Златоверхий» (рис. 3). Он представил достаточно компактный трехглавый храм с центральным шатром и примыкающей к основному объему с юго-запада заниженной колокольней. Вдоль западного фасада устроено гульбище. Проект спорный. Конечно, сочетанием русского стиля и модерна в 1910-е гг. никого не удивишь. Но псевдогоготическая обработка барабанов двух малых глав, несколько непропорциональная коренастому шатру главного купола, говорит о некой незавершенности проекта. Комиссия понимала, что небольшой объем здания можно без труда увеличить. И, оставаясь в плену собственных вкусовых предпочтений, признала приемлемым «своеобразный и не лишенный красоты прием с шатровым перекрытием, с удачно поставленной звонницей и удобным и желательным в южном климате крытым крыльцом» [Беляев, 1912: 66; РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 44 об.].

Более интересный, завершенный и совершенный шатровый храм был представлен в проекте с девизом «Золотой крест» (рис. 4). А как иначе?! Он фактически являлся репликой храма Вознесения в Коломенском (что уже само по себе символично и маркирует незримое присутствие именно государя) с занижением крылец-гульбищ и современным оформлением западного портала со звонницей и декоративными вытянутыми четырьмя купольными луковичами. Эта входная часть была названа членами комиссии несколько вычурной. Объем храма также признали недостаточным. И, представляется, сочли, что масштабирование этого проекта могло лишь утяжелить его пропорции.

Рис. 3. III премия [Зодчий, 1912. №8. Вклейка 9]

Fig. 3. 3rd Prize. [Zodchii, 1912, no. 86 insert 9]

Объем храма по проекту под девизом «Три концентрических круга» (рис. 5) был признан на 2% крупнее нормы. Будучи возведенной, эта церковь могла бы выражать многовековую историю российской государственности, крепко связанную с православием еще с киевского периода. Трехглавый четверик с двумя приделами с запада над порталом сопрягался с новгородско-псковской звонницей и стилистически перекликался с Софией Новгородской и Успенскими соборами во Владимире и Москве. Этим, пожалуй, все достоинства и исчерпываются, ибо упрощенный объем церкви представляется излишне приземистым и невыразительным. Хотя специалисты и признали проект не лишенным изящества.

Рис. 4. Девиз «Золотой крест» [Зодчий, 1912. №8. Вклейка 10]

Fig. 4. Slogan "Golden Cross". [Zodchii, 1912. no. 8, insert 10]

Рис. 5. Девиз «Три концентрических круга» [Зодчий, 1912. №8. Вклейка 10]

Fig. 5. Slogan "Three Concentric Circles". [Zodchii, 1912, no. 8, insert 10]

Массивный и низкий византийский храм был представлен в проекте «Печать». Идеи новгородско-псковской церковной архитектуры интересно, но непрактично были реализованы в проектах «Вертоград» и «Восьмиконечный крест в круге». Проект под девизом «Голубь в круге» (рис. 6) фактически повторял столп храма Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Дьякове, лишенный боковых главок и венчаемых ими объемов. А проект «Государева церковь» представлял собой пример однокупольного храма растреллиевского барокко, что мало вязалось с идеей проекта и местом его реализации. В стиле абрамцевского модерна нарочито декоративно был решен храм проекта «Домострой». Действительно, появление такого храма было более уместно в лесистой части страны. Комиссия решила, что проект «декоративный, со стремлением к вычурности, не соответствующий назначению здания» [Беляев, 1912: 67; РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 45 об.]. Но не случайно же именно этот проект служил заставкой к публикации результатов конкурса в журнале «Зодчий» (рис. 7).

Рис. 6. Девиз «Голубь в круге» [Зодчий, 1912. №8. С. 67]

Fig. 6. Slogan "Dove in a Circle". [Zodchii, 1912, no. 8, p. 67]

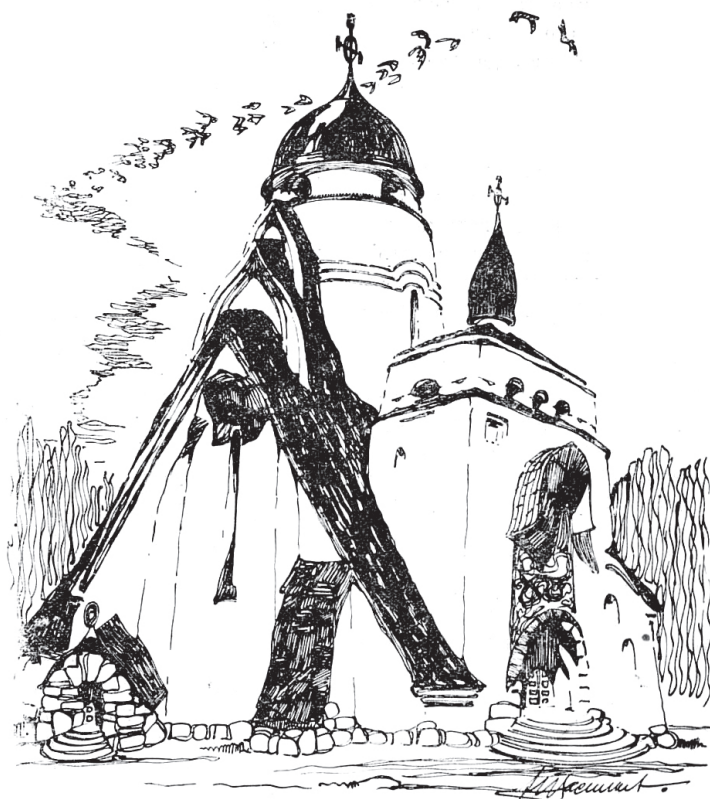

Рис. 7. Девиз «Домострой» [Зодчий, 1912. №8. С. 65]

Fig. 7. The motto "Domostroy". [Zodchii, 1912, no. 8, p. 65]

После вскрытия конверта с девизом победившего проекта «Звезда в круге» (рис. 8) оказалось, что первая премия досталась студенту института гражданских инженеров Артемию Георгиевичу Джорогову. Его проект был выполнен в стиле сказочного русского модерна с доминированием именно русского. С оригинальным пространственным решением звонницы, симметрично расположенной к северу от западного портала одноглавого, напоминающего терем, изысканно декорированного резьбой храма. Внутренне открытое пространство позволяло свободно расположиться значительному числу прихожан.

Вот какую оценку этому проекту дала конкурсная комиссия: «Проект дает полный характерный тип русского православного храма, подчеркивая вместе с тем некоторую царственность архитектуры его местонахождения в государевом имении. Для наружной отделки автор не придерживается предложенного местного кирпича, а намечает штукатурку и тесаный камень. Следует отметить, что если бы тесаный камень по местным условиям оказался сильно повышающим стоимость сооружения, особенно в виду его значительного объема, то украшения можно было бы заменить майоликовыми или, в крайнем случае, цементными.

Рис. 8. I премия [РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 101]

Fig. 8. 1st Prize. [RGIA. Found 515. Inv. 85. File 106. List 101]

Объем храма превышает предложенную норму, по поверке, на 7%. Входы в храм несколько тесны и по очертанию затрудняют открывание дверей, что требует переработки. Солея мала и клиросы в плане не показаны, но могут быть удобно помещены, так как площадь храма, не считая площади хор, несколько выше требуемой. Две лестницы на хоры не являются необходимыми и составляют одну из причин, увеличивающих площадь и объем здания» [Беляев, 1912: 65–66; РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 44 об.].

Осталось заметить, что первая премия составила 900 руб., вторая — 600 руб. и третья — 500 руб. [Беляев, 1912: 68]. Известно, что на утверждение государю императору были представлены два эскиза, из которых был утвержден проект Джорогова с минимизацией «архитектурных излишеств» (рис. 9) [РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 128 об.]. Стоимость всей постройки должна была уложиться в 200 000 руб. [РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 198. Л. 15–15 об.].

Оценивая все заявленные проекты, надо признать, что победителем был избран лучший проект, сочетавший в себе православную традицию, русский стиль, величественность и современное архитектурное решение. Доработка проекта была поручена архитектору Главного управления уделов А. Биберу с выплатой ему вознаграждения в 5 700 руб. Проектирование рисунков для внутренней отделки стен храма и иконостаса Бибер должен был выполнить безвозмездно. Непосредственное руководство строительными работами было решено возложить на инженера имения с выплатой ему 2 550 руб. [РГИА. Ф. 150. Оп. 85. Д. 106. Л. 127–127 об.].

Рис. 9. Утвержденный императором проект храма [РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 128 об.]

Fig. 9. The church design approved by the emperor. [RGIA. Found 515. Inv. 85. File 106. List 128]

Реализация архитектурного проекта

В день празднования 25-летнего юбилея Мургабского государева имения 6 августа 1912 г. состоялась закладка храма во имя святителя Алексия, митрополита Московского, строительство которого растянулось на четыре года.

Взгляд на современное состояние храма, эскизный проект и фотографии его реализации убеждают, что отступления от замысла А. Джорогова были сделаны лишь в части декорирования здания. И это заметно уже на утвержденном императором эскизе фасада церкви. Практически полностью исчезли резной декор (за исключением портала), полуколонны, карнизы. Остались лишь иконы, задуманные, судя по всему, в майоликовом исполнении. Сказочный стиль сменился богатырской брутальностью. «В проекте одноглавый храм был обильно украшен резным (или керамическим?) порталом, колоннами и фризом, а его окна имели яркие (керамические?) наличники в духе XVII в. Сейчас [и в утвержденном варианте проекта. — Д. В.] постройка выглядит более простой, в духе древних памятников Новгорода, что в целом не противоречит общей стилистической направленности того времени» [Нащокина, 2025а: 76].

Несмотря на некоторую лаконичность форм, усадебную церковь было решено выполнить из современных дорогостоящих и выразительных материалов. Стены церкви выполняли из кирпича с железобетонными перекрытиями. Кроме метлахской плитки с фризами в основных объемах, пол в алтаре, пономарной и ризнице покрыли дубовым паркетом. Лестничные ступени выполнили из самаркандского гранита, им же об-

лицевали и цоколь. Из этого же камня вытесали бочкообразные колонны на крыльцах, колонны в звоннице, кокошники с орнаментом и иные профили. В ризнице и пономарне было решено сложить голландские печи, а в сторожке — устроить камин. Кровли, купол, шпиль и подоконники (отливы) решили покрыть оцинкованным железом и выкрасить зеленой масляной краской. Кресты с шарами и цепями, главный купол над алтарем, крышу звонницы и шпиль было предложено покрыть сусальным золотом. Оконные рамы — сделать их кованного железа, бронзировать и вставить в них цветные стекла. На звонницу собирались поднять 8 колоколов общим весом в 128 пуд. [РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 214–215].

Храм «был выстроен частично из камня, частично из кирпича, цоколь был каменным, а своды — железобетонными. Стены постройки снаружи и внутри были оштукатурены. Благодаря качеству строительства, храм и его внутренняя отделка в значительной степени сохранились до наших дней, несмотря на то, что в 1932 г. он был закрыт и использовался как столовая, сиропный цех, танцевальный и театральный зал, из-за чего в 1972 г. настенные росписи его были закрашены. К моменту возвращения храма православной церкви в 1991 г. строение было изменено хозяйственными пристройками, не имело купола, крыши над алтарем, звонницей, ризницей и т. д. Научная реставрация храма не проводилась, но с началом приходской жизни эти конструктивные элементы были воссозданы, хотя и не в полном соответствии с обликом начала XX в.» (рис. 10) [Нащокина, 2025а: 77].

Рис. 10 Церковь Алексия, митрополита Московского в бывшем Мургабском государевом имении. Вид с запада. Фото В. Долженко (2023)

Fig. 10. The Church of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, in the former Murghab Sovereign's Estate. View from the west. Photo by V. Dolzhenko (2023)

М. В. Нащокина установила, что живописные работы в церкви были поручены московской иконописной мастерской «Наследники Павла Павловича Пашкова», известной выполнением других весьма авторитетных заказов в интересах правящего дома. Этой мастерской предстояло «создать иконостас с иконами, написать иконы для клиросов и для двух киотов, сделать сюжетные стенные росписи и написать орнаменты» [Нащокина, 2025а: 78]. В архиве Главного управления уделов сохранился подлинник упомянутого договора, который содержит полную иконописную и живописную программу храма. Тело иконостаса и киоты должны были быть выполнены из сухого соснового дерева, а резьба, отборки и карнизы — из липы с позолотой. Два клироса надо было сделать из сосны и оклеить дубовой фанерой с резьбой и золочением по дубу. Иконы в иконостасах и киотах следовало написать на цинковых досках новгородским письмом XVI–XVII вв. Все живописные работы (и изготовление деревянных элементов) были оценены в 25 000 руб. [РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 317–320 об.].

Николай Павлович Пашков, кроме росписей, создал для храма керамические изразцы и сюжетные майоликовые панно, сохранившиеся до наших дней [Нащокина, 2025b: 42–55]. Весной 1915 г. в Байрамали получили 23 майоликовых иконы разного размера и 37 орнаментальных изразцов. У одной из крупных икон «Иисус Христос Великий Архиерей» один изразец оказался разбитым. Пострадало и 3 орнаментальных изразца, благо, их выполнили бóльшим количеством. Принимавшие поставку должностные лица засвидетельствовали: «Некоторые изразцы оказались надтреснутыми, позолота почти на всех вышла неудачно: 1) имеет волосные, но все же хорошо заметные трещины. 2) во многих местах совсем не вышла и превратилась в грязно-коричневую поливу». Поэтому комиссия решила выплатить исполнителям $\frac{3}{4}$ положенной суммы, предложив исправить недостатки при монтаже икон на место [РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 385].

А осенью того же года новая комиссия принимала живописные работы, признав их выполненными полностью, за исключением несущественных недоделок. Кроме того, было отмечено неаккуратное исполнение некоторых работ: грубая врезка киота в карниз клироса, грубое крепление карнизов клиросов гвоздями, неплотное прилегание рамок на иконах дверей иконостаса, непрочное крепление резьбы у подножия Царских врат, трещины в карнизах иконостаса и шероховатости позолоты по самому телу иконостаса. В обеспечение недоделок было решено взыскать с исполнителей 1000 руб. [РГИА. Ф. 515. Оп. 85. Д. 106. Л. 453–453 об.].

Тем не менее, храм, безусловно, удался! Трудно удержаться от того, чтобы не процитировать вполне справедливое замечание М. Нащокиной: «Успешное экономическое развитие государева имения, его образцовое благоустройство и строительство огромного храма, созданного столичными архитекторами и художниками, было своеобразным знаком внимания высшей власти к этим окраинным пограничным землям империи, давало пример рачительного хозяйствования и включало туркестанские земли в общее культурное пространство страны. Возможно, именно поэтому на наружных и внутренних стенах храма был создан пантеон святых, не только связанных с семейной историей последнего императора, но и особо почитаемых в России конца XIX — начала XX в.» [Нащокина, 2025а: 83]. Конечно, автор цитированной статьи не совсем

точна в экономических деталях, но она права в том, что какими бы прагматичными ни были Уделы, они не забывали об имидже своего знакового предприятия.

Основные работы по строительству были закончены в 1914 г., а освещение храма состоялось 9 октября 1916 г. Из ассигнованных Уделами 212 870 руб. было израсходовано 195 700 руб. оставалось лишь покрыть пол метлахской плиткой. Сэкономленные средства были направлены на приобретение паникадила, церковной утвари, планировку церковной площади и т. п. Докладывая в столицу, последний управляющий государевым имением К. А. Мейер сетовал на то, что война серьезно осложнила работы, вынудила собственными силами изготавливать недостающее оборудование (например, электрическую арматуру). И заявлял о своем храме с нескрываемой гордостью, что он «...по свидетельству всех посетивших имение гостей, а также епископа Иннокентия, является лучшим во всем Туркестане, отличаясь снаружи своей солидной простотой и великолепной художественной отделкой и богатым освещением внутри. Золоченный иконостас с темными ликами святых хорошо гармонирует с остальной отделкой храма, которая вся выдержана в древнерусском стиле, не исключая самых мелких деталей, как, например, замков на наружных массивных кованых дверях или кружек у главного входа для сбора подаваний» [РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 198. Л. 40–40 об.].

Заключение

В ходе проведенного исследования удалось установить, что первая (временная) церковь на территории Мургабского государева имения появилась в 1907 г. Она была устроена в перестроенном под новые нужды здании бывшей казармы. Несмотря на то, что численность православного населения имения периодами превышала 1 000 чел., Главное управление уделов не торопилось со строительством стационарного культового объекта, исходя из идеи окупаемости и прибыльности мургабского хозяйства. Поэтому, когда уже стало невозможно держать имение без храма, столичные чиновники искали наименее затратный вариант. И, как представляется, не только ради экономии. Уделы, безусловно, стремились не расходовать дополнительные средства, особенно в условиях, когда расходы имения превышали доходы. С 1911 г. это предприятие стало доходным с перспективой положительной динамики [Васильев, 2025с: 412]. На этом фоне Главное управление уделов приняло решение возвести в усадьбе Байрамали фундаментальный храм в русском стиле с применением ценных строительных материалов и привлечением высококлассных специалистов. Этот храм был призван маркировать величие и незыблемость присутствия России в стратегически важном районе. И он, действительно, по признанию современников, стал сооружением, достойным как самой церкви, так и высокого имени государя. Постаревший и поскромневший храм святителя Алексия по сей день выполняет свою предназначение окормлять паству — наследников государева имения, а также совхоза и колхозов, существовавших на его бывшей территории.

Пример православной церкви в Байрамали свидетельствует о том, что в этой части Российской империи, населенной иноконфессиональным и этнически нерусским большинством, правительство уделяло внимание созданию величественного визуального образа своего присутствия. Насколько эта тенденция имела всеобщее распространение, можно будет судить на примерах иных регионов.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26–18–00108, <https://rscf.ru/project/26-18-00108/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства.

Acknowledgements and funding

The study was supported by grant No. 26–18–00108 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/26-18-00108/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беляев С. Объявление о конкурсе на составление эскизных проектов православного храма в Мургабском государевом имении // Зодчий. 1911. № 34. С. 364.

Беляев С. Отзыв комиссии судей по конкурсу проектов православного храма в Мургабском государевом имении // Зодчий. 1912. № 8. С. 65–68.

Брусина О. И., Соловьева А. Т. Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 10 (120).

Васильев Д. В. Русские жители Мургабского государева имения как этническое меньшинство Мургабского оазиса // Журнал фронтирных исследований. 2025. Т. 10. № 3 (39). С. 36–55.

Васильев Д. В., Васильев С. Д. Мургабское государево имение: трансформация в первые годы Советской власти (1917–1932) // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 7. С. 392–411.

Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Мургабское государево имение в контексте макроэкономических показателей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 402–414.

Васильев С. Д. Российско-персидские отношения XVIII — первой половины XIX века: войны и дипломатия // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей. Москва; Санкт-Петербург, 2021. С. 177–202.

Васильев С. Д. Туркмены в контексте региональной внешней политики в Центральной Азии первой половины XIX в. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 658–672.

Карпов Г. И. Избранные труды по этнографии туркмен. М.: Наука — Вост. лит., 2025. С. 69–115.

Мазаев Н. А. Аграрный сектор Мургабского государева имения как отражение аграрной политики Российской империи в Туркестанском крае // Гусевские чтения — 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики. Ярославль; Москва: Канцлер, 2024. С. 258–272.

Мазаев Н. А. Мургабское государево имение как место применения и трансляции прогрессивного сельскохозяйственного опыта // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2025. № 3 (59). С. 40–54.

Нащокина М. В. Государев храм во имя свт. Алексия, митрополита Московского, в Байрам-Али // Архитектурное наследие. 2025. № 82. С. 74–85.

Нащокина М. В. Керамические произведения художника Николая Пашкова в Мургабе // Подлинник. Вопросы атрибуции и реставрации. 2025. № 1 (5). С. 42–55.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 44. Д. 476.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 81. Д. 198.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 81. Д. 354.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 85. Д. 106.

Томилова А. И. К истории строительства храмов в резиденциях императора всероссийского Николая II // Культурное наследие России. 2021. № 1 (32). С. 38–45.

References

Belyaev S. *Ob'yavlenie o konkurse na sostavlenie ehskiznykh proektov pravoslavnogo khrama v Murgabskom gosudarevom imenii* [Announcement of a Competition for the Preparation of Preliminary Designs for the Orthodox Church in the Murghab Sovereign's Estate]. *Zodchii* [Architect]. 1911, no. 34, p. 364 (in Russian).

Belyaev S. *Otzyv komissii sudei po konkursu proektov pravoslavnogo khrama v Murgabskom gosudarevom imenii* [Review of the Commission for the Competition for Designs of the Orthodox Church in the Murghab Sovereign's Estate]. *Zodchii* [Architect]. 1912, no. 8, p. 65–68 (in Russian).

Brusina O. I., Solov'eva L. T. *Murgabskoe gosudarevo imenie v Bairam-Ali po materialam G. I. Karpova: antikolonial'naya kritika imperskogo podkhoda* [Murghab State Estate in Bairam-Ali Based on the Materials of G. I. Karpov: Anti-colonial Critique of the Imperial Concept]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [ISTORIYA]. 2022, vol. 13, no. 10 (120) (in Russian).

Karpov G. I. *Izbrannye trudy po etnografii turkmen* [Selected Works on the Ethnography of the Turkmens]. Moscow: Nauka — Vostochnaya literature, 2025, pp. 69–115 (in Russian).

Mazaev N. A. *Agrarnyi sektor Murgabskogo gosudareva imeniya kak otrazhenie agrarnoi politiki Rossiiskoi imperii v Turkestanskom krae* [The Agricultural Sector of the Murghab Sovereign Estate as a Reflection of the Agrarian Policy of the Russian Empire in the Turkestan Region]. *Gusevskie chteniya — 2024* [Gusev Readings — 2024]. Yaroslavl, Moscow: Kancler, 2024, p. 258–272 (in Russian).

Mazaev N. A. *Murgabskoe gosudarevo imenie kak mesto primeneniya i translyatsii progressivnogo sel'skokhozyaistvennogo opyta* [Murghab Sovereign's Estate as a Place of Application and Translation of Progressive Agricultural Txperience]. *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki* [MCU Journal of Historical Studies]. 2025, no. № 3 (59), pp. 40–54 (in Russian).

Nashchokina M. V. *Gosudarev khram vo imya svt. Aleksiya, mitropolita Moskovskogo, v Bairam-Ali* [The Sovereign's Church of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, in Bayram-Ali]. *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage]. 2025a, no. 82, pp. 74–85 (in Russian).

Nashchokina M. V. *Keramicheskie proizvedeniya khudozhnika Nikolaya Pashkova v Murgabe* [Ceramic Works by Artist Nikolai Pashkov in Murghab]. *Podlinnik. Voprosy atributsii i restavratsii* [Original. Attribution and Restoration Issues]. 2025b, no. 1 (5), pp. 42–55 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives]. Found 515. Inv. 44. File 476 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives]. Found 515. Inv. 81. File 198 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives]. Found 515. Inv. 81. File 354 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives]. Found 515. Inv. 85. File 106 (in Russian).

Tomilova A. I. K istorii stroitel'stva khramov v rezidentsiyakh imperatora vserossiiskogo Nikolaya II [On the History of the Construction of Churches in the Residences of the Russian Emperor Nicholas II]. *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural Heritage of Russia]. 2021, no. 1 (32), pp. 38–45 (in Russian).

Vasilyev D. V. Russkie zhiteli Murgabskogo gosudareva imeniya kak ehntnicheskoe men'shinstvo Murgabskogo oazisa [Russian Residents of the Murghab Sovereign's Estate as an Ethnic Minority of the Murghab Oasis]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. 2025, vol. 10, no. 3 (39), pp. 36–55 (in Russian).

Vasilyev D. V., Mazaev N. A. Murgabskoe gosudarevo imenie v kontekste makroehkonomicheskikh pokazatelei [Murghab Sovereign's Estate in the Context of Macroeconomic Indicators]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. 2025, vol. 24, no. 3, pp. 402–414 (in Russian).

Vasilyev D. V., Vasilyev S. D. Murgabskoe gosudarevo imenie: transformatsiya v pervye gody Sovetskoi vlasti (1917–1932) [Murghab Sovereign's Estate: Transformation during Early Years of Soviet Power (1917–1932)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2025, vol. 14, no. 7, pp. 392–411 (in Russian).

Vasilyev S. D. Rossiisko-persidskie otnosheniya XVIII — pervoi poloviny XIX veka: voyny i diplomatiya [Russian-Persian Relations in the 18th — First Half of the 19th Century: Wars and Diplomacy]. *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom* [Teaching Military History in Russia and Abroad]. Moscow; St. Petersburg, 2021, pp. 177–202 (in Russian).

Vasilyev S. D. Turkmeny v kontekste regional'noi vneshnei politiki v Tsentral'noi Azii pervoi poloviny XIX v. [Turkmens in Russia's Foreign Policy in Central Asia, Early to Mid 19th Century]. *Oriental Studies*. 2021, vol. 14, no. 4, pp. 658–672 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 11.06.2026

Принята к публикации: 10.08.2026

Дата публикации: 31.09.2026

УДК 322 (571.1)

DOI 10.14258/nreur(2026)3–12

*Е. А. Шершнева**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ПОЛОЖЕНИЕ ССЫЛЬНЫХ МУСУЛЬМАН СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья подготовлена на основе анализа исторических источников первой половины XIX в., хранящихся в Государственном архиве Томской области, представленных рапортами губернских органов власти, выписками из журнала заседаний совета Главного управления Западной Сибири, а также перепиской чиновников по вопросам ссыльных мусульманского вероисповедания. Благодаря анализу архивных документов из фондов Томского губернского управления, Томской духовной консистории Святейшего правительствующего синода и Канцелярии Томского губернатора удалось представить положение мусульманского населения Западной Сибири, оказавшегося в статусе ссыльных. Меры правительства по освоению Сибирского края, в том числе и за счет ссыльных, привели к увеличению численности мусульманского населения в регионе, а также его этническому многообразию. Однако до начала XIX в. вопрос сибирской ссылки был слабо регламентирован, и лишь принятие в 1822 г. «Устава о ссыльных» позволило обеспечить государственный контроль за ссыльным населением на законодательном уровне. В данный период основными преступлениями, за которые мусульмане оказались сосланы в Сибирь, являлось бродяжничество, конокрадство, изготовление фальшивых денег, а также религиозный фанатизм. Причем тяжелое материальное положение, в котором оказывались ссыльнопоселенцы мусульманского вероисповедания, часто приводило к совершению повторных преступлений. Имперские власти ставили перед мусульманским духовенством задачу по формированию благонадежности и нравственности в религиозной среде. Однако статус самих лиц духовного звания, а также их немногочисленность в регионе не могли решить всех поставленных перед ними задач. Особенно пристального внимания со стороны местных властей заслуживало мусульманское население, прибывшее на территорию Сибири из-за границы. Это связано с тем, что часть из них являлась иностранными подданными, совершавшими преступления в регионе, не попадающими под суд по российскому закону. Среди выходцев из-за границы встречались также и ранее беглые преступники, в отношении которых задачей местных властей было их размещение в Сибири и установление за ними контроля.

Ключевые слова: мусульмане, ислам, западная Сибирь, государственно-конфессиональная политика, Российская империя, ссылка

Для цитирования:

Шершнева Е. А. Положение ссыльных мусульман Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 210–228. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–12](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–12)

Шершнева Елена Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

E. A. Shershneva

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE STATUS OF EXILED MUSLIMS IN SIBERIA IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN EMPIRE'S STATE POLICY TOWARD RELIGIOUS COMMUNITIES

This article is based on an analysis of historical sources from the first half of the 19th century, stored in the State Archives of Tomsk Oblast. These sources include reports from provincial government bodies, excerpts from the meeting minutes of the Council of the Main Administration of Western Siberia, and official correspondence regarding Muslim exiles. An analysis of archival documents from the holdings of the Tomsk Provincial Administration, the Tomsk Spiritual Consistory of the Holy Governing Synod, and the Chancellery of the Tomsk Governor allowed us to present the situation of the Muslim population of Western Siberia, who found themselves in exile. Government efforts to develop the Siberian region, including through the exiles, led to an increase in the Muslim population in the region, as well as its ethnic diversity. However, until the early 19th century, the issue of Siberian exile was poorly regulated, and only the adoption of the “Charter on Exiles” in 1822 allowed for state oversight of the exiled population at the legislative level. During this period, the main crimes for which Muslims were exiled to Siberia were vagrancy, horse stealing, counterfeiting, and religious fanaticism. Moreover, the dire financial situation of Muslim exiles often led to repeat offenses. Imperial authorities tasked the Muslim clergy with fostering trustworthiness and morality within the religious community. However, the status of the clergy themselves, as well as their small number in the region, prevented them from fulfilling all these obligations. The Muslim population arriving in Siberia from abroad deserved particularly close attention from local authorities. This was because some of them were foreign nationals who had committed crimes in the region and were not subject to prosecution under Russian law. Among those arriving from abroad were also former fugitive criminals, and local authorities were tasked with settling them in Siberia and establishing control over them.

Keywords: Muslims, Islam, Western Siberia, state-confessional policy, Russian Empire, link

For citation:

Shershneva E. A. The Status of Exiled Muslims in Siberia in the Context of the Russian Empire's State Policy toward Religious Communities. *Nations and religions of Eurasia*. 2026, vol. 30, no. 3, pp. 210–228. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–12](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–12)

Shershneva Elena Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

Введение

Сибирь с момента своего вхождения в состав российского государства являлась поликонфессиональным регионом, где мусульманская умма занимала особое место. В современной историографии большое внимание уделяется вопросам распространения и укрепления исламских традиций среди населения региона [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009; Корусенко, Томилов, 2011; Ярков, Старостин, 2021; Ярков, 2019; Бакиева, 2007; Бакиева, 2008; Шершнева, 2022; Дашковский, Шершнева, 2021 и др.]. Анализ этнического и социально-экономического состава мусульманских общин сибирского региона позволяет дать оценку отношения к ним со стороны российского правительства. Этноконфессиональная политика российского правительства в отношении Сибири отличалась от других регионов страны в силу отдаленности региона и специфики его заселения. Начиная с XVIII в. Сибирский край официально становится местом ссылки. Принятый в 1760 г. указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут и о платеже из казны за жен и детей обоего пола тех отправленных крестьян, по назначенной в сем указе цене» [ПСЗ — I, Т. XV, № 11166] официально закрепил за регионом данный статус. Таким образом, на основании принятого указа численность населения Сибири за счет ссыльных и их семей только за период с 1761 г. по 1782 г. возросла почти на 60 тысяч человек [Иванов, 2014: 44]. При этом ссылались в Сибирь представители разных этнических и религиозных групп, среди которых оказывались последователи ислама. Целью данной статьи является рассмотрение основных направлений противоправных действий, в которые было вовлечено мусульманское население Сибири. Для решения поставленной цели были привлечены материалы Государственного архива Томской области, а именно фондов Томского губернского управления, Томской духовной консистории Святейшего правительствующего синода и Канцелярии Томского губернатора. В данных фондах нашли свое отражение рапорты представителей губернских органов власти, выписки из журнала заседаний совета Главного управления Западной Сибири, переписки чиновников по вопросам ссыльных мусульманского вероисповедания.

Роль мусульманского населения в системе сибирской ссылки в дореформенный период

Ссылка в Сибирь на долгие годы становится одной из преобладающих форм наказания за совершенные преступления в Российской империи. В начале XIX в. с целью упорядочения процесса ссылки в стране строятся этапы (станции) для ссыльных, а в г. Тобольске учреждается приказ о ссыльных, в обязанности которого входило распределение ссыльных по территории Сибири [Устав о ссыльных, 1822: 5]. В данный период большинство ссыльных распределялось по территории Западной Сибири. Так, на основании данных, приводимых Е. В. Карих, только за период с 1803 г. по 1805 г. на территорию Томской губернии прибыло 7196 ссыльных. В 1825–1833 гг. более 50% сосланных в Сибирь были также расселены на территории западной её части. Лишь в 30–40-е гг. XIX в. ситуация начинает несколько меняться, и основным местом ссылки постепенно становится Восточная Сибирь, в то время как в Западной начинает преобладать добровольное переселение крестьян из северо-западных и западных губерний России [Карих, 2004].

К 1858 г. число ссыльных мусульман в Тобольской губернии составляло 10% от общего числа сосланных, в Томской губернии — 15% [Ярков, Старостин, 2021: 46; Нам, 2009: 42]. При этом, если территория Западной Сибири начинает рассматриваться имперскими властями как место ссылки с целью перевоспитания людей, оступившихся в тяжелых условиях, то Восточная Сибирь становилась местом каторги, куда ссылали за особо тяжкие преступления [Никулина, 2011: 121, 147].

Несмотря на то, что число ссыльных в Сибири в начале XIX в. продолжало расти, четкой законодательной базы, регламентирующей их положение в регионе, долгое время не было разработано. Лишь благодаря активной деятельности М. М. Сперанского были приняты такие нормативные акты, как «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах в Сибирских губерниях», «Положение о сибирской ссылке». На основании принятых нормативных актов регламентировалась деятельность губернских органов власти по приему, отправке и содержанию ссыльных. Принятые уставы установили систему управления ссылкой, определили правила причисления ссыльных к существующим сельским обществам. При этом контроль за ними возлагался на земских и сельских начальников, поскольку местная администрация в силу своей малочисленности не могла осуществлять контроль за ссыльными [Дамешек, 2018: 371–379]. Такая мера обосновывалась ещё и тем, что ссыльные в XVIII и XIX вв. распределялись по хорошо освоенным территориям Сибири и причислялись к существующим сельским обществам [Иванов, 2014: 45].

С целью сохранения своих этнических и религиозных традиций ссыльные мусульмане стремились быть причисленными на территории Сибири к селениям своих единоплеменников. Попытки интеграции ссыльных в социальную структуру уже существующих поселений объяснялись и тем, что ссылка была пожизненной, и до второй половины XIX в. её сроки не оговаривались. Даже получившая временные ограничения в 1822 г. на основании принятых нормативных актов каторга предполагала дальнейшее поселение на территории Сибири осужденного, отбывшего наказание [Сысоев, Кавецкий, 2016: 94–95]. При этом при причислении ссыльных к поселкам не учитывался и тот факт, что все ссыльные должны были распределяться по нескольким разрядам — вре-

менные заводские рабочие, ремесленники, цеховые слуги, поселенцы, водворяемые рабочие и «дряхлые». Данный факт объяснялся также неготовностью сибирской администрации принимать ссыльных по указанным разрядам и отсутствием в регионе заводов и ремесленных мастерских в достаточном количестве [Сальникова, 2012: 269].

Несмотря на то, что ссыльные, исповедующие ислам, стремились к включению в социально-экономическую жизнь общины своих единоверцев, данный статус не давал им возможности полноценно в неё интегрироваться. Наиболее распространенными преступлениями среди ссыльного мусульманского населения являлось конокрадство, бродяжничество и распространение религиозного фанатизма [Литвинов, 2015: 76; Гавриленков, 2017: 25–26].

Оказавшись в Сибири, ссыльные испытывали затруднения при организации собственного хозяйства. В большинстве случаев это было связано с отсутствием материальной базы. Сами ссыльные не имели необходимых средств для организации своего быта на новом месте, а поддержка со стороны имперских органов власти в виде предоставляемых ссыльнопоселенцам пособий, часто была лишь формальной. Согласно принятому «Уставу о ссыльных», старожил, пускающий к себе в дом ссыльнопоселенца, получал вознаграждение. Однако на деле данная мера практически не работала. Ссыльные, как правило, не получали земельных наделов и находились в крайне затруднительном материальном положении. К тому же даже те, кому удавалось обзавестись землей, не имели возможности вести хозяйство наравне со старожилами. Так, у ссыльнопоселенцев на одно хозяйство приходилась лишь одна лошадь, в то время как у старожилов их было три [Иванов, 2014: 47–48].

Таким образом, несмотря на то, что все ссыльные должны были получать землю для дальнейшего своего устройства на территории Сибири, большинство из них получало билет на право отлучки для поиска заработка. Данные меры приводили к появлению нищенства и бродяжничества в среде ссыльного населения. К тому же их неполноправное положение напрямую влияло на попадание в зависимость от старожильского населения. Не способствовал улучшению материального положения и специальный заемный капитал ссыльнопоселенцев Восточной Сибири, утвержденный 27 августа 1825 г. Сибирским комитетом [Катцина, 2010: 6–7]. Сложности, с которыми сталкивалось водворенное на сибирские земли мусульманское население в статусе ссыльных, и отсутствие стабильной экономической базы приводили к совершению повторных преступлений. Их главным занятием становились грабежи, конокрадство, изготовление фальшивых денег и документов [Лилявина, 2016: 62].

Факты повторного совершения преступлений уже на территории Сибири находят свое подтверждение в архивных материалах. Так, в 1838 г. в Томское губернское правление был направлен рапорт Лаишевского земского суда Казанской губернии о высылке татар этого уезда А. Башерова и М. Назирова, отбывающих наказание в Сибири за кражу, в Томскую губернию. В рапорте указывалось, что несмотря на то, что они указывали, что причислены в Томской губернии в ясачные татары деревни Каргачи, это вызывало множество сомнений в подделке ими предоставленных документов. Самых арестантов было решено отправить в Томскую губернию, где именно Томский земский суд должен был принять решение о их дальнейшей судьбе [ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 233. Л. 1–1

об.]. В рамках рассмотренного дела было установлено, что указанные татары ранее уже привлекались к суду за самовольную отлучку с места отбывания своего наказания.

Пытаясь установить контроль за ссыльным населением и предотвратить их разорение, правительство уже в первой половине XIX в. начинает интересоваться вопросом социально-экономического положения ссыльных татар на территории Сибири. Так, в марте 1825 г. на имя генерал-губернатора Западной Сибири был направлен секретный циркуляр, согласно которому он должен был представить данные, где, в каких губерниях и в каком количестве на вверенных ему территориях проживают ссыльные татары. Среди предоставляемых сведений необходимо было указать, имеют ли они собственные дома [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 5–5 об.]. В связи с этим генерал-губернатор Западной Сибири был направлен запрос о получении указанных сведений в Томскую экспедицию о ссыльных [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 12]. На свои запросы генерал-губернатор получил ответ, что в Томской губернии ссыльных нет, т. к. они все направляются в Иркутскую губернию в соответствии с распоряжением Тобольского приказа о ссыльных [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 6].

Несмотря на то, что после 1822 г. система управления ссылкой приобрела более стройный характер, архивные данные свидетельствуют о существующих затруднениях, касающихся даже предоставления информации о ссыльных, проживающих в крае. Так, в 1825 г. Главным управлением Западной Сибири на имя Томского гражданского губернатора был направлен секретный циркуляр, в котором указывалось, что несмотря на сделанный Управляющим министерством внутренних дел запрос о ссыльных мусульманского вероисповедания в количестве 207 человек ответ от Тобольского гражданского губернатора так и не был получен. При этом Управляющего министерством внутренних дел интересовал вопрос экономического обеспечения ссыльных, а именно, имеют ли они дома и обложены ли подушной податью. В связи с отсутствием необходимой информации было принято решение о приостановке их дальнейшей отправки в Иркутскую губернию [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 19–19 об.].

В целом система отправки ссыльных была регламентирована «Уставом о ссыльных». Однако, несмотря на то что вся процедура этапирования была законодательно закреплена, сам процесс ссылки был крайне продолжительным и сложным. В обязанности Тобольского ссыльного приказа входило составление «статейных списков», установление норм довольствия, а также дальнейшее распределение заключенных по Сибири [Сальникова, 2011: 319]. Распределяя ссыльных по территории Сибири, Тобольский ссыльный приказ обязан был учитывать пригодность отбывающих наказание для использования их на работах. В 1827 г. генерал-губернатору Западной Сибири была направлена бумага, в которой указывалось, что на основании распоряжений Министерства внутренних дел во избежание побегов армян, грузин и татар следует высылать их из Западной Сибири в Восточную. Однако, как было указано в полученной бумаге, Томская экспедиция о ссыльных и Тобольский ссыльный приказ направляют в Иркутскую губернию ссыльных, не способных к работе. В связи с этим предлагалось пересмотреть ранее принятое распоряжение и высылать в Восточную Сибирь не всех ссыльных, а только крепких здоровьем, которые могут быть привлекаемы к работам [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 32–33]. Данный вопрос был иницииро-

ван Иркутским губернским начальством, т. к. была отмечена тенденция об отправке из Западной Сибири ссыльных, не способных к труду и «дряхлых». Инициатива высылки ссыльного населения в более отдаленные места Сибири, а именно в Иркутскую губернию и Забайкальский край, была связана с тем, что, несмотря на попытки законодательного закрепления всего процесса ссылки, побегі не были редким явлением. В силу нехватки лиц, осуществляющих надзор за ссыльными, в начале XIX в. на территории Персии и Грузии были обнаружены беглые ссыльные из Сибири. С целью дальнейшего предотвращения такого рода инцидентов Министерство внутренних дел приняло решение о высылке грузин, армян и татар в Восточную Сибирь [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 34–35 об.].

Несмотря на озабоченность государственных органов побегами ссыльных с территории Западной Сибири, вопрос материального благосостояния жителей края — вне зависимости от их статуса — оставался одним из важнейших. К тому же, ссылка была важна для освоения тех мест, куда люди не ехали добровольно [Казаркин, 2008: 34; Копцева, Байрамов, 2015: 1738]. В связи с этим, на основании сложившихся обстоятельств и рассмотрев журналы протоколов заседаний Тобольского и Томского губернских правлений, Совет главного управления Западной Сибири в 1828 г. предписал армян, грузин и татар, предполагающихся для высылки в Иркутскую губернию, оставить на прежнем месте жительства, если они обзавелись домовладениями либо имеют слабое здоровье и не способны к работам [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 39–41].

Роль мусульманского духовенства в судебной и пенитенциарной системе

Увеличение численности мусульманского населения на территории Сибири требовало от правительства более пристального внимания к его духовным потребностям. Несмотря на то, что ещё Екатериной II был провозглашен курс на веротерпимость, российское правительство видело для себя некоторую угрозу в представителях иноверческих исповеданий, к которым относился ислам. Пройдя ряд реорганизаций, в 1832 г. в составе Министерства внутренних дел был утвержден Департамент духовных дел иностранных исповеданий [ПСЗ — II, Т. VII, № 5126; Высшие центральные государственные учреждения России. 1801–1917, Т. 2, 2001: 36–38]. Таким образом, деятельность мусульманских общин в стране, а также отдельных служителей культа, оказалась под контролем Министерства внутренних дел. Именно полиция и жандармы осуществляли контроль за реализацией государственной политики в отношении мусульманского населения [Саидов, Алибекова, 2021: 49].

Способствовать осуществлению надзора за гражданами, помогая полиции, должны были и муллы [Петровский, 2021: 89]. На мусульманское духовенство возлагалась обязанность по ведению актов гражданского состояния, которые могли быть необходимы в работе исполнительных и судебных органов. В 1822 г. Министерством духовных дел и народного просвещения был предложен проект о предоставлении муллам прав в делах гражданского судопроизводства. Согласно предложенному проекту представители мусульманского духовенства могли выступать лишь примирителями между тяжущимися сторонами. При этом в ведении мусульманского духовенства оставались дела, связанные с наследством, и брачно-семейного характера — и то только в том случае, если это не вызывало недоверия ни у одной из спорящих сторон. [Денисов, 2012: 93–94]. Не до-

пускалось мусульманское духовенство до решения судебных вопросов, рассматриваемых в окружном или губернском суде, а именно связанных с преступлениями против государства, убийствами, разбойными нападениями [Петровский, 2021: 92]. При этом, что касается судов, затрагивающих отношения между супругами, то в них муллы принимали непосредственное участие. В частности, по Тобольской губернии встречаются судебные дела, связанные с бракоразводным процессом по причине рукоприкладства мужа в отношении жены. В этих делах мулла часто выступал не только как свидетель, но как инициатор и главный обвинитель [Бакиева, 2007: 169].

Несмотря на все попытки со стороны правительства в начале XIX в. унифицировать систему судопроизводства сибирских татар по образцу судопроизводства русского крестьянства, она не увенчалась успехом. Татары в большинстве случаев продолжали осуществлять управление и решать судебные дела преимущественно по традиционным нормам с привлечением лиц духовного звания. Сибирские татары обращались к мулле и для решения вопросов, связанных с воровством, телесными повреждениями и пр. При судебном разбирательстве таких дел мулла обращался к нормам обычного права и Шариата. Чаще всего за проступки предполагалось телесное наказание, которое приводилось в действие на собрании односельчан. Однако на основании указа от 8 июня 1837 г. правительством вводился запрет на телесные наказания мусульман со стороны духовных лиц. В связи с этим уже в 1839 г. жителям Тобольской губернии при разборе дела о прелюбодеянии в виде наказания был наложен пост и покаяние в мечети. Мусульманское духовенство при рассмотрении бракоразводных дел в случае измены одного из супругов должно было сообщить об этом факте полицейскому начальнику [Бакиева, 2007: 170; Литвинов, 2024: 83].

Несмотря на то, что мусульманское духовенство выполняло функции государственных чиновников, оно приравнивалось по статусу к сельским обывателям и не составляло отдельного сословия. Представители мусульманского духовенства избирались из среды общины на общинном сходе. Одними из важнейших условий для кандидата на должность муллы в первой половине XIX в. являлись его благонадежность и добропорядочное поведение. Будущий мулла не должен был принадлежать ни к каким сектам и не привлекаться к суду [Бакиева, 2007: 167].

Правительство опасалось распространения антиправительственных идей в мусульманской среде и отчасти сдерживало формирование мусульманского духовенства как закрытой корпорации. На мусульманское духовенство распространялись все податные обязанности, т. к. они оставались членами общины. При этом, получая статус духовного лица, они становились своего рода государственными чиновниками, которые находились в тесном сотрудничестве с губернской администрацией и органами полицейского надзора [Речкина, 2006: 81].

Одной из задач, стоящей перед мусульманским духовенством, был контроль за арестантами, исповедующими ислам, и воздействие на них через нравственное увещевание. Несмотря на то, что тюрьма является закрытым заведением, тюремное начальство в некоторых случаях допускало на свою территорию служителей культа. Духовно-нравственное окормление тюрем на территории Сибири чаще всего выполняли муллы ближайших приходов, которых приглашали для совершения погребального обря-

да или проведения бесед для смягчения нрава заключенных. На основании закона от 5 марта 1849 г. мусульмане, находившиеся в арестантских ротах, освобождались в дни праздников и пятницу от работ, а с 1854 г. арестантам предоставлялось по три дня отдыха в праздничные дни [Загидуллин, 2007].

Особое внимание на территории Сибири уделяли этническому составу преступников, исповедующих ислам. Наиболее неблагонадежными считались башкиры и татары, а также выходцы с Кавказа. В начале XIX в. в Тобольской губернии местная администрация опасалась их объединения с целью поднятия смуты среди ссыльного населения. При этом выходцы из Средней Азии рассматривались как лица, плохо знакомые с религиозной догматикой, на которых сильное влияние в нравственном плане оказывает сама община единоверцев, пытающаяся наставить их на путь исправления. Мулле, привлекаемому для удовлетворения духовных потребностей отбывающих в регионе наказание мусульман, а также обязанному проводить воспитательную работу, назначалось жалование из спецсредств Министерства юстиции [Ярков, 2019: 215–216].

Несмотря на возлагаемые на духовное лицо мусульманского вероисповедания обязанности со стороны правительства, муллы оставались подсудны наравне с простыми обывателями. В случае несоблюдения каких-либо обязанностей, или если мулла был замечен в недобропорядочном поведении, предполагалось его отстранение от должности, а в некоторых случаях и заключение под стражу. На данные факты указывает Г. Т. Бакиева, обращаясь к архивным материалам по Тобольской губернии первой половины XIX в. Среди преступлений, совершенных духовными лицами, приводятся такие примеры, как ложные доносы либо заключение брака между лицами, не принадлежащими его приходу [Бакиева, 2007: 168].

Случай привлечения муллы к суду отмечен и в Томской губернии. В 1834 г. командующим сибирским линейным батальоном в Томское губернское правление был направлен рапорт о рассмотрении дела по задержанию муллы из татар К. Бураметова. В ходе разбирательства Томским губернским управлением было установлено провести расследование по данному делу, допросить муллу и направить дело на рассмотрение в окружной суд в соответствии с законом [ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 519]. Несмотря на то что привлечение мусульманского духовенства к суду и отбыванию наказания на территории Сибири не носило массового характера, тем не менее не было и исключением. В частности, согласно статистике, на 1849 г. в Томской губернии среди преступников, отбывающих наказание, числилось одно лицо духовного звания [Ярков, 2019: 216].

Русская православная церковь как инструмент формирования нравственности среди населения

Особая роль в воспитании нравственности среди осужденных отводилась Русской православной церкви. Священники обязаны были следить за нравственностью своих прихожан, оказывать им духовную поддержку в тюрьмах. При тюрьмах предполагалось наличие церкви. Однако до 1831 г. не существовало точных указаний о церковных службах в местах заключения, а также порядке времяпрепровождения заключенными. До этого времени храмы и штатные священники существовали лишь в губернских и пересыльных тюрьмах. Для совершения богослужения выделялась одна комната, в которой православный священник совершал необходимые требы. Постепенно к се-

редине XIX в. устанавливаются правила по устройству православных церквей в местах заключения, а также организации молитвенных комнат для католиков и лютеран. Мусульмане могли претендовать на место для молитвы лишь при условии наличия свободной камеры [Загидуллин, 2007].

В обязанность Русской православной церкви как государственного института входила забота о всех нуждающихся, в том числе и заключенных. Государство, со своей стороны, обеспечивало поддержку Русской православной церкви, освобождая её от налогов. Создавая благотворительные общества, представители церкви посещали тюрьмы, вели душеспасительные беседы с заключенными, наставляя их на путь истинный, принимая различные меры к их нравственно-религиозному исправлению [Петровский, 2021: 89].

Оказывала православная церковь поддержку и вновь принявшим православие иноземцам, исповедующим ислам. В частности, принявшие православие могли освобождаться от уголовного наказания. Примером такого случая может служить обращение в 1833 г. жительницы г. Тары Айжой Сеитовой, подвергшейся суду за прелюбодеяние и кражу, о желании креститься вместе с малолетней дочерью. Данное ее желание объясняется как раз освобождением от уголовного наказания в случае крещения [Бакиева, 2008: 7]. Принявшее православие мусульманское население освобождалось также от оброчных податей. В частности, на основании Положения Комитета министров от 15 сентября 1856 г. турецкие дезертиры и военные, принявшие православие, освобождались от взимания налогов и рекрутской повинности [Полякова, 2010: 328].

Не оставалась церковь в стороне и от контроля за мусульманским населением. Так, епископу Томскому и Семипалатинскому был направлен рапорт от благочинного, в котором указывалось, что был задержан персидский подданный, собирающий пожертвования на святые места и в помощь духовенству, находящемуся под «Турецким игом». Однако, как было установлено и указывалось в рапорте, никаких бумаг от Священного Синода, позволяющих ему осуществлять такого рода деятельность, при нем не оказалась [ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 22. Л. 1–1 об.].

Влияние иностранных подданных на благонадежность мусульманского населения

Одной из проблем для Западной Сибири стало появление на ее территории иностранцев мусульманского вероисповедания. На основании «Устава духовных дел иностранных исповеданий» всем подданным Российской империи, а также иностранцам, прибывающим в страну, разрешалось свободно совершать богослужения и соблюдать традиции своей веры. Однако духовным и светским лицам, не принадлежащим к православию, запрещалось осуществлять проповедническую деятельность [Андрощук, 2020: 36; Арапов, 2001: 20]. В связи с этим отношение к лицам, исповедующим ислам и прибывшим в страну из-за границы, было крайне настороженным.

В 1822 г. Томскому и Тобольскому генерал-губернаторам было направлено распоряжение по пограничной части, согласно которому предписывалось собрать наиболее точные сведения о том, какие именно люди вышли в их губернии из-за границы на основании Манифеста 30 августа 1814 г. Кроме того, следовало указать, причислены ли они к какому-либо роду занятий и какие документы имеют. Такие действия со сторо-

ны властей объяснялись увеличением числа бродяг в Тобольской губернии, в районе Петропавловска [ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4. Л. 16–17].

Исполняющий должность Петропавловского городничего сообщал Томскому и Тобольскому генерал-губернаторам, что им были обнаружены в Петропавловской крепости беглые дезертиры, прибывшие из-за границы. Задержанные сообщили, что они из Казанской губернии, бежавшие от рекрутской повинности и скрывающиеся за границей 10–15 лет. Узнав о Манифесте, они прибыли в Петропавловск, где обзавелись хозяйством и живут там уже 7 лет. Кроме того, как указали задержанные, ими были поданы прошения о причислении их к деревне Мавлютово [ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4. Л. 19–20].

От исполнительной экспедиции Томскому и Тобольскому генерал-губернаторам были направлены сведения о вернувшихся из-за границы беглых. Согласно зафиксированным спискам из-за границы прибыло 172 человека беглых, часть из которых была отправлена по местам их прежнего жительства. Однако часть из них оказалась поселенцами, прибывшими в Сибирь за преступления. Все они также были распределены в Томской и Тобольской губерниях. Губернским властям предписывалось провести допрос прибывших к ним, установить их истинные имена и к какому сословию они принадлежат [ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4. Л. 21–31 об.].

В Томское губернское правление в 1829 г. был направлен рапорт Семипалатинского городничего об обнаружении в Семипалатинске двух татар Курбата Улла и Оли Оглы, прибывших из-за границы [ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 180. Л. 1]. Данные лица были задержаны и преданы суду за бродяжничество. При рассмотрении судом данного дела было установлено, что указанные татары в Томской губернии не значатся. Следует также отметить, что именно бродяжничество являлось одним из самых распространенных преступлений сибирской ссылки. Около 2/3 всех ссыльных были осуждены и сосланы в Сибирь именно за данное преступление [Катцина, 2010: 8].

На протяжении всего периода существования Российской империи имперские власти стремились к контролю за миграционными процессами. Правительство старалось сдерживать иностранную колонизацию на территории Сибири. К тому же возникали некоторые сложности по учету переселенцев на их новом месте жительства, что оказывало влияние на сбор податей и лишало государство дохода [Полякова, 2010: 327].

В 1850 г. в Томское губернское правление было направлено Томским губернским судом дело о переселении из-за границы татар, которые обратились в Семипалатинское полицейское управление. Указанные татары были заключены под стражу и признаны бродягами, намеренно скрывающими свое происхождение. На основании суда их было решено наказать розгами. При этом Галиева и Абдулова предписывалось отдать в арестантские роты на 10 лет, а в случае отсутствия мест там — сроком на 5 лет. По окончании срока наказания, а также в случае невозможности по состоянию здоровья и возрасту выполнять назначенные работы, предписывалось, как и Баязитова, направить в отдаленные места Сибири, а именно в Восточную её часть [ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 1207. Л. 1–2].

Опасение со стороны имперской власти в отношении переселявшихся из-за границы мусульман было связано с их влиянием на единоверцев в Сибири. В 50-е гг. XIX в. были сделаны попытки установления контроля за всеми выходцами из Средней Азии, не имеющими российского подданства и приезжающими для ведения торговли.

При этом было предложено им либо покинуть территорию государства, либо в течение года принять российское подданство наравне с сибирскими бухарцами и ташкентцами. При этом, если среди прибывших из-за границы будут выявлены беглые преступники, то их следовало выслать на родину. Таким образом, власти стремились оградить население от влияния мусульманских проповедников и в целом вредных элементов, которые могли, по их мнению, прибыть из-за границы. В частности, министру внутренних дел Главным управлением Западной Сибири был сделан доклад, в котором указывалось на появление людей, называвших себя духовными лицами, но никакого разрешения при этом от Оренбургского магометанского духовного собрания у них не было. Указанные лица были арестованы в Акмолинской области [Речкина, 2006: 82–83].

Факты проникновения на территорию Сибири неблагонадежных иностранных подданных, исповедующих ислам, находят отражение в архивных данных. Так, Бийским земским судом в 1856 г. был направлен рапорт губернатору, в котором указывалось, что бухтарминский заседатель оповещал об участвовавших случаях конокрадства казаками, не являющимися подданными Российской империи. Для решения данного вопроса сообщалось, что всех задержанных доставляли под суд биев, хотя они промышляли в тех районах, где есть карантинная власть. Кроме того, указывалось, что для регулирования вопросов, связанных с появлением иностранных подданных на территории Сибири, не всегда хватает казаков, которые находятся в пограничной линии. Также отмечалось, что в связи с тем что казахи, не являвшиеся российскими подданными, не судились российскими властями, а передавались биям, часто их преступления оставались без наказания и находились вне поля российского законодательства [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 774. Л. 1–4]. В рамках рассматриваемого дела было установлено, что часто конокрады являлись китайскими подданными. На основании установленного факта было отмечено, что при рассмотрении данных дел должно действовать дополнительное условие, заключенное с китайским правительством ещё 18 октября 1768 г., которое регулировало вопрос о розыске конокрадов и их наказание за совершенное преступление [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 774. Л. 9–9 об.]

Заключение

Таким образом, сибирский регион на протяжении не одного столетия осваивался отчасти за счет ссылки. Российское правительство, используя ссылку как инструмент освоения региона, особое внимание уделяло представителям исламской традиции, численность которых неукоснительно росла. Следует отметить, что отношение к представителям различных этнических групп, исповедующим ислам, в составе ссыльного населения не было одинаковым. Особое опасение губернской администрации вызывали ссыльные татары, башкиры и выходцы с Кавказа, т. к. в них видели наибольшую склонность к религиозному фанатизму. Опасение вызывали и представители мусульманской традиции, прибывающие на территорию Сибири из-за рубежа. Данная тенденция продолжает сохраняться и во второй половине XIX в., причем основным источником контактов с единоверцами из-за рубежа начинает рассматриваться хадж, который следовало контролировать особенно пристально. Рост национального самосознания в мусульманской среде привел к ограничению возможности занимать ряд должностей представителям исламской традиции по причине вредного влияния на население Сибири. Так, по губерниям Сибири во второй половине XIX в. был разослан секретный циркуляр

Министерства внутренних дел, предписывающий не допускать мусульман на должности волостных и сельских управлений. Социально-экономические и политические преобразования в стране во второй половине XIX — начале XX в. изменили и социальный облик ссыльных мусульман. На территории Сибири появляются мусульмане, сосланные за политические преступления и антиправительственные взгляды, что требовало к ним особенно пристального внимания местных властей [Шершнева, 2024].

С целью формирования в среде ссыльных мусульман покорности и готовности встать на путь исправления имперские власти видели необходимым включить в этот процесс духовенство. Муллы были задействованы в тюремном служении, а также привлекались к судопроизводственной практике при решении вопросов по нормам Шариата. Однако в связи с тем, что они не составляли отдельной корпорации, а являлись представителями мусульманской общины, на которых распространялись все податные обязанности, муллы также оказывались подсудны. Одним из главных помощников в деле воспитания нравственности среди российских подданных выступала Русская православная церковь. Представители церкви брали на себя обязанности по духовно-нравственной и экономической поддержке осужденных. Принятие православия в некоторых случаях освобождало новокрещенных от уголовного наказания, что находило свое подтверждение в архивных материалах. Несмотря на то, что органы власти Российской империи стремились к контролю за ссыльными мусульманского вероисповедания на территории Сибири, следует отметить очень тяжелое материальное положение ссыльнопоселенцев, которое приводило их часто к повторному совершению преступлений. К тому же законодательная база, четко регламентирующая положение ссыльнопоселенцев на территории Сибири, начинает разрабатываться только с 1822 г. Обращая внимание на все эти моменты, следует отметить, что именно тяжелое социально-экономическое положение ссыльных мусульман на территории Сибири в дореформенный период не могло способствовать их глубокой адаптации в данном регионе и формированию глубоких нравственных качеств в их среде.

Благодарности и финансирование

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ «Социокультурная адаптация и взаимодействие религиозных общин центральноазиатских окраин России и Монголии в условиях модернизационных процессов во второй половине XIX — первой четверти XXI в.» (проект № 26-48-03003).

Acknowledgments and funding

The work was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant “Socio-cultural adaptation and interaction of religious communities in the Central Asian suburbs of Russia and Mongolia in the context of modernization processes in the second half of the 19th — first quarter of the 21st century” (project No. 26-48-03003).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андрощук В. В. Формирование правовых основ системы управления инословными конфессиями в Российской империи XVIII — начала XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 27–39.

Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика). М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 367 с.

Бакиева Г. Т. Приходское духовенство у сибирских татар в XVIII — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. Вып. 7. С. 166–171.

Бакиева Г. Т. Российское государство и сибирские татары в XVII — начале XX в.: конфессиональный аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4. С. 7–15.

Высшие центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 2: Центральные государственные учреждения. Министерство внутренних дел. Министерство юстиций. Министерство финансов. Министерство торговли и промышленности. Государственный контроль. СПб.: Наука, 2001. 260 с.

Гавриленков А. Ф. Мусульмане в Смоленской губернии во второй четверти XIX — начале XX века // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2017. № 4 (28). С. 25–34.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 2. Д. 4.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 774.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 10. Д. 233.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 10. Д. 519.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 10. Д. 1207.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 4. Д. 22.

Дамешек А. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: Оттиск, 2018. Т. 2. 416 с.

Дашковский П. К., Шершнева, Е. А. Организация мусульманских приходов в Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Ислам в России и Евразии XVI–XXI вв.: коллективная монография. СПб.: Алатай, 2021. С. 148–167.

Денисов Д. Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX — начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11. История. Вып. 50. С. 90–94.

Загидуллин И. К. Исламский ритуал в российских тюрьмах (конец XVIII — начало XX в.) // Рамазановские чтения. Нижний Новгород: Медина, 2007. С. 108–110.

Иванов А. А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на дальнем востоке. 2014. № 1. С. 42–53.

Казаркин А. П. Этапы колонизации Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 2. С. 31–40.

Катцина Т. А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе в XIX — начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 3. С. 5–16.

Копцева Н. П., Байрамов Т. Р. К вопросу о специфике Сибирского ислама // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1737–1744.

Корусенко С. Н., Томилов Н. А. Татары Сибири в XVIII — начале XX вв.: расселение, численность и социальная структура // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2. С. 177–185.

Лилявина Е. В. Татары-переселенцы в Томске и его окрестностях (XVII–XX вв.) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2016. № 3 (13). С. 60–73.

Литвинов В. П. О высылке «вредных» мусульман из царского Туркестана (по архивным материалам) // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 6. С. 73–77.

Литвинов В. П. Полицейский надзор за проституцией в Царской России: туркестанский вариант // Клио. 2024. № 04. С. 80–89.

Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 496 с.

Никулина И. Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е — первая половина 70-х гг.). Иркутск: Оттиск, 2011. 254 с.

Петровский А. В. Взаимодействие традиционных и религиозных нормативных институтов предупреждения преступного поведения с законодательством Российской империи в XIX — начале XX в. // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 9. С. 88–93.

Полное собрание законов Российской империи. — СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XV. № 11166.

Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. Собрание II. Т. VII. № 5126.

Полякова В. А. Особенности российского дореволюционного миграционного законодательства XVII–XIX веков // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2. С. 326–329.

Речкина И. А. Мусульманская политика российских властей в Казахской степи (конец XVIII в. — 60-е гг. XIX в.) // Вестник Омского университета, 2006. № 2. С. 80–84.

Саидов А. А., Алибекова С. Я. Ислам и Российское государство в имперский период: характер взаимоотношений и этапы // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4. С. 44–58.

Сальникова Е. С. Положение ссыльных в местах их причисления в Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Вестник ИрГТУ. 2012. № 2. С. 269–275.

Сальникова Е. С. Путь следования ссыльных в Восточную Сибирь во второй половине XIX века // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 1. С. 319–323.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального М.: Издательский дом Марджани, 2009. 216 с.

Сысоев А. А., Кавецкий Д. Б. Пенитенциарная политика самодержавия и её влияние на личную и имущественную безопасность сибирского населения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 2. С. 92–104.

Устав о ссыльных. СПб., 1822. 91 с.

Шершнева Е. А. Вмешательство органов государственной власти в судебную систему мусульман Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. Т. 1. № 11. С. 348–354.

Шершнева Е. А. Государственный контроль за благонадежностью мусульманского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 2. С. 125–139.

Ярков А. П. Мусульмане в системе исполнения наказания в Азиатской части России: прошлое и настоящее // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. М., 2019. С. 213–217.

Ярков А. П., Старостин А. Н. Ислам от Урала до Камчатки в панораме веков. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2021. 300 с.

References

Androshchuk V. V. Formirovanie pravovykh osnov sistemy upravleniya inoslovnymi konfessiyami v Rossiiskoi imperii XVIII nachala XX veka [Formation of the legal foundations of the management system of non-orthodox faiths in the Russian Empire of the XVIII — early XX century]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs* [Historical and legal problems: a new perspective]. 2020, no. 1, pp. 27–39 (in Russian).

Arapov D. Yu. *Islam v Rossiiskoi imperii (zakonodatel'nye akty, opisanie, statistika)* [Islam in the Russian Empire (legislative acts, description, statistics)]. Moscow: ICC “Akademkniga”, 2001, 367 p. (in Russian).

Bakieva G. T. Prikhodskoe dukhovenstvo u sibirskikh tatar v XVIII — nachale XX v. [The parish clergy of the Siberian Tatars in the XVIII — early XX century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2007, iss. 7, pp. 166–171 (in Russian).

Bakieva G. T. Rossiiskoe gosudarstvo i sibirskie tatory v XVII — nachale XX v.: konfessional'nyi aspekt [The Russian state and the Siberian Tatars in the 17th — early 20th centuries: a confessional aspect] *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Proceedings of the Altai State University] 2008, no. 4, pp. 7–15 (in Russian).

Dameshek L. M. *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)*. [Siberia in the system of Imperial regionalism (1822–1917)]. Irkutsk: Imprint, 2018, vol. 2, 416 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Organizatsiya musul'manskikh prikhodov v Zapadnoi Sibiri v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [The organization of Muslim parishes in Western Siberia in the context of the state and confessional policy of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Islam v Rossii i Evrazii XVI–XXI vv.: kollektivnaya monografiya* [Islam in Russia and Eurasia of the XVI–XXI centuries: a collective monograph]. St. Petersburg: Alatea, 2021, pp. 148–167 (in Russian).

Denisov D. N. Vypolnenie musul'manskim dukhovenstvom okruga OMDS gosudarstvennykh polnomochii v XIX — nachale XX veka [The fulfillment of state powers by the Muslim clergy of the OMDS district in the 19th — early 20th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. History]. 2012, no. 11, vol. 50, pp. 90–94 (in Russian).

Gavrilentov A. F. Musul'mane v Smolenskoii gubernii vo vtoroi chetverti XIX — nachale XX veka [Muslims in the Smolensk province in the second quarter of the 19th — early 20th century]. *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Historical Sciences]. 2017, no. 4, pp. 25–34 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO). [The State Archive of the Tomsk region (GATO)]. Fund 2. Inventory 2. File 4. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 2. File 15. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 2. File 774. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 10. File 180. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 10. File 233. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 10. File 519. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 10. File 1207. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 170. Inventory 4. File 22. (in Russian).

Ivanov A. A. Ugolovnaya ssylka v Sibir' v XVII–XIX vv.: chislennost', razmeshchenie, ispol'zovanie v ekonomike regiona [Criminal exile to Siberia in the XVII–XIX centuries: number, location, use in the economy of the region]. *Gumanitarnye issledovaniya v vostochnoi Sibiri i na dal'nem vostoke*. [Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East]. 2014, no. 1, pp. 42–53 (in Russian).

Katcina T. A. Ugolovnaya ssylka i problemy nishchenstva v sibirskom obshchestve v XIX — nachale XX v. [Criminal exile and the problems of begging in Siberian society in the 19th — early 20th centuries]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the RUDN University. Series: The History of Russia]. 2010, no. 3, pp. 5–16 (in Russian).

Kazarkin A. P. Etapy kolonizatsii Sibiri [Stages of colonization of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University] 2008, no. 2, pp. 31–40 (in Russian).

Kopceva N. P., Bairamov T. R. K voprosu o spetsifike Sibirskogo islama [On the specifics of Siberian Islam]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2015, no. 1, pp. 1737–1744 (in Russian).

Korusenko S. N., Tomilov N. A. Tatary Sibiri v XVIII — nachale XX vv.: rasselenie, chislennost' i sotsial'naya struktura [Tatars of Siberia in the XVIII — Early XIX centuries: settlement, number and social structure]. *Vestnik arkheologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2011, no. 2, pp. 177–185 (in Russian).

Lilyavina E. V. Tatary-pereselentsy v Tomske i ego okrestnostyakh (XVII–XX vv.) [Tatar settlers in Tomsk and its environs (XVII–XX centuries)]. *Tomskii zhurnal LING i ANTR*. [Tomsk Journal of LING and ANTR]. 2016, no. 3, pp. 60–73 (in Russian).

Litvinov V. P. O vysylke “vrednykh” musul'man iz tsarskogo Turkestana (po arkhivnym materialam) [On the expulsion of “harmful” Muslims from Tsarist Turkestan (according to archival materials)]. *Vestnik KRSU*. [Bulletin of the KRSU]. 2015, vol. 15, no. 6, pp. 73–77 (in Russian).

Litvinov V. P. Politseiskii nadzor za prostitutciei v Tsarskoi Rossii: turkestanskii variant [Police supervision of prostitution in Tsarist Russia: the Turkestan version]. *Klio* [Clio]. 2024, no. 04, pp. 80–89 (in Russian).

Nam I. V. *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)*. [National minorities of Siberia and the Far East at a historical turning point (1917–1922)]. Tomsk: Publishing House Tomsk University, 2009, 496 p. (in Russian).

Nikulina I. N. *Religiya i politicheskie ssyl'nye Zapadnoi Sibiri v XIX v. (20-e — pervaya polovina 70-h gg.)*. [Religion and political exiles of Western Siberia in the 19th century (the 20-s — the first half of the 70-s)]. Irkutsk: Imprint, 2011, 254 p. (in Russian).

Petrovskii A. V. Vzaimodeistvie traditsionnykh i religioznykh normativnykh institutov preduprezhdeniya prestupnogo povedeniya s zakonodatel'stvom Rossiiskoi imperii v XIX — nachale XX v. [The interaction of traditional and religious regulatory institutions for the prevention of criminal behavior with the legislation of the Russian Empire in the XIX — early XX century]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. [Society: politics, economics, law]. 2021, no. 9, pp. 88–93 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830, Collection I, vol. XV, no. 11166 (in Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1833, Collection II, vol. VII, no. 5126 (in Russian)

Polyakova V. A. Osobennosti rossiiskogo dorevolutsionnogo migratsionnogo zakonodatel'stva XVII–XIX vekov [Features of the Russian pre — revolutionary migration legislation of the XVII–XIX centuries]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2010, no. 2, pp. 326–329 (in Russian).

Rechkina I. A. Musul'manskaya politika rossiiskikh vlastei v Kazahskoi stepi (konets XVIII v. — 60-e gg. XIX v.) [Muslim policy of the Russian authorities in the Kazakh steppe (the end of the XVIII century — the 60s of the XIX century)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2006, no. 2, pp. 80–84 (in Russian).

Saidov A. A., Alibekova S. Ya. Islam i Rossiiskoe gosudarstvo v imperskii period: kharakter vzaimootnoshenii i etapy [Islam and the Russian state in the Imperial period: the nature of relationships and stages]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2021, vol. 12, no. 4, pp. 44–58 (in Russian).

Sal'nikova E. S. Polozhenie ssyl'nykh v mestakh ikh prichisleniya v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. [The situation of exiles in their places of residence in Eastern Siberia in the second half of the 19th century]. *Vestnik IrGTU*. [Bulletin of the IrSTU]. 2012, no. 2, pp. 269–275 (in Russian).

Sal'nikova E. S. Put' sledovaniya ssyl'nykh v Vostochnuyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX veka [The path of the exiles to Eastern Siberia in the second half of the 19-th century]. *Vestnik IrGTU*. [Bulletin of the IrGTU]. 2011, no. 1, pp. 319–323 (in Russian).

Seleznev A. G., Selezneva I. A., Belich I. V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The cult of saints in Siberian Islam: the specifics of the universal]. Moscow: Marjani Publishing House, 2009, 216 p. (in Russian).

Shershneva E. A. Gosudarstvennyi kontrol' za blagonadezhnost'yu musul'manskogo naseleniya Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [State control over the reliability of the Muslim population of Siberia in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2024, vol. 29, no. 2, pp. 125–139 (in Russian).

Shershneva E. A. Vmешatel'stvo organov gosudarstvennoi vlasti v sudebnuyu sistemu musul'man Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Interference of state authorities in the judicial system of Muslims of Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century]. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve* [Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space]. 2022, vol. 1, no. 11, pp. 348–354 (in Russian).

Sysoev A. A., Kaveckii D. B. Penitetsiarnaya politika samoderzhaviya i eyo vliyanie na lichnyuyu i imushchestvennyuyu bezopasnost' sibirskogo naseleniya [The penal policy of the autocracy and its impact on the personal and property security of the Siberian population]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2016, no. 2, pp. 92–104 (in Russian).

Ustav o ssyl'nykh. [The Charter of the exiles]. St. Petersburg, 1822, 91 p. (in Russian).

Vysshie tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917. T. 2: Tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya. Ministerstvo vnutrennikh del. Ministerstvo yustitsii. Ministerstvo finansov. Ministerstvo trgovli i promyshlennosti. Gosudarstvennyi kontrol' [The highest central government institutions of Russia. 1801–1917. Vol. 2: Central state institutions. The Ministry of Internal Affairs. The Ministry of Justice. The Ministry of Finance. Ministry of Trade and Industry. State control]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001, 260 p. (in Russian).

Yarkov A. P. Musul'mane v sisteme ispolneniya nakazaniya v Aziatskoi chasti Rossii: proshloe i nastoyashchee [Muslims in the system of execution of punishment in the Asian part of Russia: past and present]. *Perspektivnye napravleniya nauchnykh issledovaniy po istorii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossijskoi Federatsii: materialy II Vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. [Promising areas of scientific research on the history of the penal system of the Russian Federation: proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2019, pp. 213–217 (in Russian).

Yarkov A. P., Starostin A. N. *Islam ot Urala do Kamchatki v panorame vekov*. [Islam from the Urals to Kamchatka in the panorama of centuries]. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 2021, 300 p. (in Russian).

Zagidullin I. K. Islamskii ritual v rossiiskikh tyur'mah (konets XVIII — nachalo XX v.) [The Islamic ritual in Russian prisons (late 18th — early 20th centuries)]. *Ramazanovskie chteniya* [Ramadan Readings]. Nizhny Novgorod: Medina, 2007, pp. 108–110 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 25.06.2026

Принята к публикации: 20.08.2026

Дата публикации: 30.09.2026

УДК 322

DOI 10.14258/nreur(2026)3–13

*П. К. Дашковский**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)**У. П. Бичелдей**Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)**А. В. Монгуш**Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия);
Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ПОЛОЖЕНИЕ БУДДИЙСКИХ ОБЩИН В ТУВЕ В УСЛОВИЯХ УЖЕСТОЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР В КОНЦЕ 1950-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.

В СССР после смерти И. В. Сталина изменяется государственно-конфессиональная политика в сторону ее ужесточения по отношению к религиозным общинам. Настоящая статья посвящена анализу антирелигиозной кампании в период руководства страной Н. С. Хрущевым, которая наиболее наступательный характер приобрела в 1958–1964 гг. В исследуемый исторический период времени жесткие меры и воздействия атеистической кампании по всей стране привели к массовому закрытию культовых объектов и ликвидации общин разных религиозных направлений. Целью исследования являлось изучение положения буддийских общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. Источниковой базой исследования послужили нормативно-правовые документы и архивные материалы Государственного архива Российской Федерации и Национального музея Республики Тыва, отражающие особенности реализации хрущевской антирелигиозной кампании в регионе. В процессе исследования установлено, что атеистическая кампания Н. С. Хрущева в итоге привела к ликвидации буддийской общины и закрытию их молитвенной юрты в Туве. Авторам удалось установить мотивы и причины приостановления деятельности буддийского центра в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района на региональном и центральном уровнях в годы «хрущевской оттепели». Тем не менее буддийские знания и традиции в неорганизованном и подпольном виде продолжились в народной среде, несмотря на усиление в регионе государственного контроля за религиозными процессами. В исследуемый пери-

од в Туве впервые на постоянной основе был назначен уполномоченный представитель по взаимодействию с государственными органами в области религии при Совете Министров СССР. В результате удалось наладить реализацию государственно-конфессиональной политики на региональном уровне и привести в соответствие с нормативами необходимую документацию.

Ключевые слова: СССР, Тува, Тувинская автономная область, Тувинская АССР, государственно-конфессиональные отношения, антирелигиозная политика, атеистическая кампания, буддизм, буддийская община

Для цитирования:

Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. Положение буддийских общин в Туве в условиях ужесточения государственно-конфессиональной политики в СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 229–251. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–13](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–13)

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Бичелдей Ульяна Павловна, доктор религиоведения (Ph. D), заведующая сектором религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия). **Адрес для контактов:** opei-ool@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5588-9167>

Монгуш Алиссия Витальевна, научный сотрудник сектора религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия); аспирант кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** alismon@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3164-1463>

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

U. P. Bicheldey

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia)

A. V. Mongush

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia); Altai State University (Barnaul, Russia)

THE SITUATION OF BUDDHIST COMMUNITIES IN TUVA IN THE CONTEXT OF THE TIGHTENING OF STATE-CONFESSIONAL POLICY IN THE USSR IN THE LATE 1950S — FIRST HALF OF THE 1960S

In the USSR, after the death of I.V. Stalin, state-confessional policy changed towards a harsher approach to religious communities. This article is devoted to the analysis of the anti-religious campaign during the leadership of the country by N.S. Khrushchev, which acquired its most offensive character in 1958–1964. During the historical period under study, harsh measures and the impact of the atheistic campaign throughout the country led to the mass closure of religious sites and the liquidation of communities of various religious denominations. The aim of the study was to examine the situation of Buddhist communities in Tuva in the context of the state-confessional policy of the USSR in the late 1950s — first half of the 1960s. The source base of the study was regulatory and archival documents and materials of the State Archives of the Russian Federation and the National Museum of the Republic of Tuva, reflecting the specifics of the implementation of Khrushchev's anti-religious campaign in the region. The study established that the atheistic campaign of N.S. Khrushchev's thaw ultimately led to the liquidation of the Buddhist community and the closure of their prayer yurt in Tuva. The authors were able to establish the motives and reasons for the suspension of the Buddhist center in the Kyzyl-Chyraa area of the Dzun-Khemchiksky district at the regional and central levels during the “Khrushchev thaw.” Nevertheless, Buddhist knowledge and traditions, in an unorganized and clandestine form, continued among the people despite the strengthening of state control over religious processes in the region. During the period under study, an authorized representative for interaction with state bodies in the field of religion was appointed for the first time on a permanent basis in Tuva under the Council of Ministers of the USSR. As a result, it was possible to establish the implementation of state-confessional policy at the regional level and bring the necessary documentation into compliance with regulations.

Keywords: USSR, Tuva, Tuva Autonomous Region, Tuva ASSR, state-confessional relations, anti-religious policy, atheistic campaign, Buddhism, Buddhist community

For citation:

Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V. The situation of buddhist communities in Tuva in the context of the tightening of state-confessional policy in the USSR in the late 1950s — first half of the 1960s. *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 229–251 [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–13](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–13)

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru;

<https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Bicheldey Ulyana Pavlovna, Doctor of Religious Studies (Ph. D.), Head of the Religious Studies Unit, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva, Kyzyl (Russia). **Contact address:** opei-ool@yandex.ru;

<https://orcid.org/0000-0001-5588-9167>

Mongush Alissiya Vitalyevna, Researcher of the Religious Studies Unit, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva; postgraduate student (Religious studies), Altai State University, Barnaul (Russia).

Contact address: alismon@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3164-1463>.

Введение

В современной российской науке особое внимание исследователей обращено на опыт государственно-конфессиональных отношений в СССР, в т. ч. в отдельных регионах. В этой связи особое место в обозначенном проблемном поле занимает изучение антирелигиозной кампании (1954–1964 гг.) в период руководства страной Н. С. Хрущевым.

В отечественной науке по отдельным аспектам изучения положения буддийских общин в СССР и Туве в период реализации хрущевской антирелигиозной кампании ценные сведения дают работы таких исследователей, как А. В. Горбатов [2008], А. А. Терентьев [2014], О. М. Хомушку [2024], М. В. Монгуш [2001], У. П. Опей-оол [2007], А. В. Монгуш [2022], В. А. Ахмадуллин [2023] и др. Вместе с тем история взаимоотношений тувинских буддистов и органов советской власти на региональном и центральном уровнях требует изучения в рамках завершающего этапа антирелигиозной кампании. Цель данного исследования — изучить положение буддийских общин в Туве в контексте усиления атеистической политики СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.

Источниковой базой исследования послужили нормативно-правовые документы и архивные материалы фонда «Совет по делам религии при Совете Министров СССР» Государственного архива Российской Федерации и фонда «Религия» научного архива Национального музея Республики Тыва. В научный оборот вводятся исторические документы, которые дают ценные сведения по взаимоотношениям буддистов и органов советской власти в период усиления антирелигиозной политики в СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.

Усиление антирелигиозной политики в Туве в конце 1950-х — первой половине 1960 гг.

В истории СССР атеистическая кампания, которая проходила в 1954–1964 гг., получила свое название по фамилии руководителя страны Н. С. Хрущева. При этом его имя в истории, как известно, связано с перегибами в разных областях, в т. ч. и в сфере религии. Все дело в том, что в стране именно период реализации кампании является са-

мым тяжким и болезненным для верующей части советских граждан. Такие позитивные социально-политические преобразования в годы «хрущевской оттепели», как демократизация советского общества, к сожалению, не коснулись его конфессиональных образований — наоборот, в отношении них усилилось антирелигиозное давление.

Хрущевскую кампанию (1954–1964 гг.) можно условно разделить на два этапа (1954–1957 гг. и 1958–1964 гг.) в зависимости от характера принятых государством антирелигиозных постановлений, а также степени ужесточения или смягчения мероприятий при ее проведении. Религия на тот период расценивалась как груз прошлого и препятствие в выполнении планов социалистического государства на пути к светлому коммунистическому будущему. Рассмотрим первый и второй этапы атеистической кампании с целью обзорно исследовать и проследить особенности и результаты каждого из них.

На первом этапе (1954–1957 гг.) хрущевской кампании в стране было лишь кратковременное наступление на религиозные общины в период между выходами двух антирелигиозных документов в 1954 г. [КПСС в резолюциях..., 1985: 428–432, 446–450]. Новое постсталинское руководство в рамках борьбы за политическую власть и десталинизации общества иногда принимало поспешные решения, в т. ч. и на законодательном уровне. Принятие постановления от 7 июля 1954 года «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» привело к общесоюзной негативной тенденции — фактам грубого обращения советских и партийных работников с приверженцами религии [КПСС в резолюциях..., 1985: 428–432]. ЦК КПСС незамедлительно отреагировал на разворачивающиеся события и приостановил их дальнейшее развитие в стране принятием следующего юридического документа. В период, когда новые лидеры еще не укрепили свои позиции, власти было невыгодно иметь отрицательный настрой в стране среди ее населения. Постановление от 10 ноября 1954 года «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» осудило оскорбляющее чувства верующих граждан поведение советских пропагандистов, но также рекомендовало им продолжить воспитание граждан в атеистическо-материалистическом духе [КПСС в резолюциях..., 1985: 446–450]. 1955–1957 гг. являлись благоприятными для религиозных общин, поскольку их положение в стране в тот период было относительно стабильным, а проводимые в отношении них мероприятия носили умеренный атеистический характер [Горбатов, 2008: 165–166; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 75].

Тува после вхождения в состав СССР в 1944 г. была постепенно включена во все правовые и социокультурные процессы, в т. ч. и религиозные. Конфессиональная ситуация в регионе в период с 1954 по 1957 гг. была схожа с другими советскими административными субъектами. Однако следует отметить, что тогда не было ни одного случая регистрации религиозных объединений и культовых объектов. В Тувинской автономной области официально действовали приходы и функционировали церкви лишь православных верующих в городах Туран и Кызыл, которым удалось получить документы о юридическом оформлении еще в начальный период становления советской системы государственно-конфессиональных отношений [Дашковский, Монгуш, 2024: 529]. Представители буддийского, старообрядческого и протестантского объединений из-за нерешенности вопроса регистрации их общин и культовых зданий по-прежнему

безрезультатно подавали ходатайства согласно их конституционным правам на свободное отправление религиозных культов, «гарантируемым» всем советским гражданам [Дашковский, Монгуш, 2024: 217–218]. Следовательно, в 1955–1957 гг. названные общины в регионе вели относительно свободную религиозную деятельность, но нелегально.

Постановления Советского Союза, принятые на первом этапе (1954–1957 гг.) антирелигиозной кампании, не принесли для власти ожидаемых результатов. Однако XX съезд КПСС, который состоялся в 1956 г., определил дальнейший ход и развитие событий в государстве и в сфере религии. На партийном собрании ставился вопрос и об усилении коммунистического воспитания в советском обществе. После этого съезда власть Н. Хрущева окончательно утвердилась на политической арене, что негативно сказалось на положении конфессий в стране.

Пик обострения борьбы с религией в государстве пришелся на второй этап (1958–1964 гг.) хрущевской атеистической кампании, а именно с выхода постановления ЦК КПСС «Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 4 октября 1958 г. с грифом «секретно» [Горбатов, 2008: 167; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. В стране вновь остро встал вопрос о целенаправленной идеологической работе путем применения различных форм и методов атеистической пропаганды. Следовательно, только атеизм на тот период признавался нужной идеологией для советских граждан, идущих к светлomu коммунистическому будущему.

Усиление советской атеистической политики в годы «хрущевской оттепели» в рассматриваемый период во многом связано с выходом постановлений ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» и СМ СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» [Горбатов, 2008: 170; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. Вместе с постановлением 1961 г. была издана «Инструкция по применению законодательства о культах» с грифом «не для печати», утверждённая Советом по делам религиозных культов и Советом по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 217–225]. Согласно указанным документам партийные и государственные органы власти регламентировали государственный контроль в отношении религиозных общин.

Идеологические мероприятия на втором этапе (1958–1964 гг.) хрущевской кампании в государстве носили агрессивный и наступательный характер, в отличие от первого (1954–1957 гг.). В регионах страны вновь развернулось пропагандистское наступление на «пережитки прошлого» среди советских людей, результатом которого стало существенное сокращение количества функционирующих общин и их культовых объектов в обществе [Горбатов, 2008: 184–202]. Тува не была исключением, и ее общины буддийской, православной и протестантской направленности пострадали в ходе аналогичных антирелигиозных процессов и мероприятий [Монгуш, 2022: 60].

В стране ключевую роль в реализации государственно-конфессиональной политики играли, как и ранее, уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР. Кроме того, стоит отметить важный момент для региона: впервые в Туве был решен кадровый вопрос по со-

вмещению функций представителя обоих Советов в одном лице. Им стал Г. В. Иванов, который в исследуемый период являлся секретарем Тувоблисполкома, ведая и делами православных и неправославных общин региона на постоянной основе [НА НМ РТ. Ф.Ф. 1. 1/1. Д. 165–2. Л. 153]. Благодаря его работе с 1958 г. началось систематическое ведение делопроизводственных документов на местном уровне [НА НМ РТ. Ф.Ф. 1. 1/1. Д. 165–1; Д. 165–2].

Таким образом, укрепление власти Н. С. Хрущева привело к усилению в стране советской государственно-конфессиональной политики в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. Несмотря на общее «потепление» условий жизни советских людей, государственный контроль над духовной сферой общества продолжался. Положение религиозных общин в государстве в исследуемый период стало неустойчивым в связи с проведением жестких мер и усилением антирелигиозной пропаганды. Второй этап (1958–1964 гг.) атеистической кампании стал самым тяжелым периодом для верующих людей в послевоенное время, поскольку по всей стране массово были распущены религиозные объединения и закрыты их культовые объекты.

В Туве в исследуемый период с назначением постоянного полномочного представителя профильных органов — Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР — продолжилось развитие советской системы государственно-конфессиональных отношений. В рамках антирелигиозной кампании, как и в других субъектах советского государства, в регионе вновь развернулась соответствующая работа органов власти и пропаганды, которая негативно сказалась на положении верующих людей разных религиозных направлений и атеистическом воспитании населения в целом. Местная власть усилила контроль и над буддийской общиной в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района в годы «хрущевской оттепели».

Положение буддийских общин в Туве в 1958–1964 гг.

В октябре 1958 г. ЦК КПСС издал секретное постановление «Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [Горбатов, 2008: 167; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. Его выход означал усиление и в тувинском обществе идеологической борьбы с религиозными «предрассудками» в пользу материалистического видения мира. С этого года в регионе, как и по всей стране, наступает новый виток напряженных отношений между государством и общинами верующих. Хрущевская атеистическая кампания вновь стала набирать обороты, что непременно сказалось на общинах буддистов, православных и протестантов в Тувинской автономной области/Тувинской АССР [Монгуш, 2022: 60].

Годом ранее, в августе 1957 г., буддийское духовенство Тувинской автономной области пригласили в молитвенную юрту нового председателя ЦДУБ СССР XVIII Пандито Хамбо-ламу Еши-Доржи Шарапова, с которым удалось обсудить многие важные моменты [Дашковский, Бичелдей, Монгуш, 2024: 224–228]. Главным вопросом, требующим незамедлительного решения, было получение права ведения официальной деятельности буддийского центра в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района области. Как отмечают исследователи, к этому времени буддийский центр по своей устроенности и организованности определенным образом приближался к деятельно-

сти монастырей [Хомушку, 2024: 84]. На тот момент в Кызыл-Чыраа, помимо храма-юрты, были расположены 6 деревянных избушек, 6 войлочных юрт [НА НМ РТ. Ф.Ф. 1. 1/1. Д. 165–2. Л. 392; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46].

Делегатами централизованной буддийской организации во главе с Е.-Д. Шараповым тувинским ламам были разъяснены требования советского законодательства и определена общая тактика дальнейших действий. Две ламы, Адья и Кенден-Сурун Хомушку, были приглашены и зачислены в штат Иволгинского дацана в Бурятии [Хомушку, 2024: 84; Опей-оол, 2007: 74]. Считается, что приезд духовного лидера советских буддистов, с одной стороны, способствовал некоторой дисциплине лам молитвенной юрты, а с другой — активизации «их в стремлении добиться регистрации общины» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93].

В апреле 1958 г. ЦДУБ СССР направил ламу Кенден-Суруна Хомушку обратно в Тувинскую область, «поручив ему провести собрание лам и верующих» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93]. Усилиями руководителя буддийской религиозной организации из Улан-Удэ в молитвенную юрту в местности Кызыл-Чыраа были безвозмездно направлены культовые и бытовые предметы (халаты, трактаты и др.) [Хомушку, 2024: 84; Монгуш, 2001: 122; Опей-оол, 2007: 74; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93].

Через месяц после встречи с Кенден-Суруном Хомушку в мае 1958 г. буддисты подали документы в Тувинский облисполком с просьбой зарегистрировать их общину [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92]. В заявительных документах был приложен протокол решения собрания общины и список из 24 лам и 130 ее членов. На этом собрании буддисты избрали комиссию в составе ламы Чамдылая Тюлюша и ее члена Чамьяна Ондара [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92]. Ответственным за регистрационные дела и процедуру в целом был назначен Чамьян Ондар. При этом Чамдылай Тюлюш уже не указывается как настоятель молитвенной юрты, поскольку уже в январе 1958 г. произошла смена руководителя общины и им стал лама Тере-Комбу Тюлюш [Хомушку, 2024: 84]. Нами было установлено, что еще в 1957 г. в буддийском центре не было избранных руководящих лиц, но их идейными руководителями были два известных и авторитетные ламы Чульдум-Мунзук и Чульдум-Лобсан [Дашковский, Бичелдей, Монгуш, 2024: 224–228]. Тюлюш Чамдылай на тот период активно вел запрещенную советской властью культовую деятельность, поэтому его дальнейшее руководство общиной, безусловно, могло негативно повлиять на ее юридическое оформление [Дашковский, Бичелдей, Монгуш, 2024: 227]. На фоне усиления влияния лам местная власть в его действиях видела грамотные шаги по пропаганде буддийской религии [Опей-оол, 2007: 73]. В процессе его деятельности число прихожан в буддийском центре увеличивалось за счет сельской молодежи и интеллигенции. Возможно, по этой причине буддисты избрали нового настоятеля храма-юрты в лице Тере-Комбу Тюлюша, который в прошлом имел ученую степень *кешпи* и духовный сан *гелонг*. По уровню подготовки среди лам того времени он считался наиболее влиятельным духовным лицом [Опей-оол, 2007: 73–74]. Следует отметить, что в документах рассматриваемого периода его, возможно, также казывают Дандаром Седиповичем Комбу [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 1, 80]. Этот момент требует от исследователей дальнейшего уточнения и прояснения.

Во всяком случае, с 1958 г. Т-К. Тюлюш был настоятелем, во время деятельности которого авторитет молитвенной юрты возрос еще больше, а количество прихожан увеличилось по сравнению с предыдущими годами. Об этом свидетельствует и то, что, если к концу 1958 г. в кассе было оприходовано 13 тысяч рублей, то в 1960-м — уже свыше 45 тысяч [Хомушку, 2024: 84; Опей-оол, 2007: 74; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. Значительную сумму денег верующие собирали на строительство стационарного культового объекта, наличие которого входило в перечень обязательных требований в советском законодательстве для проведения регистрационных процедур [Монгуш, 2001: 121]. К примеру, если взять Бурят-Монгольскую АССР, то доходы и примерное количество посещений Иволгинского дацана за исследуемый период росли аналогично. Так, в 1958 г. его посетило 4850 чел. и денег пожертвовано 822 тыс. руб., 1959 г. — 4900 чел. и 1025 тыс. руб. и в 1960 г. — 4700 чел. и 1147 тыс. руб. [Горбатов, 2008: 344]. При этом, как мы видим, снижение количества посещений дацана верующими людьми не повлияло на уменьшение суммы их пожертвований. Собранные деньги тувинских буддистов хранились вначале в казне у руководителей храма-юрты, а впоследствии в сберегательной кассе г. Чадана на счету, открытом на имя ламы Тере-Комбу Тюлюша [Опей-оол, 2007: 75; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. В буддийском центре на тот момент на постоянной основе служили 18–20 лам [Опей-оол, 2007: 74; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 45–46]. Известно также, что они платили налог [НА НМ РТ. Ф. Ф. 1. 1/1. Д. 165–2. Л. 392].

Возвращаясь к ходатайству буддистов о регистрации их общины и своеобразного (войлочного) культового объекта, поданному в мае 1958 г., отметим, что спустя месяц секретарь Тувинского облисполкома Г.В. Иванов направил секретное письмо председателю Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А.А. Пузину с целью изложить новые намерения советской власти в отношении последователей буддизма в регионе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92]. Представители местной власти ранее по разным мотивам отклоняли ходатайства буддистов и не допускали к регистрации их общину в местности Кызыл-Чыраа, опасаясь усиления влияния лам на население Дзун-Хемчикского района и области в целом [Дашковский, Бичелдей, Монгуш, 2024: 218]. Из данного письма известно, что, если ранее партийные и советские работники допускали единственное мнение о том, что отказ в регистрации приведет к окончательному прекращению деятельности буддийской общины, то теперь, накануне принятия октябрьского антирелигиозного постановления в этом же 1958 г., они впервые решили наоборот установить над ей контроль путем ее регистрации [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 384].

На изменение решения местной власти повлияло и использование незарегистрированными ламами способов лечения тибетской медициной, которые они открыто применяли, несмотря на запреты органов власти [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93]. Известен даже случай проведения оздоровительных процедур при молитвенной юрте с установлением деревянной ванны с *аржааном* (водой целебного источника) [Опей-оол, 2007: 73]. Бродячие ламы осуществляли религиозную деятельность по всей области, и их влияние еще больше возрастало среди ее населения. Местные органы власти хотели приостановить этот процесс путем регистрации буддийских священнослужи-

телей в ограниченном количестве и сосредоточения их только в одном месте, где располагается буддийский центр [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. Тувинский исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся с согласия местных директивных органов пришел к выводу о возможности и необходимости регистрации буддийской общины в регионе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93].

Секретарь Тувинского облисполкома Г.В. Иванов в своем документе, отправленном в Совет по делам религиозных культов при ЦК КПСС, отмечал, что без регистрации ламы были «плохо контролируемые», вели работу среди населения по собственному усмотрению, применяя всевозможные религиозные приемы, методы и способы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93]. Подношения верующих людей в знак благодарности священнослужителям за их помощь расценивались чиновниками как факты вымогательства и взятки. Свои суждения, вероятно, он писал и на основе информационных отчетов коллег, исполнявших ранее обязанности уполномоченного указанного Совета.

Следует подчеркнуть, что Г.В. Иванов в изучаемый период стал уполномоченным Совета по делам религиозных культов и уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви при ЦК КПСС по Туве на постоянной основе. Положительным моментом является то, что в период его деятельности как регионального уполномоченного была прослежена динамика религиозной ситуации в регионе с первых лет включения Тувы в состав СССР [Ахмадуллин, 2023: 137]. Ходатайство о юридическом оформлении буддийской общины от имени местной власти он возбудил 5 июня 1958 г., которое 16 сентября того же года было удовлетворено [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46; Д. 548. Л. 94].

Важно подчеркнуть, что на первом этапе хрущевской антирелигиозной кампании с 1955 по 1957 г. советское государство к религии выражало относительно нейтральное отношение [Горбатов, 2008: 165–166; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 75]. В данной благоприятной обстановке, как следствие, центральным руководством принимались и лояльные решения в пользу религиозных общин, безусловно, с учетом мнения власти на местах. В Туве активная деятельность лам вызывала беспокойство у государственных органов [Хомушку, 2024: 88: 24; Монгуш, 2001: 122]. Еще в 1957 гг. Иванов как и. о. уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Тувинской автономной области вносил предложение в местные органы власти осуществить государственную регистрацию буддийской общины [Опей-оол, 2007: 75]. Ходатайства буддистов, поданные в 1958 г., были все же удовлетворены в текущем году положительным решением Совета. Однако в скором времени оно было изменено. Причина тому — резкая смена вектора государственной политики в области религии в сторону ее ужесточения с момента укрепления в стране власти Н.С. Хрущева. Выход антирелигиозного постановления от 4 октября 1958 г. изменил ситуацию буддистов в отрицательную сторону.

В истории советских государственно-конфессиональных отношений судьба религиозных обществ зависит от политической ситуации и конъюнктуры внутри и вовне страны. Октябрьское постановление 1958 г. вновь активировало в регионах атеистическую деятельность советских органов [Горбатов, 2008: 167; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. В соответствии с новым курсом советской религиозной политики на втором этапе хрущевской кампании чиновники вернулись к прежнему вектору реализа-

ции вероисповедной политики, направленному на прекращение деятельности буддийского центра в местности Кызыл-Чыраа в регионе.

В своей информационной справке «О буддийской общине Тувинской автономной области» от 7 сентября 1960 года на имя председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А.А. Пузина Г.В. Иванов разъясняет ситуацию, сложившуюся с буддистами в Туве [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 45]. В документе он пишет, что при попустительстве местных органов власти в регионе после его вхождения в советское государство несколько лам продолжили религиозную практику и организовали (с 1946 г.) деятельность молитвенной юрты, хотя в области на тот момент не имелось стационарных храмов. Отмечается и факт того, что служители буддийского культа неоднократно добивались регистрации своего войлочного храма и ставили «вопрос о разрешении строительства *дугана* — молитвенного дома» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. Однако позиция Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в пользу буддистов в скором времени изменится после выхода нового антирелигиозного постановления от 4 октября 1958 г. Вся деятельность регионального уполномоченного Г.В. Иванова отныне была направлена на ликвидацию общины и закрытие их храма-юрты в рамках усиления советской государственно-конфессиональной политики в конце 1950-х гг.

В конце 1958 гг. В. Иванов выезжает в г. Чадан на встречу с ламами молитвенной юрты и в целом с целью оценки положения дел в буддийском центре. При беседе с ними он сообщает о том, что вопрос регистрации общины разрешен и что для практического его осуществления требуется подготовительная работа в виде составления списка лам, которые могли бы стать членами общины [Опей-оол, 2007: 71]. Руководством молитвенной юрты был представлен список, в который был включен 21 лама, но количество духовных лиц не устраивало уполномоченного, поэтому он рекомендовал оставить лишь 12 человек [Хомушку, 2024: 88]. Г.В. Иванов пояснил руководству молитвенной юрты, что для дальнейшей работы необходимо из них оставить только 12 лам и получить на них представление из ЦДУБ СССР в Улан-Удэ. Буддийское духовенство возлагало надежду на будущее, хотя и вынуждено было подчиняться советским органам власти. В принципе обеим сторонам, можно сказать, было известно двойственное положение дел и характер принимаемых решений в исторических реалиях того времени, когда шла борьба традиционных (старых) устоев и современных (новых) тенденций в обществе [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 389].

Летом 1959 г. руководитель молитвенной юрты лама Тере-Комбу Тюлюш был приглашен в единый духовный центр советских буддистов в Улан-Удэ на молитвенное собрание. Его передвижения на тот момент можно проследить по справке, выданной еще 30 июня 1958 г., где отмечены даты пребывания в Хамбинском суме (с 8 по 16 июля 1959 года) [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 1.]. Во время этой поездки он, по настоянию Г. Иванова, согласовал с председателем Е-Д. Шараповым список, состоящий из 12 человек [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 2, 82; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. Следует отметить, что количество этих лам и их имена предварительно были рассмотрены региональным уполномоченным. Вернувшись в Кызыл, лама Т-К. Тюлюш передает Г. Иванову письменное согласие Е-Д. Шарапова на регистрацию указанных свя-

щеннослужителей в качестве учредителей молитвенной юрты в Кызыл-Чыраа. В свою очередь, Г. В. Иванов потребовал от Тере-Комбу оставить при молитвенной юрте только 12 лам из списка, а остальным служителям культа предложил выехать в свои районы на места постоянного жительства. Подобное решение и условия буддийским священнослужителям не понравились, и потому они не подчинились требованиям местной власти, оставшись дальше жить и заниматься духовной деятельностью на территории молитвенной юрты [Опей-оол, 2007: 76]. Известно, что и в Читинской области при Агинском дацане было зарегистрировано также 12 лам, но из них только 4 человека служили, а остальные были в других районах [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 11]. В Бурятской АССР советская власть, наоборот, хотела увеличить число зарегистрированных служителей культа при Иволгинском дацане до 25–30 человек для сокращения деятельности и влияния на население бродячих лам [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 21]. В итоге их количество в дацане довели до 28 человек, а затем новую регистрацию лам могли произвести лишь взамен бывших лам, что было принципиальной позицией органов исполнительной власти [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596. Л. 22]. В Бурятии проблема взаимоотношений власти и религии имела иную специфику, чем в Туве. Уполномоченный Совета по Тувинской автономной области Г. В. Иванов, наблюдая «неконструктивную» реакцию лам, делает выводы, что результаты по осуществлению регистрации общины тувинских лам, направленные в конечном итоге на установление контроля над их деятельностью, привели не к сокращению деятельности буддистов в области, а, наоборот, к их усилению. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 47].

В январе 1959 г. Г. В. Иванов принял участие в работе совещания уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР в Москве [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 47]. Там он изложил свои сомнения по поводу деятельности тувинских буддистов заместителю председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР В. Ф. Рязанову и поставил вопрос о проведении работы, направленной на ликвидацию и роспуск буддийской общины тувинских лам [Опей-оол, 2007: 76]. Региональная власть, начиная с этого момента, сославшись на несоблюдение советского законодательства о религиозных культах, на всех уровнях начала вести борьбу, направленную на запрет деятельности лам. С этой целью в области были организованы различные мероприятия по разоблачению и притеснению буддийского духовенства.

Агитационно-пропагандистские мероприятия в регионе в первую очередь начались с публикации материалов в печатных изданиях «Шын» и «Тувинская Правда», которые, естественно, писались с целью отторжения жителей от религии и выработки у них атеистического мировоззрения [Монгуш, 2022: 57]. Так, например, в газете «Шын» («Правда») 18 июля 1959 г. под № 142 была напечатана «заказная» статья под названием «Сарыг шажыннын салдадар-хамаарылагызы-биле демиследи куштелдирер» — «Усилить борьбу с влиянием буддийской религии» [Хомушку, 2024: 88; Опей-оол, 2007: 76]. В этой статье ставился вопрос о примиренческом отношении местных органов власти к незаконно функционирующей молитвенной юрте и нарушении ламами советских законов о культах (врачевание, совершение религиозных обрядов и др.) [Опей-оол, 2007: 76–77]. В антирелигиозной публикации на конкретных примерах не только приводил-

ся «паразитический» образ жизни отдельных лам, но и подтверждалась правильность выдвинутых в нем вопросов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46].

В следующих номерах региональной газеты «Шын» напечатано около 25 писем и подобных работ в поддержку названной статьи, после выхода которых местная власть в тувинском обществе вызвала, можно сказать, общественный резонанс [Хомушку, 2024: 88; Монгуш, 2022: 59]. Партийные и советские органы опасались организованных протестов и выступлений со стороны лам и верующих районов Западной Тувы, особенно Дзун-Хемчикского района, поэтому они активно проводили против них протоколированные собрания трудовых коллективов [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165/1. Л. 73, 74–76, 77–79]. Всего было проведено 64 собрания с участием 9600 человек, из которых 320 участников выступили с осуждением деятельности лам. Кроме того, проведено 4 атеистических вечера и прочитано 50 лекций и бесед на антирелигиозные темы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 48]. С заказной работой были ознакомлены и ламы местности Кызыл-Чыраа. Их обвиняли также в том, что в буддийском центре не было учета поступающих от прихожан денежных средств и материальных ценностей в целом, что создавало якобы благоприятные условия для их хищения и растранижирования. В Чите буддийское духовенство официально функционирующего Агинского дацана ввело бланки для учета пожертвований верующих людей с целью недопущения подобных обвинений в их адрес [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 11]. Зарегистрированные ламы имели специальную книгу или тетрадь, куда после совершения религиозных обрядов они должны были записывать не только деньги, но и продукты и иные вещи. По этим записям они докладывали дацану и получали от него денежное содержание на 800 рублей. В Бурятии местная власть контролировала доходы Иволгинского дацана. К примеру, за 1959 г. и за 8 месяцев 1960 г. его служители культа сдали 708513 рублей [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 28–29]. Кроме того, в натуральном виде внесены такие продукты, как зерно, мясо, масло, сахар, чай и т.п. Бурятские чиновники в исследуемый период усилили наблюдение за тем, на какие цели и в каких размерах расходуются средства дацана и Центрального духовного управления буддистов СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 38]. Среди них тувинский лама Кенден-Сурун Хомушку в общей сумме внес в кассу 10100 рублей [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 28].

В итоге на втором этапе хрущевской антирелигиозной кампании идеологические мероприятия, которые носили агрессивный и наступательный характер, привели к уменьшению числа прихожан буддийского центра в Дзун-Хемчикском районе. Если до выхода антирелигиозного постановления от 4 октября 1958 г. в храм-юрту приходило в среднем 60–100 человек в месяц, то с выходом постановления уже в августе-октябре 1959 г. — всего 25–30, а в начале 1960 г. и того меньше [Хомушку, 2024: 88; Опейко, 2007: 77; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. В Кызыл-Чыраа перестали приезжать и верующие из других районов области. Тем не менее, в буддийском центре продолжали постоянно находиться 18–20 лам, часть из которых принимала непосредственное участие в религиозных службах наряду с теми, кто просто жил при молитвенной юрте. За врачевание и знахарство ламы Чамдылай Тюлюш, Салчак Чимба обвинялись в систематическом нарушении советского законодательства [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 49]. При этом и в 1959 г. ЦДУБ СССР из Бурятии в Туву по-прежнему коман-

дировал Кенден-Суруна Хомушку с целью решения вопросов, связанных с дальнейшим функционированием молитвенной юрты и лам на официальной основе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46].

Усиление советской государственно-конфессиональной политики во многом связано с выходом постановлений ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» [Горбатов, 2008: 170; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. После его принятия антирелигиозная кампания выходит на новый уровень [Горбатов, 2008: 170]. В нем особое внимание обращается на сосредоточение права управления религиозными общинами не в руках выборных органов из числа верующих, а у служителей культа, которые используют его в интересах развития своего вероучения. Региональный уполномоченный Г. В. Иванов в информационном документе за 1960 г. отмечал, что после проведенных мероприятий какого-либо руководства и организационной жизни у буддийской общины не имелись [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 49]. В нем о Тере-Комбу Тюлюше говорится, что он не смог или не хотел организовать деятельность лам в духе строгого соблюдения советского законодательства. Внимание председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А. А. Пузина он акцентирует на отсутствие у него светского образования и что он выходец из «феодальной семьи». Дело в том, что на втором этапе хрущевской антирелигиозной кампании ликвидации подвергались те общины, которые пришли в упадок. При этом в архивных материалах исследуемого времени из-за проблем с регистрацией общины Т-К. Тюлюш в целом указан как то просто лама, то временно исполняющий должность настоятеля, то руководитель, то председатель молитвенной юрты [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 49; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 1, 66, 67, 80].

В феврале 1960 г. уполномоченный Г. В. Иванов собрал буддийское духовенство и поставил вопрос о прекращении деятельности молитвенной юрты, мотивируя тем, что в сложившихся условиях и обстоятельствах община не может дальше существовать в области [Хомушку, 1988: 25; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 49]. Руководителю буддийского центра Тере-Комбу Тюлюшу дал задание, чтобы он в течение 2–3 месяцев представил сведения о том, куда ламы выедут на постоянное место жительства. В начале марта 1960 года в Кызыл-Чыраа остаются еще 18 лам. Кроме того, Г. В. Иванов характеризовал буддийских священнослужителей при молитвенной юрте как преимущественно возрастных и престарелых людей, многие из которых имеют серьезные заболевания, в т. ч. и душевные [Опей-оол, 2007: 78; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 390; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 51]. Аналогичная тенденция наблюдается и в Бурятии. Бурятские чиновники в 1961 г. в информационных отчетах писали, что ламы Иволгинского дацана из года в год стареют и их трудоспособность и здоровье снижается [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 70]. В связи с этим они прогнозируют постепенное ослабление влияния служителей культа на население и отсутствие перспектив длительного существования их учения в регионе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 77]. Тувинская власть расценивала представителей буддийского духовенства как шарлатанов, а местность Кызыл-Чыраа, где они вели религиозную службу и деятельность, местом простого сборища фанатиков [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 49]. При этом ламы молитвенной юрты состояли на учете в Хайыраканском сельсовете Дзун-Хемчикского райо-

на. Из них четверо человек были зарегистрированы в качестве членов колхоза [Опей-оол, 2007: 78]. Хомушку Ламажап, Хомушку Сегбе, Тюлюш Санчат, Соян Чымба относились к простым ламам, а к служителям культа, которые больше времени проводят в родовых местах, считались Ондар Даваа, Оюн Чанзан, Оюн Седен, Тюлюш Санчай.

Нужно обратить внимание на то, что в апреле 1960 года в Москве состоялось очередное совещание уполномоченных по делам религиозных культов СССР. После этого мероприятия Г. В. Иванов вновь информировал зам. председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР В. Ф. Рязанова о проведенных мероприятиях по ликвидации буддийской общины в Тувинской автономной области и о своих намерениях по более эффективному их осуществлению [Опей-оол, 2007: 78]. На это региональный уполномоченный от В. Ф. Рязанова получает принципиальное согласие на его действия по ликвидации буддийской общины, но с учетом конкретной обстановки на месте и исходя из мнения директивных органов власти. Однако Совет делам религиозных культов при СМ СССР уполномоченному А. Е. Матвееву по Читинской области рекомендовал не проводить меры административного характера в отношении лам, когда он хотел перевести зарегистрированных лам из районов на постоянное место жительства в действующие дацаны. Советские власти в тех регионах, где буддийские общины были зарегистрированы, не хотели вызывать «законное недовольство населения», что в целом, по их мнению, нанесет вред атеистическому воспитанию, да и приведет к оживлению деятельности бродячих лам, знахарей, шаманов и т. п. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 49]. Коммунистическая партия и государство «заботились» о формировании у жителей Читинской области и Бурятской АССР правильного представления о свободе вероисповедания и отправления культа, поскольку делегации из буддийских стран могли посетить Иволгинский и Агинский дацаны, поэтому важно было сформировать у международного сообщества позитивное представление о реализации свободы совести в СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 18]. К примеру, посол Цейлона и почетный президент Всемирного братства буддистов Малаласекера после пребывания в Бурятии дал большое интервью ТАСС о том, что бурятский народ живет хорошо и советские буддисты за религию не преследуются, а наоборот, они могут беспрепятственно молиться и посещать храмы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 100].

2 июня 1960 г. Г. В. Иванов в буддийском центре в местности Кызыл-Чыраа Тувинской автономной области созвал последнее собрание лам и довел до их сведения информацию о полном прекращении деятельности молитвенной юрты [Хомушку, 2024: 88]. Местная власть из-за отсутствия регистрации буддийской общины определяла ее как «секту» [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 378]. На втором этапе хрущевской кампании, на фоне жесткого антирелигиозного давления и натиска, ламы смиренно приняли решение тувинских чиновников [Опей-оол, 2007: 78].

В Дзун-Хемчикском районе для ликвидации буддийской общины и их молитвенной юрты была создана специальная комиссия под руководством председателя местного райисполкома М. К. Базыр-оола [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 50; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 66]. Комиссия 21 июня 1960 г. приняла все культовое имущество и хозяйственный инвентарь, а также денежные суммы, находившиеся на текущем счету в Чадане в сберегательной кассе, по акту в пользу государства [Хомушку, 2024:

88; Опей-оол, 2007: 70, 79]. По сведениям Г.В. Иванова, деньги в сумме 37863 рублей, облигации 3-процентного займа на сумму 1500 рублей, а также 3 головы крупного рогатого скота на общую сумму 2012 рублей, а всего 41375 рублей были зачислены в областную бюджет [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 50; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 66]. Из протокола общего собрания лам буддийского центра известно, что ламы денежные средства рекомендовали определить на нужды детям и траты по линии культуры в области [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 64]. Хозяйственный инвентарь на сумму 775 рублей на безвозмездной основе был передан соседнему колхозу имени Сталина Хайыраканского сельсовета Дзун-Хемчикского района, а все культовое имущество по особому акту и с согласия лам передано областному краеведческому музею [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 67–71]. Примечательно, что лама молитвенной юрты Тере-Комбу Тюлюш сам лично в течение 20 дней работал в областном краеведческом музее по проведению обработки полученного из юрты в музей культового имущества [Опей-оол, 2007: 70–79].

Буддийские священнослужители, находившиеся в хурээ, выехали по желанию в те районы области, где у них проживают либо родственники, либо знакомые. Для переезда к месту жительства ламам был предоставлен транспорт, а из средств, имевшихся в хурээ, выдано пособие в размере 250 рублей каждому из них [Опей-оол, 2007: 79; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 50]. Юрты и дома, которые были в буддийском центре, перевезены с местности Кызыл-Чыраа [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 63]. Земельный участок буддийского центра в местности Кызыл-Чыраа исполком Дзун-Хемчикского районного Совета депутатов трудящихся определял как пахотную землю Чаданской станции искусственного осеменения сельскохозяйственных животных [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 384].

По информации, составленной Г.В. Ивановым по состоянию на 7 сентября 1960 г., со стороны буддийского духовенства и последователей их учения в местные органы власти не поступало никаких жалоб и заявлений, связанных с прекращением деятельности молитвенной юрты [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 51]. При этом тувинские чиновники, можно сказать, не исключали определенных протестов или выступлений со стороны лам и верующих [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596. Л. 106; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 286]. В протоколе последнего собрания лам коммунистическая власть добилась написания в нем лозунгов «За Советское Правительство, за мир!» после того, как они там же признали, что буддизм является «пережитком прошлого» и поняли суть ликвидационной работы в отношении них [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 65]. Для сравнения отметим, что в Бурятии верующие буддисты обращались с ходатайством о введении в эксплуатацию Гусинноозерского дацана [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596. Л. 25]. В благоприятных условиях начального этапа хрущевской кампании был отремонтирован дацан. Однако затем, согласно заявлению 50 верующих-буддистов, которые писали, что он 3 года пустует, в нем была размещена мастерская по производству клубно-библиотечного оборудования [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596. Л. 32].

Приостановив функционирование молитвенной юрты и буддийской общины в Тувинской автономной области, Г.В. Иванов написал письмо в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, в котором излагал просьбу поставить

в известность председателя ЦДУБ СССР (Улан-Удэ) Шарапова о полном прекращении деятельности буддистов в Туве [Опей-оол, 2007: 79–80; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 50]. А также он убедительно просил центральное руководство дать Е.-Д. Шарапову соответствующие указания на этот счет. Кроме прочего, Г.В. Иванов в своем письме подчеркнул, что для руководства региона совершенно нежелательно, чтобы состоящий в штате Иволгинского дацана лама-тувинец Кенден-Сурун Хомушку командировался по какому-либо поводу в Туву. По соображениям регионального уполномоченного приезд ламы Кенден-Суруна в Тувинскую автономную область будет только вновь возбуждать часть лам к возобновлению деятельности буддийской общины [Хомушку, 2024: 88; Опей-оол, 2007: 80].

Вслед за этим на письмо 30 сентября 1960 г. в Туву приходит официальный ответ председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А.А. Пузина о том, что уполномоченному по Бурятской АССР дано соответствующее поручение. Очуржапов в рамках своей деятельности сообщил Пандито Хамбо-ламе Шарапову о прекращении с июня 1960 г. деятельности молитвенной юрты и рекомендовал ему не направлять по религиозным делам в Тувинскую автономную область ламу Кендена-Суруна Хомушку, проживающего в Иволгинском дацане [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 72]. Кроме того, в 1963 г. по болезни умирает Е.-Д. Шарапов, и в Улан-Удэ органы власти и духовенство в Бурятии готовятся к проведению выборов главы советских буддистов — председателя ЦДУБ СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1597. Л. 44–45].

В связи с прекращением деятельности буддийского центра партийным и советским органам области на местах принимались необходимые меры для усиления научной и антирелигиозной пропаганды среди населения. Ламам было разъяснено, что поскольку они не подлежат государственной регистрации, то их частная религиозная практика не разрешается. Районным и сельским Советам было дано указание об усилении контроля за деятельностью лам и принятии мер, направленных на их вовлечение в общественно полезный труд, особенно молодых, здоровых и трудоспособных служителей культа [РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 50]. В архивном документе называются, к примеру, колхозы области: «Победа» и «Вперед» в Чаа-Хольском районе, «Победа» в Бай-Тайгинском районе, «Красный пахарь» в Дзун-Хемчикском районе [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 62]. Кроме того, в нем указывается и Государственная станция искусственного осеменения сельскохозяйственных животных в той самой местности Кызыл-Чыраа вблизи г. Чадана.

На втором этапе хрущевской атеистической кампании 16 марта 1961 г. вышло постановление СМ СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» [Горбатов, 2008: 170; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. На региональном уровне бюро Тувинского обкома КПСС и исполнительный комитет Тувинского областного совета депутатов трудящихся 12 мая 1961 г. издали постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культах» [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 203–207, 212–216; 412–418, 419–425]. В нем критике подверглась деятельность горкома, райкомов КПСС и облисполкома, райисполкомов Советов за ослабление государственного контроля за религиозными объединениями и их духовенством. Причиной тому служили факты нелегального совершения религиозных

обрядов, к примеру, бродячими ламами и шаманами в Бай-Тайгинском, Барун-Хемчикском, Дзун-Хемчикском и Улуг-Хемском районах. В названном постановлении региональным властям, несмотря на ликвидацию буддийского центра, предписывалось усилить контроль путем изучения деятельности его бывших лам наряду с бродячими и проведения среди населения антирелигиозных мероприятий.

Региональный уполномоченный Г.В. Иванов в своей деятельности по регулированию религиозных процессов использовал «Инструкцию по применению законодательства о культах», вышедшей в том же 1961 г. [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 217–225]. По постановлению области от 12 мая 1961 г. местные райкомы КПСС и райисполкомы обязали взять на учет всех лам и шаманов, проживающих в районах области [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 214]. Особое внимание при проведении атеистической пропаганды уделялось индивидуальной работе с верующими по отрыву их от религии [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 212–213]. По указанию секретаря Тувинского обкома КПСС С. Тока и председателя Тувинского облисполкома М. Мендуме в городских и районных исполкомах созданы специальные комиссии по наблюдению за исполнением законодательства о культах с включением в ее состав «наиболее опытных и политически грамотных работников из числа партийно-советского актива» [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 216; Л. 216].

В Туве с выходом антирелигиозных постановлений от 16 марта (на центральном уровне) и 12 мая (на региональном уровне) 1961 г. райисполкомами в феврале-марте 1962 г. был проведен единовременный учет религиозных обществ и групп с целью их контроля и владения религиозной ситуацией в целом [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 317. Л. 1–27; НА НМ РТ. Ф. Ф. 1. 1/1. Д. 165–1. Л. 413–414; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 308, 317–347]. Местная власть определила около 50 лам и шаманов, действующих в регионе на нелегальных основаниях, которые наиболее активно действовали в западных районах Тувы, где сосредоточена основная часть тувинского населения (Дзун-Хемчикском, Барун-Хемчикском, Бай-Тайгинском, Овюрском и, скорее всего, Сут-Хольском) [Хомушку, 2024: 89; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 106; НА НМ РТ. Ф. Ф. 1. 1/1. Д. 165–2. Л. 286]. К примеру, в Дзун-Хемчикском районе лама Хорлуу Монгуш пытался превратить в молельню свою юрту, которую он поставил на территории колхоза «Красный пахарь». В нелегальном культовом объекте им были разложены ламские атрибуты, а над ним он вывесил религиозный флаг [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 106; НА НМ РТ. Ф. Ф. 1. 1/1. Д. 165–2. Л. 286]. В Барун-Хемчикском районе ламы Кунзен и Баданчап вместо общественно-полезного труда занимались проведением религиозных обрядов. В Бай-Тайгинском районе, с точки зрения местной власти, вызывающе себя вел лама Савыр Салчак. В Овюрском районе длительное время беспрепятственно культовую деятельность вел шаман Чагар Донгак [Хомушку, 2024: 89].

Закрытие молитвенной юрты и ликвидация буддийского центра влияли на развитие буддийского учения в Туве в сторону его утраты. Институциональная практика служителей культа заменялась на внеинституциональную, что вело к увеличению числа целителей в народной среде [Хомушку, 2024: 94]. Ламы и шаманы вопреки всему, т.е. несмотря на пристальный контроль партийных и советских органов, занимались частной культовой практикой, и, соответственно, религия уходила в подполье [Монгуш, 2001:

123]. Уполномоченный Г. В. Иванов в своем информационном отчете на тот период отмечал, что в регионе «нет ни одной буддийской общины, которая могла бы быть взята на учет» [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 303]. Он утверждал, что разъехавшиеся в отдельные районы ламы местности Кызыл-Чыраа, несмотря на их попытки вести религиозную деятельность, не находят сколько-нибудь действенной поддержки со стороны населения области. В тувинском обществе проводились мероприятия по ликвидации нарушений советского законодательства о культах и в целом по государственному контролю за религиозными процессами.

Региональная власть с конца 1961 г. после принятия Президиумом Верховного Совета РСФСР указа «О преобразовании Тувинской автономной области в Тувинскую Автономную Советскую Социалистическую Республику» была занята реорганизационными процессами [История Тувы, 2016: 167]. В связи с этим делопроизводственные документы периода хрущевской антирелигиозной кампании ограничиваются 1962 г. [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–1; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2]. Г. В. Иванов в связи с избранием его секретарем Президиума Верховного Совета Тувинской АССР 11 августа 1962 г. попросил снять с него и рекомендовал передать должностные обязанности регионального уполномоченного на управляющего делами Совета Министров Тувинской АССР тов. Н. К. Курбатского [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 415]. Ликвидацию буддийской общины местная власть назвала правильным мероприятием, положившим конец организованной деятельности буддистов в крае и лишившим их какой-либо надежды на ее расширение [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596. Л. 106].

Заключение

Таким образом, на втором этапе хрущевской антирелигиозной кампании (1958–1964 гг.) верующие граждане Тувы, включая буддистов, испытывали давление и натиск со стороны советских пропагандистов. В результате ее жестких мероприятий прекратила свое существование буддийская община и их молитвенная юрта в Дзун-Хемчикском районе. В регионе осталась функционировать лишь одна из двух общин Русской православной церкви в г. Кызыле.

В заключение отметим, что буддизм в Туве получил определенное развитие с вступлением региона в состав СССР. Оставшиеся в живых после антирелигиозной политики и репрессий ламы в реалиях советского государства вели культовую деятельность в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района. Буддийская община региона была встроена в советскую систему государственно-конфессиональных отношений. Их курирующим центром на тот момент стало ЦДУБ СССР, которое всячески способствовало в получении ими государственной регистрации. Однако дальнейшего восстановления тувинской сангхи и строительства их культового здания не последовало.

Мероприятия государства по демократизации советского общества в годы «хрущевской оттепели» не коснулись конфессиональных образований в стране, но обернулись перегибами в отношении верующих граждан и их духовенства, включая и тувинских буддистов в регионе. На втором этапе хрущевской кампании обстановка в стране резко меняется в сторону усиления государственного контроля за конфессиями. Несмотря на определенные послабления, партийные и советские работники всегда придерживались жесткой линии в отношении религиозных обществ. Руковод-

ство советского государства в рамках политических нужд на мировой арене ограничивалось восстановлением буддизма лишь в Бурятии, а не во всех буддийских регионах. В Туве за счет принимаемых жестких мер и воздействия антирелигиозной политики и пропаганды в исследуемое время была ликвидирована буддийская община и закрыта ее молитвенная юрта.

В Туве за период деятельности буддийского центра с 1946 по 1960 гг. влияние лам на население вновь усиливалось. При этом со стороны партийных и советских работников требовалось установление государственного контроля путем их регистрации. Местная власть в связи с этим сначала вынуждено приняла, а потом отменила решение об их юридическом оформлении в годы хрущевской атеистической кампании. Буддийские священнослужители получали противоречивые и обезнадеживающие ответы на свои запросы. Мотивация любых решений тувинских чиновников сводилась к ограничению деятельности и ликвидации их общины. По этой причине в буддийском регионе вновь произошел перерыв в духовных традициях, как и после атеистических мероприятий и репрессий во времена существования суверенного тувинского государства.

Особенностью государственно-конфессиональных отношений в Туве в изучаемый период является назначение постоянного уполномоченного, который одновременно отвечал за взаимодействие с Советом по делам Русской православной церкви и Советом по делам религиозных культов при СМ СССР. В регионе антирелигиозное давление носило агрессивный и наступательный характер, поэтому годы реализации хрущевской кампании, как и по всей стране, являются тяжёлым временем для верующих. Тем не менее проблема бродячих лам осталась нерешенной, но благодаря им религиозные знания и традиции в том или ином виде сохранялись в народной среде.

Буддизм воспринимался советской властью как «пережиток прошлого» и являлся препятствием для развития Тувы, поскольку он отвлекал трудовое население от выполнения экономических планов и социалистического строительства в целом. Религиозные деятели буддизма продолжили свое существование в регионе в неорганизованном и подпольном виде до следующего религиозного возрождения в постперестроечный период. Инцидент, связанный с тувинской буддийской общиной и их войлочным храмом, является прецедентом и доказательством переменчивости и демонстративности характера атеистической политики СССР в целом.

Благодарности и финансирование

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ «Социокультурная адаптация и взаимодействие религиозных общин центральноазиатских окраин России и Монголии в условиях модернизационных процессов во второй половине XIX — первой четверти XXI в.» (проект № 26-48-03003).

Acknowledgments and funding

The work was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant “Socio-cultural adaptation and interaction of religious communities in the Central Asian suburbs of Russia and Mongolia in the context of modernization processes in the second half of the 19th — first quarter of the 21st century” (project No. 26-48-03003).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахмадуллин В.А. Деятельность Совета по делам религиозных культов в Туве (1944–1962) // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 125–140.

Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. 408 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1597.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 317.

Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Правовое положение христианских общин в 1953–1964 гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: колл. монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Т. II: XX век. С. 75–83.

Дашковский П.К., Монгуш А.В. Положение религиозных общин в Туве в контексте становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 525–539.

Дашковский П.К., Бичелдей У.П., Монгуш А.В. Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг. // Народы и религии Евразии. 2024. № 29. С. 211–233.

История Тувы. Новосибирск: Наука, 2016. Т. III. 455 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Изд-во политической литературы. 1985. Т. 8. 535 с.

Научный архив Национального музея Республики Тыва (НА НМ РТ). Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–1.

Научный архив Национального музея Республики Тыва (НА НМ РТ). Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2.

Монгуш А.В. Антирелигиозная пропаганда в СМИ в Туве в 1954–1964 гг. (на примере материалов региональных газет «Тувинская правда» и «Шын») // Религия и общество — 16: сборник научных статей. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2022. С. 57–60.

Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.

Опей-оол У.П. К истории создания и ликвидации буддийской молитвенной юрты в Кызыл-Чыраа (г. Чадаана, Дзун-Хемчикский кожуун) с 1946 по 1960 гг. // История и современность Тувы: сб. науч. ст. к 80-летию В.П. Дьяконовой. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2007. С. 69–80.

Терентьев А.А. Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии). СПб.: Музей ГУЛАГа: изд-е А. Терентьева, 2014. 484 с.

Хомушку О.М. Религии в Туве: история и современность. Новосибирск: Наука, 2024. 176 с.

Reference

Ahmadullin V.A. Deyatel'nost' Soveta po delam religioznykh kul'tov v Tuve (1944–1962) [Activities of the Council for Religious Affairs in Tuva (1944–1962)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Studies of Tuva]. 2023, no. 2, pp. 125–140 (in Russian).

Dashkovskiy P.K., Bicheldej U.P., Mongush A.V. Polozhenie buddiiskikh obshchin v Tuve v sisteme gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii SSSR v seredine 1950-kh gg. [The Situation of Buddhist Communities in Tuva in the System of State-Confessional Relations of the USSR in the Mid-1950s.] *Narody i Religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2024, no. 29, pp. 211–233 (in Russian).

Dashkovskiy P.K., Dvoryanchikova N.S. Pravovoe polozhenie khristianskikh obshchin v 1953–1964 gg. [Legal Status of Christian Communities in 1953–1964]. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaya monografiya* [Religious Landscape of Western Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: coll. monograph]. Barnaul: Altai State University publ., 2015, vol. II: XX century, pp. 75–83 (in Russian).

Dashkovskiy P.K., Mongush A.V. olozhenie religioznykh obshchin v Tuve v kontekste stanovleniya sovetskoi sistemy gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v seredine 1940-kh gg. [The Situation of Religious Communities in Tuva in the Context of the Formation of the Soviet System of State-Confessional Relations in the Mid-1940s]. *Oriental Studies*. 2024, vol. 17, no. 3, pp. 525–539 (in Russian).

Gorbatov A.V. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940–1960-e gody* [The State and Religious Organizations of Siberia in the 1940s-1960s]. Tomsk: Tomsk State University publ., 2008. 408 p. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 3. D. 548.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 3. D. 550.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 3. D. 1595.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 3. D. 1596

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 3. D. 1597.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 4. D. 317.

Istoriya Tuvy [History of Tuva]. Novosibirsk: Nauka, 2016, vol. III, 455 p. (in Russian).

Khomushku O.M. *Religii v Tuve: istoriya i sovremennost'* [Religions in Tuva: history and modernity]. Novosibirsk: Nauka, 2024, 176 p. (in Russian).

KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee]. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1985, vol. 8, 535 p. (in Russian).

Mongush A.V. Antireligioznaya propaganda v SMI v Tuve v 1954–1964 gg. (na primere materialov regional'nykh gazet “Tuvinskaya pravda” i “Shyn”) [Anti-religious Propaganda in the Media in Tuva in 1954–1964 (Based on Materials from the Regional Newspapers

Tuvinskaya Pravda and Shyn)]. *Religiya i obshchestvo* — 16 [Religion and Society — 16]. Mogilev: Kuleshov Mogilev State University, 2022, pp. 57–60.

Mongush M.V. *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI — konets XX v.)* [History of Buddhism in Tuva (Second Half of the 6th — End of the 20th Century)]. Novosibirsk: Nauka, 2001, 200 p. (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Natsional'nogo muzeya Respubliki Tyva [Scientific Archives of the National Museum of the Republic of Tuva]. F. 1. Op. 1/1. D. 165–1.

Nauchnyi arkhiv Natsional'nogo muzeya Respubliki Tyva [Scientific Archives of the National Museum of the Republic of Tuva]. F. 1. Op. 1/1. D. 165–2.

Opej-ool U.P. K istorii sozdaniya i likvidatsii buddiiskoi molitvennoi yurty v Kyzyl-Chyraa (g. Chadaana, Dzun-Khemchikskii kozhuun) s 1946 po 1960 gg. [On the history of the creation and liquidation of the Buddhist prayer yurt in Kyzyl-Chyraa (Chadaana, Dzun-Khemchik kozhuun) from 1946 to 1960]. *Istoriya i sovremennost' Tuvy: sb. nauch. st. k 80-letiyu V.P. D'yakonovoi* [History and modernity of Tuva: collection. scientific Art. to the 80th anniversary of V.P. Dyakonova]. Kyzyl: GUP RT “Tyvapoligraf”, 2007, pp. 69–80 (in Russian).

Terent'ev A.A. *Buddizm v Rossii — tsarskoi i sovetskoi (starye fotografii)* [Buddhism in Russia — Tsarist and Soviet (old photographs)]. St. Petesrburg: Muzej GULAGa: Publishing house of A. Terentyev, 2014, 484 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 06.06.2026

Принята к публикации: 03.08.2026

Дата публикации: 30.09.2026

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ. С 2025 г. журнал входит в Белый список (2-я категория).

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательное рецензирование и проверку на плагиат.

Примерные сроки:

Рецензирование статьи: от 3 месяцев

Публикация статьи: от 8 месяцев

При переводе статей и ее публикации на английском языке время ожидания может быть сокращено.

Для обеспечения высокого качества англоязычных версий статей редакция журнала «Народы и религии Евразии» придерживается следующей политики:

1. Не принимаются к рассмотрению самостоятельные или выполненные с помощью машинного перевода тексты.

2. Рекомендуются профессиональный перевод, выполненный:

- **либо** лингвистическим/переводческим центром (с предоставлением подтверждающей документации);
- **либо** переводчиком, рекомендованным редакцией. В этом случае редакция может предоставить контакты специалиста, а автор договаривается об условиях и оплате работы непосредственно с ним.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- SCOPUS (Q 1)
- ERIN PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WolrdCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора(ов) на русском и английском языках

Аффилиация автора(ов) на русском и английском языках

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском и английском языках. Объем не менее 1000 знаков **без пробелов**)

Ключевые слова (на русском и английском языках. Не более 15 слов).

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Если авторов два и/или несколько, то обязательно указывается автор-корреспондент (тот, кто выполняет технический процесс подачи статьи, доступен для запросов о процессах рецензирования и публикации)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов*, П. П. Петров

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа ос-

новывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

**И. И. Иванов (автор-корреспондент)*

Цитирование статьи:

Иванов И. И., Петров П. П. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 00–00.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).
Адрес для контактов: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Петр Петрович Петров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).
Адрес для контактов: p.p.petrov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

I. I. Ivanov*, P. P. Petrov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy of sciences,
 Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on

comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

* I. I. Ivanov (*corresponding author*)

For citation:

Ivanov I. I., Petrov P. P. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 00–00 (in Russian).

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia).

Contact address: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Petr Petrovich Petrov, candidate of historical Sciences, senior researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia).

Contact address: p.p.petrov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Текст статьи на русском языке: Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07-01-00842a)

Acknowledgements and funding

The work was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences “Adaptation of peoples and cultures to changes in the natural environment, social and man-made transformations” (project No. 07–01–00842a)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в алфавитном порядке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References формируется по английскому алфавиту.

Примеры оформления различных источников:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум): дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: <http://bonsshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на английском языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. No. 2. P. 429–439.

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке: Материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

9. Иностранный источник (не на английском языке):

Монография

李澎田 [Ли Пэнтянь]. 朝鲜文献中的中国东北史料 [Исторические материалы Северо-Восточного Китая в корейских документах]. 北京 [Пекин]. 吉林文史出版社 [Издательство Линь Вэньши]. 1991. 526 с. (на кит. яз.).

Где:

李澎田 — инициалы и фамилия автора на языке оригинала;

[Ли Пэнтянь] — перевод инициалов и фамилии автора на русский язык;

朝鲜文献中的中国东北史料 — название работы на языке оригинала;

[Исторические материалы Северо-Восточного Китая в корейских документах] — перевод названия работы на русский язык;

北京 — город издания на языке оригинала;

[Пекин] — перевод города, где издана работа на русский язык;

吉林文史出版社 — издательство на языке оригинала;

[Издательство Линь Вэньши] — перевод издательства на русский язык;

1991. 526 с. — год, количество страниц на русском языке;

(на кит. яз.) — язык — оригинал источника.

Статья в периодическом издании:

王德朋 [Ван Д.]. 论金与周边政权的商业贸易 [О торговле Цзин с соседними государствами] // 中口社会科学院研究 也院攀报 [Журнал аспирантуры Китайской академии общественных наук]. 2009. № 1. С. 101–106 (на кит. яз.).

Где:

王德朋 — инициалы и фамилия автора на языке оригинала;

[Ван Д.] — перевод инициалов и фамилии автора на русский язык;

论金与周边政权的商业贸易 — название работы на языке оригинала;

[О торговле Цзин с соседними государствами] — перевод названия работы на русский язык;

中口社会科学院研究 也院攀报 — название периодического издания на языке оригинала;

[Журнал аспирантуры Китайской академии общественных наук] — перевод названия периодического издания на русский язык;

2009. № 1. С. 101–106 — год, том, номер / выпуск на русском языке.

(на кит. яз.) — язык — оригинал источника.

Электронный источник

建炎以来系年要录 [Основные записи периода правления императора Гаоцзуна]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?> (дата обращения: 20.04.2024) (на кит. яз.)

References

Список «References» (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется по формату **BSI**:

а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Исключения: написание некоторых фамилий (например, автор устойчиво транслитерирует свою фамилию иным образом либо сложилась определенная традиция) и географических названий (рекомендуем обращение к справочникам).

Примеры исключений:

Vygotsky, Brushlinsky, Petrovsky, Yaroshevsky

Leontiev A.N., Leontiev A.A., Leontiev D.A., Rubinstein

Kazan, Kharkov, Nalchik, Perm, Ryazan, Tver, Yaroslavl etc (опускается символ мягкого знака)

Moscow (не Moskva)

Rostov-on-Don (не Rostov-na-Donu)

St. Petersburg (не Sankt-Peterburg)

Yekaterinburg (не Ekaterinburg)

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод названия источника на английском языке. Если в работе была использована статья в научном журнале или материал в сборнике, то перевод дается как статье, так и журналу/сборнику, откуда она была взята. Перевод следует расположить в [квадратных скобках]. *Курсивом* в таком случае выделяется, не статья, а название *журнала* или *сборника статей*.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте Transliteration. PRO: <https://transliteration.pro/bsi>. В левое окно скопируйте весь список «Научной литературы». Нажмите кнопку «перевести». В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Перенесите текст в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiya, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoi traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Fashistskaya mistika: religioznyy aspekt fashistskoj ideologii* [Fascist mysticism: the religious aspect of fascist ideology]. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664 (in Russian).

8. Издания на английском языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass. *Journal of Archaeological Science*. 1995, no. 2, pp. 429–439.

9. Иностраный источник (не на английском языке):

Li Pengtian. *Cháoxiǎn wénxiàn zhōng de zhōngguó dōngběi shǐliào* [Historical Materials of Northeast China in Korean Documents]. Beijing: Lin Wenshi Publishing House, 526 p. (in Chinese).

Где:

Li Pengtian — автор;

Cháoxiǎn wénxiàn zhōng de zhōngguó dōngběi shǐliào — название источника в транслитерации с английского языка;

[Historical Materials of Northeast China in Korean Documents] — перевод источника на английский язык;

Beijing: Lin Wenshi Publishing House — город, издательство на английском языке;

526 p. — количество страниц на английском языке;

(in Chinese) — указание языка, на котором написан источник.

Статья в периодическом издании

Wang D. *Lùn jīn yǔ zhōubiān zhèngquán de shāngyè màoùyì* [On the Commercial Trade between Kim and the Surrounding Regimes]. *Zhōngguó kēxuéyuàn xuébào* [Journal of the Chinese Academy of Sciences]. 2009; (1): 101–106. (in Chinese).

Где:

Wang D. — автор;

Lùn jīn yǔ zhōubiān zhèngquán de shāngyè màoùyì — перевод источника в транслитерации на английский язык;

[On the Commercial Trade between Kim and the Surrounding Regimes] — перевод статьи на английский язык;

Zhōngguó kēxuéyuàn xuébào — перевод названия журнала в транслитерации на английский язык;

[Journal of the Chinese Academy of Sciences] — название журнала на английском языке;

2009 — год выхода журнала;

(1) — номер журнала;

101–106 — страницы, на которых размещена упомянутая статья;

(in Chinese) — указание языка, на котором написан источник.

Электронный источник

Jiàn yán yǐlái xì nián yào lù [Important Records of the Years Since Jianyan]. Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=907864&remap=gb> (accessed April 24, 2024) (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 × 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п., должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева направо и сверху вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом), контактный телефон, адрес электронной почты, индивидуальный номер ORCID

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра Регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026. Том 31, № 3

Редактор А. А. Скоморохов
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог Урал Пресс
Подписной индекс ВН 017798. Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 30.09.2026.

Выход в свет 07.10.2026.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 21,0. Тираж 300 экз. Заказ 454.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
